

1846.

18. 6. 7. 22.

ВОСПОМИНАНІЯ ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ІЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или
переписалъ или не дописалъ, чтите, не-
правдица Бога дѣя, а не клянте!»

(Послѣсловіе въ Автописи Нестора.)

...
...
...
...
...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Изданіе М. Д. Ольхина.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.
1847.

ВОСПОМІНАНІЯ

ОАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
плярровъ. С. Петербургъ, 28 Сентября 1846 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Въ типографіи Эдуарда Прапа.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Николай Ивановичъ Гречъ, излагая свое мнѣніе о первыхъ двухъ частяхъ моихъ Воспоминаній (см. Съверную Пчелу 1846 г. № 147-й) назвалъ рассказъ мой *импровизаціею*. Это самая вѣрная характеристика моихъ Воспоминаній. Рѣшившись издать въ свѣтъ отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни, съ тою единственною цѣлью, чтобъ представить хотя краткій, но вѣрный очеркъ чудной эпохи, въ которую мнѣ привелось жить, я бросаю на бумагу мои воспоминанія, точно такъ какъ бы я рассказы-

валь о быломъ, въ кругу пріятелей, безъ всякихъ приготовленій и требованій. Можетъ быть, иное и было не такъ, какъ я рассказываю, но по составленному мною плану это все не мѣшаетъ дѣлу, потому что желая представить вѣрный очеркъ *прошлаго* времени, я говорю такъ, какъ мы думали *тогда*, какъ вѣрили *тогда*, и представляю предметы съ той точки зрѣнія, съ которой *тогда* на нихъ смотрѣли. Это именно и должно составлять главное достоинство моихъ *Воспоминаній*, если они имѣютъ какое либо достоинство. Что же касается до важныхъ историческихъ событій, то, разумѣется, что тогдашніе рассказы объ нихъ я свѣрялъ съ новѣйшими извѣстіями. Впрочемъ, я уже говорилъ, что пишу не военную и не политическую

исторію моего времени, и потому не
выставляю себя авторитетомъ въ дѣ-
лахъ войны и политики. Пищу что
самъ видѣлъ, и историческими собы-
тіями только поясняю видѣнное. Ког-
да эта часть моихъ *Воспоминаній*
уже печаталась, вышло въ свѣтъ со-
чиненіе Его Превосходительства
Александра Ивановича Михайлов-
скаго-Данилевскаго: « *Описаніе вто-
рой войны Императора Алексан-
дра съ Наполеономъ, въ 1806 и 1807
годахъ.* Сочиненіе это, сверхъ всѣхъ
другихъ достоинствъ его отличаю-
щихъ, особенно важно тѣмъ, что всѣ
событія въ немъ разсказаны съ не-
обыкновенною искренностью и точ-
ностью. Я не могъ пользоваться
этимъ сочиненіемъ при составленіи
третьей части моихъ *Воспоминаній*
и не сталъ бы имъ пользоваться ес-

ли бѣ оно вышло и прежде моей книги, ибо не имѣлъ намѣренія составлять полную картину описанной въ немъ войны.

Желающимъ знать всѣ подробности этой войны и всѣ военныя и политическія соображенія и событія тогдашней эпохи, совѣтую прочесть это сочиненіе, написанное по офиціальнымъ документамъ и съ разсказовъ важныхъ государственныхъ лицъ. Лестно мнѣ, что въ нѣкоторыхъ заключеніяхъ о тогдашнихъ событіяхъ и выводахъ изъ происшествій я встрѣтился съ знаменитымъ военнымъ историкомъ, вовсе не зналъ о его образѣ мыслей и взглядѣ на дѣла.

Импровизируя мои *Воспоминанія*, я ни какъ не могъ избѣгнуть необходимости говорить о самомъ

себѣ; иначе они лишились бы современнаго характера. Противники мои, *безъ всякихъ доказательствъ* старались внушить читателямъ моимъ недоувѣрчивость къ моимъ рассказамъ, что и теперь, вѣроятно, не преминутъ сдѣлать. — Отношенія наши не перемѣнились, и нѣкоторые люди въ порывахъ страстей, позволяютъ себѣ уклоняться отъ справедливости, чтобъ только унижить своего противника! Богъ съ ними! Все, что я рассказываю есть наочные свидѣтели, изъ старыхъ моихъ товарищей, и хотя бы я былъ даже таковъ, какимъ стараются изобразить меня мои противники, все же я не осмѣлился бы говорить неправду въ лице живымъ людямъ. — Все здѣсь вѣрно, или представлено такъ, какъ мы вѣрили *тогда*.

Изъ свойства моего разсказа читатели убѣдятся, что Николай Ивановичъ Гречъ совершенно постигъ дѣло, назвавъ мои *Воспоминанія* импровизаціею. Повторяю, что воображаю себѣ, будто сижу въ зимній вечеръ передъ каминомъ, и разсказываю пріятелямъ, по ихъ желанію, о *быломъ*! Кто не желаетъ слушать, можетъ бросить книгу — и дѣлу конецъ.

Фаддей Булгаринъ,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

- I. Война 1806 года. — Характеристическія черты и біографическія очерки трехъ Русскихъ полководцевъ этой войны: Генераль-Фельдмаршала Графа М. Ѳ. Каменскаго, Генерала отъ Кавалеріи Барона Л. Л. Беннигсена и Генерала отъ Инфантеріи Графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена. — Наступательныя дѣйствія Русскихъ. — Знаменитыя сраженія подъ Пултускомъ и Голыминымъ. — Обѣ арміи расходятся на зимнія квартиры. — Первое устройство Герцогства Варшавскаго и формирование новыхъ Польскихъ войскъ. — Смѣлый и геніяльный планъ Беннигсена. — Намѣреніе Наполеона уничтожить всю Русскую армію. — Беннигсенъ удачно пзбѣгаетъ расставленныхъ ему сѣтей. — Знаменитое сраженіе подъ Прейсишъ-Эйдау. — Невыгодное впечатлѣніе для могущества Наполеона, произведенное

этимъ сраженіемъ въ Европѣ и въ самой Франціи. — Возстаніе Нѣмцевъ въ тылу арміи. — Опасное политическое положеніе Наполеона. — Обѣ арміи снова расходятся на зимнія квартиры, и готовятся къ весенней кампаніи, долженствующей рѣшить участь войны в Европѣ. — Надежда всей Европы на Русское могущество и величіе души Императора Александра. — Учрежденіе Прейсишъ-Эйлаускаго знака отличія и солдатскаго Георгіевскаго креста. — Пенсіонъ вдовамъ и дѣтямъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани. — Выступленіе въ походъ Уланскаго Его Высочества Полка. — Образцовый походъ. — Первые нужды походной жизни. — Уланы-людоѣды. — Образъ жизни крестьянъ въ Петербургской, Лифляндской и Курляндской Губерніяхъ. — Тогдашнее Лифляндское и Курляндское дворянство. — Дерптъ, Рига, Митава. — Нѣсколько идей о Евреяхъ и несчастныхъ женщинахъ. — Благородный поступокъ уланскихъ офицеровъ и радость Цесаревича. — Достопамятныя Его слова. — Добрый Полковникъ Чаликовъ и *фонтеры понтеры*. — Кратковременный отпускъ. 1

II. Четыре стихіи древней Польши. — Двѣ главныя пружины общества въ Польшѣ, за сорокъ лѣтъ предъ симъ: женщины и

Еврей. — Еврейскія извѣстія о политическихъ и военныхъ-событіяхъ. — Дядя. Пріоръ Доминиканскаго монашескаго ордена. — Состояніе католическаго духовенства въ то время. — Фундуши. — Тогдашнее состояніе духовныхъ католическихъ школъ; — Обманчивыя прокламаціи Наполеона. — Здравая политика моего дяди. — Монастырская жизнь. — Переходъ за границу и прибытіе въ армію. — Взглядъ на Восточную Пруссію и Самогитію или Жмудзь. — Фуражировка. — Насильственное знакомство, превратившееся въ тѣсную женскую дружбу. — Французскій бивакъ въ нашей полковой штабъ-квартирѣ. — Нѣжное обращеніе съ Французами. — Бездѣйствіе Наполеона, удивлявшее всю Европу. — Роскошная жизнь его въ Финкенштейнѣ. — Польша-утѣшительница. — Неудачные переговоры о мирѣ. — Начало военныхъ дѣйствій. — Взглядъ на театръ войны. — Очеркъ Главной Квартиры. — Провіантскіе чиговники. — Карточная игра и дуэли. — Жизнь на картѣ. — Передняя Главкомаンドующаго. — Знакомство съ Генераломъ Барономъ Беннигсеномъ. — Дежурный Генераль, А. Б. Фокъ. — Обманутыя надежды. — Обѣдъ у Главкомаンドующаго и занимательная военная бесѣда за столомъ. —

Французскіе биваки: подъ Гутштадтомъ. — Изувѣченный. — Дѣло при Пассаргѣ. — Геройскій подвигъ Лейбъ Гвардіи Егерскаго полка. — Отчаянное дѣло Тейваго Совѣтника Графа П. А. Строганова. — Характеристика этого вельможи. — Отступленіе отъ Пассарги къ Гейльсбергу. — Блистательные подвиги Подполковника Кульнева и Маіора Атаманскаго Казачьяго полка Балабина. — Гейльсбергское сраженіе. — Первый убитый-возлѣ меня человекъ. — Атаманъ Войска Донскаго, М. И. Платовъ. — Атаманскій полкъ. — Искусный маневръ Наполеона. — Отступленіе Русской арміи отъ Гейльсберга. — Беннигсенъ въ Шипенбейлѣ. — Превосходный планъ Беннигсена. — Кавалерійское дѣло подъ Фридландомъ, 1 Іюня. — Геройскій подвигъ Уланскаго Поручика Старжинскаго. — Несчастный случай, имѣвшій вліяніе на участь генеральнаго сраженія, 2 Іюня. — Свалка съ Французскими драгунами. — Мои приключенія подъ Фридландомъ. — Наша счастливая атака Французскихъ кирасировъ и драгунъ. — Кавалерійское сраженіе на правомъ флангѣ — и побѣда. — Отчаянное положеніе нашего праваго фланга и всей кавалеріи. — Геройское нагѣрѣніе Горчакова. — Переходъ чрезъ рѣку Алле, вплавь. — Ретрада. — Переходъ

чрезъ рѣку Нѣманъ всѣй Русской арміи
и окончаніе военныхъ дѣйствій. 104

III. Парламентеры. — Перемиріе. — Состояніе обѣихъ армій послѣ Фриландскаго сраженія. — Обоюдная потребность мира. — Свиданіе Императора Александра и Наполеона на рѣкѣ Нѣманѣ. — Императоръ Александръ и Его Высочество Цесаревичъ переѣзжаютъ въ Мемель. — Отрядъ Русской гвардіи занимаетъ часть города. — Обоюдныя вѣжливости и награды орденами. — Тильзитскій миръ. — Отпускъ. — Грустныя впечатлѣнія. — Еврей Юссель. — Генеалогическій очеркъ послѣднихъ Князей Радзивилловъ, знаменитой Несвижской линіи. — Послѣднія черты феодальности въ Европѣ, или Несвижъ при Князѣ Карлѣ Радзивиллѣ. — Черты изъ жизни Князя Карла Радзивилла и анекдоты о немъ. — Потомство отъ брачнаго союза съ Сиреною. — Прогулка на лососѣ. — Дикій кабанъ на снуркѣ. — Вызовъ на поединокъ покойника. — Послѣдній Панъ Польскій Князь Доминикъ Радзивиллъ. — Пребываніе въ Несвижѣ. — Жизнь въ замкѣ Князя Доминика Радзивилла, — Непріятная исторія. — Состояніе Западныхъ Губерній. — Возвращеніе въ полкъ. — Милость и гнѣвъ. — Вступленіе полка въ Петербургъ. — Общее мнѣніе о Тильзитскомъ мирѣ. —

ВОСПОМІНАНІЯ.

I.

Война 1806 года. — Характеристическія черты и биографическіе очерки трехъ Русскихъ полководцевъ этой войны: Генераль-Фельдмаршала Графа М. Ѳ. Каменскаго, Генерала отъ Кавалеріи Барона Л. Л. Беннигсена и Генерала отъ Инфантеріи Графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена. — Наступательныя дѣйствія Русскихъ. — Знаменитыя сраженія подъ Пултускомъ и Голыминномъ. — Обѣ арміи расходятся на зимнія квартиры. — Первое устройство Герцогства Варшавскаго и формированіе новыхъ Польскихъ войскъ. — Смѣлый и гениальный планъ Беннигсена. — Намѣреніе Наполеона уничтожить всю Русскую армію.

Часть III. I

СКУЮ АРМИЮ. — БЕННИГСЕНЪ УДАЧНО ИЗБѢГАЕТЪ РАЗСТАВЛЕННЫХЪ ЕМУ СЪТЕЙ. — ЗНАМЕНИТОЕ СРАЖЕНИЕ ПОДЪ ПРЕЙСИЦЪ-ЭЙЛАУ. — НЕВЫГОДНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ ДЛЯ МОГУЩЕСТВА НАПОЛЕОНА, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ЭТИМЪ СРАЖЕНІЕМЪ ВЪ ЕВРОПѢ И ВЪ САМОЙ ФРАНЦІИ. — ВОЗСТАНИЕ НѢМЦЕВЪ ВЪ ТЫЛУ АРМІИ. — ОПАСНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ НАПОЛЕОНА. — ОБЪ АРМІИ СНОВА РАСХОДЯТСЯ НА ЗИМНІЯ КВАРТИРЫ, И ПРИГOTOВЛЯЮТСЯ КЪ ВЕСЕННЕЙ КАМПАНИИ, ДОЛЖЕНСТВУЮЩЕЙ РѢШИТЬ УЧАСТЬ ВОЙНЫ И ЕВРОПЫ. — НАДЕЖДА ВСЕЙ ЕВРОПЫ НА РУССКОЕ МОГУЩЕСТВО И ВЕЛИЧІЕ ДУШИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. — УЧРЕЖДЕНІЕ ПРЕЙСИЦЪ-ЭЙЛАУСКАГО ЗНАКА ОТЛИЧІЯ И СОЛДАТСКАГО ГЕОРГИЕВСКАГО КРЕСТА. — ПЕНСИОНЪ ВДОВАМЪ И ДѢТЯМЪ ВОИНОВЪ, ПАДШИХЪ НА ПОЛѢ БРАНИ. — ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ УЛАНСКАГО ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПОЛКА. — ОБРАЗЦОВЫЙ ПОХОДЪ. — ПЕРВЫЯ НУЖДЫ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ. — УЛАНЫ-ЛЮДОВДЫ. — ОБРАЗЪ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ, ЛИФЛЯНДСКОЙ И КУРЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ. — ТОГДАШНЕЕ ЛИФЛЯНДСКОЕ И КУРЛЯНДСКОЕ ДВОРЯНСТВО. — ДЕРПТЬ, РИГА, МИТАВА. — НѢСКОЛЬКО ИДЕЙ О ЕВРЕЯХЪ И НЕСЧАСТНЫХЪ

женщинахъ. — Благородный поступокъ уланскихъ офицеровъ и радость Цесаревича. — Достопамятныя Его слова. — Добрый Полковникъ Чаликовъ и *фонтеры-поитеры*. — Кратковременный отпускъ.

Я уже говорилъ, что весь Петербургъ и вся Россія съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ нашей арміи, дѣйствовавшей противу Французовъ, и что первыя извѣстія наполнили сердца радостью. До выступленія нашего въ походъ, мы торжествовали двѣ полныя побѣды надъ самимъ Наполеономъ подъ Пултускомъ и подъ Прейсшъ-Эйлау, и нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ его маршалами при Голыминѣ, Морунгенѣ, подъ Лопачинымъ, подъ Насельскомъ и т. п. Забавно, что въ Парижѣ и во всей Франціи торжествовали тѣ же самыя побѣды! Французскіе бюлетени возвѣщали о разбитіи

Русскихъ, а Русскія реляціи доносили о совершенномъ пораженіи Французовъ! Французскихъ бюлетеней мы въ Россіи не видали, слѣдовательно имѣли полное право торжествовать побѣды; но Европа была въ недоумѣніи. — Теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, можно сказать сущую правду, и такъ я скажу, что съ обѣихъ сторонъ ударъ былъ силенъ, но обѣ стороны неправильно присвоивали себѣ эхо. Побѣды не было, но правственный перевѣсъ и слава остались на сторонѣ противниковъ Наполеона.

Въ сообщаемыхъ мною *отрывкахъ* изъ моихъ *Воспоминаній*, я, по возможности, стараюсь избѣгать политики и частныхъ историческихъ очерковъ тогдашней эпохи, но исключить ихъ вовсе — почитаю невозможнымъ. Можно ли говорить о плаваніи, не назвавъ моря, не опредѣливъ широты и не сказавъ о погодѣ? — Какимъ образомъ рассказывать о *совре-*

менности, не представивъ очерка тѣхъ событій, въ которыхъ самъ рассказчикъ, такъ сказать, утопалъ! И такъ, волею, неволею, любезные мои читатели, взгляните на ходъ военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, до прибытія гвардіи къ арміи, и познакомьтесь съ людьми, которымъ поручено было бороться съ первымъ полководцемъ нашего времени и его учениками, покрытыми славою.

Русское войско, вступившее въ Пруссію, раздѣлено было на два сильные корпуса, или, какъ тогда говорили, на двѣ арміи. Первою арміею начальствовалъ Генералъ отъ Кавалеріи Баронъ Леонтій Леоптьевичъ Беннингсенъ, второю Генералъ отъ Инфантеріи Графъ Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ. Уже войско наше было въ Пруссіи, и армія Барона Беннингсена уже имѣла нѣсколько авангардныхъ встрѣчь съ непріателемъ, когда былъ назначенъ (16 Ноября

1806 года) Главнокомандующимъ Дѣйствующею Арміею Генераль-Фельдмаршалъ Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, который немедленно поспѣшилъ къ арміи и засталъ Бенningсена на Наревѣ, въ окрестностяхъ Пултуска, а армію Графа Буксгевдена, приближающуюся къ Вислѣ, по направленію къ Остроленкѣ. Принявъ армію, Графъ Каменскій рапортовалъ Государю Императору, что ввѣренная ему армія состоитъ, по спискамъ, изъ 159,000 человекъ (*).

На трехъ человекъ обращено было

(*) Это сказалъ мнѣ Его Превосходительство А. И. Михайловскій-Данилевскій, который уже написалъ Исторію Войны 1806 и 1807 годовъ, по *официальнымъ документамъ*, до сихъ поръ хранившимся втайнѣ въ архивахъ. Здѣсь должно замѣтить, что между *счетомъ по спискамъ* и *счетомъ на лицо* — большая разница. При ускоренныхъ маршахъ, въ позднюю осень, вѣрно изъ 159,000 *по спискамъ*, 15,000 человекъ не было *на лицо* во фронтѣ.

тогда вниманіе не только Россіи, но и всей Европы: на Каменскаго, Беннигсена и Буксгевдена.

Графу М. Ѳ. Каменскому было въ то время семьдесятъ восемь лтъ (онъ родился въ 1738 г.). Воспитывался онъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, и выпущенъ изъ корпусныхъ сержантовъ въ армію поручикомъ, въ 1757 году, на девятнадцатомъ году отъ рожденія. Въ то время Корпусъ былъ то же, что нынѣ Военная Академія, и кадеты получали высокое военное образованіе, которое М. Ѳ. Каменскій, по выходѣ изъ Корпуса, непрерывно совершенствовалъ, занимаясь науками и чтеніемъ военныхъ писателей. Въ томъ же году онъ перешелъ въ артиллерию тѣмъ же чиномъ, и въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны. — Любя страстно военное ремесло, скучая бездѣйствіемъ и желая пріобрѣсть опытность, Каменскій выпросилъ позволеніе

служить волонтеромъ во Французской арміи, и пробылъ въ ней два года, подъ начальствомъ извѣстнаго тогда Маршала Броліо, сражаясь въ рядахъ Французовъ противу союзниковъ Фридриха Великаго, въ Семилѣтнюю Войну. Когда Россія приняла участіе въ этой войнѣ, Каменскій поспѣшилъ въ армію Салтыкова, участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ 1760 и 1761 годовъ, и въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники и въ званіе генераль-квартирмейстера-лейтенанта (соотвѣтствующее нынѣшнему званію корпуснаго квартирмейстера). На двадцать девятомъ году отъ рожденія М. Ѳ. Каменскій имѣлъ уже блистательное положеніе въ арміи и въ свѣтѣ, былъ бригадиромъ (въ 1767 году), владѣлъ родовымъ имѣніемъ въ три тысячи душъ, былъ милостиво принимаемъ при Дворѣ и у всѣхъ сильныхъ тогдашнихъ вельможъ.

По заключеніи мира съ Пруссіею , при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, М. О. Каменскій былъ въ Берлигъ, и нѣсколько разъ удостоился бесѣдовать съ Фридрихомъ Великимъ, который, такъ сказать, проэкзаминовавъ его въ военныхъ познаніяхъ, и удивляясь въ немъ смѣси ума и учености съ необыкновенною пылкостью и какою-то дикостью воображенія, сказалъ о немъ: «с'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez civilisé,» (*) т. е. это дикарь, (Канадецъ) однако жъ довольно образованный.» — Государыня, выбирая сама лица для бесѣдъ съ Наслѣдникомъ Престола, дозволила Каменскому посѣщать Его Высочество Государя Цесаревича Павла Петровича, и это служитъ лучшимъ доказа-

(*) Въ это время Прокойцы и другія дикія племена Американскія вели жестокую и безпощадную войну съ Европейскими поселенцами въ Канадѣ.

тельствомъ, что Каменскій былъ на весьма хорошемъ счету. Но до 1769 года, М. Ѳ. Каменскій былъ извѣстенъ только какъ храбрый и свѣдущій офицеръ, а открывшаяся въ этомъ году война съ Турціею, дала ему случай выказать свои высшія способности. Онъ пріѣхалъ въ армію Князя Голицына уже въ чинѣ генераль-маіора, и, начальствуя авангардомъ, способствовалъ къ разбитію Великаго Визиря и Крымскаго Хана, и ко взятію Хотина. Перешедъ подъ начальство Графа Панина, а потомъ Графа Румянцова, онъ непрерывно отличался, командуя уже отдѣльнымъ корпусомъ, въ чинѣ генераль-поручика, и способствовалъ много къ заключенію знаменитаго мира при Кучукъ-Кайнарджи. Имя Каменскаго сдѣлалось извѣстнымъ во всей Россіи, и онъ возвратился въ Петербургъ съ Георгіемъ 2-го класса, съ Аннинскою и Александровскою лентами,

съ именемъ искуснаго полководца и неустрашимаго воина. Во Вторую Турецкую Войну (1788) М. О. Каменскій явился въ армію уже генераль-аншефомъ, и начальствуя корпусомъ, разбилъ и разсѣялъ орды Крымскаго Хана, и получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени (въ 1789 году). Но, не взирая на одержанныя имъ побѣды и пріобрѣтенную славу, Императрица Екатерина II, зная крутой нравъ его и жестокость съ побѣжденными, не хотѣла ввѣрить ему главнаго начальства надъ арміею послѣ кончины Князя Потемкина-Таврическаго (въ 1791 году), и подтвердила выборъ, сдѣланный Свѣтлѣйшимъ Княземъ незадолго предъ его смертію, когда онъ намѣревался возвратиться въ Петербургъ. Главнокомандующимъ назначенъ Генераль Каховскій (въ послѣдствіи Графъ), хотя младшій, и Каменскому сдѣланъ выговоръ за то, что онъ, послушавшись посмертнаго распоря-

женія Князя Потемкина, хотѣлъ удержать главное начальство, ссылаясь на свое старшинство. По буквальному смыслу закона, Каменскій былъ, однако жъ, правъ, потому что арміи нельзя передавать по завѣщанію, какъ собственное имущество, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, и начальство всегда принадлежитъ старшему, до новаго назначенія. Каменскій обидѣлся, оставилъ службу, и жилъ въ своихъ деревняхъ. Императоръ Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, вызвалъ Каменскаго изъ его уединенія ко Двору, пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго (въ Мартѣ 1797 года), произвелъ его въ фельдмаршалы (5 Апрѣля того же года) въ день коронаванія, и возвелъ въ графское достоинство, а въ Декабрѣ 1797 года внезапно уволилъ отъ службы. Каменскій снова удалился въ свои помѣстья, и

съ этого времени оставался въ бездѣйствіи, до 1806 года.

Всѣ біографы Графа М. Ѳ. Каменскаго и всѣ знавшіе его лично согласно описываютъ его характеръ. Онъ безспорно былъ человекъ ученый и искусный тактикъ. Великій Суворовъ, съ которымъ Каменскій былъ въ вѣчной и непримиримой враждѣ, говаривалъ : «Каменскій знаетъ тактику, а я знаю практику.» — Личная храбрость Каменскаго доходила до ослѣпленія, и даже враги его подтверждали истину словъ его , когда онъ говорилъ о себѣ , что радъ былъ бы узнать , что такое *страхъ смерти!* Умъ его былъ глубокой и проникательный ; но всѣ его похвальныя качества помрачались необыкновенною вспыльчивостью , неумѣренностью въ гнѣвѣ , доводившими его до жестокости , необыкновенною гордостью , опрометчивостью , нетерпѣливостью въ сношеніяхъ съ людьми , кото-

рыхъ опъ оскорблялъ весьма часто, безъ всякой причины, по своему праву. Товарищи и подчиненные не любили Каменскаго и боялись его встрѣчи.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Корпусѣ, я нѣсколько разъ видѣлъ Фельдмаршала Графа Каменскаго. Онъ приходилъ къ намъ на учење и въ рекреационныя часы, разговаривалъ, шутилъ и даже игралъ съ кадетами. Онъ былъ весьма малаго роста, сухощавъ, весь въ морщинахъ, и носилъ армейскій мундиръ Прусской формы, съ которымъ онъ былъ отставленъ при Императорѣ Павлѣ I. Необыкновенно густыя и навислыя брови, нзъ-подъ которыхъ глаза блестѣли, какъ раскаленные уголья, придавали его физиономіи какую-то свирѣпость. Въ рѣчахъ онъ былъ отрывистъ, въ обхожденіи чрезвычайно стропень, подражая ли врагу своему, Суворову, или по природѣ, и въ преклонныхъ лѣтахъ былъ

бодръ и скоръ во всѣхъ движеніяхъ. Что заставило Государя назначить его Главнокомандующимъ? Всѣ терялись тогда въ догадкахъ, и опытные люди говорили, что это сдѣлано для возбужденія народнаго духа, для того, чтобъ припомнить славное время Екатерины Великой, которой память была священна для народа. Въ этомъ духѣ прославлялъ назначеніе Каменскаго великій Державинъ, называя его въ стихахъ своихъ: «мечемъ, оставленнымъ Екатериною.» Каменскаго употребили въ томъ смыслѣ, какъ Турки употребляютъ знамя Магометово — только для вида. Кутузовъ, котораго Екатерина II называла своимъ генераломъ, и о которомъ Суворовъ писалъ въ донесеніи о взятіи Измаила: «Генераль Кутузовъ шелъ у меня на лъвоимъ крылѣ, но былъ моею правою рукою,» Кутузовъ былъ устраненъ, и назначенъ (въ Октябрѣ 1806 года) Кіевскимъ Военнымъ Губернато-

ромъ, управляющимъ и гражданскою частью. — Хотя Кутузовъ былъ не виновенъ въ потерѣ Аустерлицкаго сраженія, но отвѣтственность лежала на немъ, и назначеніемъ его въ главнокомандующіе опасались дурнаго впечатлѣнія на войско. Притомъ же Кутузовъ, котораго почитали человѣкомъ чрезвычайно хитрымъ, имѣлъ множество непріятелей, опасавшихся его вліянія на дѣла. — Предстояла великая задача: способенъ ли Каменскій, семидесяти-осьмилѣтній старецъ, никогда не бывавшій главнокомандующимъ арміи, прославившійся только какъ начальникъ отдѣльныхъ отрядовъ, въ войнахъ съ необразованными Азіятцами, — противостоять геніяльному Наполеону? Я тогда еще слышалъ отъ многихъ, что, по пылкости характера и по нетерпѣливости, Каменскій неспособенъ быть главнокомандующимъ, въ которомъ одно изъ

важнѣйшихъ качествъ должно быть непоколебимое *хладнокровіе*. Для ограниченія пылкости Каменскаго, кажется, и придумано было средство, которое, однако жъ, не удалось, какъ мы послѣ увидимъ.

Другой человекъ, противопоставленный Наполеону, былъ Графъ (*) Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, на котораго полагали тогда всю надежду. Беннигсенъ былъ родомъ Ганноверецъ, изъ богатой баронской фамиліи. Въ 1806 году ему былъ *шестьдесятъ второй* годъ, (онъ родился 10 Февраля 1745 года). (Онъ вступилъ въ Ганноверскую службу пажемъ, на десятомъ году отъ рожденія; четырнадцати лѣтъ уже былъ прапорщикомъ въ Ганноверской

(*) Беннигсенъ былъ тогда Барономъ. Въ графское достоинство возведенъ онъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, послѣ Лейпцигскаго сраженія, въ 1813 году.

пѣшей гвардіи, и въ 1762 году, семнадцати лѣтъ, капитаномъ, и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ послѣднюю кампанію Семилѣтней Войны. По заключеніи мира, Беннингсенъ вышелъ въ отставку подполковникомъ и женился, принявъ во владѣніе богатые свои помѣстья, по смерти отца. Но онъ былъ въ душѣ воиномъ, воиномъ по страсти — и мирная жизнь была для него тягостна. Слава Русскаго оружія прельстила его/— и онъ, въ 1773 году, вступилъ въ Русскую службу, въ чинѣ премьеръ-маіора и опредѣленъ въ Вятскій Мушкетерскій Полкъ, а потомъ переведенъ въ Нарвскій. Нарочно упоминаю названія полковъ, чтобъ они гордились именами знаменитыхъ мужей, служившихъ въ ихъ рядахъ. Наполеонъ изобрѣлъ превосходное средство къ поддержанію воинскаго духа въ полкахъ, приказавъ, чтобъ знаменитые мужи, служившіе въ нихъ, и по

смерти оставались въ полковыхъ спискахъ. Въ 1777 году Беннигсенъ произведенъ былъ въ подполковники въ Кіевскій Легкоконный Полкъ, а въ 1788 году въ полковники, и назначенъ командиромъ Изюмскаго Гусарскаго Полка. — При Императрицѣ Екатеринѣ II командованіе полкомъ было весьма важно, потому что полковникъ былъ не только полнымъ хозяиномъ, но, такъ сказать, властелиномъ полка, выбиралъ офицеровъ и распоряжался почти безотчетно хозяйственною частью. Въ открывшуюся въ слѣдующемъ году войну съ Турками, онъ поступилъ, съ полкомъ своимъ, въ знаменитую Екатеринославскую Армію, подъ начальство Князя Потемкина, отличился во многихъ дѣлахъ, особенно на приступѣ къ Очакову, и былъ, въ 1790 году, произведенъ въ бригадиры. Въ 1792 Беннигсену порученъ летучій отрядъ въ Литвѣ, для прикрытія Бѣлоруссін. Дѣй-

ствуя отлично въ продолженіе всей Польской войны, Беннигсенъ награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, золотою шпагою, украшенною брилліантами, Георгіемъ 3-го класса; получилъ въ потомственное владѣніе 1080 душъ въ Минской Губерніи, и произведенъ въ генераль-маіоры. Ища славы и военныхъ трудовъ, Беннигсенъ, по завоеваніи Польши, перешелъ въ армію Графа Зубова, посланнаго въ 1796 году въ Персію, содѣйствовалъ къ взятію Дербента, и пожалованъ за это орденомъ Св. Анны 1-го класса. Десять лѣтъ сряду послѣ этого Беннигсенъ не обнажалъ меча, и въ этотъ промежутокъ времени пожалованъ въ генераль-лейтенанты, въ 1798 году, и въ генералы отъ кавалеріи, въ 1802 году. Въ Ноябрь 1805 года Беннигсену поручена была подъ начальство Сѣверная Армія, съ которою онъ и выступалъ въ Германію, для соединенія съ Кутузо-

вымъ, но не подоспѣлъ къ Аустерлицу, и по заключеніи мира воротился въ Россію.

И такъ и Беннигсенъ никогда не дѣйствовалъ на войнѣ не только какъ главнокомандующій, но даже какъ корпусный командиръ, и о воинскихъ его способностяхъ, какъ полководца, нельзя было судить по прежней его службѣ. Онъ былъ храбръ, распорядителенъ, но если взять въ соображеніе, что главныя его дѣйствія, какъ начальника отряда, были противу Польскихъ конфедератовъ, т. е. возставшей шляхты и малаго числа регулярнаго войска, неопытнаго, дурно вооруженнаго, предводимаго людьми неискусными въ военномъ ремеслѣ — то прежніе успѣхи Беннигсена не могли служить достаточнымъ ручательствомъ въ будущемъ, особенно въ войнѣ съ такимъ полководцемъ, каковъ былъ Наполеонъ. Всѣми однако жъ было признано,

что Беннигсенъ былъ человѣкъ обширнаго ума, и хотя онъ не могъ получить классическаго образованія, вступивъ въ военную службу почти въ дѣтскихъ лѣтахъ, но приобрѣлъ глубокія стратегическія свѣдѣнія чтеніемъ, размышленіемъ и практикою въ войнѣ. (Природа создала его воиномъ, надѣливъ страстною любовью къ военному ремеслу, быстротою соображеній, военнымъ глазомѣромъ, необыкновеннымъ мужествомъ, рѣдкою смѣлостью и дивнымъ хладнокровіемъ. Беннигсенъ былъ высокъ ростомъ, довольно сухощавъ, имѣлъ выразительныя черты лица и быстрый взглядъ. Важный, величественный его видъ, барская манера и всегдашнее хладнокровіе внушали уваженіе и возбуждали какую-то невольную довѣренность къ нему въ старшихъ, въ равныхъ ему и въ подчиненныхъ. Говорили тогда, что Беннигсенъ подалъ записку, въ которой

разобралъ критически кампанію 1805 года и Аустерлицкое сраженіе, и представилъ планъ будущей войны съ Франціею. Не знаю, куда дѣвались эти важные документы, но что они существовали, это слышалъ я отъ близкаго къ нему чело- вѣка, Генерала отъ Артиллеріи Александра Борисовича Фока, о которомъ буду говорить въ послѣдствіи. — Знав- шіе хорошо Беннигсена, утверждали, что онъ былъ чело-вѣкъ чрезвычайно тон- каго ума и вкрадчивый, когда ему было это нужно, и питалъ въ душѣ непо- мѣрное честолюбіе, а потому весьма многіе такъ же боялись его, какъ и Кутузова.

Графъ (*) Федоръ Федоровичъ Буксгев- денъ, Генералъ отъ Инфантеріи, родомъ

(*) Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ (Vukhōw- den) изъ старинной Лифляндской дворянской фа- миліи, возведенъ въ графское достоинство Прус- скимъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ (18 Декабря 1795 года), а 5 Апрѣля 1797 года, Им-

Лифляндець, былъ въ это время пятидесяти шести лѣтъ (род. 1750 года, на островѣ Эзелѣ), и такъ же какъ Беннигсенъ, по страсти къ военному ремеслу, вступилъ въ службу въ 1764 году, въ первомъ юношескомъ возрастѣ. О первой службѣ его нѣтъ ни какихъ извѣстій. Въ 1769 году, участвуя, въ войнѣ противу Турокъ, безъ сомнѣнія въ маломъ чинѣ, онъ, неизвѣстно по какому случаю заслужилъ особенную милость Генераль-Фельдцейгмейстера, знаменитаго Графа Григорья Григорьевича Орлова, который опредѣлилъ его въ свою, свиту и взялъ съ собою въ путешествіе по Германіи и Италіи. Въ 1783 году онъ былъ уже полковникомъ, а въ 1787 году Флигель-адъютантомъ Ея Императорскаго Величества.

ператоръ Павелъ Петровичъ Высочайше повелѣлъ внести родъ Графа Федора Федоровича Буксгевдена въ списокъ графовъ Россійской Имперіи.

Это отличіе весьма замѣчательно, потому что число флигель-адъютантовъ въ то время было весьма ограничено, и этимъ званіемъ облакались только лица, приближенныя къ Государынѣ, пользовавшіяся особенною Ея милостью и довѣренностью. Тогда уже онъ имѣлъ Георгіевскій крестъ 4 класса и командовалъ Кексгольмскимъ мушкетерскимъ полкомъ (нынѣ Гренадерскій Императора Франца I полкъ). Въ 1789 году, въ чинѣ бригадира, Буксгевденъ участвовалъ въ Шведской войнѣ, на гребномъ флотѣ, отличился нѣсколько разъ, получилъ Георгія 3 класса, и произведенъ въ генераль-маіоры, сохранивъ званіе флигель-адъютанта Ея Величества. Въ 1790 году Буксгевденъ отличался въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и по заключеніи мира пожалованъ Аннинскою лентою. Въ Польской войнѣ, 1793 и 1794 годовъ, онъ командовалъ

дивизіей, приобрѣлъ довѣренность и благосклонность великаго Суворова, который, за отличіе на Прагскомъ штурмѣ, назначилъ его командатомъ Варшавы и правителемъ всей завоеванной Польши. За эту войну онъ получилъ Владимірскій орденъ 2 степени, десять т. рублей единовременно, и богатое помѣстье въ Лифляндіи, въ потомственное владѣніе. Императоръ Павелъ Петровичъ, при вступленіи на престолъ, назначилъ его С. Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ (онъ былъ тогда генераль-поручикомъ), но въ концѣ 1798 года Буксгевденъ получилъ увольненіе отъ службы и удалился въ Германію. Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, призвалъ Буксгевдена и назначилъ его генераль-губернаторомъ Остзейскихъ губерній и главнымъ начальникомъ войскъ, въ нихъ расположенныхъ. Въ 1805 году повелѣно было Буксгевде-

ну, съ корпусомъ своимъ слѣдовать усиленными маршами въ Ольмюцъ, для соединенія съ Кутузовымъ, что онъ исполнилъ весьма поспѣшно, и потомъ участвовалъ съ честью въ Аустерлицкомъ сраженіи, командуя нашимъ лѣвымъ флангомъ. Буксгевденъ пользовался репутаціею храбраго воина и распорядительнаго генерала, но и онъ также не получилъ классическаго образованія, никогда не начальствовалъ цѣлою арміею и не дѣйствовалъ самостоятельно противъ непріятели. Буксгевденъ былъ толстъ и не поворотливъ, довольно крутъ въ обращеніи съ подчиненными, нрава упрямаго и непреклоннаго. Важнѣйшее его достоинство въ арміи составляла благосклонность къ нему Суворова, который никогда не ошибался въ выборѣ своихъ помощниковъ. Въ то время достаточно было сказать о генералѣ: «онъ любимецъ Суворова», чтобъ возбудить къ

нему неограниченную довѣренность въ войскѣ.

Вотъ три главные лица, стоявшія на первомъ планѣ картины войны 1806 года. Говорили тогда, будто Графу Беннигсену и Буксгевдену дана была секретная инструкція на счетъ военныхъ операцій, для противодѣйствія опрометчивости Графа Каменскаго, и что Графу Каменскому, хотя и Главнокомандующему, повелѣно или *рекомендовано* было совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ, съ двумя своими помощниками, Беннигсеномъ и Буксгевденомъ, которые командовали отдѣльными корпусами, /подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

Ненастное время года, непроходимость дорогъ, совершенный недостатокъ въ продовольствіи, не воспрепятствовали Русскимъ начать военныя движенія въ Ноябрь, 1806 года, на берегахъ Вислы, не въ дальнемъ разстояніи отъ Варшавы,

гдѣ былъ операціонный центръ Французской арміи, и куда ежедневно ожидали Наполеона, который былъ тогда въ Познани. Русскіе, какъ уже сказано, раздѣлены были на двѣ арміи; Буксгевденъ еще не пришелъ съ своею къ Вислѣ, когда Беннигсенъ уже двинулся впередъ, намѣреваясь быстрымъ фланговымъ движеніемъ занять Торнъ, гдѣ находился Лестокъ съ Пруссаками, или, по крайней мѣрѣ, открыть съ нимъ сообщеніе. Но Маршалъ Ней предупредилъ Беннигсена и вытѣснилъ Лестока изъ Торна, почему Беннигсенъ обратнымъ движеніемъ пошелъ къ Пултуску, на соединеніе съ Буксгевденомъ. До 13 Декабря между Русскими и Французами происходили только авангардныя стычки, не имѣвшія ни какихъ важныхъ послѣдствій, хотя отпоръ, данный Графомъ Остерманомъ, подъ Насильскомъ, съ перваго раза доказалъ Французамъ, что имъ целегко бо-

роться съ Русскими. — Съ 10-го Декабря началось наступательное движеніе Французовъ на обѣ Русскія арміи, Беннигсена и Буксгевдена, и произошли въ одно время, 13 и 14 Декабря, достопамятныя сраженія: подъ Пултускомъ — съ корпусомъ Беннигсена, подъ Голыминымъ — съ отрядомъ Генераль-Лейтенанта Князя Д. В. Голицына, и около Лопачина — съ отрядомъ Генераль-Маіора Графа Петра Петровича фонъ-дерь-Палена. Главнокомандующій, Фельдмаршалъ Графъ Каменскій вовсе не распорядился въ эти достопамятныя дни. Онъ былъ одержимъ какою-то умственною болѣзнию, совершенно упалъ духомъ, не соглашался сражаться съ Французами въ такомъ отдаленіи отъ всѣхъ своихъ пособій и хотѣлъ отступить въ Россію. Но видя настойчивость Беннигсена, Каменскій разгнѣвался, сказался больнымъ, сдалъ Буксгевдену армію, 13 Декабря, уѣхалъ въ Остро-

ленку, и послалъ оттуда прошеніе къ Государю объ увольненіи его отъ службы. Къ общему удивленію, Беннигсенъ не подчинился Буксгевдену и началъ дѣйствовать самостоятельно, съ своимъ корпусомъ.

Противъ Русскихъ войскъ, 15 и 14 Декабря, дѣйствовали съ своими корпусами Маршалы Ланнъ, съ Генераломъ Сюшетомъ (подъ Пултускомъ), Даву, Мюратъ и Ожеро (подъ Голоминымъ и Лопачиномъ).

Наканувъ Рождества, 24 Декабря (1806 года) Императоръ получилъ въ Петербургъ донесеніе Беннигсена о побѣдахъ и пораженіи Непріятеля подъ Пултускомъ и Голыминомъ. Быстро разнеслась по городу радостная вѣсть и произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Во всѣхъ церквахъ служили сперва благодарственный молебень, а потомъ панихиду по убитыхъ воинахъ. Столица была илю-

минована. Вся Россія торжествовала эти побѣды. Беннигсенъ утвержденъ въ званіи Главнокомандующаго, а Буксгевденъ, поссорившись съ нимъ, уѣхалъ въ Ригу.

Побѣда точно была, но побѣда *крав-*
ственная, а не *вещественная*, т. е. не
матеріальная. Подробная реляція Бен-
нигсена, напечатанная въ Прибавленіи
къ С. Петербургскимъ Вѣдомостямъ,
15 Января 1807 года, соглашена была
съ тогдашними обстоятельствами. Въ ней
сказано было, что самъ Наполеонъ пред-
водительствовавъ войсками, между тѣмъ
какъ онъ, съ гвардіею своею и резервною
конницею успѣлъ только приблизиться
къ Голымину, но не былъ вовсе въ сраже-
ніи. Въ реляціи объявлено было о совер-
шенномъ пораженіи и бѣгствѣ непріате-
ля—а на повѣрку вышло, что ни Русскіе,
ни Французы не бѣжали, но дрались от-
чаянно, съ величайшимъ ожесточеніемъ,
до послѣдней крайности. Слѣдствіемъ

этихъ кровопролитныхъ битвъ было то, что въ игрѣ въ банкъ называется : *пліе*, т. е. /ни чья взяла. Но Русскіе чрезвычайно много выиграли въ мнѣніи всей Европы, устоявъ передъ войскомъ, которое, такъ сказать, однимъ натискомъ испровергло всю силу Австріи и Пруссіи. Удержавъ порывъ Аустерлицкихъ побѣдителей, оказавъ равное имъ мужество, ту же пылкость въ бояхъ и еще бѣльшую стойкость и военную субординацію, Русскіе доказали цѣлому міру, что Европа еще имѣетъ надежныхъ защитниковъ своей независимости. Устоять противу войска, привыкшаго, со времени Маренго и Арколы, къ рѣшительнымъ побѣдамъ, предводимаго первыми полководцами Европы, которыхъ имена сдѣлались столь же славны, какъ имена героевъ Гомеровыхъ, было болѣе, нежели въ другое время настоящая побѣда. И то надобно сказать, что Беннигсъ

имѣлъ отличнѣйшихъ помощниковъ. Не говоря уже о прославившихся прежде генералахъ, какъ напримѣръ, Багратионъ (*), новыя имена озарились блескомъ. Въ этихъ важныхъ сраженіяхъ впервые стали обрисовываться военные харак-

(*) Послѣ знаменитой ретирады изъ подъ Кремса, въ 1805 году, ходили въ Петербургъ по рукамъ слѣдующіе стихи въ честь Багратиона ;

« Дувулъ вѣтръ бурный, рушилъ препону.
 Рветъ всѣ преграды на полѣ онъ (т. е. Наполеонъ)
 Русскій поставилъ грудь въ оборону :
 Кто жъ сей могучій? — Богъ-рати-онъ. (т. е.
 Багратионъ или Богратионъ.)

Другіе стихи въ томъ же родѣ.

О какъ великъ на полѣ онъ (т. е. Наполеонъ).
 Могучъ и твердъ и храбръ во брани ;
 Но дрогнулъ, лишь оставилъ длани
 Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ (т. е. Багратионъ).

Первые стихи приписывали Державину, вторые Каинисту. Не помню, были ли эти стихи напечатаны, и не хочу справляться. Я удержалъ ихъ въ памяти и привожу не въ исторіи, а въ своихъ собственныхъ *Воспоминаніяхъ*.

теры нашихъ полководцевъ , въ послѣдствіи знаменитыхъ : Барклая-де-Толли, командовавшаго авангардомъ , въ чинѣ генераль-маіора; славнаго Атамана Донцевъ Матвѣя Ивановича Шлатова; Князя Дмитрія Владиміровича Голицына (тогда уже генераль-лейтенанта), начальствовавшаго отдѣльно подъ Голымпиномъ; Графа Остермана, генераль-лейтенанта Сакена, генераль-маіора Графа П. М. Каменскаго, генераль-маіора Баггогевута, генераль-лейтенанта Тучкова, генераль-маіора Дорохова, который дѣлалъ чудеса съ своимъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ; Принца Евгенія Виртембергскаго, Графа Ламберта (шефа доблестнаго Александрійскаго гусарскаго полка), Штейнгеля, Генераль-Квартирмейстера дѣйствующей арміи, генераль-маіора Графа Петра Петровича фонъ-деръ-Палена, шефа прославленнаго имъ Сумскаго гусарскаго полка.

ка; генераль-маіора Князя Щербатова, шефа храбраго Костромскаго мушкетерскаго полка, генераль-лейтенанта Дохтурова. Съ любовію повторяли во всей Россіи имена отличившихся чудными примѣрами мужества: генераль-маіора Кожина, командовавшаго Лейбъ-Кирасирскимъ Его Императорскаго Величества полкомъ, конной артиллеріи полковника Алексѣя Петровича Ермолова (въ послѣдствіи Генераль отъ Артиллеріи), Князя Долгорукова 5, командовавшаго Черниговскимъ мушкетерскимъ полкомъ, генераль-маіора Чаплица, Флигель-Адъютанта Князя Долгорукова, командовавшаго Курляндскимъ драгунскимъ полкомъ (*), Шефа Тенгинскаго мушкетерскаго полка полковника Ершо-

(*) Между прочимъ . онъ ворвался ночью , съ тремя эскадронами, въ главную квартиру Маршала Бернадота , въ Морунгенъ . перебилъ прикрытіе и взялъ весь обозъ Маршала .

ва, 11 егерскаго полка полковника Давыдовскаго, Конно-Польскаго полка полковника Жигулина, шефа 4 егерскаго полка полковника Фролова, шефа Конно-Татарскаго полка подполковника Киорринга, командира того же полка подполковникъ Улана 4, 24 егерскаго полка полковника Властова, Сумскаго гусарскаго полка полковника Барона Крейца и маіора Потапова (нынѣ Генераловъ отъ Кавалеріи), полковника Дука и другихъ, которыхъ теперь не припомню, составившихъ себѣ въ послѣдствіи блистательную военную репутацію. На театрѣ войны обращено было вниманіе, какъ я уже сказалъ, не только Россіи, но и всей Европы, и каждое отличіе громко раздавалось во всѣхъ ея концахъ. Отъ одной Россіи Европа ожидала спасенія и усвоивала себѣ ея богатырей. А какъ мы завидовали счастью гвардейскихъ офицеровъ, которые уже находились при арміи отли-

чились храбростію въ бояхъ! Въ донесеніяхъ Беннигсена и Князя Д. В. Голицына показаны особливо отличившимися флигель-адъютанты: полковники Уваровъ, Князь Долгоруковъ, Князь Трубецкой, ротмистръ Князь Голицынъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Нарышкинъ, Лейбъ-Гусарскаго полка поручикъ Графъ Салтыковъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ Левашевъ (*) и корнетъ Князь Волконскій. Ихъ отличіе, казалось, падало на всю гвардію и еще сильнѣе воспламеняло насъ къ битвамъ.

Послѣ Пултуска и Голымина вся Французская армія пришла въ движеніе. Въ Варшавѣ Наполеонъ приказалъ форми-

(*) Василій Васильевичъ, нынѣ Графъ, Генералъ отъ Кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, Предсѣдатель Комитета Государственнаго Коннозаводства и бывшій незабвенный Генералъ-Губернаторъ Кіевскій, Подольскій и Волынскій.

ровать Польское войско, учредивъ временное правленіе новаго государства, тогда еще безыменнаго, а послѣ Тильзитскаго мира получившаго названіе Герцогства Варшавскаго. Польскіе легіоны, находившіеся во Французской службѣ, со времени послѣдняго раздѣленія Польши, дали опытныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, и новое войско быстро устроивалось, а чрезъ мѣсяць уже сильный отрядъ новаго Польскаго войска поступилъ въ корпусъ Бернадота. Эта была важная и неожиданная помощь, независимо отъ всѣхъ другихъ выгодъ въ покоренной странѣ! Обезпеченный въ Польшѣ приверженностью жителей, которые вездѣ брались за оружіе, отнимали у Пруссаковъ ихъ магазины и изгоняли слабые Прусскіе отряды, Наполеонъ могъ двинуть большее число войскъ впередъ и дѣйствовать безопасно, какъ дома. По сраженіи подъ Масильскомъ, Пултускомъ и Голыми-

номъ доказали Наполеону, что Русскую армию не такъ легко истребить, какъ онъ предполагалъ, и онъ съ величайшими усиліями началъ приготовляться къ весенней кампаніи. Изъ Франціи шли непрерывно къ арміи вспомошествованія въ людяхъ, артиллеріи и боевыхъ снарядахъ и на операціонной линіи устраивались огромные магазины и госпитали. Беннигсенъ, между тѣмъ, отступилъ съ арміею къ Кенигсбергу, чтобъ прикрыть всѣ свои запасы, и заняться также устройствомъ войска, претерпѣвшаго много въ зимнюю или, правильнѣе, *не-настоящую* кампанію.

Находясь въ своей главной квартирѣ, въ Варшавѣ, и не довѣряя бездѣйствію Беннигсена, Наполеонъ приказалъ укрѣпить берега Вислы, отъ Праги до Торна, чтобъ обезпечить зимнія квартиры своей арміи отъ внезапнаго нападена Русскихъ, и сосредоточилъ Французскую

армію между верхнею Вислой и Бугомъ, протянувъ лѣвый флангъ до самаго Эльбинга. Всѣ дѣйствія арміи своею Наполеонъ ограничилъ блокадою Грауденца Кольберга и Данцига и поисками къ сторонѣ Кенигсберга, что и заставило Короля Прусскаго переѣхать, съ семействомъ своимъ, изъ древней столицы Пруссіи въ Мемель, на Русскую границу.

Генераль Беннигсенъ, получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи (корпусъ Генерала Эссена), вознамѣрился смѣлымъ движеніемъ нанести внезапный ударъ Французамъ, и соединившись съ Прусскими отрядами, подъ Кенигсбергомъ, пошелъ на лѣвый флангъ Французовъ, состоявшій изъ корпусовъ Нея и Бернадота. Этотъ лѣвый флангъ былъ слишкомъ растянутъ и отдаленъ отъ центра. Беннигсенъ хотѣлъ отрѣзать корпуса Нея и Бернадота, разбить каждый отдѣльно

и потомъ освободить отъ блокады Данцигъ, Грауденецъ и Кольбергъ. Планъ удивительно смѣлый и былъ бы названъ гениальнымъ, еслибъ удался. Но Наполеонъ, узнавъ предварительно о движеніи Русскихъ, немедленно собралъ все свое войско, быстро пошелъ въ старую Пруссію, чрезъ Виленбургъ, и послалъ къ Бернадоту повелѣніе маневрировать такимъ образомъ, чтобъ заманить Беннигсена къ нижней Вислѣ, намѣреваясь съ главными силами зайти въ тылъ Русской арміи, отрѣзать ее отъ сообщенія съ границею Русскою, и съ оставшимися позади отрядами, и разбивъ Беннигсена, пресѣчь ему ретираду и уничтожить совершенно Русскую армію. Нападеніе на Русскихъ Наполеонъ намѣревался произвести съ фланговъ, съ тыла и съ фронта! Если бъ Беннигсенъ продолжалъ свое движеніе къ Данцигу, преслѣдуя Бернадота,

то гибель Русской арміи была бы неизбежна. Беннигсенъ былъ бы окруженъ и, такъ сказать, задавленъ превосходными силами. Но, по счастью, Русскіе разъѣзды схватили Французскаго курьера съ письмомъ Наполеона къ Бернадоту — и это спасло Беннигсена. Онъ немедленно перемѣнилъ свой плацъ и двинулся въ обратный путь, къ Кенигсбергу. Но уже Французская армія была въ полѣ и первая встрѣча съ главными силами Наполеона произошла при Янковѣ, 22 Января, гдѣ Маршалъ Сультъ хотѣлъ удержать Русскихъ. Суворовскій любимецъ, неустрашимый Князь Багратионъ предводилъ арріергардомъ, и, сражаясь на каждомъ шагу, не только уничтожалъ всѣ покушенія Французовъ, но самъ не давалъ покоя ихъ авангарду, тревожа его безпрерывно нападеніями. 23 и 24 Января было сильное арріергардное дѣло

у Ландсберга, а 26 Беннигсенъ остановился въ Прейсишъ-Эйлау. Здѣсь онъ атакованъ былъ всѣми силами Наполеона, подъ личнымъ его предводительствомъ. То было первое сраженіе съ Русскими, въ эту компанію, въ которомъ Наполеонъ самъ командовалъ. — Погода была ненастная, мокрый и густой снѣгъ шелъ почти двое сутокъ сряду, земля не замерзала, и воины сражались по колѣно въ грязи и въ снѣгу. Особенно тяжело было артиллеріи и конницѣ. Два дня сряду, 26 и 27 Января, Наполеонъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобъ разбить Русскихъ, но не могъ. Дрались съ обѣихъ сторонъ съ величайшимъ мужествомъ и ожесточеніемъ, и сраженіе кончилось въ сумерки, 27 числа, безъ рѣшительныхъ послѣдствій. Обѣ арміи, утомленныя и истощенныя невѣроятными усиліями, разошлись на зимнія квартиры. — Напо-

леонъ былъ въ отчаяннѣи! Онъ вывелъ въ поле все свое войско, въ самое неблагопріятное время года, въ полной надеждѣ разбить и разсѣять Русскую армію — и возвратился въ свою главную квартиру, если не побѣжденный, то униженный чуднымъ сопротивленіемъ Русскихъ (*), лишившись притомъ до 16,000 убитыми, ранеными, плѣнными и почти столько же заболѣвшими и множества военныхъ запасовъ и лошадей. Все это почти равнялось пораженію и произвело весьма сильное впечатлѣніе въ Европѣ,

(*) L'issue de cette bataille avait trompé les calculs des deux chefs opposés, ceux de Napoléon qui avait espéré rejeter l'armée Russe sur la rive droite de la Prégel, et s'emparer de Königsberg; ceux de Bennigsen qui s'était flatté de renvoyer l'armée française sur la rive gauche de la Vistule, et de débloquer les places de Dantzic, Graudentz et Colberg. *Bignon*: Histoire de France, etc Chap. LXVII, page 634.

благопріятное для Россіи, пагубное для Наполеона (*).

Прейсишъ-Эйлауское сраженіе еще болѣе удивило Европу, нежели Пултуское и Голымицское сраженія. Ожившая надежда утвердилась въ сердцахъ покоренныхъ народовъ, и съ этого времени Императоръ Александръ уже былъ благословляемъ. Русскихъ чтили, какъ героевъ. Прусаци, подъ начальствомъ Генерала Лестока, также отлично дрались подъ Прейсишъ-Эйлау. Они доказали, что въ нихъ не угасло мужество ихъ пред-

(*) L'indécision de la bataille d'Eylau avait jeté dans Paris une consternation incroyable: l'envie se vengeait des fatigues de l'admiration; le parti ennemi de l'Empire déguisait, sous une feinte douleur la joie que lui causait un désastre public. Une baisse sensible s'était opérée dans les fonds. L'Empereur ne s'abusait point sur sa situation. Бивьонъ, тамъ же. Chap. LXVII, page 637. Слѣдовательно Русскіе имѣли полное право торжествовать Эйлауское сраженіе.

ковъ и что погибель ихъ арміи подъ Іеной и Ауерштедтомъ произошла отъ недостатка военныхъ соображеній ихъ генераловъ, а не отъ недостатка храбрости въ народѣ.

Прейсишъ-Эйлауское сраженіе праздновали въ Россіи, какъ самую блистательную побѣду, и въ память его учрежденъ особый знакъ отличія, золотой крестъ на Георгіевской лентѣ, которымъ украшены были отличившіеся офицеры : онъ прибавлялъ имъ три года службы. 13 Февраля 1807 года учрежденъ солдатскій Георгіевскій крестъ, и вскорѣ за симъ обнародовано Высочайшее повелѣніе, чтобъ вдовамъ и дѣтямъ воиновъ, всѣхъ чиновъ, падшихъ на полѣ брани, производить жалованье ихъ мужей и отцевъ. И офицеры и солдаты вполне заслужили эти Царскія милости.

Французская армія не преслѣдовала Русскихъ при обратномъ движеніи Бен-

нигсена къ Кенигсбергу, и только Мюрать шелъ съ своимъ корпусомъ за Русскимъ арріергардомъ, болѣе для того, чтобъ знать направленіе, принятое непріателемъ. Наполеонъ расположилъ все своей войско на зимнихъ квартирахъ, при-
мыкая лѣвымъ флангомъ къ заливу Фришгафу, занимая фронтомъ линію по теченію Пассарги, прикрывая центромъ Остероде, и упираясь правымъ флангомъ въ позицію между рѣками Алле и Пассаргой. Главная квартира Наполеона была сперва въ Варшавѣ, потомъ въ Остеродѣ и Финкенштейнѣ, а Беннигсена прежде въ Кенигсбергѣ, а послѣ въ Бартенштейнѣ (съ 2 Марта 1807 года).

Обѣ арміи имѣли крайнюю нужду въ отдыхѣ послѣ изнурительной кампаніи, которую даже нельзя назвать зимнею, потому что съ обѣихъ сторонъ болѣе страдали отъ грязи, сырости и голода, нежели отъ мороза. Въ это время Напо-

леонъ произнесъ знаменитыя слова, характеризующія климатъ Польши: «Въ Польшѣ есть пятая стихія — грязь!» }
 Солдаты обѣихъ арміи были оборваны и крайне нуждались въ обуви; обѣ арміи лишились множества лошадей и обозовъ, завязшихъ въ этой пятой стихіи.) Наполеону легче было одѣть и обуть свою армію и укомплектовать артиллерию лошадьми въ завоеванной странѣ, въ которой брали непомѣрныя контрибуціи, деньгами и натурою. Въ Польскихъ провинціяхъ, занимаемыхъ Французами, въ теченіе шести недѣль устроилось тридцатитысячное войско (изъ пѣхоты, кавалеріи, конной и пѣшей артиллеріи) и образовалось двѣ дивизіи, подъ начальствомъ опытныхъ и искусныхъ генераловъ Зайончека и Домбровскаго. Рѣки, каналы и всѣ дороги въ Польшѣ и Пруссіи покрыты были транспортами, подвозившими непрерывно Французской ар-

мин съѣстные и боевые припасы, матеріалы для одежды и обуви. Изъ Пруссіи выжимали послѣднія жизненные силы, чтобъ укрѣпить Французское войско. Въ Прусскихъ крѣпостяхъ, сдавшихся Французамъ уже послѣ сраженій при Іенѣ и Ауерштедтѣ, въ Бреславлѣ, въ Глогау, въ Бригѣ, Швейдницѣ, найдены огромные запасы огнестрѣльныхъ снарядовъ, мелкаго оружія и пороховые магазины. Сильные отряды шли къ арміи изъ Франціи на подводахъ. Однимъ словомъ, Наполеонъ имѣлъ всѣ преимущества предъ Беннигсеномъ, однако жъ не довѣрялъ его спокойствію, и къ прежнимъ укрѣпленіямъ на Вислѣ прибавилъ новыя, опасаясь внезапнаго нападенія Русскихъ. Наполеонъ, какъ я уже сказалъ, высоко цѣнилъ Русскую храбрость и при Аустерлицѣ, а Прейсишъ-Эйлауское сраженіе еще болѣе возвысило Русскаго солдата въ его глазахъ. Без-

пристрастный историкъ Наполеона, избранный имъ въ заточеніи, на островѣ Св. Елены, Биньонъ, говоритъ (см. Hist. de France, chap. LXVV page 638): «Les Russes, pour la guerre, sont des Spartiates,» т. е. Русскіе на войнѣ Спартанцы!» — Это сказано по случаю зимней кампаніи 1806 года.

Къ Русской Арміи также шла помощь изъ Россіи и въ Кенигсбергѣ устроены были огромные магазины. Главныя силы Беннигсена сосредоточены были между Бартенштейномъ и Гейльсбергомъ, и у послѣдняго города, по обѣимъ сторонамъ рѣки Алле, устроенъ былъ укрѣпленный лагерь. Правое крыло, подъ начальствомъ Графа Толстаго (Петра Александровича) находилось между Лауеномъ и Зигбургомъ; на лѣвомъ флангѣ корпусъ войскъ содержалъ непрерывное сообщеніе между главною арміею и корпусомъ Эссена, расположеннымъ къ са-

мой Вислѣ , въ окрестностяхъ Остроленки , а весь фронтъ обезпечивалъ Атаманъ Платовъ съ своими казаками . На пространствахъ , раздѣляющемъ обѣ арміи , происходили часто стычки между летучими отрядами , разъѣздами и фуражирами : но отъ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія , до начатія весеннихъ военныхъ дѣйствій , были только два серьезныя дѣла , въ которыхъ Русскіе , въ соединеніи съ Пруссаками , дѣйствовали наступательно , а именно при нападеніи Генерала Лестока на Эльбингъ , для открытія сообщеній съ осажденнымъ Данцигомъ , и при движеніи Генерала Эссена къ Остроленкѣ , для пресѣченія сообщенія передовыхъ корпусовъ Французской арміи съ Варшавою . Наполеонъ довольствовался отраженіемъ нападеній , а Беннигсенъ ждалъ только прибытія свѣжихъ войскъ и Государя Императора въ главную квартиру , чтобъ всѣми сво-

ими, силами начать наступательныя дѣйствія.

Нельзя довольно надивиться смѣлости Беннигсена, который во всю эту кампанію дѣйствовалъ наступательно противъ сильнѣйшаго непріятели и не боялся военной репутаціи Наполеона и его Маршаловъ! Правда, что Наполеонъ былъ сильнѣе Беннигсена не только числомъ войска, но и пособіями въ покоренной странѣ, однако жъ политическое положеніе Наполеона было таково, что ему надлежало дѣйствовать чрезвычайно осторожно. Послѣ Пултуска и Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ убѣдился, что вся власть и все его могущество въ Европѣ зависятъ единственно отъ побѣдъ, а не отъ какихъ либо взаимныхъ народныхъ выгодъ, или трактатовъ, и что при первой жестокой неудачѣ, всѣ покоренные имъ народы возстанутъ противъ его владычества. Мужественное сопротивленіе

Русскихъ, равняющееся самымъ блистательнымъ побѣдамъ, возвысило духъ Нѣмцевъ — и они, въ порывѣ благороднаго негодованія и народной гордости, принялись за оружіе. Въ Силезіи, около 8000 человекъ, изъ поселянъ, гражданъ и бѣжавшихъ изъ плѣна Пруссаковъ, собрались по призыву Принца Ангальтъ-Плесскаго. Вооруженныя партіи нападали на слабыя Французскіе отряды, отбивали магазины и транспорты, въ окрестностяхъ Кольбѣра, подъ начальствомъ Прусскаго Поручика Шилля, снискавшаго себѣ въ послѣдствіи блистательную славу и честную смерть за отечество. Въ Гессенскомъ Курфиршѣствѣ и въ Вестфалии, вооруженныя толпы, подъ начальствомъ офицеровъ распущеннаго Гессенскаго войска, привлекали крестьянъ тысячами къ возстанію, и тѣмъ уже нанесли вредъ Французской Арміи, что надлежало отдѣлать сильнымъ корпусамъ для ихъ

усмиренія. На Австрію Наполеону нельзя было надѣяться. Въ этомъ положеніи онъ предложилъ Пруссіи миръ, предоставляя составить конгрессъ въ Мемелѣ. Но Императоръ Александръ твердо рѣшился силою оружія заставить Наполеона отречься отъ притязаній на диктаторство въ Европѣ, и не успѣвъ склонить Австрію къ принятію участія въ великомъ подвигѣ, вознамѣрился дѣйствовать собственными силами, въ союзѣ съ богатою деньгами Англіею и съ безсиьною въ то время Пруссіею.—Удивительныя величіе духа и твердость воли!

Пишу я не Военную Исторію; слѣдовательно не обязанъ описывать подробности сраженій, въ которыхъ я не участвовалъ, но все же долженъ былъ представить краткій очеркъ событій, занимавшихъ тогда весь міръ. Товарищи наши, бывшіе въ Прейсишъ-Эйлаускомъ сраженіи, рассказывали намъ чудеса!

Тридцать четыре часа сряду (съ трехъ часовъ по полудни, 26 числа, до двѣнадцати часовъ ночи на другой день) продолжалась непрерывно стрѣльба изъ пушекъ и изъ ружей, въ самую ужасную погоду! Снѣгъ падалъ хлопьями на распустившуюся землю; грязь была по колѣни. Раненые вязли въ этой смѣси грязи съ снѣгомъ, и умирали отъ холода. Конница едва могла на рысяхъ ходить въ атаку. Орудія погружались по оси въ землю, и упряжные лошади издыхали отъ изнеможения, въ жару дѣйствія. Безъ огней, безъ пищи воины должны были проводить по нѣсколькимъ часамъ жалкаго отдыха, послѣ кровопролитной рѣзни холоднымъ оружіемъ, и утомленные снова шли въ бой. — Прейсишъ-Эйлаускій крестъ — это истинный монументъ Русской славы!

Между тѣмъ, пока армія наша отдыхала и оправлялась въ Восточной Пруссіи, гвардейскій корпусъ, часть мили-

ціи; всѣ армейскіе отряды шедшіе изъ глубины Россіи и даже выбранныя гарнизонныя баталіоны поспѣшали на подкрѣпленіе Беннигсена. — Я уже сказалъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Константиъ Павловичъ шелъ съ нашимъ полкомъ, всегда подавая собою первый примѣръ усердія и исправности въ службѣ. — Въ походѣ полкъ нашъ могъ служить образцемъ порядка для всѣхъ Европейскихъ армій. Мы шли въ дальній путь, какъ на парадъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ. При полку, кромѣ казеннаго обоза, обрѣдѣннаго воинскимъ уставомъ, не было ни какихъ повозокъ и экипажей. — Экипажи Великаго Князя Цесаревича слѣдовали впереди, на разстояніи одного перехода. Каждый оберъ-офицеръ долженъ былъ имѣть три лошади. На одной ѣхалъ онъ при полку; другую заводную, осѣдланную, подъ форменною попоной, велъ деньщикъ,

сидя на вьючной лошади.—Вьюки были форменные: двѣ кожаныя, круглыя, большія баклаги, по обѣимъ сторонамъ сѣдла, вмѣсто кубуръ; за сѣдломъ былъ большой кожаный чемоданъ и парусинныя саквы. — Сѣдло у деньщика было стараго нѣмецкаго покроя. На заводную лошадь, подѣ форменную попону, можно было положить коверъ и кожаную подушку, теплый халатъ и т. п. Деньщики также были одѣты по формѣ: въ синій однобортный мундиръ съ фалдами, съ синими суконными пуговицами и краснымъ воротникомъ, въ рейтузахъ сѣраго сукна и въ треугольной шляпѣ, безъ галуна у оберъ-офицеровъ и съ галуномъ у штабъ-офицеровъ. Деньщикъ, кромѣ того, имѣлъ за спиною пѣхотный ранецъ, съ манеркой, и сверху ранца жестянку съ офицерскимъ султаномъ. Кто изъ офицеровъ имѣлъ шубу, тотъ везъ ее на заводной лошади, но передѣ фронтомъ всѣ

были въ шинеляхъ на ватѣ, безъ мѣховаго воротника. На мѣховые воротники и шубы не было тогда ни формы, ни моды. Офицерамъ позволено было въ походѣ надѣвать, сверхъ мундира, шпенцеръ на мѣху, т. е. тотъ же мундиръ съ шитьемъ, только просторнѣе и безъ фалдъ. Шпенцеръ пристегивался на двухъ пуговицахъ мундира, на лифѣ. Въ походѣ мы были въ сѣрыхъ рейтузахъ, обшитыхъ кожей, съ синими лампасами. У солдатъ рейтузы застегивались пуговицами, сверху до низу. Галошъ тогда и въ поминѣ не было! — Если бъ военный человѣкъ надѣлъ *кенги* или что либо подобное — его осмѣяли бы! Намъ позволено было обвертывать стремяна сукномъ или крайкой, чтобъ уменьшить дѣйствіе холода на желѣзо. Тогдашніе наушники наши были узкіе, и прикрывали только уши; уланскую шапку мы носили тогда, по формѣ, на бѣкрень, къ правой сторо-

нѣ и почти вся голова была обнажена.— Морозы, въ Февралѣ, доходили иногда до пятнадцати градусовъ : тогда мы надѣвали шинели въ рукава, подпоясывались португеей и шарфомъ, и поверху надѣвали лядунку, Въ хорошую погоду, въ пять градусовъ и до семи, мы были въ шпенцерахъ и даже въ мундирахъ, а солдаты накидывали шинели наопашь. Великій Князь Цесаревичъ рѣдко надѣвалъ шинель; онъ былъ почти всегда въ шпенцерѣ, и ѣхалъ передъ первыми рядами, за трубачами. Чтобъ согрѣться, полкъ спѣшивался по нѣскольку разъ на переходѣ. Пѣсенники распѣвали пѣсни (*), трубачи играли легкія военныя

(*) Замѣчательно, что пѣсельниками управлялъ и обучалъ ихъ Корнетъ Драголевскій, родомъ Полякъ, служившій подъ знаменами Костюшки. Драголевскому было тогда около пятидесяти лѣтъ отъ роду, но онъ былъ молодецъ собою и отличный кавалеристъ. Во всякую поѣздку

піесы, и мы шли бодро и весело. На привалѣ штабъ-офицеры и нѣкоторые оберъ-офицеры приглашаемы были Его Высочествомъ къ завтраку. Въ холодную погоду солдатамъ давали по чаркѣ вина. Во весь походъ Его Высочество былъ чрезвычайно веселъ и снисходителенъ къ намъ, разговорчивъ, и обходился съ нами, какъ съ своими домашними. Мы такъ привыкли къ нему, что ни сколько не женировались въ его присутствіи и даже не прерывали самыхъ пустячныхъ разговоровъ, когда онъ подходилъ къ

свою, Его Высочество привозилъ по нѣскольку человекъ въ уланы или въ конную гвардію, изъ охотниковъ. Драголевскаго взялъ онъ въ Галиціи, возвращаясь изъ Италійскаго похода, и опредѣлилъ унтеръ-офицеромъ въ конную гвардію, а потомъ произвелъ въ офицеры въ Уланскій полкъ, обмундировалъ и содержалъ на свой счетъ. О Драголевскомъ я буду говорить послѣ. Онъ былъ не послѣдній чудакъ между нами!

толпѣ. Ему это нравилось: „онъ зналъ, что мы его любимъ.“

Мы шли поспѣшно. Переходы были велики, отъ 25 до 35 верстъ въ день, и дневка была чрезъ трое сутокъ. — Кто бывалъ въ походахъ, тотъ знаетъ, что дурная квартира хуже бивака. Мы останавливались на квартирахъ въ крестьянскихъ избахъ, а всѣмъ извѣстно, въ какихъ домахъ живутъ крестьяне Петербургской Губерніи. Въ сорокъ лѣтъ, въ этомъ отношеніи ни что не улучшилось! Въ избѣ тѣсно, душно, дымно и грязно. Стѣны покрыты насѣкомыми! — Уже ли мы никогда не дождемся того, чтобъ крестьяне, въ сѣверной полосѣ Россіи, жили въ хорошихъ, чистыхъ, уютныхъ домахъ, какъ въ Новой Финляндіи и въ Малороссіи? Вотъ ужъ къ этому слѣдовало бы ихъ понудить! — Императорское Вольное Экономическое Общество, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, предложило

задачу: «изслѣдовать причины смертности дѣтей въ Россіи, въ простомъ народѣ». Одинъ взглядъ на крестьянскую жизнь, въ сѣверной полосѣ Россіи, рѣшаетъ эту задачу! Крестьянскія дѣти въ морозъ и слякоть бѣгаютъ въ одиѣхъ рубашёнкахъ или въ лохмотьяхъ, босые, по двору и по улицѣ, простужаются и впадаютъ въ смертельные недуги. Какой присмотръ за ними во время болѣзни? — Не только нѣтъ лекарства и свойственной больному пищи — нѣтъ даже помѣщенія: больные ребятишки валяются на печи или на скамьѣ! Одно лекарство — баня, которая иногда бываетъ пагубна, если употреблена не въ пору и не кстатн. Изъ этого образа жизни выродился смертельный крупъ въ окрестностяхъ Вильны, въ 1810 году и созрѣла злокачественная скарлатина! Отъ этихъ самыхъ причинъ между крестьянами такъ часто свирѣпствуютъ тифозныя горячки, изну-

рительныя лихорадки и кровавые поносы. Распросите крестьянъ, и вы узнаете, что изъ десяти человекъ дѣтей, едва вырастаетъ одинъ, много двое или трое. Предразсудки увеличиваютъ зло. Крестьянинъ боится медика и лекарства, хуже чѣмъ болѣзни, и вѣритъ шарлатанамъ-знахарямъ. Странно, что и между, такъ называемымъ, образованнымъ сословіемъ есть множество людей, непріязненныхъ медицинѣ и вѣрящихъ, что, при такомъ небрежномъ воспитаніи дѣтей, Русскій крестьянинъ *закаливается*, т. е. дѣлается крѣпкимъ и сильнымъ. Не такъ! Возьмите дѣло на оборотъ. Дитя чрезвычайно сильное переноситъ эту звѣриную жизнь — а слабое, которое бы съ лѣтами укрѣпилось, погибаетъ. Желѣзной природы иѣтъ въ человекѣ, какъ мы привыкли говорить, и силы укрѣпляются постепенно, съ лѣтами, начиная отъ семилѣтняго возраста. До тѣхъ поръ ди-

тя—цвѣтокъ. Исключенія изъ правила— только исключенія. Самая нечистота убійственна! Въ этихъ крестьянскихъ избахъ я впервые принялся курить табакъ, по совѣту полковаго штабъ-лекаря и моего искренняго пріятеля Малиновскаго, чтобъ избавиться отъ зловонія и предохранить себя отъ цынги и даже отъ лихорадки. А отъ чего мы видимъ теперь такое множество курильщиковъ между молодыми людьми, даже между школьниками, которые не знали и не знаютъ никакой нужды? — Разорительная, вредная мода и обезьянство!

Странная и смѣшная вѣсть распространилась между крестьянами Петербургской Губерніи, за Чирковицами, а именно, будто уланы *пдятъ дѣтей!!!* Крестьяне почитали насъ какимъ-то особеннымъ народомъ, чѣмъ-то въ родѣ Башкировъ, Калмыковъ или Киргизовъ, въ чемъ ихъ удостовѣрялъ невиданный ими до того

нашъ нарядъ и плохое Русское произношеніе, бѣльшей части нашихъ уланъ, изъ Малороссіяны и Поляковъ. Не знаю, кто распространилъ между крестьянами эту нелѣпную вѣсть — но почти во всѣхъ домахъ отъ насъ прятали дѣтей, и когда я спрашивалъ у хозяевъ, есть ли у нихъ дѣти — они приходили въ ужасъ. Бабы бросались въ ноги и умоляли умиловаться, предлагая, вмѣсто ребенка, поросенка или теленка! Съ трудомъ приходилось намъ разубѣрять простодушныхъ крестьянъ, особенно бабъ, что мы не людѣды! — Но недоразумѣніе было не продолжительно. Черезъ нѣсколько часовъ водворялись между нами, какъ говорятъ крестьяне, *лады*, т. е. миръ и согласіе, и наши молодцы уланы весьма скоро пріобрѣтали сильныхъ защитницъ между крестьянками и пріятелей между ихъ мужьями и братьями.

За Нарвой, гдѣ начинается Эстонское

нароdonаселеніе , т. е. въ странѣ , насе-
ленной Чухнами , положеніе наше сдѣла-
лось еще несноснѣе. Чухны , какъ из-
вѣстно , живутъ не въ домахъ , а въ ри-
гахъ. Въ томъ отдѣленіи , гдѣ топится
печь , для сушки хлѣба , живетъ вимою
семья , а на гумнѣ , гдѣ хлѣбъ молотятъ ,
помѣщается домашній скоть , отъ коро-
вы до животнаго , презираемаго Евреями
и Мусульманами. Трубы нѣтъ , окно въ
ладонь величною ! Густой дымъ напол-
няетъ жилье , и чтобъ избавиться отъ не-
го , надобно садиться на полъ , между
грязными ребятишками , поросятами и
телятами. Послѣднихъ Чухны берегутъ
едва ли не болѣе , чѣмъ своихъ дѣтей !
Народа вездѣ бездна , потому что въ од-
ной ригѣ живутъ три поколѣнія одного
семейства , отъ прадѣда до правнуковъ ,
съ работниками и работницами. Смрадъ
нестерпимый и на немощеномъ полу
грязь , какъ на дворѣ. — У Русскихъ му-

жиковъ наши уланы имѣли; по крайней мѣрѣ, хорошую пищу, Русскія щи и кашу а Чухонской пудры самый голодный не рѣшался ѣсть. Знаете ли, что такое пудра? Въ большой чугунный котелъ вливается до половины вода, и когда она закипитъ, кладутъ туда рѣпу или брюкву, картофель и морковь, высыпаютъ известное количество ржаной муки, и какъ скоро овощи разварятся совершенно, болтаютъ все это деревянною мѣшалкой до тѣхъ поръ, пока изъ всего этого не сдѣлается жидкая каша. Тогда подбавляютъ прѣснаго молока, высыпаютъ соль, снова болтаютъ и снимаютъ съ огня. Вся семья садится на полъ вокругъ котла и хлебаетъ пудру ложками. Это — ежедневная пища Чухонъ, круглый годъ и во всю жизнь! Лакомство Чухонъ составляютъ хлѣбъ (большую частью съ мякиною), кислое молоко и селедка. За табакъ, водку и селедку Чухонецъ го-

товъ на все рѣшиться! Это его блаженство! Только въ свиномъ, соленомъ мясѣ Чухонецъ находитъ нѣкоторый вкусъ, но всякаго другаго мяса, особенно свѣжаго, онъ не любитъ и называетъ его *пръенымъ* (*).

Нѣтъ сомнѣнiя, что положенiе Чухонъ съ тѣхъ поръ чрезвычайно улучшилось, и теперь есть между ними даже люди зажиточные; но образъ жизни ихъ не перемѣнился. Достаточный Эстонецъ теперь лучше одѣвается, выѣзжаетъ со

(*) Весьма замѣчательно, что когда, поселившись въ Карловѣ, хотѣлъ я улучшить положенiе рабочихъ людей на мызѣ (пастуховъ, садовыхъ работниковъ и т. п.) и сталъ ихъ кормить хорошимъ хлѣбомъ, говядиной, шами и кашею, Чухны пожаловались на меня въ судъ, что я *моря ихъ голодомъ*; и я долженъ былъ, по прежнему, кормить ихъ пудрою, сѣдьями и кислымъ молокомъ. Вотъ что называется: не ходи въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ! — Добро то, что по нраву человѣку!

двора, въ церковь или въ городъ; не въ лаптяхъ и не въ бастеляхъ (*); а въ Русскихъ сапогахъ, въ хорошемъ кафтанѣ или тулупѣ, имѣеть нѣсколько лошадей, кованую телѣгу, хорошиіи скоть, ѣсть лучшиіи хлѣбъ и употребляетъ чаще сельди — но живетъ все по прежнему, въ дымной и смрадной ригѣ, и не можетъ обойтись безъ своей пудры. Сколько ни было попытокъ, чтобъ заставить Чухонъ жить въ свѣтлыхъ домахъ, съ трубами и окнами — все напрасно! Графъ Шереметевъ выстроилъ, на свой счетъ, чистые и свѣтлые дома для крестьянъ (въ имѣньи Газелау, близъ Дерпта), но крестьяне только на лѣто переходятъ въ

(*) Бастелями называется обувь изъ сырой, т. е. невыдѣланной шкуры, воловьей или коровьей, или изъ куска сыромятной кожи, безъ подошвъ. Кускомъ шкуры или кожи обвертываютъ ноги по онучѣ и прикрѣпляютъ бечевкою или ремнемъ.

эти дома, а зимою живутъ въ своихъ ригахъ, утверждая, что въ дымѣ и вмѣстѣ со скотомъ жить здорověе!! Дѣло противорѣчитъ, однакожъ, этому мнѣнію.. Смертность между дѣтьми Чухонъ ужасная, и народонаселеніе въ Эстляндіи, въ Эстляндскихъ округахъ Лифляндской Губерніи и въ Старой Финляндіи подвигается впередъ чрезвычайно медленно. Между пожилыми людьми множество слѣпыхъ. Хуже не живутъ ни Камчадалы, ни Лапландцы, ни Эскимосы — и это среди Нѣмецкой образованности!

Рѣдкій молодой человекъ, при вступленіи въ свѣтъ, не ощущалъ влеченія къ странствованіямъ. Съ какимъ любопытствомъ разсматривается тогда каждый новый предметъ, какъ хочется все знать, все видѣть, все изслѣдовать! — У меня изгладилась изъ памяти города, видѣнные мною въ дѣтствѣ, до опредѣленія

моего въ Кадетскіи Корпусъ, и я, такъ сказать, сросся съ Петербургомъ. Хотя и малолѣтныя кадеты учатся Географіи, но въ кадетскомъ разговорномъ языкѣ принято было, что каждая рѣка называется *Невою*—и каждое дерево *березою*. «Изъ какого ты города? спрашивалъ, бывало, одинъ кадетъ у другаго. — Изъ Ярославля. — А есть у васъ *Нева*? — Есть и большая: рѣка Волга!» — Мы все измѣряли Петербургомъ. — Ямбургъ, первый городъ на пути, не удивилъ меня своею ничтожностью. Онъ былъ и есть тоже, что Петербургская Сторона или Пески. — Нарва, мало измѣнившаяся со временъ Петра Великаго, восхитила насъ видомъ старины и иноземщины. Любимая моя наука, Исторія, представила воображенію моему множество картинъ — и я написалъ изъ Нарвы къ Лаитингу предлинное письмо, на нѣсколькихъ листахъ, въ которомъ вывелъ на сцену и

Датскаго Короля Вольдемара и нашихъ Ивана Васильевича Грознаго и Петра Великаго, украсивъ все моими юношескими мечтами. Въ городѣ однако жъ было скучно — и мы, отдохнувъ сутки, пошли далѣе и наконецъ прибыли въ Дерптъ.

Теперь Дерптъ — прекрасный, чистый, благоустроенный городъ; въ немъ около 13,000 жителей, университетъ, который посѣщаютъ до 600 студентовъ, гимназія и другіи казенныя и частныя учебныя заведенія, и въ нихъ до 1000 человекъ учениковъ. Теперь въ Дерптѣ лавки великолѣпныя и богатыя, въ которыхъ достанете все что продается въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. А что былъ Дерптъ *тогда!* На большой площади были каменные дома — но весь городъ состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ деревянными домиками, и вмѣщалъ въ себѣ не болѣе

2,500 человекъ жителей! Въ новоустроенномъ университетѣ было не болѣе полутора ста студентовъ, а во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣрно не болѣе трехъ сотъ учениковъ. Студентская форменная одежда удивила насъ! Студенты носили тогда колеты кирасирскаго покроя, длинные ботфорты со шпорами, рыцарскіе шишаки и огромные палашища. Когда два студента шли по пустымъ улицамъ Дерпта, звукъ шпоръ и палашей раздавался въ комнатахъ. Въ этомъ геройскомъ костюмѣ студенты ходили даже на лекціи. Городскіе жители были вообще бѣдны. Гостиного двора тогда вовсе не было, лавокъ было немного, но жизнь въ Дерптѣ была гораздо пріятнѣе и веселѣе нынѣшняго.

Лифляндское Дворянство, просвѣщенное и достаточное, не любитъ жить въ своемъ богатомъ и торговомъ губернскомъ городѣ — Ригѣ, потому что не хо-

четь совмѣстничать въ роскоши съ Рижскимъ купечествомъ. Значеніе и важность дворянина состоятъ въ его родовыхъ преимуществахъ, заслугахъ, фамильныхъ связяхъ, а значеніе купца — въ деньгахъ. Къ деньгамъ, т. е. къ мамону, привязываются, обыкновенно, какъ моль къ шерстянымъ издѣліямъ, тщеславіе, высокомѣріе и гордость. А какъ выказать ихъ? Роскошью и ложною щедростью. Весьма часто, скрѣпя сердце, купецъ бросаетъ тысячи, только для того, чтобъ объ немъ говорили! Лифляндскій дворянинъ живетъ чисто, порядочно, чрезвычайно скромно и болѣе нежели умѣренно. Званный гость угощается прилично, по всѣмъ правиламъ аристократическаго этикета, но угощается безъ излишества. У купца, напротивъ, званный обѣдъ или балъ — синонимы излишества — совершенно одно и то же. Гдѣ у дворянина издерживается полдюжины

бутылокъ вина, тамъ у купца выходитъ цѣлый ящикъ. Рига вообще городъ гастрономическій, какъ Гамбургъ, съ тою разницею, что въ Гамбургѣ можно лакомиться въ трактирахъ, а въ Ригѣ въ трактирахъ голодъ, и роскошь въ купеческихъ домахъ. — Рижскіе купцы, по большей части (почти *всѣ*) коммиссіонеры, и производятъ огромные обороты на чужой счетъ, ничего не рискуя; деньги имъ приходятся (или, правильнѣе, приходились) легко, безъ всякаго риска, и они издерживаютъ ихъ весело на гострономію и волокитство или покупаемую любовь. Лифляндскому Дворянству трудно съ ними соперничать и потому дворянство избрало Дерптъ для своего зимняго мѣстопробыванія. Въ это время жилъ въ Дерптѣ патріархъ Лифляндскаго гостепріимства, Баронъ Левенштернъ, въ прекрасномъ своемъ домѣ, на большой площади, возлѣ Ратуши. Высокая

Нѣмецкая честность и прямодушіе, Французская любезность и Русское гостепріимство были соединены въ семействѣ Левенштерна. Здѣсь жилъ тогда извѣстный умомъ и любезностью, Французъ родомъ и Баварецъ по натурализаціи, Графъ де Бре, женившійся потомъ на дочери Барона Левенштерна, и бывшій долгое время Баварскимъ Посланникомъ при Россійскомъ Дворѣ. Графъ Бре выѣхалъ изъ Баваріи, избѣгая мщенія Наполеона, противъ котораго онъ что-то написалъ. Графъ Бре былъ человѣкъ высокаго образованія и обладалъ тѣмъ рѣдкимъ даромъ, которымъ славились Французы XVIII вѣка, — даромъ вести и поддерживать бесѣду. Въ домѣ Левенштерна ежедневно собирались, на вечеръ, всѣ его знакомые, въ томъ числѣ и ученые. Званые балы и танцевальныя вечера бывали у него довольно часто. Время проводили чрезвычайно весело. Старикъ,

отецъ этого почтеннаго семейства, уже въ могилѣ. Переселившись изъ Дерпта и прїѣзжая только по дѣламъ, онъ всегда навѣщалъ меня въ Карловѣ, также какъ и почтенный сынъ его. Теперь я потерялъ изъ вида это благородное семейство, и знаю только, что достойный сынъ Барона, каммергеръ, находившійся при Цесаревичѣ въ Варшавѣ, продавъ помѣстья свои въ Дерптскомъ Округѣ, проживаетъ теперь въ очаровательномъ имѣніи своемъ Кокенгузенѣ, на Двинѣ, близъ Риги. Кромѣ Левенштерпа въ Дерптѣ проживало еще нѣсколько почтенныхъ семействъ, у которыхъ собиралось общество, по тону, просвѣщенію, любви къ изящному не уступавшее высшему обществу любой столицы. — Семейство Криднера (у сына котораго я купилъ Карлово) было музыкальное, по превосходству. Четыре сына старика, Карла Криднера (прозваннаго Carl der

Kluge, т. е. Карлъ мудрый), были отличные музыканты. Всѣ любители музыки собирались въ Карловѣ, гдѣ бывали концерты, въ прекрасной, огромной залѣ, и нынѣ существующей.— Не только изъ всей Лифляндіи, но и изъ Эстляндіи пріѣзжали въ Дерптъ дворяне, съ семействами, провести время въ пріятномъ и просвѣщенномъ обществѣ — и офицеры гвардіи, изъ Остзейцевъ, ѣздили туда почти ежегодно, для свиданія съ родными и милыми кузинами. Во время ярмарки, продолжавшейся цѣлый Январь мѣсяць, каждый день былъ балъ и гдѣ нибудь обѣдъ, и въ эту пору размѣнивались здѣсь, во множествѣ, обручальными кольцами. Покойный Графъ де Бре, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ, съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ о тогдашней Дерптской жизни, что подтверждали и всѣ знавшіе Дерптъ въ то время. Все это теперь упало! Дворянство

раздѣлилось на партіи; собранія въ домахъ бываютъ рѣдко; провинціальный духъ, называемый здѣсь неправильно патріотисмомъ, занялъ всѣ умы. На дворянъ не матрикулированныхъ (т. е. не вписанныхъ въ дворянскую книгу Остзейскихъ Губерній) смотрятъ какъ на зачумленныхъ; съ учеными не водятся — и въ Дерптѣ водворилась скука, хотя едва ли болѣе гдѣ есть матеріаловъ къ веселой, беззаботной жизни, какъ здѣсь, потому что здѣсь есть и просвѣщеніе, и образованность, съ хорошими качествами души. Во время постоянного моего пребыванія въ Карловѣ (отъ 1832 до 1837 г.) снова завелись въ Дерптѣ общежитіе, веселость въ обществахъ и гостепріимство — смѣло могу сказать, что ня нѣсколько содѣйствовалъ къ оживленію усыпленнаго духа общежитія. Теперь опять въ Дерптѣ холодно, какъ въ могилѣ! Вообще въ Нѣмецкомъ обществѣ долженъ быть будиль-

никъ, Французъ или Славянинъ, съ горячею кровью — а не то Нѣмцы скоро задремлютъ.

При такомъ расположеніи общества, какое было тогда въ Дерптѣ, разумѣется, что дворянство обрадовалось прибытію Великаго Князя Цесаревича, съ любимымъ его Уланскимъ Полкомъ. Полкъ имѣлъ дневку въ Дерптѣ, и дворянство, отъ имени города и провинціи, устроило балъ, блистательный, въ полномъ значеніи слова, на который всѣ наши офицеры должны были явиться, по желанію Его Высочества. Откуда собралось на этотъ балъ такое множество красавицъ? — И теперь есть въ Лифляндіи прекрасныя женщины, но такого ихъ множества вмѣстѣ, я никогда не видывалъ въ Остзейскихъ Провинціяхъ, хотя бывалъ на многолюдныхъ и великолѣпныхъ балахъ. Говорятъ, что предположено было дать балъ, при первомъ

**

извѣстіи о выступленіи въ походъ гвардіи, и что распорядители бала нарочно пригласили изъ Риги, Ревеля и изъ помѣстьевъ всѣхъ красавицъ. Царицами бала были двѣ сестры фонъ-Лиліенфельдъ, настоящія сильфиды, стройныя, бѣлокурыя, воздушныя, съ прелестнымъ очеркомъ лица и алмазными глазками.— Его Высочество оказывалъ двумъ сестрамъ особенное предпочтеніе, и самъ нѣсколько разъ танцевалъ съ ними. — Извѣстно, что Нѣмки страстно любятъ танцы, и намъ данъ былъ приказъ (разумѣется, въ шутку): замучить Нѣмокъ танцами. Усердно исполнили мы приказаніе, и танцовали, въ буквальномъ смыслѣ, *до упада* и *до перваго обморока*. Прелестныя Нѣмочки были въ восторгѣ! Послѣ роскошнаго ужина, въ три часа утра, съ сильнымъ возліяніемъ въ честь древнихъ божествъ Бахуса и Афродиты, началась мазурка, кои-

чившаяся въ семь часовъ утра. Мы велѣли нашимъ уланамъ отнять у лакеевъ теплое платье гостей и отправить экипажи домой — и волею неволею почти всѣ должны были оставаться на балѣ. — *Was ist da zu machen ; man muss bleiben!* — говорили Нѣмцы и Нѣмочки — и дѣло шло своимъ чередомъ. Въ восемь часовъ разда-ся подъ окнами клуба, гдѣ былъ балъ, трубный звукъ, означающій : *садись на конь!* — Эскадроны уже собрались, подъ начальствомъ дежурныхъ офицеровъ и нѣкоторыхъ старыхъ ротмистровъ ; наши ординарцы подвели намъ лошадей — и мы прямо изъ мазурки : *на конь*, по-зводно на право заѣзжай и шагомъ впередъ — маршъ! — Пройдя черезъ городъ параднымъ маршемъ, за заставою мы пошли по три съ права, и едва прошли версты три или четыре, какъ увидѣли за собою погоню : десятка два са-ней, возковъ и кибитокъ. Любезные на-

ши хозяева и, разумѣется, милыя хозяюшки бала вздумали провожать насъ. Пѣсельники впередъ — пой веселую! А мы начали гарцовать на коняхъ, вокругъ экипажей, и на прощаньи мѣняться ласковыми словами и нѣжными взглядами съ милыми нашими танцовками. На комплименты и фразы мы не скупились. Пробалагуривъ такимъ образомъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, мы наконецъ распростились съ нашими новыми знакомцами и знакомками; они воротились въ городъ, а мы пошли своимъ путемъ.

И такъ Дерптъ, въ первое мое съ нимъ знакомство, произвелъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Не думалъ я и не гадалъ тогда, что, по прошествіи двадцати двухъ лѣтъ, буду Лифляндскимъ помѣщикомъ и почти жителемъ Дерпта! И теперь еще здравствуютъ въ Дерптѣ нѣкоторые свидѣтели этого пріема; сдѣ-

даннаго Его Высочеству и Его полку, и до сихъ поръ живутъ двѣ царицы тогдашняго бала, двѣ сестры, дѣвицы фонъ-Лиліенфельдъ. Не разъ припоминалъ я имъ объ этомъ балѣ — и невольный вздохъ вылеталъ у насъ изъ груди о прошедшемъ времени!

За двѣ станціи отъ Дерпта начинается Латышина, страна, обитаемая Латышскимъ племенемъ, Lethland. Латыши во сто кратъ смышленѣе, образованнѣе и общежительнѣе Чухонъ, и, что весьма замѣчательно, никогда съ ними не рождаются посредствомъ браковъ. — Латышскій языкъ, отрасль древняго Литовскаго, мягче и благозвучнѣе Чухонскаго. Латыши народъ красивый, и женскій полъ ихъ прелестный: есть между Латышками истинныя красавицы! Латыши живутъ въ домахъ съ окнами и печами, довольно чисто, и одѣваются опрятно, особенно женщины. Пища у нихъ хотя убо-

гая, но порядочная. Здѣсь мы нѣсколько отдохнули, хотя при квартирваніи было всегда одно и то же неудобство, потому что и Латыши и Чухны живутъ не деревнями, а въ отдѣльныхъ домахъ, каждый возлѣ своего поля. Почти при всѣхъ мызахъ въ то время были *квартирные дома* (Quartierhäuser), нарочно построенные для офицерскаго постоя; но намъ приказано было находиться при своихъ взводахъ, и мы тогда только квартировали всѣ вмѣстѣ, въ квартирномъ домѣ, когда эскадронъ не былъ разсыпанъ. Нѣкоторые помѣщики приглашали офицеровъ къ обѣду, на мызу, но это составляло исключеніе изъ общаго правила. Мы обыкновенно покупали провизію на мызѣ или у мужиковъ, и варили на квартирѣ. — Не то, что въ Россіи и въ Польшѣ, гдѣ рады случаю угостить офицера!

Въ Ригѣ также данъ былъ для Его

Высочества и Его полка балъ , даже великолѣпнѣе Дерптскаго , но не столь веселый и безцеремонный. Рига имѣетъ уже всѣ притязанія большаго города : тутъ всѣ власти и все чиновничество , слѣдовательно и этикетъ. — Танцовали мы , но уже не *до упада* и не *до перваго обморока* , и послѣ ужина , въ три часа утра , разѣхались по домамъ , т. е. по квартирамъ.

Изъ похода я писалъ длинныя письма къ Лантингу , передавая въ нихъ мои мысли и ощущенія. Хорошо помню , что Рига мнѣ тогда не понравилась , хотя виновата въ этомъ была не Рига , а мое юношеское романическое воображеніе. Узкія улицы , дома старинной архитектуры , готическія церкви восхищали меня , и я воображалъ , что перенесся въ Средніе Вѣки , искалъ вездѣ рыцарей — и встрѣчалъ на каждомъ шагу лавки , съ Нѣмецкими и Еврейскими над-

писями на вывѣскахъ, озабоченныхъ купцевъ и толпы Польскихъ Жидовъ. Особенно *мѣнялы* произвели на меня неприятное впечатлѣніе.... Возлѣ церквей, на площадяхъ; у знаменитаго плавучаго моста на Двинѣ, стояли ряды столиковъ съ различною монетою, а за столами сидѣли Жиды, Жидовки, Русскіе безбородые старовѣры и разный сбродъ, и крикомъ и визгомъ приглашали мѣнять Русскія деньги на иностранныя. Здѣсь мы размѣняли свои ассигнаціи на Прусскіе талеры, гульдены и *дидки*, которыя теперь уже не существуютъ. Прусская серебряная монета, въ то время вообще содержала въ себѣ много мѣди, а *дидки* — это были маленькія (съ ноготь мизинца) мѣдныя посеребренныя деньги. Рига завалена была Англійскими товарами, и хотя съ насъ брали вдвое въ лавкахъ, но все же всѣ мануфактурныя издѣлія были чрезвычайно дешевы. Денегъ было мно-

го въ городѣ и въ провинціи, потому что всѣ произведенія земли, при превосходномъ урожаѣ, по случаю войны были чрезвычайно дороги и покупались на наличныя деньги, а изъ Литвы требовалось множество товаровъ. 1806 и 1807 годы были самые счастливые въ теченіе цѣлаго столѣтія для Остзейскихъ и Литовскихъ помѣщиковъ и купцевъ. Съ тѣхъ поръ не было тамъ никогда такого изобилія, такихъ требованій на товары, такихъ цѣнъ и столько наличныхъ денегъ. Напримѣръ, бочка хлѣбнаго вина продавалась отъ 60 до 75 рублей ассигнац., а нынѣ продается по 20 рубл. ассигн. и менѣе. Развратъ въ Ригѣ былъ тогда въ высочайшей степени! Помня хорошо прочитанное мною сочиненіе Бартелеми: *Путешествіе Анахарсиса по Греціи и Азіи, съ присовокупленіемъ извѣстій о Египтѣ* — я сравнивалъ Ригу, въ письмѣ моемъ къ Лантингу, съ

Вавилономъ! — Здѣсь зимовало множество Англійскихъ кораблей, а извѣстно, какъ живутъ на берегу Англійскіе моряки. На Рижскихъ форштатахъ былъ настоящій Содомъ! — День и ночь раздавались звуки музыки, пѣсни, крикъ и шумъ. Вино лилось рѣкою — по золоту! Нимфы радости, соблюдая строгій нейтралитетъ, разѣзжали толпами изъ одного города въ другой, гдѣ только собирались или гдѣ проходили войска. — Бѣдныя Нѣмки! Страшно подумать, какъ легкомысленно тысячи несчастныхъ красавицъ добровольно повергаются въ бездну разврата и крайняго уничиженія, для того только, чтобъ украситья разноцвѣтными тряпками и прожить нѣсколько лѣтъ въ гнусной праздности и лѣни! И почему во всѣхъ портахъ, во всѣхъ столицахъ между этими несчастными, погибшими существами болѣе всего Нѣмокъ? Важная философическая задача! —

Весь образованный міръ единогласно сознался, что нѣтъ лучшихъ женъ и матерей, какъ Нѣмки, и что ни въ одной странѣ нѣтъ столько честности, религіознаго духа и образованности, какъ въ Германіи. Откуда же эта крайность? — Источникъ зла въ самомъ добрѣ. Простодушная Нѣмка легко вѣритъ клятвамъ влюбленнаго, и если онъ развратенъ, не дорожитъ своею совѣстью и невинною душою несчастной, то легко ввергаетъ ее обманомъ въ первое преступленіе, которое влечетъ за собою самыя пагубныя послѣдствія. Гнусные люди, большею частью Евреи и Еврейки, торгующіе падшими существами, какъ демоны хватаютъ немедленно несчастную жертву въ свои когти, развращаютъ ея воображеніе, усыпляютъ совѣсть, заглушаютъ стыдъ и затмѣваютъ слабый умъ прианками мишурной роскоши и обманчивой будущности — и губятъ на вѣки! —

Въ мои лѣта я могу сознаться, что въ молодости, побѣждая иногда умомъ отвращеніе свое отъ этихъ несчастныхъ созданій, я сближался съ ними изъ любопытства, и ласкою и состраданіемъ заставлялъ ихъ рассказывать мнѣ, какимъ образомъ они дошли до такой степени униженія. Почти всегда слезы раскаянія и даже отчаянія сопровождали этотъ рассказъ: анатомируя такимъ образомъ сердце, погрязшее въ развратѣ, я открывалъ въ немъ драгоценныя капли чести, стыда и совѣсти. Всегда почти причиною паденія были *обманъ* и *клятвопреступничество* мужчины! По моему мнѣнію, это то же, что убійство— даже болѣе, нежели убійство, потому что тутъ убивается душа! — Горе тому, у кого на совѣсти лежитъ гибель несчастной женщины, ввѣрившейся ему на слово! — Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ рассказахъ могла быть ложь,

потому что эти падшія существа привыкаютъ жить ложью — но даже самое то, что и въ лживомъ разсказѣ *обманъ* выставлялся *первою причиною* къ разврату, служить неоспоримымъ доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ девять десятыхъ совращены обманомъ съ истиннаго пути. — Этихъ несчастныхъ было тогда въ Ригѣ множество! Вечеромъ, онѣ, какъ неистовыя вакханки, бѣгали толпами по улицамъ, нападали на прохожихъ и тащили насильно въ свои жилища! Одинъ изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ долженъ былъ обнажить саблю и даже ранить нѣсколькихъ изъ этихъ гіепъ, напавшихъ на него между городскими воротами и Петербургскимъ форштатомъ. Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, посмѣялся и пошутилъ надъ офицеромъ, но подаривъ ему новую саблю, велѣлъ ту саблю, которая обнажена была противу вакха-

нокъ, бросить въ Двину.... Черта характеристическая!

Его Высочество Цесаревичъ, по особенной любви къ своимъ Уланамъ, приказалъ выдавать офицерамъ порціонныя, т. е. столовыя деньги, изъ собственныхъ суммъ. Мы не брали этихъ денегъ, не изъ гордости, но потому, что на первыхъ порахъ у каждаго изъ насъ водились кой-какія деньжонки, и въ походѣ негдѣ было ихъ тратить. По прибытіи въ Ригу этихъ порціонныхъ денегъ накопилось до семи тысячъ рублей ассигнаціями, и полковой командиръ, Полковникъ Чаликовъ, намѣревался раздать ихъ въ офицерскія эскадронныя артели, или, если кому угодно, на руки. До Риги шелъ съ нами при полку Маіоръ Притвицъ, жестоко израненный, въ голову, при Аустерлицѣ. Онъ непрерывно страдалъ, и мы мало его знали. Въ Ригѣ болѣзнь его дошла до того, что онъ началъ мѣшаться въ

умѣ. Надлежало его оставить. Онъ былъ отецъ семейства и человѣкъ небогатый; офицеры согласились отдать ему порціонныя деньги, всѣ 7000 рублей, что и было исполнено. Его Высочество былъ въ восхищеніи отъ этого поступка офицеровъ и хотѣлъ знать, кто первый подалъ къ этому мысль. Никто не сознавался. Это еще болѣе тронуло Его Высочество Цесаревича. «Господа,» сказалъ опъ намъ: «я люблю, когда вы откровенно сознаетесь мнѣ въ вашихъ шалостяхъ, но въ этомъ случаѣ охотно прощаю вамъ ваше *запирательство!* Всѣхъ васъ прижимаю къ сердцу, въ лицѣ вашего полковаго командира!» — Его Высочество со слезами на глазахъ прижалъ къ груди своей и разцѣловалъ полковника Чаликова. — «Каковы, каковы молодцы!» примолвилъ онъ. Эти слова: *каковы и каковы* Его Высочество имѣлъ привычку повторять и въ хорошемъ и въ дурномъ

смыслъ, когда бранилъ и когда хвалилъ. «Фонтеры—понтеры!» отвѣчалъ Полковникъ Чаликовъ. Это были слова, которыя не сходили у него съ языка. Послѣ, когда онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, Чаликовъ прибавилъ къ своимъ любезнымъ: «Фонтеры—понтеры—дери дѣромъ, Чаликовъ генералъ—маіоромъ!» — Предобрый, прелюбезный, превеселый и презабавный человекъ былъ Чаликовъ! Онъ жизнь принималъ какъ шутку, въ самыя серіозныя дѣла умѣлъ вплестъ острое словцо, и хотя на глазахъ Его Высочества не легко было управлять полкомъ и притомъ такимъ лихимъ, каковъ былъ нашъ полкъ, Чаликовъ умѣлъ кстати вытерпѣть и кстати отшутиться, и пользовался всегда благосклонностью Его Высочества. Офицеры и солдаты искренне любили Чаликова, потому что онъ былъ человекъ добродушный и снисходительный, и ког-

да только могъ, всегда защищалъ насъ передъ Его Высочествомъ, выручалъ изъ бѣды, и самъ *никогда* не жаловался. — «Вы, сударь, сегодня не были у развода», — говорилъ Чаликовъ офицеру. — «Виновать, заспалъ!» — Стыдно, сударь; чтобъ впередъ этого не было, а не то насидитесь на гауптвахтѣ.... Фонтеры-понтеры, дери-дѣромъ, Чаликовъ генераль-маіоромъ!...» отвернулся — и дѣло кончено.

Рыхлый ледъ на Двинѣ едва держался, и поверху во многихъ мѣстахъ стояла вода. Испробовавъ крѣпость льда мы перешли Двину *по одиночку*. Сперва перешли трубачи, и пока переходилъ полкъ, играли *переправу*. На берегу была бездна народа — почти вся Рига. Городская конная и пѣшая гвардія и сословіе шварцгейптеровъ, въ мундирахъ и верхомъ провожали насъ чрезъ городъ, шествуя церемоніяльно

передъ полкомъ. По всѣмъ улицамъ, чрезъ которыя мы проходили церемоніальнымъ маршемъ, окна въ домахъ были открыты, и въ окнахъ стояли дамы. Мы были въ парадной формѣ, съ султанами. Уланскій полкъ съ пиками и значками — былъ тогда рѣдкое, невиданное зрѣлище. Изъ нѣкоторыхъ оконъ бросали намъ цвѣты, которые мы ловили на лету и салютовали саблей за подарокъ. Полкъ молодецки прошелъ чрезъ Ригу, и какъ ни тѣсны улицы, но мы заставляли лошадей нашихъ прыгать и дѣлать курбеты.... Вспоминаю объ этомъ, потому что и теперь весело, когда припомнишь — и что лошадь моя чуть не сломила себѣ ноги, а мнѣ шен, вскочивъ на стѣну, въ лансадѣ....

Въ Митавѣ повторено все то, что было въ Ригѣ, съ тою лишь разницею, что на балѣ, данномъ дворянствомъ, между молодыми Курляндскими дворянами и наши-

ми офицерами утвердились тѣсная дружба и братство. Курляндцы вообще лихіе ребята, и, вовсе не похожи ни образомъ жизни, ни правилами, ни обычаями, на Остзейцевъ и даже на нынѣшнихъ Нѣмцевъ. Древніе рыцарскіе обычаи, т. е. удалство, молодечество, гостепрїимство, презрѣніе къ торгашеству, твердость въ словѣ, страсть къ поединкамъ, къ псовой охотѣ, къ разгульной жизни перешли въ Курляндію посредствомъ тѣсной связи ея съ старинною Польшею, сохранившею феодальность правъ и феодальные нравы до послѣдняго своего издыханія. Многіе изъ молодыхъ Курляндскихъ дворянъ нѣсколько переходовъ провожали верхомъ новыхъ своихъ друзей, офицеровъ, и ночевали вмѣстѣ на квартирѣ. — Поселяне въ Курляндіи, также Латыши, трудолюбивы и промышленны и могли бы быть богаты, если бъ въ Курляндіи всѣ пути къ прїоб-

рѣшенію достатка крестьянами не были запружены Жидами, которыхъ здѣсь почти столько же, относительно къ Христіанскому народонаселенію, сколько и въ Польскихъ провинціяхъ. Принявъ за правило, чтобъ при обвиненіи чловѣка изслѣдовать прежде побудительныя причины къ проступку, я уже съ давняго времени простилъ Евреямъ бѣольшую часть ихъ прегрѣшеній, и по убѣжденію долженъ извинить ихъ во многомъ. Мы бранимъ Жидовъ за то, что они не весьма разборчивы въ средствахъ къ приобрѣтенію денегъ, и чуждаются землешества, предпочитая ему бѣдность и праздность. Правда, нельзя этого похвалить, но если мы, положивъ руку на сердце, изслѣдуемъ наше обращеніе съ Евреями, то должно сознаться, что не одни Жиды въ этомъ виноваты. Что значитъ Жидъ безъ денегъ, и что значитъ Жидъ съ деньгами? Бѣднаго

Жидка послѣдній бобыль не впустилъ на свой дворъ, а богатаго Жида знатные и сильные люди принимаютъ въ своемъ кабинетѣ, а чиновный народъ даетъ ему почетъ, не справляясь какимъ образомъ онъ приобрѣлъ богатство, и какъ велъ свою торговлю или спекуляціи. Деньги замѣняютъ Евреямъ всѣ возможные привилегіи: это ихъ Magna Charta! — А какъ Жиду пуститься на землешество, которое въ выгоднѣйшемъ своемъ результатѣ представляетъ одну возможность пропитанія семейства! — Когда въ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, можно было Евреямъ брать въ аренду дворянскія и даже казенныя имѣнія, многіе Евреи занимались сельскимъ хозяйствомъ, но чтобъ Еврей самъ былъ хлѣбопашцемъ — это дѣло весьма мудреное. По ихъ вѣроученію, Израильтянинъ долженъ орошать потомъ чела своего только землю Израиля. И такъ,

надлежало бы начать преобразование Евреевъ съ просвѣщенія ихъ Европейскими идеями (*). Это одно лекарство отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, оказывающее свое дѣйствіе только въ другомъ поколѣніи. Этимъ средствомъ Франція до такой степени преобразовала народъ Израиля, что теперь тамъ нѣтъ уже Евреевъ, а есть только триста тысячъ Французовъ вѣры Моисеевой, по выраженію Виктора Гюго.

Митава въ то время была сколкомъ Польскихъ городовъ. Огромныя пространства, много пустырей, много домовъ деревянныхъ, множество Жидовъ-факторовъ, толпы разнощиковъ и разнощицъ (Евреевъ и Евреекъ) различныхъ товаровъ по улицамъ и по домамъ; шумъ и обиліе въ трактирахъ, нищета въ предмѣстьяхъ, грязь по колѣни — но

(*) Этому положено благое начало въ нынѣшнее царствованіе.

всюду жизнь и движеніе. — Въ жилахъ Курляндцевъ течетъ кровь, а не сыворотка! Курляндскія женщины — прелесть, и красавиць множество во всѣхъ сословіяхъ, даже между крестьянками.

Если бъ мнѣ предоставлено было избрать для себя какую нибудь страну во всей Европѣ, я избралъ бы Курляндію, съ ея здоровымъ климатомъ, плодородною почвою, морскими портами и народомъ, способнымъ къ высокому усовершенствованію. Курляндія, по своему положенію, можетъ быть весьма богатою страной! Надобно только капиталовъ и промышленности.

Изъ Митавы мы пошли на Шавли. Здѣсь я отпросился въ кратковременный отпускъ, чтобъ навѣстить дядю моего, Пріора Доминиканскаго монашескаго ордена, въ Россіенахъ. Взявъ подорожную, я поскакалъ на перекладныхъ.

II.

ЧЕТЫРЕ СТИХІИ ДРЕВНЕЙ ПОЛЬШИ. — ДВѢ ГЛАВНЫЯ ПРУЖИНЫ ОБЩЕСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ, ЗА СОРОКЪ ЛѢТЪ ПРЕДЪ СИМЪ: ЖЕНЩИНЫ И ЕВРЕИ. — ЕВРЕЙСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ. — ДЯДЯ, ПРИОРЪ ДОМИНИКАНСКАГО МОНАШЕСКАГО ОРДЕНА. — СОСТОЯНІЕ КАТОЛИЧЕСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ТО ВРЕМЯ. — ФУНДУШИ. — ТОГДАШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ДУХОВНЫХЪ КАТОЛИЧЕСКИХЪ ШКОЛЬ. — ОБМАНЧИВЫЯ ПРОКЛАМАЦІИ НАПОЛЕОНА. — ЗДРАВAYA ПОЛИТИКА МОЕГО ДЯДИ. — МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ. — ЦЕРЕХОДЪ ЗА ГРАНИЦУ И ПРИБЫТІЕ ВЪ АРМІЮ. — ВЗГЛЯДЪ НА ВОСТОЧНУЮ ПРУССІЮ И САМОГИТІЮ ИЛИ ЖМУДЗЬ. — ФУРАЖИРОВКА. — НАСИЛЬСТВЕННОЕ ЗНАКОМСТВО, ПРЕВРАТИВШЕЕСЯ ВЪ ТѢСНУЮ ЖЕНСКУЮ ДРУЖБУ. — ФРАНЦУЗСКІЙ БИВАКЪ ВЪ НАШЕЙ ПОЛКОВОЙ ШТАБЪ-КВАРТИРѢ. — НѢЖНОЕ ОБРАЩЕНІЕ СЪ ФРАНЦУЗАМИ. — БЕЗДѢЙСТВІЕ

Наполеона, удивлявшее всю Европу. — Рос-
кошная жизнь его въ Финкенштейнѣ. —
Полька утѣшительница. — Неудачные пе-
реговоры о мирѣ. — Начало военныхъ дѣй-
ствій. — Взглядъ на театръ войны. —
Очеркъ Главной Квартирѣ. — Провіантскіе
чиновники. — Карточная игра и дуэли. —
Жизнь на картѣ. — Передняя Главно-
командующаго. — Знакомство съ Генераломъ
Барономъ Беннигсеномъ. — Дежурный Ге-
раль, А. Б. Фокъ. — Обманутыя надежды. —
Обѣдъ у Главногокомандующаго и занима-
тельная военная бесѣда за столомъ. —
Французскіе биваки подъ Гутштадтомъ. —
Изувѣченный. — Дѣло при Пассаргѣ. —
Геройскій подвигъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго
полка. — Отчаянное дѣло Тайнаго Совет-
ника Графа П. А. Строганова. — Харак-
теристика этого вельможи. — Отступление
отъ Пассарги къ Гейльсбергу. — Блеста-
тельные подвиги Подполковника Кульнева
и Маіора Атаманскаго Казачьяго полка Ба-
лабина. — Гейльсбергское сраженіе. — Пер-
вый убитый возлѣ меня человекъ. — Ата-
манъ Войска Донскаго, М. П. Платовъ. —

АТАМАНСКІЙ ПОЛКЪ. — ИСКУСНЫИ МАНЕВРЪ НАПОЛЕОНА. — ОТСУПЛЕНІЕ РУССКОЙ АРМІИ ОТЪ ГЕЙЛЬСБЕРГА. — БЕННИГСЕНЪ ВЪ ШИПЕНБЕЙЛЪ. — ПРЕВОСХОДНЫИ ПЛАНЪ БЕННИГСЕНА. — КАВАЛЕРІЙСКОЕ ДѢЛО ПОДЪ ФРИДЛАНДОМЪ, 1 Іюня. — ГЕРОЙСКІИ ПОДВИГЪ УЛАНСКАГО ПОРУЧИКА СТАРЖИНСКАГО. — НЕСЧАСТНЫИ СЛУЧАИ, ИМѢВШІИ ВЛІЯНІЕ НА УЧАСТЪ ГЕНЕРАЛЬНАГО СРАЖЕНІЯ, 2 Іюня. — СВАЛКА СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ ДРАГУНАМИ. — НАША СЧАСТЛИВАЯ АТТАКА ФРАНЦУЗСКИХЪ КИРАСПРОВЪ И ДРАГУНЪ. — КАВАЛЕРІЙСКОЕ СРАЖЕНІЕ НА ПРАВОМЪ ФЛАНГѢ — И ПОБѢДА. — ОТЧАЯННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ НАШЕГО ПРАВАГО ФЛАНГА И ВСЕИ КАВАЛЕРІИ. — ГЕРОЙСКОЕ НАМѢРЕНІЕ КНЯЗЯ ГОРЧАКОВА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РѢКУ АЛЛЕ, ВПЛАВЪ. — РЕТИРАДА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ РѢКУ НЪМАНЪ ВСЕИ РУССКОЙ АРМІИ И ОКОНЧАНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІИ.

Добрый мой Ротмистръ, Василій Харитоновичъ Щегловъ, далъ миѢ на дорогу плащъ, изъ солдатскаго сукна, съ башлыкомъ (капишономъ), сшитый пароч-

но для бивакъ. Пока я доѣхалъ, правильнѣе доплылъ по грязи до Россіенъ, плащъ этотъ сдѣлался жесткій, какъ кора. Грязь засохла на немъ на два пальца толщиной. На послѣдней станціи узналъ я, что дяди моего нѣтъ въ городѣ, но что его ожидаютъ на другой день, къ празднику, не помню какому. Станціонный смотритель, знавшій всѣ городскія сплетни, совѣтовалъ мнѣ заѣхать къ богатому Еврею (не помню его имени), который поставлялъ вино и пряности въ монастырь Доминиканскій, слѣдовательно приметъ хорошо племянника Пріора, т. е. настоятеля. Я такъ и сдѣлалъ. — Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе для полной характеристики тогдашняго времени.

Въ хаосѣ, называемомъ древнимъ Польскимъ правленіемъ, господствовали четыре *силы* или *силы*, подчиняя себѣ ходъ общественныхъ дѣлъ. Эти четыре

силы принадлежали богатымъ панамъ , католическому духовенству , женщинамъ и Евреямъ , имѣвшимъ въ рукахъ своихъ всѣ торговые обороты и всѣ произведе- нія земли , единственное богатство тог- дашней Польши.—Вліяніе пановъ и духо- венства чрезвычайно уменьшилось послѣ паденія Польши : но сила Жидовъ и жен- щинъ , сила невидимая , сила неосязе- мая , дѣйствующая скрытно , была еще весьма велика въ ту эпоху , о которой я говорю . Евреи дѣйствовали умомъ , хи- тростью и деньгами ; женщины подчиня- ли все своему вліянію , умомъ , любез- ностью и красотою . — Женщинъ съ ма- лолѣтства дрессировали къ интригамъ (по-Польски на forsy) , какъ дрессируютъ кацареекъ дѣлать разныя штуки . — На Дворянскіе выборы (seymiki) , во время сужденія тяжебъ , искатели пріѣзжали въ городъ съ женами , дочерьми , кузина- ми и ихъ пріятельницами , которыя везли

съ собою полный арсеналъ нѣжныхъ взглядовъ, сладкихъ рѣчей и всевозможныхъ искушеній. Поляки съ материнскимъ молокомъ всасывали въ душу рыцарское уваженіе, повиновеніе и преданность къ женскому полу. — Отказать въ просьбѣ дамѣ—почиталось или совершенною дикостью или непреклонностью Катона, а какъ Катоны вездѣ и всегда весьма рѣдки, то Польки владычествовали самовластно въ своемъ отечествѣ.

Евреи составляли особое государство въ Государствѣ (*Status in Statu*). Общественныя Еврейскія дѣла управлялись общинными правленіями или *кагалами*, которые имѣли между собою непрерывныя сообщенія, и въ общемъ дѣлѣ дѣйствовали всегда общими силами. — Если надобны были деньги для общаго дѣла, *кагалы* налагали подать на общины, по столько-то съ души, и въ самое короткое время собирался миліонъ рублей, или

сколько было нужно. Эта денежная сила невидимо держала все въ своей зависимости. Сверхъ того, Евреи, посредствомъ сношеній между *кагалами*, знали все, что имъ нужно было знать, потому что богатые Евреи, по торговымъ сношеніямъ съ панами, а избранные хитрецы факторствомъ вывѣдывали всѣ тайны, между тѣмъ, какъ шишкарі держали въ рабствѣ слугъ (*). Жидаы никогда не переписывались чрезъ почту, въ важныхъ дѣлахъ, но всегда чрезъ нарочныхъ посланцевъ. Газетъ почти не читали въ

(*) Поляки вѣрили, что безъ Жидовъ невозможно обойтись въ жизни. Существуетъ старинная пословица: «*Kiedy trwoga, w tedy do Boga, a kiedy bieda. w tedy do Zyda,*» т. е. Въ тревогу, прибѣгають къ Богу, а въ бѣду — къ Жиду. — Здѣсь должно замѣтить, что *trwoga*, тревога, означаетъ *несчастіе*, а *bieda* (произноси беда), т. е. бѣда — *нужду*. — Жидъ всегда поможетъ человѣку въ нуждѣ, если налѣтается, что получить хотя отдаленную выгоду.

Польшѣ, не довѣряя печатнымъ новостямъ, и Евреи замѣняли газеты. — Во время войны или политическихъ переломовъ и бореній, Евреи держали всегда ту сторону, отъ которой надѣялись получить для себя болѣе пользы. — Въ это время Литва и всѣ возвращенныя къ Россіи отъ Польши провинціи были для Евреевъ гораздо прибыльнѣе Обѣтованной Земли, въ которой, по закону Моисееву, надлежало добывать насущный хлѣбъ въ потѣ чела, и потому въ войнѣ Россіи съ Наполеономъ Евреи держали Русскую сторону.

Хотя я пріѣхалъ въ Россіены поздно (часу въ одиннадцатомъ вечера), но Еврей, узнавъ кто я, принялъ меня весьма хорошо, отвелъ мнѣ чистыя комнаты, велѣлъ подать ужинъ (разумѣется маринованную рыбу, всегда готовую для подобныхъ случаевъ), самъ принесъ бутылку вина, сыръ и т. п.; и просилъ позволенія при-

сѣсть. Началась между нами политическая бесѣда. — Имя полка, въ которомъ я служилъ, повидимому, придадо мнѣ важность въ глазахъ Еврея, и онъ, быть можетъ, въ той надеждѣ, что преданность его къ Россіи сдѣлается извѣстною Государю, излилъ передо мною чувства своей приверженности и рассказалъ о положеніи края. Отъ него узналъ я, впервые, что Французы не были разбиты, на голову, при Пултускѣ, Голыминѣ и Прейсишъ-Эйлау; что въ Варшавѣ учреждено временное Польское правленіе и сформировано Польское войско въ 30,000 человекъ; что прокламаціи Наполеона ходятъ здѣсь по рукамъ, что до двѣнадцати тысячъ Польскаго юношества, изъ хорошихъ фамилій и мелкой шляхты, перешло въ Польскую военную службу, изъ всѣхъ Польскихъ провинцій, возвращенныхъ Россіи и присоединенныхъ къ Австріи, особенно изъ Волын-

ской Губерніи и Галиціи, что главная пружина этого энтузіасма — женщины, и что здѣсь нетерпѣливо ожидаютъ вторженія Французовъ. Обо всемъ этомъ я не слыхалъ въ Петербургѣ и въ нашемъ военномъ кругу, и потому не весьма довѣрялъ приверженному къ Россіи Еврею.

Проспалъ я богатырскимъ сномъ, послѣ дороги, до полудня, и когда проснулся, Еврей увѣдомилъ меня, что дядя мой пріѣхалъ, и что экипажъ его ждетъ меня у подъѣзда. Немедленно отправился я въ Доминиканскій монастырь.

Дядя мой былъ человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, высокаго роста и красивый мужчина. Онъ славился умомъ своимъ, пользовался общимъ уваженіемъ, хотя свѣтскія качества превышали въ немъ иноческія добродѣтели. Знаніемъ свѣта и связями съ знатнѣйшими фамиліями и правительственными лицами, онъ пріобрѣлъ вліяніе и въ своемъ орденѣ и въ обще-

ствѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, не предаваясь политическимъ мечтамъ, почитали Польшу умершею, и все счастье Польскихъ провинцій полагали въ сближеніи Поляковъ съ Россіею и въ безпредѣльной преданности къ Русскому Престолу. — Не знаю, по какому случаю дядя мой сдѣлался извѣстнымъ Императору Александру, но какъ въ краѣ, такъ и между Доминиканами, сохранившими преданія своего ордена, извѣстно, что дядя мой пользовался особенною милостью Императора. Когда только Государь проѣзжалъ чрезъ Литву, дядя мой всегда ожидалъ Его на какой-нибудь станціи и допускаемъ былъ къ Нему. Кромѣ того, Императоръ позволилъ ему писать къ Себѣ, въ собственныя руки. — Однажды, въ Стрѣльцѣ, когда я представлялся Государю на ординарцы, Онъ, узнавъ о моей фамилиі, спросилъ : «не

родня ли я Пріору?» На утвердительный мой отвѣтъ, Государь благоволилъ сказать: «Когда будешь писать къ нему, не забудь сказать, что Я помню и люблю его.» — Это чрезвычайно много!

Дядя мой вступилъ въ духовное званіе прежде паденія Польши, когда въ ней, какъ и во всѣхъ западныхъ католическихъ государствахъ дворяне поступали въ духовное званіе не столько по набожности, сколько по расчету. Дворянству въ Польшѣ открывались три поприща для пріобрѣтенія значенія: военная служба, гражданская, или служба по выборамъ, и духовное званіе. Духовенство въ Польшѣ обладало несмѣтными сокровищами. Духовные фондуши, т. е. денежные суммы и недвижимыя имѣнія, образовались изъ пожертвованій частныхъ лицъ на церкви и монастыри, и въ этомъ случаѣ даже: Особы Королевскаго Дома

обогащали церковь только въ званіи прихожанъ или богомольцевъ. Почти всѣ эти пожертвованія дѣлаемы были съ похвальною цѣлью, для блага человѣчества. Жертвовали духовенству огромныя суммы и вотчины на проповѣдываніе Христіанства въ странахъ языческихъ или магометанскихъ, на выкупъ христіанскихъ невольниковъ изъ плѣна у невѣрныхъ, на учрежденіе госпиталей и безвозмездныхъ школъ и т. п. Но цѣль первыхъ учрежденій, въ послѣдствіи, была совершенно забыта или исполнялась весьма слабо, только для вида. Миссіонеры не проповѣдовали Христіанства въ далекихъ странахъ, но довольствовались обращеніемъ въ Христіанскую Вѣру нѣсколькихъ изъ самыхъ превратныхъ Евреевъ или обнищавшихъ Татаръ. Невольниковъ вовсе не выкупали изъ плѣна невѣрныхъ, а напротивъ, покупали богатыя вотчины. вмѣсто госпиталей

при монастыряхъ содержали по нѣсколь-
ку старцевъ (*koscielnych dziadow*), какъ
вывѣску благотворительности. Правда,
Иезуиты, Піары, Доминиканцы и нѣко-
торыя другіе монашескіе ордена содер-
жали школы, но и лучшія изъ нихъ были
не въ духѣ времени — и схоластика въ
этихъ школахъ затмѣвала свѣтъ наукъ и
истинной философіи. Латынь замѣняла
всю премудрость. Послѣ учрежденія Ми-
нистерства Просвѣщенія въ Россіи, пре-
образованія Виленскаго Университета и
основанія уѣздныхъ школъ и гимназій, и
послѣ благоразумнаго изгнанія Иезуитовъ,
духовныя школы совершенно упали и
сдѣлались бесполезными, и вся ученая
дѣятельность католическаго духовенства
сосредоточилась въ семинаріяхъ. Между
тѣмъ фондуши все возрастали. Нѣкото-
рыя Епископы имѣли болѣе ста тысячъ
рублей дохода. Каноники пользовались
плебаніями (приходами, въ которыхъ

они никогда даже не появлялись), приносящими по нѣскольку тысячъ червонцевъ. Монастыри имѣли богатые вотчины и капиталы; и управлялись почти безотчетно. Такой ходъ дѣлъ привлекалъ многихъ дворянъ въ духовное званіе, для поддержанія фамильнаго значенія. Многія изъ духовныхъ лицъ оставляли богатые наслѣдства своимъ роднымъ и поддерживали ихъ. Всею Литвѣ известна исторія одной фамиліи, къ которой перешли все богатства одного Картезіанскаго монастыря близъ Слонима. Скажу мимоходомъ, что хотя дядя мой управлялъ богатыми монастырями и потомъ былъ Провинціаломъ (такъ называется глава Доминиканскаго ордена), но не оставилъ наслѣдства своей фамиліи. Онъ жилъ хорошо, дѣлалъ много добра—но не хотѣлъ или не умѣлъ составить *благопріобрѣтеннаго имѣнья* изъ чужой собственности.

Можетъ быть, и некоторымъ людямъ не понравится сказанное мною здѣсь о богатствѣ католическаго духовенства: но что жь дѣлать — я не умѣю лгать, и привыкъ излагать мой образъ мыслей о каждомъ предметѣ по убѣжденію. Я вѣрю, что обѣ крайности, богатство и бѣдность, вредятъ священному призванію духовенства, и что отъ него именно должно почерпать благіе примѣры умѣренности.

Дядя принялъ меня радушно, въ разговорахъ подтвердилъ все сказанное Евреемъ, и сверхъ того показалъ мнѣ прокламаціи Наполеона, которыми онъ приглашалъ Поляковъ къ возстанію въ Прусской Польшѣ, утверждая, что Костюшко прибудетъ вскорѣ для принятія начальства надъ Польскимъ войскомъ. — « Это ложь и обманъ », — сказалъ мнѣ дядя: « я знаю Костюшку лучше, нежели Наполеонъ, и твердо убѣжденъ, что онъ нико-

гда не приметъ на себя роли искателя приключеній (aventurier), и не нарушить честнаго слова, даннаго имъ Императору Павлу : не воевать противъ Россіи. Костюшко любить отечество, какъ каждый честный человѣкъ долженъ любить мать свою; но онъ убѣжденъ, что общая мать наша, Польша, умерла, и что намъ остается только чтить память ея въ могилѣ. Это имой образъмыслей», — примолвилъ дядя. «Я убѣжденъ», — продолжалъ онъ, «что Наполеонъ вовсе не помышляетъ о восстановленіи древней Польши. Ему нужны солдаты, а не народы! Да хотя бы Наполеонъ и желалъ, то не въ состояніи этого исполнить, потому что для этого надобно уничтожить или довести до послѣдней крайности три первоклассныя державы въ Европѣ, Россію, Австрію и Пруссію, которыхъ невозможно побѣдить, когда онѣ будутъ дѣйствовать вмѣстѣ всѣми своими силами. Сверхъ того,

выгоды Англии въ сопротивленіи могуществу Франціи и въ союзѣ съ Россіею. Счастіе Поляковъ въ сердцѣ Александра! Тамъ они должны искать его. Говорю тебѣ все это для того, чтобъ охранить отъ соблазна, отъ женскаго вербунка», примолвилъ онъ, улыбаясь. «Наши дамы и дѣвицы (раніе и рання) помѣшались на патріотическихъ мечтахъ, и молодому человѣку весьма трудно покорить логикою ихъ поэзію!...»

Сознаюсь, въ то время я несовершенно понималъ всю важность этихъ словъ моего дяди. Послѣдующія событія оживили въ моей памяти *первыи* политическій разговоръ мой о Польшѣ и убѣдили въ справедливости мнѣнія дяди. Слова его были пророческія!...

Я пробылъ въ Россіенахъ трое сутокъ, и только однажды былъ въ обществѣ, на вечерѣ у богатаго помѣщика Прже...го. Дамы съ любопытствомъ смотрѣли на

мой уланскій мундиръ, и явно провозглашали свои патріотическія чувства. Здѣсь я впервые услышалъ знаменитую пѣсню Польскую, о возвращеніи изъ Италіи Польскихъ легионовъ. Превосходно пѣла ее прелестная дѣвица . . . и многіе изъ присутствовавшихъ проливали слезы.

Въ тотъ же день переѣхалъ я въ монастырь, и помѣстился въ одной изъ квартиръ, всегда готовыхъ для значительныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Только однажды обѣдалъ я за общою трапезою. Столъ былъ превосходный и блюда такія огромныя, что можно было бы насытить вдвое болѣе людей съ хорошимъ аппетитомъ. Обыкновенно за столомъ пили одно пиво, а вино подавали только въ праздники; но въ этотъ день, хотя будній, подано было вино, ради гостя, племянника Пріорова. Сколько я могъ замѣтить, монахи были люди веселые и добродушные! Послѣ

обѣда время посвящаемо было разгово-
рамъ или шахматной игрѣ въ кельяхъ.
Одинъ старшій Доминиканецъ вязалъ чул-
ки съ утра до ночи, другой старикъ за-
нимался дѣланіемъ бумажныхъ коробо-
чекъ. Ученыхъ занятій я не замѣтилъ.

При прощаньи, дядя подарилъ мнѣ, на
дорогу, сто червоныхъ и снабдилъ огром-
нымъ коробомъ, наполненнымъ съѣстны-
ми припасами и разнымъ лакомствомъ, не
забывъ и венгерскаго вина, и далъ мнѣ мо-
настырскую бричку, до Юрбурга. Онъ
былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ
съ Главнокомандующимъ, Генераломъ Ба-
рономъ Беннигсеномъ (*), еще со времени
первой Польской войны, и потому далъ мнѣ

(*) Баронъ Беннигсенъ былъ женатъ на Поль-
кѣ Андржейковичевой. Фамилія наша издавна на-
ходилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Андржей-
ковичами, и даже теперь одинъ мой родствен-
никъ женатъ на Андржейковичевой, изъ той же
фамиліи.

къ нему рекомендательное письмо: Я догналъ полкъ въ Юрбургѣ, гдѣ была дневка и гдѣ намъ розданы были боевые патроны и отланъ приказъ отпустить (техническое слово) сабли, павострить пики и осмотрѣть огнестрѣльное оружіе. На другой день мы перешли чрезъ границу. Это было 9-го Марта, слѣдовательно въ тридцать семь дней мы перешли около 750 верстѣ.

Мы шли поспѣшно въ Главную Квартину, имѣя, однако жъ, ночлеги по селеніямъ, и къ половинѣ Апрѣля прибыли въ окрестности Шипенбейля. Полкъ нашъ расположился на кантоириръ-квартирахъ, и полковой штабъ былъ въ селеніи Гроссъ-Шванфельдѣ.

Восточная Пруссія есть древняя Литва, покоренная Орденомъ Меченосцевъ. Пруссаки до сихъ поръ называютъ Литвою (Litthau) часть страны прилегающую къ Россіи. По деревнямъ говорятъ языкомъ

Самогитскимъ или Латышскимъ. Народъ, населяющій большую часть Ляфляндіи, всю Курляндію (Латыши), Самогитію (Жмудины) и Восточную Пруссію, происходитъ отъ одного Литовскаго племени, и вездѣ сохраняетъ свои характеристическія черты. Латыши и Жмудины трудолюбивы, бережливы, способны къ высшему умственному развитію и мануфактурной промышленности, набожны и привержены къ своему племени. Во время древняго Польскаго правленія не было въ Польшѣ провинціи богаче Самогитіи или Жмуди, и въ десять лѣтъ, по раздѣленіи Польши, т. е. въ 1807 году, мы застали еще въ Самогитіи общее довольство. Тогда Жмудинамъ позволялось свободно (т. е. съ письменнымъ позволеніемъ капитанъ-исправника) возить свои земныя произведенія въ Мемель и Тильзитъ, и они за ленъ и пшеницу получали хорошую плату, и въ близи запаса-

лись, за весьма дешевую цѣну, солью, желѣзомъ и грубыми мануфактурными издѣліями. Многие поселяне на Жмуди имѣли тогда по нѣскольку тысячъ талеровъ въ запасѣ, и всѣ вообще жили хорошо, при обиліи домашняго скота и хорошихъ лошадей отличной породы, въ родѣ нынѣшнихъ Финляндскихъ. Когда границу заперли, источникъ ихъ богатства изсякъ. Въ Прусской Литвѣ поселяне были еще богаче, жили въ чистыхъ и просторныхъ домахъ и были вдесятеро болѣе просвѣщены, нежели ихъ соплеменники въ Курляндіи, Лифляндіи и Самогитіи. Даже въ это время, когда вся Русская армія и остатки Прусскаго войска сосредоточены были въ Восточной Пруссіи, не было еще недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ. Только къ веснѣ, имено во время нашего прихода, оказался недостатокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположена была кавале-

рія, и мы, стоя на контоинирь-квартирахъ въ дружеской странѣ, принуждены были фуражировать, т. е. разъѣзжать по окрестностямъ, искать съѣстныхъ припасовъ и фуража и брать то и другое насильно, выдавая, однако жъ, квитанціи, по которымъ въ послѣдствіи обѣщана была уплата Русскимъ Правительствомъ (*). Это была крайность: иначе невозможно было прокормить войско и содержать кавалерію, потому что хотя въ Кенигсбергѣ и были запасы, но доставка представляла большія затрудненія. Разумѣется, что фуражировка никогда не можетъ быть подчинена строгому порядку, потому что между отрядами фуражировъ, посылаемыхъ съ офицерами, шатаются всегда шайки мародеровъ, изъ деньщиковъ, фурлей-

(*) По окончаніи войны, въ Кенигсбергѣ учреждена была Ликвидационная Коммиссія, и по всѣмъ форменнымъ квитанціямъ уплачено наличными деньгами.

товъ и т. п. Нѣкоторые молодые офицеры также не весьма хорошо понимали важность фуражировки въ дружеской землѣ, и вмѣсто правильныхъ квитанцій за забранные съѣстные припасы и фуражъ, давали бѣднымъ жителямъ, на память, Русскіе стишки, пѣсни, или писали плохія шутки. Мнѣ самому случалось видѣть въ рукахъ шульцевъ (деревенскихъ старостъ) и даже помѣщиковъ, вмѣсто квитанцій, пѣсню: «*Чѣмъ тебя я огорчила*», или: «*Предъявитель сего долженъ получить 200 палочныхъ ударовъ*», и т. п. Эти глупыя и вредныя для жителей шутки были строго запрещены, однако жъ безпрестанно повторялись. Меня, хотя я не зналъ тогда по-Швецки въ половицу противъ нынѣшняго, однако жъ могъ говорить, весьма часто посылали фуражировать, и въ одну изъ этихъ командировокъ, я свелъ знакомство, которое едва не имѣло рѣшительнаго вліянія на всю жизнь мою.

Въ тылу и по флангамъ арміи было мало поживы. Тутъ надлежало уже искать добычи по лѣсамъ или въ ямахъ. Однажды, я рѣшился пуститься за черту, далѣе которой намъ не приказано было ѣздить, по направлеию къ Гутштадту, между Гейльсбергомъ и Бишофштейномъ, проѣхалъ верстъ тридцать, и подъ лѣсомъ увидѣлъ деревню. Лишь только мы показались на пригоркѣ, въ деревнѣ сдѣлалась суматоха. Часть жителей, особенно женщины и дѣти, бросилась бѣжать въ лѣсъ. Я поскакалъ во всю конскую прыть въ деревню, съ уланомъ Соколовскимъ, знавшимъ по-Нѣмецки, и мы стали кричать, изо всей силы: *Wir sind Freunde, wir sind Russen!* т. е. мы друзья, Русскіе. Но это, казалось, не успокаивало жителей. Нѣсколько стариковъ и хозяевъ, изъ смѣлѣйшихъ, стояли толпою передъ однимъ большимъ домомъ, и когда я прискакалъ къ нимъ, они сняли шляпы. Въ толпѣ

находился шульцъ. Я сталъ увѣрять ихъ, что поселянамъ не будетъ нанесено ни малѣйшей обиды, что ничего не будетъ тронуту безъ воли хозяина, что я требую только фуража, за который будетъ заплачено, что я свято исполняю волю и намѣреніе моего Государя, приславшаго насъ защищать Пруссію и т. п. Поселяне успокоились. Я слѣзъ съ лошади, и вошелъ въ домъ шульца рука объ руку съ нимъ, стараясь всѣми мѣрами успокоить и расположить его въ нашу пользу, и онъ послалъ въ лѣсъ, чтобы бѣжавшіе воротились оттуда. Между тѣмъ уланы мои прибыли въ деревню. Я спросилъ о непріятелѣ, и узналъ, что верстахъ въ двадцати, по дорогѣ въ Зеебургъ, была наканунѣ стычка Французскихъ разъѣздовъ съ казаками; но поселяне не умѣли мнѣ сказать, чѣмъ это кончилось, и куда пошли казаки и Французы. Шульцъ примолвилъ, что въ деревнѣ приняли насъ за одну изъ этихъ

партій. Юность моя и ласковое обхожденіе внушили поселянамъ полную ко мнѣ довѣренность, и они сознались, что по пикамъ нашимъ приняли насъ за казаковъ, которыхъ они боятся гораздо больше, чѣмъ непріятелей своихъ, Французовъ... Они совершенно успокоились, когда я сказалъ, что мы не казаки, а уланы, полка Брата Русскаго Императора.

Вскорѣ я былъ окруженъ толпою женщинъ и дѣтей, которыя съ любопытствомъ разсматривали мой нарядъ и вооруженіе. Шульцъ совѣтовалъ мнѣ захватить на господскій дворъ, въ двухъ верстахъ отъ деревни, подъ самымъ лѣсомъ, и переговорить съ госпожею на счетъ моихъ требованій. Я послѣдовалъ этому совѣту и поручивъ моихъ уланъ (всего двадцать человекъ), исправному унтеръ-офицеру, отправился съ однимъ Соколовскимъ на господскій дворъ. Для предосторожности, я разставилъ веде-

ты, и велѣлъ одной половинѣ уланъ кормить лошадей и самимъ пообѣдать на улицѣ, а другой половинѣ, не отлучаясь, стоять во фронтѣ, при замуцштученныхъ лошадяхъ. Не зная вовсе мѣстности и расположенія своихъ и непріятельскихъ войскъ, я долженъ былъ предполагать, что Французскіе фуражиры также могутъ попасть сюда. Меня учили, что первое правило военнаго человека, отъ котораго онъ *никогда* не долженъ отступать, — осторожность. Храбрый и многочисленный отрядъ можетъ быть разбитъ мѣньшимъ числомъ, въ нечаянномъ нападеніи.

Помѣщица приняла меня на крыльцѣ дома своего, и кажется весьма удивилась моею молодости. Хотя мнѣ было уже почти семнадцать лѣтъ, но по лицу я казался гораздо моложе. Въ краткихъ словахъ объяснилъ я помѣщицѣ причину моего посѣщенія, и просилъ снабдить овсомъ,

сѣномъ, хлѣбомъ и мясомъ на цѣлый эскадронъ, увѣряя, что за все будетъ заплачено, по существующимъ цѣнамъ. Это была еще первая фуражировка въ этомъ помѣстьи, и потому не было ни въ чемъ недостатка. Помѣщица, однакожь, начала было отговариваться — но я объявилъ ей рѣшительно, что если изъ снисхожденія къ ея просьбѣ, не возьму ничего, то другіе возьмутъ вдвое, и притомъ насильно, безъ всякаго порядка, а съ моимъ свидѣтельствомъ она можетъ уже отговариваться передъ другими, что все взято. Послѣ переговоровъ съ шульцомъ, рѣшено было удовлетворить меня, но для этого надлежало прождать до другаго утра, покамѣстъ успѣли испечь хлѣбъ, свезти сѣно и приготовить подводы. Хотя я и такъ уже былъ цѣлые сутки въ отлучкѣ изъ эскадрона, однако жъ долженъ былъ согласиться. Между тѣмъ помѣщица велѣла подать завтракъ.

Она была вдова Пруссаго Маіора Даргица. На вопросъ мой, есть ли у нея дѣти, она улыбнулась и сказала, шутя, что я *издали* показался имъ такъ страшень, что дѣти скрылись отъ меня въ лѣсу, какъ отъ волка, но что за ними уже послано. Едва успѣлъ я усѣсться за завтракъ, въ комнату вошли двѣ дѣвицы.... нѣтъ.... два воплощенные ангела! Это были дочери помѣщицы.... Я вскочилъ съ мѣста, какъ будто меня обдало кипяткомъ.... — «Вотъ старшая моя дочь, Албертина, а вотъ младшая, Леопольдина!» — сказала хозяйка. Я поклонился и ничего не могъ сказать, а только смотрѣлъ на красавицъ...

Живы ли онѣ теперь, и вспомнили ли хоть разъ объ нашемъ знакомствѣ?... Много прошло времени съ тѣхъ поръ, и если онѣ живы, то теперь уже почтенныя старушки.... Старшая, съ темно-каштановыми волосами и голубыми глазами, съ

яркимъ румянцемъ на лицѣ, была годомъ старше меня, а младшая, томная блондинка, годомъ моложе. Это были пышная роза и нѣжная лилія. Ничего не видалъ я прелестнѣе, этихъ двухъ сестеръ! Мать пошла распоряжаться по моему дѣлу и оставила насъ однихъ. Старшая сестра, видя что въ замѣшательствѣ я забылъ о завтракѣ, стала приглашать меня шутливымъ тономъ, и продолжая разговоръ, наконецъ возбудила и во мнѣ смѣлость. Мы говорили по-Французски. Послѣ завтрака, дѣвицы предложили мнѣ прогуляться съ ними въ саду. Постепенно становился я смѣлѣе и разговорчивѣе, и наконецъ вошелъ въ мой обыкновенный характеръ. Онѣ показали мнѣ свои цвѣты, свои любимыя деревья, свой птичникъ, свои любимыя мѣста въ саду, спрашивали меня о Россіи, о Петербургѣ — я спрашивалъ ихъ объ ихъ житьѣ, занятіяхъ, о книгахъ, которыя

имъ болѣе правятся — и чрезъ два часа, когда насъ позвали обѣдать, мы были такъ коротко знакомы, какъ будто прожили нѣсколько лѣтъ въ одномъ семействѣ. Мать удивилась, слыша, что мы за столомъ называемъ уже другъ друга по имени, шутимъ и хохочемъ вмѣстѣ, какъ старые знакомые. Особенно была весела и шутлива Албертина, но и томная Леопольдина оставила за обѣдомъ свою застѣнчивость. — Вообще говорятъ, что Нѣмки слишкомъ манерны, застѣнчивы, неловки, принужденны въ обращеніи (*steif*), не разговорчивы. Все это относится къ среднему сословію — но въ лучшемъ кругу весьма много женщинъ и даже дѣвицъ свободнаго обращенія. Г-жа Даргицъ воспитала дочерей своихъ во всей чистотѣ правовъ сельской, патріархальной жизни, и была такъ счастлива, что въ гувернанткѣ, Француженкѣ, нашла и познанія и нравственные качества. Дѣви-

пы, въ невинности чувствъ и понятій, слѣдовали простодушно своимъ впечатлѣніямъ, и съ перваго знакомства стали обходиться со мною безъ всякой церемоніи, какъ съ роднымъ братомъ. Очевидно, что моя молодость, откровенность и веселый нравъ расположили ихъ къ такому обхожденію.

а. На другой день я отправился съ богатымъ транспортомъ въ эскадронъ, давъ Г-жѣ Даргицъ формальную росписку въ полученномъ фуражѣ и провіантѣ, и для бѣльшей вѣрности обѣщавъ доставить росписку ротмистра. Разумѣется, что меня пригласили навѣщать домъ, а я, съ своей стороны, далъ слово пріѣхать при первой возможности. Около шести недѣль простояли мы на кантониръ-квартирахъ, въ окрестностяхъ Шипенбейля. Въ это время въ главной арміи не происходило никакихъ важныхъ дѣлъ, и только отдѣльные отряды сталкивались съ Французскими пар-

тїями. Атаманъ Платовъ леталъ вокругъ нашей арміи, съ своими казаками, тревожилъ повсюду непрїятеля нечаянными нападенїями, разбивалъ и забиралъ въ плѣнъ Французскихъ фуражировъ, отбивалъ транспорты и т. п.

Каждую недѣлю ѣздилъ я къ Госпожѣ Даргинцѣ, только въ сопровожденїи одного моего ординарца, и проводилъ въ этомъ домѣ по два, иногда и по три дня, а однажды, сказавшись больнымъ, прожилъ тамъ цѣлую недѣлю. Ротмистръ позволялъ мнѣ это. — Нѣсколько разъ спасалъ я господскїй домъ и деревню отъ фуражировъ и мародеровъ — и раздѣло дошло даже до обнаженїя сабли. Я называлъ себя *залогою*.... Наконецъ, я сталъ въ домѣ, какъ родной. Г-жа Даргинцѣ называла меня *сыномъ*, и старая гувернантка звала по имени (*monsieur Thadée*), точно такъ же, какъ и дѣвѣцы, не прибавлявшїя только *monsieur*. Въ

свою очередь, я называлъ ихъ просто Албертиной и Леопольдиной, а мать — шатап.

Это знакомство послужило въ послѣдствіи основою къ романтическому разсказу, подъ заглавіемъ: *Первая Любовь*, напечатанному въ первой Части, (стр. 25 — 80) моихъ Сочиненій, несчастнаго изданія книгопродавца Лисенкова. Разумѣется, что этотъ разсказъ прикрашенъ вымысломъ и небывальщиной, какъ въ большей части романовъ и повѣстей. Въ немъ справедливо только то, что я здѣсь разсказываю, а именно, что я былъ влюбленъ въ обѣихъ сестеръ и никакъ не могъ предпочесть одну другой, ни въ сердцѣ моемъ, ни въ головѣ. Когда я былъ съ одною, мнѣ хотѣлось видѣть другую — а обѣ вмѣстѣ онѣ составляли какое-то совершенство, которое восхищало меня и привязывало къ нимъ всею душою. Многимъ покажется это страннымъ, но такъ было на дѣлѣ — и эти психологическіе случаи хотя рѣдки,

но не невозможны. Еслибъ я женился на одной изъ сестеръ, я былъ бы несчастливъ, потому что мнѣ не доставало бы другой половины ангельскаго существа... Кажется, что и обѣ сестры расположены были ко мнѣ одинаково, т. е. любили меня равно, братнею любовью.

Послѣ семейнаго счастья, нѣтъ выше блаженства, какъ дружба съ умною, любезною и прекрасною женщиною. Это настоящій рай души! — Нѣтъ спора, что такая дружба не можетъ быть безъ примѣси любви, равно какъ и любовь не можетъ существовать безъ дружбы, но все же дружба и любовь различествуютъ между собою. — Привязанность моя къ дочерямъ Г-жи Дарницъ было не то судорожное, безпокойное чувство, которое пожираетъ сердце: но тихое, братское влеченіе.... Быть можетъ, если бъ я долѣе : пожилъ вмѣстѣ съ ними и пріѣхалъ къ нимъ изъ Россіи, на нѣ-

сколько мѣсяцевъ, какъ я обѣщаль — то я бы и женился на одной изъ нихъ и вѣроятно, на томной, романической, чувствительной Леопольдинѣ. Но въ то время я одинаково любилъ обѣихъ сестеръ — и это счастливое, хотя и короткое время составляетъ одно изъ сладостнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Это были первые цвѣты въ моей жизни!..

Въ полковой штабъ-квартирѣ Его Высочество устроилъ бивакъ, въ которомъ стояли двадцать четыре Французскихъ дезертира, присланныхъ къ нему Атаманомъ Платовымъ. Его Высочество раздѣлилъ этихъ Французовъ на два кап-ральства, далъ имъ ружья, и приказалъ имъ исполнять службу, какъ во Французскомъ лагерѣ, съ тою цѣлью, чтобъ узнать порядокъ Французской службы (*).

(*) Эти Французскіе солдаты отосланы были въ Стрѣльну, и по возвращеніи Его Высочества изъ похода, стояли бивакомъ въ Стрѣльненскомъ

Кромѣ того, въ штабъ-квартирѣ находилось нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ кавалеристовъ, которые также должны были ѣздить верхомъ предъ Его Высочествомъ и дѣлать всѣ эволюціи. Этихъ плѣнныхъ и дезертировъ содержали какъ почетныхъ гостей. Вообще Русскіе обходились, въ то время, весьма хорошо съ Французскими плѣнными, словно съ какими нибудь гувернерами, и нашимъ солдатамъ строжайше было запрещено обижать плѣнныхъ. Только одни казаки поступали всегда по-своему. Наши офицеры давали плѣннымъ деньги и одежду, дѣлились съ ними съѣстнымъ, и вообще не обнаруживали никакой неприязни. — Нѣсколько разъ я слышалъ отъ Французскихъ воиновъ, и тогда и послѣ, по-

Саду. Многіе изъ жителей Петербурга, особенно дамы, пріѣзжали смотрѣть Наполеоновскихъ солдатъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по Французской формѣ.

хвалы Русскей вѣжливости и челоуѣколюбію, и похвалы эти были заслуженныя. {Отечественная война разрушила это еогласіе....

Нѣсколько разъ собирался я проситья въ Главную Квартуру, въ Бартенштейнъ, чтобъ вручить письма Главнокомандующему, Генералу Беннигсену, и Дежурному Генералу, Александру Борисовичу Фоку, старинному другу всего нашего семейства: но не могъ разстаться съ милыми моими сестрицами, какъ я называлъ двухъ дочерей Госпожи Дарницъ, съ которыми проводилъ все время, свободное отъ дежурства или ученья. Наконецъ, пришлось намъ разстаться. Въ половинѣ Мая мы выступили въ походъ.

Мать, дочери, гувернантка, даже слуги заплакали, когда я только вымолвилъ, что пріѣхалъ прощаться. День провели мы печально, и въ полночь я уѣхалъ въ эскадронъ, въ экипажѣ Г-жи Дарницъ.

Въ шапку мою положили разныхъ сувенировъ, въ коляску набросали цвѣтѣвъ. Всѣ провожали меня за ворота. Я прижалъ къ сердцу мать и милыхъ ея дочерей — и не могъ вымолвить слова отъ слезъ....

Тогда я имѣлъ твердое намѣреніе приѣхать къ нимъ мѣсяца на три, по окончаніи войны!...

— Кровопрлитное Прейсишъ-Эйлауское сраженіе до такой степени ограничило предприимчивость Наполеона, что по сознанію самыхъ приближенныхъ къ нему людей, онъ даже не рѣшался продолжать наступательныя движенія. Что стало съ этою стремительстію въ нападеніяхъ, неутомимостію въ преслѣдованіи, которыми отличались всѣ прежнія кампаніи Наполеона? Почему, со времени Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, оставлялъ онъ въ покоѣ армію Беннигсена, на вѣнтеръ-квартирахъ, если почиталъ ее побѣжденною и разстро-

ною, какъ сказано было въ бюллетеняхъ? Зачѣмъ онъ медлилъ, чего ожидалъ? Вотъ вопросы, которые занимали тогда всю Европу. — Данцигъ, послѣ трехмѣсячной правильной осады, сдался на капитуляцію Французамъ. Генераль Графъ Каменскій, посланный моремъ, съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ, для спасенія Данцига, не взирая на храбрость Русскихъ, выдержавшихъ жестокия битвы, долженъ былъ возвратиться къ арміи. Опасались даже за Кенигсбергъ, который былъ слишкомъ отдаленъ отъ средоточія Русскихъ силъ. Все благоприятствовало Наполеону. Съ первыхъ чиселъ Апрѣля земля уже просохла и покрылась зеленью; погода была прекрасная; войско Французское отдохнуло и усилилось — но Наполеонъ, къ удивленію всей Европы, оставался въ бездѣйствіи, въ главной своей квартирѣ Финкенштейнѣ, дѣлалъ парады своей гвар-

діи, подписывалъ декреты по внутреннему управленію Франціи, принималъ дипломатовъ и пословъ, въ томъ числѣ и Персидскаго, и жилъ роскошно среди войскъ своихъ, какъ никогда прежде не жывалъ. Финкепштейнъ называли Капуей! Однообразіе военной жизни раздѣляла съ Наполеономъ одна изъ первыхъ красавицъ высшаго Варшавскаго общества, знаменитая Г-жа Валевская. Покинувъ своего стараго мужа, и презрѣвъ общее мнѣніе, она отдалась Наполеону, который не боялся даже явнаго соблазна! Она жила въ однѣхъ съ нимъ комнатахъ, обѣдывала съ нимъ наединѣ, смотрѣла чрезъ жалюзи на парады гвардіи, выѣзжала прогуливаться одна — и была счастлива своею любовью къ герою. Все это противорѣчило прежнему характеру Наполеона. Между тѣмъ, онъ предлагалъ миръ, и хотѣлъ составить конгрессъ. Сообщенія между Русскою и

Французскою Главными Квартирами и между Вѣною были довольно часты: нѣсколько разъ въ Русской арміи разносился слухъ о близкомъ заключеніи мира. Говорили, что ждуть только прибытія Императора Александра. Государь прибылъ въ Главную Квартиру, въ Бартенштейнъ, 5 Апрѣля, и переговоры возобновились, но вскорѣ были прекращены, потому что Императоръ Александръ никакъ не соглашался на отторженіе отъ Пруссіи не только областей, но даже городовъ, и требовалъ, чтобъ Французская армія очистила Германію. Наконецъ, видя, что Наполеонъ чего-то выжидаетъ, Императоръ Александръ, рѣшился, во второй половинѣ Мая, начать наступательныя военныя дѣйствія.

Иностранные военные писатели обвиняютъ Беннигсена въ томъ, что онъ началъ военныя дѣйствія весьма поздно, а именно послѣ паденія Данцига, когда двадцати — тысячный осадный корпусъ

подкрѣпилъ главную Французскую армію, когда Польское войско получило окончательное устройство, множество отдѣльныхъ партій пришли изъ Франціи, для укомплектованія полковъ, разстроенныхъ въ зимнюю кампанію. Утверждаютъ, что если Беннигсенъ не могъ начать военныхъ дѣйствій прежде паденія Данцига, то ему надлежало подождать, пока Англичане, Ганноверцы и Шведы, въ слѣдствіе конвенціи, сдѣлаютъ высадку въ Помераніи, и пока Князь Лобановъ прибудетъ къ арміи съ тридцатитысячнымъ корпусомъ. Незнаю причинъ ни медленности, ни поспѣшности Беннигсена, и не произношу своего сужденія. Должно, однако жъ, предполагать, что трудность въ продовольствіи также могла заставить Беннигсена открыть военныя дѣйствія. Много говорили о богатствѣ запасныхъ магазиновъ въ Кенигсбергѣ, но оттуда мало приходило транспортовъ

въ армію, вѣроятно по недостатку подводъ. Какъ-бы то ни было, но 19 Мая Русская армія была уже въ движеніи, для занятія военныхъ позицій.

Наполеонъ имѣлъ подъ рукою до 180,000 человекъ отличнаго войска. Русскихъ и Пруссакъ было по спискамъ до 120 или до 130,000, но Беннигсенъ имѣлъ при себѣ не болѣе 80,000 человекъ.

Театръ войны, на которомъ должны были дѣйствовать эти двѣ силы, заключалъ въ себѣ не болѣе ста квадратныхъ верстъ отъ Прейсишъ-Эйлау и за Гутштатъ, между рѣками Пассаргою и Алле. Это небольшое пространство покрыто множествомъ богатыхъ деревень и малыми городишками, каковы: Прейсишъ-Эйлау, Ландсбергъ, Бартенштейнъ, Гейльсбергъ, Шиппенбейль, Бишофштейнъ, Гутштатъ и Фридландъ. Мѣстоположеніе повсюду

довольно ровное, изобилующее лѣсами и въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ пересѣкаемое холмами и оврагами. Грунтъ почти вездѣ твердый и песчаный. Вообще мѣстность весьма удобная для войны, и представляющая множество хорошихъ позицій.

Рѣка Пассарга прикрывала Главную Французскую Квартуру и армію, которой фронтъ растянутъ былъ почти на сто верстъ. Въ первой линіи стояли корпуса Маршаловъ Даву, Сульта, Бернадота и Нея, составлявшіе около 80,000 человѣкъ. Корпусъ Нея слишкомъ выдался впередъ за Пассаргой и стоялъ близъ Гутштата: Беннигсенъ вознамѣрился разбить Нея быстрымъ нападеніемъ, отрѣзать его, перейти Пассаргу и ударить на другіе Французскіе корпуса, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться. Въ главномъ войскѣ, которое велъ самъ Беннигсенъ противъ Нея, было до 40,000

человѣкъ. Авангардомъ командовалъ Князь Багратионъ. Гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, составлялъ резервъ, и шелъ за главною арміею Беннигсена. Корпуса Генерала Дохтурова, Князя Горчакова и Генераль-Лейтенанта Платова, съ Донскими казаками и отрядомъ Генераль-Маіора Киоринга, составляли главную армію (*le gros de l'armée*); и шли по близости другъ друга, къ общему пункту, по направленію къ Гутштату.

21 Мая Главная Квартира была въ Гейльсбергъ, и я отпросился у Полковника Чаликова съ биваковъ въ городъ, для врученія писемъ Главнокомандующему и Дежурному Генералу. Полковникъ Чаликовъ, посмотрѣвъ на адреса, воскликнулъ: «Фонтеры-понтеры! Поѣзжай, братецъ, поѣзжай, и вмѣсто протекціи, привези намъ изъ Главной Квартиры хлѣба и водки!» — Я взялъ съ со-

бою улана, и въ девять часовъ утра былъ въ Гейльсбергъ.

Главная Квартира, хотя бы въ ней и не было царственного лица, есть всегда въ арміи то же самое, что Дворъ въ Государствѣ. Изъ Главной Квартиры истекаютъ всѣ милости и награды, слѣдовательно туда стремятся всѣ желанія и туда стекаются всѣ искатели счастья. — Маленькій Гейльсбергъ, когда я прибылъ въ него, кипѣлъ жизнью и многолюдствомъ. Чрезъ городъ, по главной улицѣ тянулось войско, а въ городѣ оставалось множество офицеровъ разнаго оружія, чтобъ пообѣдать или заpastись съѣстнымъ. Почти всѣ дома были заняты постоемъ, правильнымъ или неправильнымъ. Для лицъ, принадлежащихъ къ штабу, квартиры отведены были Магистратомъ, и на этихъ квартирахъ хозяева кормили постояльцевъ; но всѣ прїѣзжающіе въ городъ останавливались произ-

вольно въ домахъ, не требуя ничего, кромѣ помѣщенія, и жители рѣдко сопротивлялись. Всѣ жители торговали, чѣмъ кто могъ. На всѣхъ улицахъ продавали хлѣбное вино, хлѣбъ и разное съѣстное; въ двухъ или трехъ трактирахъ была такая тѣснота отъ Русскихъ и Прусскихъ офицеровъ, что съ трудомъ можно было втиснуться въ комнату. Шумъ былъ вездѣ оглушительный. Въ трактирахъ и во многихъ домахъ играли въ банкъ. Кучи червонцевъ переходили мгновенно изъ рукъ въ руки. Въ этой битвѣ на зеленомъ полѣ отличались болѣе другихъ провіантскіе комиссіонеры, которымъ вручены были огромныя денежныя суммы, для продовольствія войска. — Злоупотребленія по этой части были тогда ужасныя! Войско продовольствовалось, какъ могло, на счетъ жителей, и мы ни разу не видали казеннаго фуража, а между тѣмъ мильіоны

издерживались казною! Въ послѣдствіи, множество комиссіонеровъ отдано были подъ судъ, многіе изъ нихъ разжалованы, и весь провіантскій штатъ лишился военнаго мундира, въ наказаніе за злоупотребленія. Но въ то время господа комиссіонеры, находившіеся при арміи, не предвидѣли грозы, жили роскошно, разъѣзжали въ богатыхъ экипажахъ, возили за собою любовницъ, проигрывали десятки и сотни тысячъ рублей, и мотали на-пропалую. Я зналъ одного изъ этихъ комиссіонеровъ, который ставилъ по тысячѣ червонцевъ на карту, дарилъ красавицамъ по сту червонцевъ, не пилъ ничего кромѣ шампанскаго, и не носилъ другаго бѣлья, кромѣ батистоваго—и кончилъ жизнь въ нищетѣ, подъ судомъ, на гауптвахтѣ, въ Петербургѣ, выпрашивая у насъ, ради Христа, по пяти рублей ассигнаціями! А такихъ примѣровъ было много. — Вино лилось рѣкою въ тракти-

рахъ. Неюстигаю, откуда купцы бѣдныхъ городишковъ доставали шампанское, которое Русскіе офицеры пили, какъ воду. Въ слѣдствіе карточной игры и частыхъ пооекъ происходили дуэли, а иногда просто драки съ шулерами, для которыхъ здѣсь была богатая жатва.

Съ Прусскими офицерами, хотя они были наши союзники, Русскіе офицеры жили не въ ладахъ, когда, напротивъ, Французовъ, какъ я сказалъ выше, честили и угощали, гдѣ только встрѣчались съ ними. — Прусскіе офицеры никакъ не хотѣли предоставить намъ первенства, вели себя гордо и даже надменно, немножко прихвастывали, а притомъ, по Нѣмецкой экономіи, пили пиво, когда у насъ струилось шампанское, и ставили на карту по гульдѣну, когда мы сыпали груды золота. Это служило нашимъ офицерамъ предлогомъ къ насмѣшкамъ, за которыми слѣдовали

ссоры и дуэли. Чаще другихъ ссорились и дрались съ Пруссаками Русскіе гусарскіе офицеры, за то, что Пруссаки, вѣрные преданіямъ Семилѣтней Войны, почитали свою кошицу первою въ мірѣ. Гдѣ только гусары наши сходились съ Прусскими кавалерійскими офицерами — кончалось непременно дуэлью. Въ арміи носилось множество на этотъ счетъ анекдотовъ. Расскажу одинъ, за достовѣрность котораго не ручаюсь, но которому мы тогда вѣрили.

Русскій Гусарскій офицеръ поссорился съ Прусскимъ, за картами. Дошло до вызова. Прусскій офицеръ былъ отличный стрѣлокъ, билъ ласточекъ на лету, и не хотѣлъ иначе драться, какъ на пистолетахъ. — «И такъ ты непременно хочешь убить меня!» — сказалъ Русскій офицеръ. — «Однимъ дерзкимъ будетъ меньше на свѣтѣ,» хладнокровно отвѣчалъ Пруссакъ. — «Быть такъ»,

возразилъ Русскій офицеръ: «я плохой стрѣлокъ — но мечи банкъ, а я поставлю жизнь на карту.... Если ты убьешь карту — можешь убить меня, какъ медвѣдя, а если карта выиграетъ я убью тебя.» — Прусскій офицеръ сперва не соглашался, но товарищи его, думая, что это шутка, уговорили его принять предложеніе Русскаго. Прусскій офицеръ началъ метать и — далъ карту. Всѣ думали, что тѣмъ дѣло и кончится, но Русскій сказалъ хладнокровно: «пойдемъ же въ садъ — и раздѣлаемся!» Множество офицеровъ обѣихъ армій слѣдовали толпою за Прусскимъ офицеромъ, который шелъ, улыбаясь, и остановился въ большой аллеѣ. Явился Русскій офицеръ съ охотничьимъ ружьемъ, взятымъ у хозяина. «—У меня нѣтъ съ собою пистолетовъ, но убить можно в этомъ», примолвилъ онъ. «—Становись, въ тридцати шагахъ!» — Пруссакъ и всѣ окружаю

шіе его все еще думали, что это только шутка, и Прусскій офицеръ, проигравшій жизнь, сталъ на позицію. Русскій прицѣлился, спустилъ курокъ, и Прусакъ упалъ мертвый. Пуля попала въ самое сердце. Присутствующіе невольно вздрогнули отъ ужаса, и не знали что дѣлать.... — «Я не шучу жизнью» — сказалъ Русскій офицеръ : — «Еслибъ я проигралъ жизнь, то не принялъ бы ея въ подавленіе, и заставилъ бы его убить меня/...» Жалобы не было, и, какъ говорятъ Нѣмцы: wo kein Kläger ist, da ist kein Richter, (т. е. гдѣ нѣтъ жалующагося, тамъ нѣтъ и суди). Дѣло кажется невѣроятное, но кто зналъ Графа Подгоричанина (родомъ Сербъ, убитаго подъ Ригой, въ 1812 году), тотъ повѣритъ этому. Въ послѣдствіи спрашивалъ я его, правда ли это? — «Не помню, братецъ», отвѣчалъ онъ: «мало ли что случается въ жизни!» — Сказавъ это, онъ покрутилъ усы, отвернулъся и запѣлъ,

любимую свою пѣсню: «Ахъ, скучно мнѣ, на чужой сторонѣ!» — Я не продолжалъ распросовъ....

Дежурнаго Генерала Александра Борисовича Фока я не засталъ дома, и отправился въ квартиру Главнокомандующаго. Передняя зала наполнена была адъютантами, ординарцами и свитскими (*) офицерами изъ разныхъ отрядовъ. Я попросилъ дежурнаго адъютанта доложить обо мнѣ Главнокомандующему, сказавъ, что имѣю къ нему письмо. — «По службѣ или частное?» — спросилъ меня адъютантъ. — «Частное», отвѣчалъ я. — «Такъ подождите», — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на меня провицательно, думая вѣрно, что я никуда не при Главнокомандующемъ. Я прождалъ часъ. Многие

(*) Нынѣшніе офицеры Генеральнаго Штаба Его Императорскаго Величества, назывались тогда *свитскими*. Генеральный Штабъ назывался Святою Его Императорскаго Величества.

между тѣмъ, входили и выходили изъ кабинета, но адъютантъ обо мнѣ не докладывалъ. Я сошелъ съ лѣстницы, и отыскавъ камердинера, попросилъ его отнести письмо къ Главнокомандующему, сказавъ, отъ кого оно. По счастью, камердинеръ, родомъ изъ Литвы, зналъ также моего дядю — и взялся доставить письмо немедленно. Я возвратился въ залу. Черезъ нѣсколько минутъ, другой адъютантъ, работавшій въ кабинетѣ Главнокомандующаго, высунулъ голову въ дверь и громко позвалъ меня. Съ улыбкою взглянулъ я на дежурнаго адъютанта, и пошелъ въ кабинетъ....

Два адъютанта писали, или, правильнѣе, переписывали какія-то бумаги за большимъ столомъ, а Беннигсенъ сидѣлъ подъ открытымъ окномъ. — «Очень радъ, что вижу племянника моего стараго пріятеля!» — сказалъ мнѣ Беннигсенъ. Я поклонился. — «Это, безъ

сомнѣнія, первая ваша кампанія?» — Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство. — «Вы еще не были въ дѣлѣ?» — Не былъ. — «Скоро будете — всѣмъ будетъ довольно работы!» примолвилъ онъ. — «Приходите ко мнѣ сегодня, въ два часа, обѣдать» — сказалъ Беннигсенъ. Я снова поклонился и вышелъ. Тѣмъ кончилась моя аудіенція.

Я снова отправился къ А. Б. Фоку, и встрѣтилъ его у самага крыльца. Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ, какъ стараго знакома, ввелъ въ свои комнаты, сталъ спрашивать о своихъ домашнихъ, которыхъ не видалъ около девяти мѣсяцевъ, о моихъ родныхъ, и наконецъ сказалъ: «Ни Главнокомандующій, ни я, мы не можемъ ничего для тебя сдѣлать. Если бъ ты былъ въ другомъ полку, а особенно, если бъ былъ въ арміи, мы взяли бы тебя въ Главную Квартиру или въ адъютанты, или хотя въ

безсмѣнные ординарцы. Но Его Высочество объявилъ намъ, что Онъ ни за что не согласится дать Фронтоваго офицера изъ вашего и изъ Конно-Гвардейскаго полка въ адъютанты или въ какую-нибудь командировку, и что его офицеры должны служить при немъ, въ полку. Мы не смѣемъ распорядиться противу Его воли. А если въ чемъ другомъ могу быть тебѣ полезнымъ—радъ стараться!» — Узнавъ, что я вручилъ письмо Главнокомандующему и приглашенъ имъ къ обѣду, Фокъ сказалъ: «И я буду у него обѣдать.... Знакомство съ Главнокомандующимъ хорошее дѣло для Корнета!... Прощай.... я такъ занятъ, что мнѣ каждая минута дорога. Завтра мы выступаемъ отсюда....» — Признаюсь, я надѣялся попасть въ Главную Квартиру — но слова Фока разочаровали меня.

Въ назначенный часъ, я снова явился въ пріемной у Главнокомандующаго. На

этотъ разъ дежурный адъютантъ былъ очень вѣжливъ со мною, предложилъ мнѣ сѣсть съ нимъ рядомъ у окна, и сталъ выпытывать меня, довольно впрочемъ неискусно, отъ кого я доставилъ письмо Главнокомандующему, не желаю ли состоять при его особѣ и т. п. Чтобъ отплатить за прежнюю его необязательность, я, съ намѣреніемъ, отвѣчалъ загадочно. Наконецъ Беннигсенъ вышелъ изъ кабинета вмѣстѣ съ Княземъ Багратиономъ, за ними слѣдовали А. Б. Фокъ и нѣсколько генераловъ. Беннигсенъ окинувъ взоромъ все собраніе въ пріемной залѣ, сказалъ: «здравствуйте господа,» поздоровался отдѣльно съ нѣкоторыми полковниками и офицерами, и, между прочими, удостоилъ меня этой чести. Мы пошли за нимъ въ столовую.

Дежурный адъютантъ не отставалъ отъ меня и посадилъ возлѣ себя. Я почти не слушалъ, что онъ шепталъ мнѣ на ухо, обращая все мое вниманіе на два

лица, которые приобрѣли уже Европейскую славу — на Беннигсена, и на любимца Суворова, Князя Багратиона. Князь былъ въ любимомъ своемъ мундирѣ Гвардейскаго Егерскаго полка. Лице его было совершенно Азіятское. Длинный орлиный носъ придавалъ ему мужественный видъ; длинные, черные волосы его были въ беспорядкѣ; взглядъ его былъ точно орлиный. Разговаривали о довольно важномъ предметѣ, а именно, въ какой степени латы и пики полезны для конницы. Князь Багратионъ былъ того мнѣнія, что латы полезны преимущественно тѣмъ, что производятъ сильное впечатлѣніе въ атакуемыхъ и порождаютъ въ латникѣ болѣе смѣлости, въ надеждѣ на защиту отъ пуль. «Но я приучилъ моихъ егерей и казаковъ не бояться этихъ *жельзныхъ горшковъ*» (*), сказалъ Князь Багратионъ. — «Хорошей,

(*) Собственныя слова Князя Багратиона.

стойкой пѣхотѣ, какъ наша», — примолвилъ онъ: «не страшна никакая кавалерія. Что же касается до пики, то надобно умѣть чрезвычайно ловко владѣть ею, чтобъ она была полезна: въ противномъ случаѣ, она только спутаетъ кавалериста. Для нашихъ казаковъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ пики, потому что это лучшее оружіе въ погонѣ за непріателемъ. Но въ свалкѣ, какъ обыкновенно дѣйствуетъ кавалерія, сабля или палашъ лучше.» — Полковникъ Кноррингъ, съ длинными рыжими усами (Конно-Татарскаго полка, одѣтаго и вооруженнаго по-улански), доказывалъ пользу пикъ для легкой кавалеріи. «Ваши Татары почти тѣ же казаки» — сказалъ Князь Багратіонъ. — «Но все же для полезнаго дѣйствія пикою надобно быть одѣтымъ, какъ можно легче и удобнѣе, безъ затяжки и натяжки, одѣтымъ, какъ наши безцеремонные казаки.» — Во время этого разговора, тог-

да очень важнаго для меня, потому что говоряно было о преимуществѣ кавалерійскаго оружія, я безпрестанно смотрѣлъ на Беннигсена, къ которому Князь Багратіонъ часто обращался въ разговоръ — но Беннигсенъ молчалъ. Разговоръ перешель къ вооруженію Французской кавалеріи, къ ихъ коннымъ егерямъ, потомъ къ пѣхотѣ, къ знаменитымъ Французскимъ стрѣлкамъ — Беннигсенъ все молчалъ. Но когда разговоръ склонился къ характеру и общимъ качествамъ Французскаго войска, Беннигсенъ сказалъ: «Французское войско, какъ ракета — если съ перваго раза не зажжетъ, то лопнетъ сама въ воздухѣ.» — Князь Багратіонъ примолвилъ: «Я люблю страстно драться съ Французами: молодцы! Даромъ не уступать — а побьешь ихъ, такъ есть чему и порадоваться. Какъ свѣтъ стоитъ, никто такъ не дрался, какъ дрались Русскіе и Французы

подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау!...»

Обѣдъ кончился. Беннигсенъ сѣлъ подъ окномъ, рядомъ съ Княземъ Багратиономъ, и послѣ кофе поклонился всѣмъ и ушелъ въ свой кабинетъ. Проходя мимо меня, онъ кивнулъ головою, какъ будто въ знакъ того, что помнитъ меня. Всѣ разошлись, и я поспѣшилъ на квартиру, къ знакомому комиссіонеру, гдѣ была моя лошадь. Запасшись различною провизіей, я отправился въ полкъ, узнавъ въ канцеляріи Дежурнаго Генерала, по которому направленію надлежало мнѣ слѣдовать.

Этимъ обѣдомъ кончились всѣ мои надежды на покровительство Главнокомандующаго и Дежурнаго Генерала! Не будь я въ Уланскомъ Его Высочества полку, я непременно былъ бы взятъ въ Главную Квартиру, какъ увѣрялъ меня въ послѣдствіи А. Б. Фокъ, и имѣлъ бы случай къ отличію.... Вѣроятно, вся

служба моя, а съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, и вся жизнь моя приняла бы другое направленіе....

Я догналъ полкъ на второмъ переходѣ отъ Гейльсберга. — Вечеромъ мы слышали вдали, вправо отъ насъ, сильную кононаду. — На другой день, часу въ седьмомъ по полудни, мы остановились на бивакахъ, оставленныхъ на канунѣ Французами, послѣ жаркаго авангарднаго дѣла. Вѣрно, Французы долго здѣсь простояли. Это былъ лагерь, составленный изъ маленькихъ, красивыхъ, досчатыхъ домиковъ, въ двѣ линіи, съ дверьми и окнами. Въ нѣкоторыхъ домикахъ были камни. Этотъ лагерь былъ гораздо красивѣе Литовскихъ и Эстонскихъ деревень. Мы расположились на кавалерійскомъ бивакѣ. Немедленно высланы были фуражиры, а между тѣмъ мы устанавливали лошадей въ коновязи. Вдругъ раздался крикъ: *Французъ! Французъ!*

Изъ одного домика выльзъ человекъ — безъ лица!!! Картечью или обломкомъ гранаты ему сорвало все лице, т. е. обѣ щеки, носъ, челюсти, языкъ, глаза и подбородокъ, и видѣнъ былъ одинъ язычекъ въ горлѣ, на которомъ присохла запекшаяся кровь. Зрѣлище ужасное и отвратительное! Изувѣченный показывалъ знаками, что его мучитъ жажда. Видъ этого несчастнаго произвелъ на меня болѣзненное впечатлѣнiе, и я содрогнулся при мысли, что, быть можетъ, и меня ожидаетъ завтра такая же участь. Уланы наши окатили страдальца холодною водою, а онъ легъ на землю, продолжая просить знаками — налить ему въ горло воды, что и было исполнено. — Нашъ полковой штабъ-лекаръ, Малиновскiй, объявилъ, что нѣтъ средствъ перевязать раны этого человекъ, и что для него величайшее благодѣянiе: скорая смерть. — Полковникъ Чаликовъ, по совѣту штабъ-

лекаря, приказалъ пристрѣлить несчастнаго — но ни одинъ изъ нашихъ улановъ не согласился на это добровольно. Взятся за дѣло коноваль нашъ, старикъ Тортусъ (родомъ Шведъ) (*), выпросивъ впередъ

(*) Этотъ Тортусъ, отличный коноваль и горькій пьяница, былъ тогда лѣтъ шестидесяти, и игралъ въ полку роль Діогена, говоря правду въ лице всѣмъ, даже Его Высочеству, своимъ ломанымъ Русскимъ языкомъ, и называя всѣхъ ты. — Тортусъ любилъ говорить афорисмами, а иногда и въ рѣчю. — Его Высочество забавлялся шутками Тортуса. — Когда ему показывали большую лошадь, которую онъ почиталъ неизлечимою — онъ, махнувъ рукой, говорилъ: «собакамъ мясо!» и уходилъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. (Однажды Его Высочество, пріѣхавъ къ намъ на бивакъ, спросилъ Тортуса: «хорошо ли ему при полку?» — Голодный Тортусъ, махнувъ рукою, отвѣчалъ: «въ твоёмъ полку (пропанося съ удареніемъ на букву о) — нѣтъ толку!» — Въ другой разъ Его Высочество похвалилъ Тортуса за отличную операцію надъ хромою лошадью. — «Поменьше хвали, а получше корми!» отвѣчалъ Тортусъ, и Цесаревичъ велѣлъ его

стаканъ водки, любимаго своего папюта. Изувѣченнаго Француза отвели съ полверсты отъ нашего бивака, въ рошу, и однимъ выстрѣломъ избавили отъ мучительной жизни.

Всю ночь снился мнѣ этотъ несчастный Французъ, который и теперь еще представляется моему воображенію. — Это первое зрѣлище бѣдствіи войны, хотя не погасило во мнѣ страсти къ военной службѣ, но убѣдило, что война не игрушка, какъ я мечталъ, утѣшаясь биваками, шумомъ и безпечностью военной жизни. — Смерть дѣло одной минуты — и сегодня или завтра — все равно! Но увѣчье, долговременное страданье, —

накормить до сыта и напоить до пьяна, въ своей квартирѣ. — Когда Его Высочество пострадалъ однажды Тортуса палками, онъ отвѣчалъ: «будешь бить коновала палками, такъ станешь ѣздить на палочкѣ.» — Его Высочество никогда не сердился на оригинальнаго старика. Черта замѣчательная!

вотъ что ужасно! — Какъ не уважать война, который охотно идетъ на смерть и на увѣчье для славы, чести и пользы общей!—Пораздумайте объ этомъ, господа кичливые ландъ-юнкеры и спѣсивые баропы, и не гордитесь передъ Русскимъ воинномъ, защищающимъ ваши картофельныя поля! — Внутри Россіи воинъ въ уваженіи....

Предоставляю военнымъ писателямъ рассказывать въ подробности о всѣхъ движеніяхъ и сраженіяхъ нашей арміи, на пути отъ Гейльсберга къ Пассаргѣ. Это не мое дѣло. Я описываю что видѣлъ и только объясняю событія по послѣдствіямъ.

Войско наше шло впередъ бодро и весело. Уже нѣсколько разъ мы слышали впереди канонаду, и досадовали, что насъ не пускаютъ въ дѣло. Подъ Гутштатомъ завязалось жаркое сраженіе, и двѣ дивизіи Маршала Нея, прикрывавшія ретира-

ду, были разбиты и лишились нѣсколькихъ пушекъ. Однако жъ, Неи успѣлъ примкнуть къ Пассаргѣ, устроилъ на берегу батареи, и на лѣвомъ флангѣ, укрѣпилъ засѣками лѣсъ, прикрывавшій его переправу. Противу этого лѣса, составлявшаго ключъ Французской позиціи, дѣйствовалъ корпусъ Генерала Дохтурова. Французы мужественно защищали лѣсъ, и батареи ихъ далеко очищали долину, не взирая на сильный огонь нашей артиллеріи. Генераль Дохтуровъ потребовалъ помощи, послѣ полудня, 25 Мая, изъ резерва, состоявшаго подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, который выслалъ немедленно Генераль-Маіора Хитрова, съ Лейбъ-Егерскимъ полкомъ, однимъ баталіономъ Семеновскаго, четырьмя орудіями лейбъ-гвардіи конной артиллеріи и однимъ баталіономъ нашего полка. Часу въ четвертомъ по полуд-

ни прибыли мы на полѣ сраженія. Съ нашей стороны, т. е. отъ Гутштадта, были возвышенія, склоняющіяся къ Нассаргѣ — и сраженіе происходило передъ нашими глазами, какъ на ладони. Картина была необыкновенная! Прямо передъ нами гремѣли орудія съ Русскихъ и Французскихъ батарей, а вправо отъ насъ происходила, подъ лѣсомъ, сильная перестрѣлка, сливавшаяся въ одинъ безирерывный гулъ. Засѣки подъ лѣсомъ составляли родъ крѣпости. Генераль Дохтуровъ приказалъ гвардейскимъ егерямъ атаковать немедленно лѣсъ. Тутъ впервые увидѣлъ я геройство Русскаго солдата, предводимого храбрыми начальниками. Полкъ, построившись въ двѣ батальонныя колонны, двинулся съ мѣста, также стройно, какъ на ученьи. Одною колоннію командовалъ Полковникъ Сепъ-При (Sainte-Priest), а другою Полковникъ Потем-

кинѣ (*). Приближаясь къ лѣсу, колонны раздѣлились, и выслали впередъ стрѣлковъ, продолжая быстрое свое наступленіе. По условленному сигналу, оба баталіона крикнули разомъ ура, и бросились стремглавъ въ штыки: батальонъ Потемкина прямо на засѣки, а батальонъ Сень-Приво флангъ непріятеля. — Французы дали залпъ, но это не удержало храбрыхъ нашихъ егерей — они полѣзли на засѣки, очищая себѣ путь штыками. Въ одно мгновеніе перестрѣлка прекратилась, и изъ лѣса раздались страшные вопли. Потомъ снова послышались ружейные выстрѣлы. Французы не устояли и бѣжали изъ лѣса. Егеря преслѣдовали ихъ, не взирая на картечный огонь, по ту сторону лѣса, и прогнали изъ селенія Ломитена. — Подоспѣвшіе на помощь къ нашимъ егерямъ, ка-

(*) Въ послѣдствіи Генераль-Адъютантъ.

заки и батальонъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка довершили пораженіе Французовъ на этомъ пунктѣ; но прибывшее къ Французамъ подкрѣпленіе принудила нашихъ остановиться по сую сторону селенія.

Въ донесеніи Главнокомандующаго Государю Императору, съ поля сраженія, на берегахъ Пассарги, 25 Мая, сказано: «Лейбъ-Гвардіи Егерскіи полкъ дѣйствовалъ столь отлично, что обратилъ на себя удивленіе всей арміи.»—И точно, всѣ видѣвшіе этотъ подвигъ Лейбъ-Егерей были удивлены! Ни на одномъ маневрѣ не было произведено такого ловкаго и стройнаго движенія, какъ штурмъ засѣкъ и изгнаніе Французовъ изъ лѣса, при Пассаргѣ, гвардейскими егерями. Лейбъ-Гвардіи Егерскіи полкъ былъ тогда чудный полкъ, рѣшительно первый полкъ въ Русскомъ войскѣ!

Я уже сказалъ (Часть II. стр. 141) что

нашъ полкъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ лейбъ-егерями. Мы болѣе всѣхъ радовались блистательной славѣ, приобрѣтенной лейбъ-егерями въ первомъ сраженіи, и вмѣстѣ ними оплакивали смерть двухъ отличныхъ офицеровъ, Капитана Вульфа и Поручика Огонь-Догоновскаго. Два брата Графы Сенъ-При (Полковникъ и Подпоручикъ) были ранены.

Въ этомъ движеніи нашей арміи отъ Гейльсберга къ Пассаргѣ, другой блистательный подвигъ также обратилъ на себя удивленіе своей и непріятельской арміи. — Говоря о восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, я упоминалъ о Графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгановѣ (единственномъ сынѣ Графа Александра Сергѣевича), любимцѣ Государевомъ. Графъ Павелъ Александровичъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ и благонамѣ-

реннѣйшихъ людей, какіе когда-либо существовали при Дворахъ. Ангель душею, съ умомъ свѣтлымъ и глубокимъ, съ высокимъ образованіемъ, Графъ Павелъ Александровичъ любилъ Россію выше всего въ мірѣ, и обожалъ Государя; въ которомъ читалъ и высокія дарованія и пламенное желаніе къ просвѣщенію и возвеличенію отечества. Отецъ не желалъ, чтобъ единственный сынъ его, надежда доблестнаго рода, служилъ въ военной службѣ — и Графъ Павелъ Александровичъ находился въ арміи при особѣ Императора, въ гражданскомъ чинѣ Тайнаго Совѣтника, по дипломатической части. Но стремясь доказать Государю, что не жалѣетъ жизни для пользы и славы Его, онъ выпросилъ у Атамана Донскаго войска Матвѣя Ивановича Платова его Атаманскій полкъ, переправился съ нимъ, вплавъ, черезъ рѣку Алле, напалъ, въ распахъ.

на Французовъ; и положилъ на мѣстѣ до
тысячи человекъ, и взялъ въ плѣны четы-
рехъ штабъ-офицеровъ, и двадцать одного
оберъ-офицера и 360 человекъ рядо-
выхъ. Этотъ отважный подвигъ спис-
калъ Графу Павлу Строганову общія по-
хвалы и рѣшилъ его участь. Отецъ поз-
волилъ ему перейти въ военную службу,
и онъ, въ войнѣ 1812, 1813 и 1814 го-
довъ, въ званіи Генераль-Адъютанта,
пріобрѣлъ репутацію отличнаго генерала
и неустрашимаго воина. Единственный
сынъ его, въ юношескихъ лѣтахъ, убитъ
въ сраженіи, во Франціи, въ 1814 году —
и это сократило жизнь благороднаго Гра-
фа Павла Александровича.... Онъ сталъ
чахнуть и скончался въ 1817 году. Зна-
менитый родъ Графовъ Строгановыхъ
прекратился, и Графское достоинство пе-
решло въ родственную линію Бароновъ
Строгановыхъ. Если когда нибудь бу-
детъ написана полная исторія Импера-

тора Александра, достойная вѣка и дѣлъ Его, то Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, конечно, займетъ въ ней блистательное мѣсто. Императоръ Александръ называлъ его другомъ своимъ—и этотъ другъ всегда говорилъ Ему правду, и всегда заступался за безвинно угнетаемыхъ или оскорбленныхъ злоупотребителями власти, олицетворяя собою идеаль вельможъ Державина (въ изображеніи Фелицы) :

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, Царству,
Служить и клятвой на играть,
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать!»

Такъ поступалъ всю жизнь свою истинный вельможа, Графъ П. А. Строгановъ, и память его остается навсегда священной и незабвенною.

Русскіе дрались на всѣхъ пунктахъ съ величайшею храбростью, но послѣдствія не соответствовали ожиданіямъ Бенниг-

сена. Корпусъ Нея не былъ отрѣзанъ и успѣлъ перейти за рѣку Пассаргу, а корпуса Сульта и Бернадота удержали Генерала Дохтурова, при Ломитенѣ, и Пруссаковъ, при мостѣ Шпанденъ, отъ переправы чрезъ Пассаргу. Только Донскіе казаки и знаменитый въ послѣдствіи Кульневъ (бывшій тогда Подполковникомъ Гродненскаго гусарскаго полка) успѣли побывать за рѣкою. Атаманскаго полка Маіоръ Балабинъ 2-й переплылъ черезъ рѣку съ 200 казаковъ, въ двухъ миляхъ въ тылѣ Французовъ, напалъ на шедшій къ арміи транспортъ съ боевыми снарядами, избилъ прикрытіе, взялъ двухъ человѣкъ въ плѣнъ, для засвидѣтельствованія о своемъ подвигѣ, и взорвалъ на воздухъ сорокъ фуръ съ порохомъ и гранатами, посредствомъ пороховой тропинки, проведенной на такое разстояніе, чтобъ лопочающіяся гранаты не могли вредить его командѣ. Это произве-

ло ужасную тревогу въ Французскомъ войскѣ. Большая часть кавалеріи поскакала, опрометью, на этотъ трекъ, и прибывъ на мѣсто, нашла только обломки фуръ и тѣла убитыхъ. Подполковникъ Иловайскій 9-й и Майоръ Иловайскій 4-й также надѣлали много хлопотъ непріятелю, переправясь черезъ рѣку, и перебравъ нѣсколько отдѣльныхъ командъ, въ тылъ Французской арміи, а Кульневъ, также переплывъ чрезъ рѣку съ двумя эскадронами гусаръ, прогналъ нѣсколько эскадроновъ Французской конницы, взявъ Французскій обозъ, привелъ его на берегъ и сжегъ въ виду нашего авангарда. Но всѣ эти блистательные подвиги не принесли намъ существенной пользы.

Знаменитый военный писатель Баронъ Жюмини говоритъ (*); что Наполеонъ па-

(*) См. Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même, au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. — Я ни какимъ об-

рочно выдвинуть впередъ корпусъ Маршала Нея, чтобъ выманить Беннигсена изъ укрѣпленной позиціи подъ Гейльсбергомъ, и что если бы Беннигсенъ не атаковалъ Французовъ, то чрезъ два дня Наполеонъ началъ бы наступательныя дѣйствія. Хотя Ней и былъ предувѣдомленъ, по словамъ Жомини, что будетъ атакованъ, по подавниисъ впередъ далѣе нежели ему было приказано, Ней все же могъ быть разбитъ и отрѣзанъ отъ Пас-

разомъ не могу постигнуть, какъ Генераль Баронъ Жомини рѣшился говорить отъ имени Наполеона! — Какъ можно было взять на себя объясненіе всѣхъ предначертаній и помысловъ величайшаго изъ геніевъ!!! — Разумѣется, что всѣ мнѣнія, изложенныя въ этомъ сочиненіи, должно приписывать Автору, Генералу Жомини, а не Наполеону. Событія въ книгѣ Генерала Жомини могутъ быть вѣрны — но умъ и душа Наполеона только въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя онъ самъ диктовалъ, въ заточеніи своемъ, на островѣ Св. Елены.

сарги, если бъ Русскія войска быстрѣ произвели движеніе и не употребили слишкомъ много времени для обхода одного озера, а бросились прямо изъ Вольфсдора въ тылъ Нею, на дорогу, ведущую изъ Гутштадта къ Деппену, селу на томъ берегу Пассарги. Наполеонъ воспользовался остановкою нашею, на берегу рѣки, 25 Мая, собралъ всю свою армію, и присоединившись къ Нею, съ корпусомъ Маршала Ланна, съ гвардіею и резервною кавалеріей, выслалъ немедленно, усиленнымъ маршемъ, Маршала Мортъе къ Морунгену, а Маршалу Сульту приказалъ двинуться къ Ліпштадту и силою перейти черезъ Пассаргу. — Мая 26, Наполеонъ соединился съ Сультомъ въ Альткирхъ. Этимъ искуснымъ движеніемъ, Наполеонъ, маневрируя на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, почти въ тылѣ, угрожалъ отрѣзать всю армію Русскую отъ Гейльсберга и даже занять Кенигсбергъ,

прежде, чѣмъ Беннигсенъ успѣетъ зайти ему впередъ, и тѣмъ принудилъ Беннигсена прекратить бои на Пассаргѣ и возвратиться поспѣшно къ Гейльсбергу.

И вотъ, мы, послѣ блистательныхъ сраженій, въ которыхъ вездѣ одерживали поверхность надъ храбрымъ непріателемъ — смѣло можно сказать, послѣ побѣдъ — въ полной ретирадѣ! Нѣтъ ничего несноснѣе, мучительнѣе, какъ ретирада, хотя бы самая блистательная! И люди и лошади утомлены и обезсилены. — Только что собираются варить кашу, кормить лошадей — раздается команда: *мундштучь, садись!* — Но голодъ еще половина бѣды, а цѣлая бѣда — сонъ! Все можно вытерпѣть, но сна нѣтъ силъ преодолѣть! Кавалеристамъ еще кое-какъ сносно дремать на лошади, хотя отъ этого саднится лошадь: но что дѣлать бѣдному пѣхотинцу! Однако жъ и пѣхотинецъ спитъ

на походѣ; закинувъ ружье за плечи или положивъ на ранецъ передняго товарища. Я видѣлъ это собственными глазами, хотя и до сихъ поръ не понимаю, какъ можно спать на походѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Лишь только остановятся — все бросается на землю, чтобъ уснуть, хоть на нѣсколько минутъ. Кавалеристы лежатъ подъ ногами усталыхъ лошадей, и никто не думаетъ, что одно движеніе лошади можетъ нанести ему вредъ или вѣчное безобразіе, какъ это иногда и случается. Все это мы испытали въ быстрой ретирадѣ отъ Пассарги до Гейльсберга. Арріергардъ дрался непрерывно: Французы сильно напирали.

Есть старинная Русская пѣсня, начинающаяся словами:

«Сонъ пріятень, безъ досады.

— На утренней, на зарѣ,

На солнечномъ востодѣ....»

Мы шли цѣлую ночь, и поутру, когда

пригрѣло солнце, сонъ овладѣлъ мною въ высшей степени, и я задремалъ на лошади. Не знаю, долго ли я спалъ, но проснувшись внезапно, едва не свалился отъ испуга.... Кругомъ вода.... Не видно ни души.... Лошадь моя забрела въ озеро, по грудь, съ версту отъ берега, и напившись въ волю, остановилась, а между тѣмъ полкъ, шедшій въ арріергардъ, прошелъ мимо и скрылся въ лѣсу. Отъ быстраго движенія шапка моя упала въ воду, и, по счастью, теченіемъ прибило ее къ берегу. Пришедъ въ себя, я поворотилъ лошадь, досталъ шапку и пустился въ галопъ догонять полкъ, который прошелъ уже версты съ двѣ. Никто даже не замѣтилъ моего отсутствія...

Наконецъ мы пришли въ Гейльсбергъ. Полкъ нашъ расположился на бивакахъ, въ тылѣ; за городомъ. 29 Мая, около 10 часовъ утра началось сраженіе, сперва въ авангардъ, при селеніи Беверникъ, а

потомъ и на всей нашей линіи. Французы шли смѣло, стараясь овладѣть нашими батареями, и встрѣчали вездѣ отчаянный отпоръ. Въ три часа по полудни, уже всѣ войска и часть нашего резерва были въ дѣлѣ. — Земля стонала отъ грома пушекъ, и ружейные выстрѣлы сливались въ одинъ протяжный гулъ. Погода была тихая и ясная — изъ пороховаго дыма и пыли, образовалось стоячее облако на полѣ сраженія, такъ что трудно было видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ. Упорство съ обѣихъ сторонъ было удивительное. Обѣ линіи то подавались впередъ, то отступали, и батареи переходили изъ рукъ въ руки. Ядра и гранаты прыгали по всему полю и попадали не только въ городъ но и за городъ, по мѣрѣ приближенія непріятеля. Въ дыму, только по крикамъ ура можно было судить о движеніи войскъ. Русскіе нѣсколько разъ штыками отбивали сильный

напоръ Французовъ. — Кавалерія наша непревывно должна была драться съ Французскою пѣхотою. Поле покрыто было убитыми; отъ раненыхъ не было прохода на улицахъ въ Гейльсбергѣ. Почти всѣ дома были заняты подъ госпиталями.

Полкъ нашъ стоялъ на предмѣстьи, въ тылѣ сраженія, въ готовности вступить въ бой. Около трехъ часовъ по полудни пріѣхалъ къ намъ Шефъ нашъ, Его Высочество Цесаревичъ, и за нимъ слѣдовали двѣ подводы съ хлѣбнымъ виномъ и сухарями. Онъ велѣлъ полку спѣшиться и роздать солдатамъ по чаркѣ вина. Лишь только мы слѣзли съ копей, откуда ни возмись пушечное ядро — свиснуло и ударило въ лопатку фланговаго улана второй шеренги нашего эскадрона, Котенки (я не забылъ имени), въ ту самую минуту, когда я протянулъ къ нему руку, чтобъ отдать поводья моей лоша-

ди. У фланговыхъ улазовъ были штуцера, на перевязи.... Ядро раздробило штуцеръ и лопатку бѣднаго Котенки и отбросило его на нѣсколько шаговъ, а меня, забрызганнаго кровью, повалило силою воздуха. Это было первое близкое знакомство мое съ ядрами.... Котенку подняли и понесли въ городъ, но онъ умеръ, на рукахъ несшихъ его.

Его Высочество уѣхалъ къ резерву, которымъ онъ начальствовалъ, а мы съѣли на коней и пошли, шагомъ, вокругъ города, на правый флангъ.

Здѣсь же я, въ первый, разъ увидѣлъ знаменитаго Атамана Донскаго войска, Матвѣя Ивановича Шлатова (бывшаго тогда Генераль-Лейтенантомъ и неизвѣстнаго еще Графскаго достоинства), котораго имя повторялось, въ каждой реляціи. Онъ пронесся мимо насъ на рысяхъ, съ своимъ Атаманскимъ полкомъ. Матвѣй Ивановичъ Шлатовъ былъ

сухошавый, уже не молодой чело-
вѣкъ, и ѣхалъ согнувшись на неболь-
шой лошади, размахивая нагайкою. За
нимъ шелъ стройно, по три съ права,
его геройскій полкъ. Всѣ казаки Атаман-
скаго полка носили тогда бороды и не
было бороды въ полку ниже пояса. Ка-
заки одѣты были въ голубыя куртки и
шаровары, на головѣ имѣли казачьи ба-
раньи шапки, подпоясаны были широки-
ми патронташами изъ краснаго сафьяна, въ
которыхъ было по два пистоleta, а сре-
дѣ патроны. У каждаго казака за пле-
чами висѣла длинная винтовка, а черезъ
плечо, на ремнѣ, нагайка, съ свинцовою
пулею въ концѣ, сабля на боку и дро-
тикъ въ рукѣ, на перевѣсѣ. Шпоръ не
знали тогда казаки. Люди были подоб-
ранные, высокаго роста, плотные, кра-
сивые, почти всѣ черноволосые. Весело
и страшно было смотрѣть на нихъ!

Полкъ нашъ, вышедъ за городъ, сталъ

за кавалеріей, которая уже нѣсколько разъ ходила въ атаку. — Сквозь облака дыма, которыя иногда рѣдѣли, мы видѣли сражавшихся, и непріятельскія ядра переносило часто за пашь фронтъ. Французы непремѣнно хотѣли овладѣть нашими батареями, и лѣзли на нихъ по трупамъ своихъ товарищей. Надлежало отгонять ихъ штыками и кавалеріей. Нѣсколько разъ передъ нашими глазами ходили въ атаку кирасиры, драгуны и казаки, но до насъ не дошла очередь. Мы только маневрировали на плоскомъ возвышеніи, въ виду непріятеля, то приближаясь къ центру поля сраженія, то удаляясь отъ него.

Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ подробнѣе описать сраженія — и потому я не стану повторять ихъ, по реляціямъ. Дрались подъ Гейльсбергомъ весь день, съ величайшимъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. Темная ночь разлучила сражав-

шихся. Мы остались на полѣ сраженія — Французы отступили туда, гдѣ началось авангардное дѣло.

Наполеонъ провозгласилъ побѣду во всей Европѣ! Какая же это была побѣда? По собственному его сознанію, онъ былъ гораздо сильнѣе Русскихъ, а между тѣмъ, Русскіе остались почевать, и весь слѣдующій день простояли въ своей позиціи. По здравому смыслу и по правиламъ логики, побѣда принадлежитъ тому, кто удержалъ за собою поле сраженія, а Русскіе удержали его съ честью и славою, защищая каждый шагъ земли до послѣдней капли крови. Съ обѣихъ сторонъ потеря была почти равная. Въ обѣихъ арміяхъ выбыло изъ фронта болѣе 20,000 человекъ. Мы лишились храбраго Генераль-Маіора Кожина, убитаго въ атакѣ, передъ фронтомъ Кирасирскаго Его Величества полка, которымъ онъ командовалъ, и Генераль-

Маіора Варнека. Ранены Генераль-Лейтенантъ Дохтуровъ', Генераль-Маіоры: Вердеревскій, Принцъ Мекленбургскій, Пассекъ, Дука, Олсуфьевъ, и Дежурный Генераль Фокъ. Александръ Борисовичъ раненъ былъ въ лѣвую руку. Его Высочество Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Фокъ раненъ въ лѣвую руку, а Беннигсенъ лишился правой руки!» И и остроумно, и справедливо.

Но дѣло мастера боятся. Наполеонъ зналъ, что Беннигсенъ весьма дорожитъ Кенигсбергомъ, и потому вознамѣрился движеніемъ на Кенигсбергъ принудить его покинуть свою крѣпкую позицію при Гейльсбергѣ. Оставивъ корпусъ Даву передъ Гейльсбергомъ, чтобъ прикрыть свое движеніе, Наполеонъ, со всѣми силами своими, бросился къ Ландсбергу и Прейсишъ-Эйлау, на Кенигсбергскую дорогу. — Жомини замѣчаетъ, что если бь Беннигсенъ рѣшился оставить

часть войска въ Гейльсбергской позиціи, и двинулся быстро впередъ, то зашелъ бы въ тылъ Наполеона, овладѣлъ его сообщеніями, и прижалъ бы всю непріятельскую армію въ уголь, между нижнимъ Прегелемъ, моремъ и Русскимъ войскомъ. Это было бы тѣмъ, что въ шахматной игрѣ называется *шахъ и матъ*. Что сквозь Русскіе ряды Наполеону не легко было бы пробиться—это испыталъ онъ уже подъ Пултусскомъ, Прейсишъ-Эйлау и Гейльсбергомъ. Но Беннигсенъ сперва думалъ, что Наполеонъ на другой же день, 30 Мая, возобновитъ сраженіе подъ Гейльсбергомъ, и когда Французскіе стрѣлки корпуса Даву показались подъ лѣсомъ, на нашемъ правомъ флангѣ, Беннигсенъ выстроилъ всю армію свою въ боевой порядокъ и продержалъ почти половину дня подъ ружьемъ, въ ожиданіи атаки, между тѣмъ, какъ Наполеонъ шелъ впередъ, по Ке-

нигсбергской дорогѣ. Французскихъ стрѣлковъ скоро загнали въ лѣсъ, и всѣ удивлялись, что Французы вовсе исчезли. Вечеромъ, казаки дали знать, что главная Французская армія пошла къ Ландсбергу, по Кенигсбергской дорогѣ. Тоже подтвердили перехваченныя Французскія депеши, и Беннигсенъ, опасаясь за свои сообщенія съ Кенигсбергомъ и Русскою границею, двинулся немедленно, со всею арміею, по противному берегу рѣки Алле, на Бартенштейнъ и Шиппенбейль, сжегши мосты подъ Гейльсбергомъ. Такимъ образомъ обѣ арміи шли по одному направленію, параллельно одна къ другой. Французовъ не было вовсе ни передъ нашимъ авангардомъ, ни за нашимъ арріергардомъ. Только летучіе казачьи отряды охраняли шествіе наше съ лѣвой стороны, т. е. со стороны Французовъ. Странное положеніе обѣихъ армій, которыя опережали

одна другую, первая для защиты, другая для взятія одного города. Всѣ мы думали, что идемъ къ Кенигсбергу, и что тамъ встрѣтимъ Французовъ и дадимъ генеральное сраженіе. Это мнѣ подтвердилъ адъютантъ Беннигсена, съ которымъ я познакомился въ день отдачи письма Главнокомандующему. 31 Мая Главная Квартира наша была въ Шиппенбейлѣ.

При закатѣ солнца я видѣлъ Беннигсена въ Шиппенбейлѣ. Онъ стоялъ на крыльцѣ занимаемаго имъ дома и смотрѣлъ на артиллерію, проходившую чрезъ городъ. Мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я обѣдалъ у него, въ Гейльсбергѣ. Беннигсена окружали генералы, но онъ, казалось, никого не замѣчалъ и даже не отвѣчалъ на салютъ артиллерійскихъ офицеровъ. Наморщивъ лобъ и насупивъ брови, онъ неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ впередъ,

опершись на саблю. На немъ была шляпа съ бѣлымъ султаномъ и обще-кавалерійскій муциръ, съ сѣрыми рейтузами. Я стоялъ насупротивъ, чрезъ улицу, и съ четверть часа не сводилъ съ него глазъ. Тяжелая дума ясно выражалась во всѣхъ чертахъ лица его. Я имѣлъ сперва намѣреніе представиться ему — но перѣшилъ, видя его въ такомъ мрачномъ расположеніи духа. Когда артиллерія прошла, Беннигсенъ поклонился генераламъ и вошелъ въ домъ.

До сихъ поръ Наполеонъ игралъ только въ шахматы съ Беннигсеномъ, т. е. оба они маневрировали, чтобъ найти мѣсто и случай для пораженія одинъ другаго. Французская армія шла отдѣльными корпусами къ Кенигсбергу. Беннигсенъ спѣшилъ, чтобъ предупредить Французовъ, закрывъ фронтомъ своимъ Кенигсбергъ и переправу чрезъ Прегель. Изъ Шиппенбейля надлежало поспѣ-

шить чрезъ Фридландъ къ Велау (Wehlau), гдѣ рѣка Алле соединяется съ Прегелемъ, впадающимъ въ море, при Кенигсбергѣ. Французы опережали насъ. Когда наша Главная Квартира была въ Шиппенбейлѣ (31 Мая), Наполеонъ былъ уже въ Прейсишъ-Эйлау, Ланнъ, подкрѣпляемый Неемъ и Мортъе, въ Домнау, Сультъ подъ Крейцбергомъ, а Мюратъ и Даву шли прямо на Кенигсбергъ. Прочіе Французскіе корпуса слѣдовали отдѣльно за Главною Квартирою Наполеона.

Беннигсенъ получилъ извѣстія о быстромъ движеніи непріятеля на пути изъ Шиппенбейля къ Фридланду, и удостовѣрясь въ невозможности опередить Наполеона, составилъ другой планъ, который имѣлъ бы благія послѣдствія, если бъ, какъ говоритъ Жомини, исполненъ былъ быстро и рѣшительно. Беннигсенъ вознамѣрился перейти Алле, начать наступательныя дѣйствія, и разбить отдѣльные

корпуса Французовъ , не давъ имъ соединиться. Опъ избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, до присоединенія къ нему корпуса Князя Лобанова, шедшаго къ арміи, на подкрѣпленіе, изъ Тильзита. Въ этомъ корпусѣ было до 26,000 человѣкъ. Дѣйствуя такимъ образомъ на оконечности непріятельской линіи, фронтомъ къ морю, утруждая непріятеля отдѣльными битвами, и прервавъ его сообщенія, Беннигсенъ поставилъ бы Наполеона въ затруднительное положеніе и принудилъ бы его отступить отъ Кенигсберга, а между тѣмъ, соединившись съ Княземъ Лобановымъ и другими отрядами, могъ бы выбрать выгодную позицію для генеральнаго сраженія. Планъ этотъ, составленный мгновению, при быстрой перемѣнѣ обстоятельствъ, обнаруживаетъ высокія военныя дарованія Беннигсена. Конечно, современное общее мнѣніе судитъ о дѣлахъ и людяхъ по усмѣхамъ :

но судъ Исторіи взвѣшиваетъ причины и послѣдствія, и будущій историкъ, безсомнѣнія, поставитъ Беннигсена въ число искуснѣйшихъ генераловъ своего времени, хотя бы даже и рѣшилъ, что онъ не въ силахъ былъ бороться съ военнымъ гениемъ Наполеона.

Нашей арміи, слѣдовавшей отъ Шиппенбейля къ Фридланду, предшествовали резервъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, и часть резервной кавалеріи, подъ начальствомъ Князя Дмитрія Владиміровича Голицына. — Съ утра, 1 Іюня, нашъ и Орденскіи Кирасирскіи полки, съ нѣсколькими (кажется, съ четырьмя) орудіями конной артиллеріи, высланы были впередъ, къ Фридланду, на рекогносцировку. Начальствовалъ самъ Князь Д. В. Голицынъ. Ему приказано было перейти чрезъ рѣку Алле, на лѣвый ея берегъ (армія наша шла по правому берегу), остановиться въ горо-

дѣ, для охраненія моста, и выставить пикеты за городомъ. Мы никакъ не надѣялись встрѣтить здѣсь Французовъ, зная направленіе Французской арміи, шли безопасно, и радовались, что отдохнемъ въ городѣ, хоть однѣ сутки, и запасемъ ся съѣстнымъ; но подходя къ городу, увидѣли бѣгущихъ къ намъ на встрѣчу безоружныхъ солдатъ съ крикомъ: «Французы!» Это были наши фурлейты (человѣкъ десять) изъ обозовъ, оставленныхъ въ Фридландѣ, когда этотъ городъ оставался въ тылѣ нашей арміи, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, т. е. въ то время, какъ мы стояли подъ Гейльсбергомъ и ходили къ Пассаргѣ. Кажется, что объ этихъ обозахъ вовсе забыли! — Отъ нихъ мы не могли ничего болѣе узнать, какъ только то, что Французская конница заняла городъ, что всѣ обозы наши взяты, и что сами они успѣли спастись на лодкахъ. Французской пѣхоты они не

видали. Рѣшено было немедленно атаковать городъ. Мы выстроились въ двѣ линіи, по-эскадронно, и пошли на рысяхъ къ мосту, но тутъ встрѣчены были залпомъ спѣшившихся Французскихъ гусаръ, засѣвшихъ за бревнами. Мостъ былъ разобранъ по срединѣ, но на скоро, такъ, что доски еще лежали въ кучѣ, по краямъ моста. Тутъ полкъ нашъ оправдалъ надежду на него Его Высочества, и совершилъ истинно геройскій подвигъ, котораго честь принадлежитъ эскадрону Ротмистра Владимірова и Поручику Старжинскому. Соскочивъ съ лошади и вызвавъ нѣсколькихъ храбрецовъ, Старжинскій бросился съ ними на мостъ и сталъ укладывать доски подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Нѣскольکو десятковъ гусарскихъ штуцеровъ мѣтили въ него — и ни одна пуля не попала! Черезъ четверть часа мостъ былъ по-

чиненъ, и мы бросились стремглавъ въ городъ.

Старжинскій былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего полка. Красавцу, съ отличнымъ воспитаніемъ и благородному во всѣхъ своихъ поступкахъ, ему не доставало только военной славы — и онъ приобрѣлъ ее подвигомъ, котораго не пропустилъ бы безъ вниманія ни Титъ-Ливій, ни Тацитъ. Въ наше время все забывается и важно одно настоящее. Эгоизмъ заглушилъ всѣ высокія чувстваванія. Мы хвалимъ только то, что намъ полезно. Старжинскій обрекалъ себя на явную смерть, и если онъ остался живъ и невредимъ, то это истинное чудо. Развѣ Гораций Коклесъ едѣлаъ болѣе! Съ какою радостью мы прижали къ сердцу добраго нашего товарища, когда увидѣли его снова на лошади! (*) Онъ даже

(*) Я разстался съ Старжинскимъ въ 1809 году и съ тѣхъ поръ не видалъ его, но слышалъ,

удивлялся нашимъ поздравленіямъ, почитая подвигъ свой ничтожнымъ, и простодушно отвѣчалъ намъ: «кому нибудь да надобно же было первому пойти!»

Спѣшившихся Французскихъ гусаръ, которые не успѣли спастись чрезъ огороды, мы перекололи, и поскакали, по главной улицѣ, на площадь, гдѣ встрѣтили насъ Саксонскіе драгуны, выстроившіеся въ колоннѣ, въ числѣ нѣсколькихъ эскадроновъ. Саксонцы храбро выдержали первый нашъ натискъ, но мы врѣзались въ ихъ ряды и опрокинули ихъ фронтъ. Они поскакали въ тылъ, а мы за ними, и вскорѣ уланы наши перемѣшались съ Саксонскими драгунами и скакали вмѣстѣ по улицамъ, нанося

что онъ занимаетъ почетное званіе Уѣзднаго Дворянскаго Предводителя въ Подольской Губерніи, и пользуется общимъ уваженіемъ и любовью. Пусть эти строки напомнятъ ему нашу молодость!

другъ другу удары. За городомъ мы увидѣли Французскій гусарскій полкъ, въ зеленыхъ мундирахъ, который шелъ къ намъ на встрѣчу, на рысяхъ. Саксонскіе драгуны проскакали чрезъ интервалы, между гусарскими эскадронами, а мы остановились, чтобъ выстроиться. На нашей сторонѣ трубили сборъ, и вдругъ, изъ-за рѣки, нѣсколько ядеръ изъ нашихъ легкихъ орудій ударило въ непріятельскую колонну. Это остановило ее и дало намъ время собраться и выстроиться по-эскадронно.

По моему мнѣнію, нѣтъ зрѣлища живописнѣе и привлекательнѣе, какъ кавалерійское сраженіе! Фланкировка, атаки, скачка по чистому полю, пистолетные выстрѣлы, схватка между удалцами, военные клики, трубные звуки — все это веселитъ сердце и закрываетъ опасность смерти. Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, и мы радостно

вступили въ бой. Орденскіе кирасиры остались при нашихъ пушкахъ и для защиты моста и города, а нашъ полкъ одинъ выступилъ въ чистое поле, на битву съ Французскими гусарами и Саксонскими драгунами. Сперва мы послали фланкёровъ, а потомъ ударили на Французскихъ гусаръ и опрокинули ихъ. Проскакавъ съ версту, они остановились и выстроились за своею второю линіею, т. е. за Саксонскими драгунами. Однимъ натискомъ мы смяли Саксонцевъ. Нѣсколько разъ непріятель останавливался и строился, на разстояніи около семи верстъ, и мы каждый разъ принуждали его къ ретирадѣ нашими атаками и наконецъ загнали въ лѣсъ. Стало смеркаться, и потому одинъ эскадронъ (Маіора Лорера) остался на аванпостахъ, растянувъ цѣпь подъ лѣсомъ, а прочіе эскадроны отступили версты на три и расположились на бивакахъ.

Эта первая встрѣча наша съ Францу-

зами, столь блистательная, осталась почти не замѣтною въ военной исторіи. Жюмнини (*), упоминая объ этомъ дѣлѣ, говоритъ отъ имени Наполеона: «Un de nos régiments de hussards qui occupait déjà cette ville en fut chassé le même soir», т. е. «одинъ изъ нашихъ гусарскихъ полковъ, который уже занималъ этотъ городъ, былъ выгнанъ изъ него, въ тотъ же вечеръ.» — О Саксонскихъ драгунахъ и вовсе забыли! Однако жъ, мы очень хорошо помнимъ ихъ. Это были рослые, видные люди, съ косами, въ красныхъ курткахъ съ зелеными отворотами, на крѣпкихъ и хорошихъ лошадяхъ. Дрались Саксонцы не хуже Французовъ. — Мы взяли въ плѣнъ челоуѣкъ до шестидесяти гусаръ и драгунъ, а перекололи и порубили вѣрно съ полсотни. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что эти два полка высланы

(*) Vie politique et militaire de Napoléon, etc.
Tome 2, page 412.

на рекогносцировку, отъ корпуса Маршала Ланна, изъ Домнау.

Въ послѣдствіи, я слышалъ отъ весьма искуснаго Французскаго Генерала, что если бъ мы не остановились подъ лѣсомъ, а перешли черезъ лѣсъ и заняли аванпосты по другую его сторону, то генеральное сраженіе подъ Фридландомъ, на слѣдующій день, могло бы имѣть другія послѣдствія. Узнавъ о переходѣ Беннигсена чрезъ Алле, Наполеонъ двинулъ свою армію къ Фридланду, не всю въ одно время, но корпусами, изъ разныхъ мѣстъ, прикрывая движеніе войскъ лѣсомъ, такимъ образомъ, что мы не знали силъ наступающаго непріятеля, когда онъ, напротивъ, могъ изъ-подъ лѣса видѣть насъ въ чистомъ полѣ и распоряжаться сообразно нашимъ движеніямъ и мѣстоположенію. Но мы не могли занять лѣса наканунѣ, потому что управились съ Французами уже поздно, когда стало

темнѣть, а конницѣ невозможно было пуститься въ лѣсъ ночью, не зная мѣстности и силъ непріятеля. Къ вечеру могла подойти Французская пѣхота, и мы попались бы въ засаду. Если бъ мы раньше, т. е. 1 Іюня, пришликъ Фриланду, и прогнали Французовъ среди дня, то вѣроятно Князь Д. В. Голицынъ перешелъ бы за лѣсъ. Впрочемъ, какъ знать будущее! — Никто не предполагалъ, что здѣсь на другой день будетъ генеральное сраженіе.

Эскадронъ нашъ остановился бивакировать на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ была жаркая схватка съ Французскими гусарами. На полѣ лежало нѣсколько убитыхъ Французовъ; одного изъ нихъ я притянулъ за ноги къ моему помѣщенію, и какъ намъ не дозволено было ни разсѣдывать лошадей, ни отвязывать чемодановъ, то я употребилъ мертваго

Француза вмѣсто изголовья — прилегъ и заснулъ преспокойно.

Но мнѣ не дали отдохнуть послѣ сильнаго движенія. Я былъ очередной на службу, и мнѣ велѣно немедленно отправляться въ городъ, съ командою, дляковки лошадей. Корнетъ Жеребцовъ и я повели команду въ городъ. Было около десяти часовъ вечера.

Не знаю, есть ли теперь фонари на Фридландскихъ улицахъ, но тогда во всей Германіи просвѣщеніе процвѣтало, какъ и теперь, но освѣщеніе было вездѣ плохое. Въ городѣ было темно, какъ въ ямѣ. Кое-гдѣ горѣли свѣчи. Нѣкоторые изъ жителей выбирались изъ города. Мы прямо отправились къ ратушѣ требовать всего, что намъ было надобно. Явился испуганный бургомистръ и такъ засуетился, что мы не могли добиться отъ него толку. Другой Нѣмецъ, вѣроятно членъ ратуши, распорядился вмѣсто бур-

гомиистра, указалъ намъ три кузницы, приказалъ выдать овесъ изъ магазина, и назначилъ домохозяевъ, которые должны были накормить нашихъ улановъ. Когда началась работа въ кузницахъ, мы уговорились съ Жеребцовымъ уснуть по два часа, поочередно, и бросили жеребій, кому первому итти на покой. Первенство досталось мнѣ, и я отправился въ первый домъ, который показался мнѣ лучше другихъ. На сильный стукъ мой у дверей, раздался женскій голосъ: «Wer da? (кто тамъ). — Русскій офицеръ — на квартиру, отвѣчалъ я. — «Gleich!» (тотчасъ). — Черезъ нѣсколько минутъ отворились двери, и меня встрѣтила служанка, со свѣчею. Я пошелъ вверхъ, и въ первой комнатѣ меня принялъ хозяинъ дома, въ шлафоркѣ и въ колпакѣ, извиняясь, что не успѣлъ одѣться. Безъ всякихъ околичностей я объявилъ ему, что голоденъ и измученъ до послѣд-

исей крайности, и просилъ чего нибудь поѣсть и мѣста, гдѣ бѣ могъ отдохнуть, часа два. Хозяинъ былъ виноторговецъ. Немедленно явилась бутылка вина и закуска, и когда я насытился, хозяинъ указалъ мнѣ постель, въ другой комнатѣ. Я попросилъ хозяина разбудить меня ровно чрезъ два часа, и снявъ куртку, бросился полуодѣтый, въ сапогахъ со шпорами, на Нѣмецкіе пуховики, и въ одну минуту заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проснувшись, я протираю глаза и не могъ прійти въ себя. Казалось, всѣ чувства замерли во мнѣ: я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Машинально умылся я холодною водою, которую налилъ мнѣ на руки хозяинъ. Опамятовавшись, я увидѣлъ, что возлѣ моей постели стоятъ хозяинъ мой и нашъ унтеръ-офицеръ, Завьяловъ. Видъ послѣдняго электризировалъ меня, и кровь моя пришла

въ движеніе, когда онъ сказалъ; «Пора въ сраженіе, ваше благородіе!» — Въ сраженіе? возразилъ я и вскочилъ съ постели. Пушечные выстрѣлы, хотя изрѣдка, но раздавались уже за городомъ. — А гдѣ же команда? — «Ушла, съ Корнетомъ Жеребцовымъ», — отвѣчалъ Завьяловъ. — «Мы искали васъ и не могли отыскать. По счастью, хозяинъ пришелъ въ кузницу, гдѣ я оставался съ десяткомъ улановъ, не успѣвшихъ подковать лошадей — и знаками показалъ, что у него находится *Руссъ-офицеръ*, прибавивъ: *кранкъ*. Это я выразумѣлъ и тотчасъ побѣжалъ за вами.... Да вотъ бьемся съ часъ и не можемъ добудиться — что поднимемъ, то вы снова упадете, какъ снопъ, на постель. Я самъ подумалъ, ужъ не больны ли вы, ваше благородіе!» — Хозяинъ примолвилъ, что онъ никакъ не могъ разбудить меня, и зная, что уланы въ кузницѣ, рѣшился позвать ихъ, пола-

гая, что я болѣнъ. Между тѣмъ, шумъ и стукъ на улицѣ поразили меня. Я подошелъ къ окну, и увидѣлъ, что черезъ городъ проходитъ наша армія. — «Съ полпочи началась суматоха», — сказалъ Завьяловъ: «и мы насилу могли отстоять нашу кузницу.... Конница, артиллерія, пѣхота идутъ за городъ, и видно, что передніе уже наткнулись на Француза — слышите, какъ жарятъ!...»

Умывшись еще разъ холодною водою и выпивъ стаканъ поила, называемаго въ Германіи *кафе* (кофе), я простился съ хозяиномъ и вышелъ на улицу, гдѣ ждала меня остальная команда. Съ величайшимъ трудомъ выбрались мы за городъ. Всѣ улицы загромождены были пдущимъ войскомъ, пушками, ящиками, парками, обозами. Вездѣ крикъ и шумъ. Гдѣ покупали, а гдѣ брали въ долгъ.... Шивки стояли безъ оконъ и дверей. У хлѣбниковъ не осталось ни крохи хлѣба....

Оборванный Нѣмецъ, который, какъ шакаль, искалъ добычи послѣ нашихъ солдатъ, провелъ насъ за городъ, поперечною улицею, и мы наконецъ выбрались въ чистое поле.

Тутъ открылась передо мною великолѣпная картина. Восходящее солнце играло на блестящемъ оружїи нашихъ колоннъ, шедшихъ въ различныхъ направленїяхъ, для занятїя позиціи. Бѣлыя перевязи на зеленыхъ мундирахъ блестѣли, какъ весенній цвѣтъ на деревьяхъ. Пушки свѣтились какъ жаровни! Однимъ взглядомъ можно было обозрѣть огромное пространство, между городомъ и лѣсомъ. Почти вся кавалерїя наша была на правомъ флангѣ. Три дивизїи пѣхоты, подъ начальствомъ Князя Горчакова, прикрывали кавалерїю. Лѣвое крыло, состоявшее почти исключительно изъ пѣхоты и артиллерїи, занимало позицію между рѣкою Алле и ручьемъ,

вытекающимъ изъ большаго пруда, за городомъ; позади нашего лѣваго фланга устроены были три моста. Мы скоро нашли своихъ: уланскіе флюгера пестрѣли, какъ маковъ цвѣтъ, на правомъ флангѣ. Мы пошли рысью и присоединились къ полку.

Въ первой линіи уже видѣнъ былъ пороховой дымъ, и кое-гдѣ раздавались пушечные выстрѣлы. Но массы еще не дѣйствовали, и только стрѣлки наши перестрѣливались съ Французами, которые ограничивались защитою, высылая безпрерывно повья подкрѣпленія изъ лѣса. Почему мы не атаковали Французовъ немедленно всею нашею силою? Почему не вторглись въ лѣсъ? Почему дали время Наполеону собрать бѣольшую часть силъ своихъ? Все это должно приписать счастію Наполеона! — Наконецъ, около пяти часовъ пополудни, Французы атаковали насъ на всѣхъ пунктахъ. Земля

застонала отъ грома пушекъ, изъ ружейныхъ выстрѣловъ образовался одинъ непрерывный ревъ—и настала ужасная битва, какихъ было и будетъ немного въ мірѣ!...

Какъ я уже говорилъ однажды о походахъ моихъ въ этомъ сраженіи (см. Собр. Сочин., изданіе второе, часть II, стр. 187), то и теперь долженъ повторить мой рассказъ, хотя другими словами, и съ большею историческою вѣрностью. Скажу сперва о томъ только, что я видѣлъ и испыталъ, а потомъ расскажу, что узналъ въ послѣдствіи.

Передъ нами, на правомъ флангѣ, ближе къ центру, была деревня, а за нею тотъ самый лѣсъ, куда наканунѣ мы загнали Французовъ. Нашъ командирскій эскадронъ, подъ начальствомъ Ротмистра Василя Харитоновича Щеглова, сперва прикрывалъ два легкія орудія, которыя стрѣляли въ лѣсъ и по цѣпи Французскихъ стрѣлковъ. Внезапно изъ лѣса пока-

залась непріятельская кавалерійская колонна. Фронтъ ея былъ не великъ, а мы издали не могли видѣть толщины колонны. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ не остановили ея движенія. Эскадронамъ нашему и Ротмистра Радуловича и одному эскадрону лейбъ-казаковъ приказано было ударить на эту колонну. Мы пошли повзводно, на рысяхъ, прошли черезъ деревню, повернули на лѣво и выстроились по-эскадронно. Нашъ эскадронъ шелъ впереди. Саженьяхъ во стѣ отъ непріятели храбрый Ротмистръ Щегловъ скомандовалъ: пики на перевѣсъ — маршъ-маршъ! и понесся впередъ, крикнувъ: ура! Дружно бросился за нимъ весь эскадронъ, повторяя тотъ же крикъ, но прискакавъ на нѣсколько шаговъ къ Французской колоннѣ, остановился. Колонна была, по малой мѣрѣ, впятеро сильнѣе насъ, и стояла неподвижно, какъ каменная етѣна. Это были знаменитые

Французскіе драгуны Генерала Латуръ-Мобура (Latour-Maubourg). Они стали стрѣлять въ насъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, изъ задней шеренги, а передняя шеренга отбивала палашами пики храбрецовъ нашихъ, которые хотѣли врѣзаться въ ихъ фронтъ. Вдругъ во Французской колоннѣ раздалось: en avant! Vive l'Empereur! (т. е. впередъ, да здравствуетъ Императоръ!) — и вся колонна ринулась на насъ, на рысяхъ, и, такъ сказать, отбросила насъ въ тылъ своею тяжестью. Мы, однако жъ, назадъ не поскакали, какъ это обыкновенно бываетъ въ кавалеріи, когда атака не удается, но отступали медленно. Наши фланкёры начали отстрѣливаться изъ карабиновъ, и нѣсколько смѣльчаковъ, выѣхавшихъ изъ Французской колонны, чтобъ рубить отступающихъ, подняты были на пики. Тутъ, Французская колонна быстро сдѣлала полъ-оборота на

право, и заградила намъ обратный путь. Мы бросились вправо — но здѣсь непредвидѣнная бѣда — крѣпкій плетень, сработанный сильными Нѣмецкими руками! Мы остановились, и пока лейбъ-казаки, бывшіе позади насъ, разламывали плетень, Французская колонна наперла на насъ всею своею силою. Намъ пельзя было двинуться ни въ какую сторону: пошла ужасная свалка! Сперва Французы стрѣляли въ насъ изъ ружей, но чрезъ нѣсколько минутъ мы смѣшались съ ними и сблизись въ одну толпу; стрѣляли куда попало, и въ своихъ и въ чужихъ, дрались пиками, саблями, бросались другъ на друга, какъ бѣшеные.... Едва ли есть въ Военной Исторіи другой примѣръ подобнаго кавалерійскаго дѣла! Это была настоящая рѣзня... Французамъ ловче было въ тѣспотѣ дѣйствовать палашами, чѣмъ уланамъ пика-

ми, и матеріяльній перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ....

Я скакалъ передъ моимъ взводомъ, когда мы пошли въ атаку, а когда наши повернули лошадей — очутился въ тылѣ. Лишь только мы подались назадъ — противъ меня выскочилъ изъ фронта молодой Французскій офицеръ, выстрѣлилъ изъ пистолета, шагахъ въ десяти, не болѣе, и не попалъ. Когда наши уланы сбились въ кучу у елетня, тотъ же молодой офицеръ опять наскочилъ на меня, съ поднятымъ палашемъ, и закричалъ; *rendez-vous, officier!* Въмѣсто отвѣта, я занесъ на него саблю, чтобъ рубнуть его по рукѣ — но промахнулся, потому что онъ въ то же мгновеніе опустилъ руку. Сабля моя скользнула по гривѣ его лошади — она испугалась и быстро повернулась, а я, въ это самое время, хватилъ офицера по плечу.... Кажется, что я ранилъ его. Онъ отскочилъ и закричалъ

своимъ драгунамъ : tuez-le ! Но , видно , Французскіе драгуны сжалились надъ моею юностью , и не захотѣли убить меня на-поваль . Два ружейные выстрѣла раздались въ нѣсколькихъ шагахъ — и я , какъ снопъ , повалился на землю : двѣ пули попали въ голову моеѣ лошади . По счастью , въ эту самую минуту толпа наша попятилась въ тылъ , и задніе уланы , защищаясь , обернулись къ Французскому фронту . Я имѣлъ время отстегнуть мой чемоданъ , и вынуть пистолеты изъ кубуръ , перелѣзъ черезъ плетень , и пустился во весь духъ бѣжать въ деревню , перебрался черезъ другой плетень , гораздо выше , и остановился за дровами сложенными стѣною , позади крестьянскихъ домовъ . Запыхавшись , я бросился на землю отдохнуть , и тутъ только замѣтилъ , что потерялъ свою уланскую шапку . Черезъ нѣсколько времени , въ деревнѣ раздались громкіе

крики : en avant — и конскій топотъ... Я выглянулъ изъ-за угла.... Наши скакали по улицѣ, а за ними гнались Французскіе драгуны. Миѣ дѣлать было нечего. Я прикрѣпилъ чемоданъ къ шарфу, за плечами, повѣсилъ заряженные пистолеты на ветишкетахъ, и когда Французская колонна проскакала, вышелъ на улицу, чтобъ взглянуть на чистое поле. На улицѣ лежала лейбъ-казачья пика — я поднялъ ее.... Вдругъ вижу, та же Французская колонна несется обратно въ деревню, и гораздо быстрее прежняго — я опять скрылся въ мою засаду, за дровами, и остановился на самомъ углу. Когда колонна проскакала чрезъ деревню, я снова вышелъ на улицу — и вижу, что наши лейбъ-казаки и гусары скачутъ въ деревню.... Нѣсколько Французскихъ драгунъ поотстали отъ своихъ; одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, подтянулъ подпруги у сѣдла, вско-

чиль опять на лошадь, и пустился во всю конскую прыть догонять товарищей.... Я бросился на него съ пикою.... Онъ направилъ на меня лошадь, перегнулся, чтобъ рубнуть меня—по мѣѣ удалось такъ мѣтко ударить его въ бокъ пикою, что онъ свалился съ лошади. Пика моя осталась у него въ боку, и онъ повисъ погою въ стремени. Я ухватилъ лошадь за поводья, по, испуганная, она стала рваться и становиться на дыбы, и я никакъ не могъ справиться съ нею и выпутать ноги убитаго мѣю драгуна изъ стремени.... Въ эту минуту прискакали лейбъ-казаки и лейбъ-гусары. Нашъ эскадронъ и эскадронъ Маіора Лорера понеслись мимо деревни, къ лѣсу, чтобъ отрѣзать Французамъ ретирату. Я кричу изъ всѣхъ силъ : «помогите, братцы!» Никто не обращаетъ на меня вниманія — всѣ скачутъ впередъ. Наконецъ я успѣлъ выпутать ногу драгуна изъ стремени, и поднялъ

мою пику—но лошадь не давалась садиться на нее, и я принужденъ былъ вести ее за поводья. Нѣсколько казаковъ уже возвращались на рысяхъ, съ добычею — Французскими лошадьми и нѣсколькими плѣнными... «Пособи, братецъ, сѣсть на лошадь—она бѣсится!» сказалъ я одному лейбъ-казаку, который велъ Французскую офицерскую лошадь. — «Некогда!» отвѣчалъ онъ, и пронесся мимо. Съ тою же просьбою обратился я къ лейбъ-гусару (рядовому Ансонову), который догонялъ своихъ, оставаясь прежде въ тылѣ, при раненомъ товарищѣ. — «Извольте, Ваше Благородіе!» Ансоновъ слѣзъ съ лошади, отвязалъ драгунское ружье отъ сѣдла, укоротилъ стремяна, пристегнулъ на мундштукъ цѣпочку, которая сорвалась съ крючка и звономъ своимъ пугала лошадь, и посмотрѣвъ на огромнаго Французскаго драгуна, который еще шевелился, спросилъ съ удивленіемъ: «Неужели

это вы уходили его?» — Я, братецъ, съ помощью Божіею! — «Нешто, что Божіей волей», примолвилъ Ансоновъ : «да вѣдь онъ убилъ бы васъ кулакомъ, если бь дошло до схватки! — Счастливо, счастливо, ваше благородіе!» — Мы поскакали съ Ансоновымъ къ своимъ. Миѣ никакъ не хотѣлось разстаться съ казачьею пикою, доставившей миѣ побѣду надъ Французскимъ Голіафомъ, и я пріѣхалъ въ эскадронъ, на Французской лошади, съ обнаженною головою, съ казачьею пикой въ рукѣ. Товарищи почитали меня убитымъ, потому что нѣкоторые изъ уланъ видѣли, какъ въ меня выстрѣлили и какъ я сваллся съ лошади. Гусаръ Ансоновъ разсказалъ, въ какомъ положеніи нашелъ меня. Еще есть нѣсколько товарищей моихъ въ живыхъ, и есть люди, которые слышали объ этомъ отъ Александра Ивановича Лорера....

Французскіе драгуны ушли въ лѣсъ, а

деревню, въ которой я, спѣшенный, укрывался за дровами, заняла наша пѣхота, и протянула цѣпь стрѣлковъ подъ лѣсомъ. Мы слѣзли съ лошадей, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, и въ это время я, съ товарищами, сталъ разсматривать мою добычу, т. е. чемоданъ Французскаго драгуна. Дай Богъ иному пѣхотному офицеру имѣть такой багажъ! Бѣлье тонкое, шелковые платки, серебряная ложка, пѣнковая трубка, двѣ пары бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ, танцевальныя башмаки, новый мундиръ и проч. Вообще Французскіе солдаты были тогда богаты, получая часто денежное награжденіе изъ контрибуцій, налагаемыхъ на покоренныя земли, и живя на всемъ готовомъ. Я раздѣлилъ всѣ вещи между Ансоновымъ и двумя моими трабантами, уланами, которые безотлучно находились при мнѣ, Капдровскимъ и Табулевичемъ, и оставилъ

для себя ложку, пѣиковую трубку и два фунта курительнаго табаку. Взятая мною лошадь была, кажется, Нормандской породы, сильная, крѣпкая на ноги и легкая на бѣгу, но немного пуглива.

Я просилъ Ротмистра моего, Василя Харитоновича Щеглова, рекомендовать гусара Ансонова Полковнику его, Князю Четвертинскому, что Ротмистръ мой исполнилъ немедленно, потому что гусары стояли отъ насъ въ двухъ стахъ шагахъ. Ансоновъ, послѣ кампаніи, получилъ Георгіевскій крестъ *за спасеніе офицера*, а потомъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Онъ хаживалъ ко мнѣ, въ Петербургѣ. Не знаю, живъ ли онъ.

Приключеніе мое сдѣлалось извѣстнымъ въ гусарскомъ полку, и особенно потому обратило на себя вниманіе, что я былъ очень молодъ....

Французская пѣхота стала выходить изъ лѣса, и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы дра-

лись, и въ деревнѣ завязалось пѣхотное сраженіе. Насъ потребовали на крайній правый флангъ. Нашъ полкъ, три эскадрона Лейбъ-Гусарскаго и Александрійскіи гусарскіи полкъ составили отрядъ, подъ начальствомъ Генерала Графа Ламберта: ему поручено было сдѣлать рекогносцировку на крайнемъ лѣвомъ флапгѣ Французовъ, который какъ будто прятался отъ насъ за лѣсомъ и селеніями. Мы пошли впередъ, обогнули лѣсъ и увидѣли сильную пыль. Это были свѣжія войска, шедшія къ Маршалу Мортье. Кавалерія прикрывала ихъ движеніе и стояла, спѣшившись, передъ деревнею. Лишь только мы показались на опушкѣ лѣса, во Французской кавалеріи затрубили тревогу, и она двинулась шагомъ. — Противу насъ были драгуны и знаменитые кирасиры. Здѣсь мы впервые встрѣтились съ ними. Надобно сказать правду, что видъ этихъ

кирасировъ, на огромныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ латахъ, съ развѣвающимися по вѣтру конскими хвостами, на шишакахъ, производилъ впечатлѣніе. Но мы такъ быстро ударили на нихъ, что не дали имъ опомниться, и прогнали ихъ за деревню. Въ погонѣ, наши уланы многихъ кирасировъ и драгуновъ ссадили съ лошадей пиками. Я также былъ въ атакѣ съ своею пикой, и два мои любимца, Кандровскій и Табулевичъ, не отставали отъ меня ни на шагъ и безпрестанно повторяли: «Не горячитесь, ваше благородіе! Берегитесь, чтобъ лошадь не занесла васъ въ середину Французовъ! Не выскакивайте впередъ!» и т. п. Я работалъ пикою наравнѣ съ другими, и въ догонку покалывалъ дюжихъ кирасировъ а posteriori, а одного даже свалилъ съ лошади, при помощи Табулевича. Но когда мы, прогнавъ Французовъ за деревню, остановились, я былъ такъ измученъ,

что едва могъ держать пику въ рукахъ. Отломивъ острие, я спряталъ его въ чемоданъ, на память, и бросилъ древко. Пика была не по моимъ силамъ и утруждала меня.

Французы въ большихъ массахъ собирались за деревней, и мы отступили къ своимъ. Въ нашей первой линіи, на правомъ флангѣ, было до 35 эскадроновъ легкой кавалеріи. Впереди стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ, потомъ нашъ, на одной линіи съ Александрійскимъ Гусарскимъ, далѣе лейбъ-гусары и лейбъ-казаки. Противу насъ вышли изъ-за лѣса 50 эскадроновъ, Французскихъ драгуновъ и кирасировъ, въ трехъ колоннахъ: одна ударила въ центръ, а двѣ во фланги.

Я всегда удивлялся и удивляюсь храбрости тѣхъ писателей, которые не видавъ даже издали сраженія, описываютъ битвы и еще разсуждаютъ о военныхъ дѣйствіяхъ! Напримѣръ, кто не бывалъ

въ кавалерійскомъ дѣлѣ, тотъ не можетъ имѣть объ немъ яснаго понятія. Многіе воображаютъ, что двѣ противныя кавалеріи скачутъ одна противу другой, и столкнувшись, рубятся или колются до тѣхъ поръ, пока одна сторона не уступить, или что одна кавалерія ждетъ на мѣстѣ, пока другая прискачетъ рубиться съ нею. Это бываетъ только на ученьи или на маневрахъ, но на войнѣ иначе. Обыкновенное кавалерійское дѣло составляетъ непрерывное волненіе двухъ массъ. То одна масса нападаетъ, а другая уходитъ отъ нея, то другая масса, прискакавъ къ своимъ резервамъ, оборачиваетъ лошадей и нападаетъ на первую массу, и опрокидываетъ ее. Это волненіе продолжается до тѣхъ поръ, пока одна масса не сгонитъ другой съ поля. Во время непрерывнаго волненія, рубятъ и колютъ всегда тѣхъ, которые скачутъ въ тылъ, т. е. бьютъ въ догон-

ку. Бываютъ и частныя стычки — но это не идетъ въ общій счетъ. Иное дѣло въ фланкировкѣ. Это почти то же, что турниръ. Тутъ иногда фланкёры вызываютъ другъ друга на поединокъ, и каждый дерется отдѣльно.

Мы дрались съ Французскою кавалеріею нѣсколько часовъ сряду, съ перемѣннымъ счастьемъ. То мы ихъ прогоняли, то они насъ, а между тѣмъ и къ нимъ и къ намъ приходили подкрѣпленія. Но подкрѣпленія ихъ были гораздо сильнѣе, и мы должны были бы уступить имъ поле, если бъ не прибылъ къ намъ, кстати, на помощь, Генераль-Адъютантъ Уваровъ, съ резервной кавалеріею и нѣсколькими орудіями конной артиллеріи. Мы повели общую атаку цѣлымъ правымъ флангомъ, опрокинули всю Французскую кавалерію, устлали поле ихъ латниками и драгунами, прогнали всю массу подъ лѣсъ, и возвратясь на

наше прежнее мѣсто, выстроились *ша-шечницей* (en échiquier), и ожидали окончания пѣхотнаго сраженія. — И такъ, на правомъ нашемъ флангѣ была одержана побѣда: поле сраженія было въ нашихъ рукахъ, и прогнанный не-пріятель не смѣлъ болѣе атаковать насъ (*).

Между тѣмъ, въ центрѣ, гдѣ находился Генераль Дохтуровъ, и еще болѣе на лѣвомъ флангѣ кипѣла ужасная битва. Особенно тяжело было Князю Багра-

*) Генераль Беннигсенъ въ донесеніи своемъ Государю Императору говоритъ объ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ: «Сраженіе продолжалось нѣсколько времени съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостью и отчаяньемъ, однакожь, усиѣхъ былъ еще не рѣшительный.» Совершенно справедливо. Наши уланы и гусары отчаянно врубались въ средину Французовъ и скакали вмѣстѣ съ ними, нанося удары на все стороны. И также увлеченъ былъ въ средину Французскихъ кирасировъ.

тіону, на лѣвомъ флангѣ, куда устремлены были всѣ усилія Французской пѣхоты и артиллеріи. Выстрѣловъ уже нельзя было различать: гремѣлъ непрерывный громъ и поле покрыто было дымомъ. Страшный гулъ разносился по полю и по лѣсу, земля стокала. Мѣстоположеніе, занимаемое Княземъ Багратиономъ, было самое невыгодное. Рѣка Алле изгибается въ этомъ мѣстѣ въ видѣ буквы С, съ острою впадиною въ серединѣ. Долина эта острымъ концемъ примыкаетъ къ городу. На этой-то площади, въ 250 квадратныхъ сажень, дрался Князь Багратионъ съ величайшимъ отчаяніемъ и ожесточеніемъ, противъ тройныхъ силъ, удерживая штыками густыя колонны непріятеля. Тридцать шесть Французскихъ орудій непрерывно стрѣляли картечью на одинъ пунктъ, на пятьдесятъ сажень разстоянія, между тѣмъ какъ Французская пѣхо-

та неустрашимо лѣзла на штыки. Намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобъ перекинувъ наши лѣвый флангъ и центръ зарѣку, овладѣть городомъ, и такимъ образомъ отрѣзать нашъ правый флангъ. Однако жъ, пѣхота наша держалась до вечера, съ величайшимъ мужествомъ — и каждый шагъ впередъ дорого стоилъ Французамъ. Наконецъ, въ шестомъ часу, Беннигсенъ приказалъ Князю Багратиону отступать за рѣку, по мостамъ, выславъ прежде артиллерію и устроивъ на возвышенномъ противоположномъ берегу батареи изъ 120 орудій, которыя сильно громили Французовъ. Беннигсенъ тогда еще не думалъ рѣшительно отступать: онъ намѣревался только собрать армию, дать ей отдыхъ, на другой день перейти снова по сию сторону рѣки и возобновить сраженіе. При переправѣ настала жестокая рѣзня — но наши должны были уступить, потому что Французы были здѣсь.

вдесятеро сильнѣе и подавляли нашихъ своею массою. Князь Багратионъ принужденъ былъ идти по зазженнымъ мостамъ. Въ то же время Французскіе брандскугели зажгли Фридландъ.

Мы не знали положительно, что происходитъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Уже смеркалось, и зарево пожара освѣтило горизонтъ. Безпрерывный громъ орудій превратился въ частые залпы. Мы не предвидѣли ничего хорошаго. Наконецъ, нѣсколько заплутавшихся пѣхотинцевъ извѣстили начальника праваго фланга, Князя Горчакова, что Князь Багратионъ и Дохтуровъ перешли черезъ рѣку, что мосты горятъ, и что Французы заняли городъ. Положеніе наше было весьма опасное : мы были отрѣзаны! Но Князь Горчаковъ рѣшился штыками продолжить себѣ путь сквозь Французскую армію. На правомъ флангѣ была сильная часть нашей арміи, и флангъ нашъ

удержалъ, до послѣдняго часа, поле сраженія. Князь Горчаковъ надѣялся еще поправить дѣло. Пѣхота пошла обратно въ городъ, а кавалерія прикрывала это движеніе. Вся Французская конница выступила противу насъ и шла за нами, не смѣя насъ атаковать. Когда мы остановились, и Французская кавалерія сдѣлала то же. Между тѣмъ, одна наша дивизія ворвалась съ штыками въ городъ и бросилась на Французсвѣ. Настала страшная битва! Французы были вдесятеро сильнѣе. Корпуса Нея и Виктора удержали напоръ нашей пѣхоты, корпусы Ланна и Мортъе ударили на нее съ тыла — но ни перекрестный огонь, ни нападеніе въ штыки не могли принудить ее къ сдачѣ. Наши дрались, въ полномъ смыслѣ слова, до послѣдней капли крови, успѣли отбиться и выйти за городъ. Но куда идти, гдѣ искать спасенія, когда мосты уже не существовали, а между

нами и другою частью нашей арміи были Французы? Въ это время кавалерія ихъ двинулась впередъ, выставивъ передъ собою многочисленную конную артиллерію. Ядра и брандскугели посыпались въ насъ, и по всей Французской линіи раздались громкіе клики: «Victoire! en avant! Vive l'Empereur!» Пожаръ освѣщалъ поле сраженія.... Мы видѣли, что къ Французской кавалеріи подходятъ колоннами ихъ пѣхота съ артиллеріей и образуя полукругъ, прижимаютъ насъ къ рѣкѣ Алле. Пушечные выстрѣлы стали чаще.... Подъ городомъ, гдѣ-то былъ бродъ.... Пѣхота праваго нашего фланга бросилась въ рѣку.... но многіе не попали на мелкое мѣсто и утонули; другіе бѣгали по берегу, ища брода; иные поплыли — никто не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ. Артиллерія наша также пошла въ бродъ.... Наконецъ пришла и наша очередь — мы пошли вплавъ чрезъ рѣку....

Легко сказать, переплыть на лошади через рѣку — но каково плыть ночью, не зная мѣстности, и когда съ тыла жарятъ ядрами и брандскугелями! На берегу рѣки былъ сущій адъ! Крикъ и шумъ ужасный.... Тутъ тонуть, тамъ умоляютъ о помощи, здѣсь стонуть раненые и умирающіе.... Пѣхота и конница сбились въ кучу.... Нельзя пробраться къ берегу, а между тѣмъ ядра и брандскугели валяютъ въ толпы и въ рѣку.... Господи воля твоя!... Если бъ въ эту минуту Французская кавалерія бросилась на насъ, то надѣлала бы бѣды; но она помнила, какъ мы дрались съ нею днемъ, и не посмѣла напасть на насъ! Только крикомъ она давала намъ знать, что она тутъ....

Я пробился къ берегу вмѣстѣ съ Поручикомъ нашего эскадрона Кеттерманомъ. Берегъ былъ крутой и песчаный, хотя и не слишкомъ высокій. Мы стали разсуждать, не лучше ли отправиться въ

другое мѣсто, какъ вдругъ передъ нами ударило ядро и засыпало насъ пескомъ. Лошадь Кеттермана съ испуга соскочила въ воду, а я пришпорилъ свою, приударилъ фухтелемъ, и она также прыгнула въ рѣку.

Лошадь моя плыла тяжело, такъ, что только голова видна была изъ воды. При первой опасности я приготовился спрыгнуть съ сѣдла и ухватиться за гриву или за хвостъ, потому что въ Корпусѣ насъ не учили, по несчастью, плавать — а это необходимо военному человѣку. Тутъ же переправлялась и пѣхота. Пѣхотинцы плыли, ухватясь за хвостъ уланскихъ лошадей. У одного пѣхотинца лошадиный хвостъ выскользнулъ изъ рукъ, и онъ, на самой срединѣ рѣки, схватилъ меня за ногу. Вотъ бѣда! Я сталъ барахтаться, чтобъ освободить ногу, а между тѣмъ лошадь моя начала фыркать, пыхтѣть, отстала отъ другихъ, и наконецъ

примѣтно опустилась въ воду.... Нѣтъ спасенья, подумалъ я.... какъ вдругъ стремянка (по нынѣшнему штрипка) на рейтузахъ лопнула, сапогъ слѣзъ съ ноги, и пѣхотинецъ ухватился за гриву плившей рядомъ со мною лошадь, а я давай жарить фухтелями и даже колоть саблей мою лошадь — она ободрилась и кое-какъ доплыла до берега. Вышедъ на берегъ, я перекрестился! На половину я былъ въ поту, а на половину мокрый.... Въ головѣ у меня вертѣлось....

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега былъ лѣсъ. Подъ лѣсомъ и въ лѣсу горѣли огни и собирались полки. Тутъ раздавались звуки трубы, тамъ били въ барабанъ, здѣсь громко звали полки по именамъ, а между тѣмъ пушечные выстрѣлы съ противоположнаго берега не умолкали и ядра прыгали по берегу. Я сталъ прислушиваться. — «Гей, уланы Его Высочества, сюда!» Потомъ труба протру-

била сборъ.... Ъду на родной голосъ — и вотъ наши флюгера.... Ну, слава Богу, я дома!

Надлежало переодѣться и обуться. Мой чемоданъ былъ подмоченъ. Уланы стали сушить при огнѣ мое платье и бѣлье; одинъ товарищъ далъ мнѣ сапоги, другой напоилъ какимъ-то адскимъ напиткомъ, горячей водою съ простымъ хлѣбнымъ виномъ, чтобъ согрѣть мнѣ желудокъ — и пока платье и бѣлье мои сушились, я завернулся, *in naturalibus*, въ солдатскую пицель, и заснулъ на сырой землѣ такъ спокойно и пріятно, какъ не спалъ ни одинъ откупщикъ накакунѣ торговъ....

Поработали мы въ эти два дня, 1 и 2-го Юня! За то и самъ Наполеонъ и всѣ Французскіе воины, бывшіе подъ Фриландомъ, сознались, что Русскіе дрались превосходно, и что въ плѣнъ взяты только рапелые. Не только ни одинъ полкъ—

ни одинъ Русскій взводъ не положилъ оружія и не сдался—все дрались пока могли!

Дрались чудно, а почему же не одержали побѣды? — Не наша вина. Генералъ Жомини, опытный судья (*juge compétant*) въ военномъ дѣлѣ, говоритъ, что Беннигсенъ надѣлалъ множество ошибокъ въ этомъ сраженіи — и главныя ошибки его въ томъ, что утромъ онъ не напалъ сильно на Маршала Лаанна, котораго легко могъ бы разбить, до прибытія всей Французской арміи, занявъ выгодную позицію, и что далъ сраженіе на самомъ не выгодномъ для насъ мѣстоположеніи, имѣя въ тылѣ рѣку, и помѣстивъ лѣвое крыло, такъ сказать, въ мѣшкѣ (*cul de sac*). въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему нельзя было маневрировать, растянувъ притомъ слишкомъ далеко свое правое крыло. Вѣрю Генералу Жомини, но думаю, что вся бѣда произошла оттого, что Беннигсенъ никакъ не предпо-

лагалъ имѣть дѣло съ самимъ Наполеономъ и со всѣми его силами. — Плѣнные Французы, которыхъ наши брали во весь день, на разныхъ пунктахъ, единогласно утверждали, что противу насъ только корпуса Ланна, Нея, Удипо и корпусъ, составленный изъ Нѣмцевъ и Поляковъ. Французы сами не знали, что къ Фридланду идутъ поспѣшно всѣ силы Наполеона, и только въ 6 часовъ вечера мы узнали, что Наполеонъ и вся Французская армія (исключая кавалеріи Мюрата и корпусовъ Даву и Сульта) находятся на полѣ сраженія. Наполеонъ подоспѣлъ въ сраженіе не ранѣе втораго часу по полудни, но переднія его войска, бывшія уже въ дѣлѣ, не знали объ этомъ. Впрочемъ, хотя Беннигсенъ былъ хорошій генераль — но такіе генералы были и будутъ, а Наполеоны, Александры Македонскіе, Цесари, Фридрихи Великіе и Суворовы рождаются вѣками. У

Наполеона при одномъ взглядѣ на поле битвы раждались соображенія, которыхъ достаточно было бы для десяти отличныхъ генераловъ. Наполеонъ былъ геній! Дѣло мастера боится!

Кто не проигрывалъ сраженій! Потеря наша была велика, потому что мы дрались отчаянно, съ храбрымъ и почти вдвое сильнѣйшимъ непріателемъ, и потому что наша пѣхота лѣваго фланга и центра цѣлый день выставлена была на чистомъ полѣ, противу многочисленной и отличной Французской артиллеріи. До десяти тысячъ человекъ выбыло у насъ изъ фронта, убитыми, ранеными и плѣнными. Но и потеря Французовъ была велика. Не съ овечками они имѣли дѣло!

Простоявъ часа два подъ лѣсомъ, и собравшись, если не полками, то, по крайней мѣрѣ, отрядами, мы пошли въ походъ еще ночью, и на другой день перешли чрезъ рѣку Прегель, подъ горо-

домъ Велау. Князь Багратионъ съ арріергардомъ и Платовъ съ своими казаками прикрывали ретираду. 5 Іюня присоединились къ арміи Прусскій корпусъ Генерала Лестока и отрядъ Графа Каменскаго, бывшіе въ Кенигсбергѣ, для защиты его, Чтобъ не быть отрѣзанными, они сдали городъ Маршалу Сульту, безъ боя, со всѣми запасами.

Мы шли чрезвычайно поспѣшно. Арріергардъ нашъ почти ежедневно имѣлъ перестрѣлку съ непріятелемъ, а Платовъ, съ своими казаками, безпрестанно кружилъ въ тылѣ и останавливалъ Французскую кавалерію. Каждый день слышали мы пушечные выстрѣлы, и наконецъ, 7 Іюля, перешли чрезъ Нѣманъ, подъ Тильзитомъ, послѣ сильнаго арріергарднаго дѣла, въ которомъ Князь Багратионъ и Атаманъ Платовъ покрылись славою. Резервъ Его Высочества Цесаревича, и въ томъ числѣ нашъ полкъ, оста-

новился на бивакахъ при селеніи Беннскайтенъ.

Въ сраженіи подъ Фридландомъ мы не видали нашего Шефа, Цесаревича. Онъ былъ, съ гвардейскою пѣхотою и тяжелою гвардейскою кавалеріей, на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Знаю, что гвардейскіе егери и тяжелая гвардейская кавалерія отличились подъ Фридландомъ; но чего самъ не видалъ и чего подробно не знаю, о томъ и не говорю. — Конногвардейскій и гвардейскій егерскій полки выставлены были въ реляціи примѣрными.

Еще мы не знали, что война кончится, и полагали, что получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи, снова перейдемъ за Нѣманъ и отплатимъ за неудачу. Духъ въ войскѣ былъ превосходный. Не только офицеры, но и солдаты вовсе не приуныли — напротивъ, горѣли желаніемъ сразиться. Славное было наше войско!

IV.

ПАРЛАМЕНТЕРЫ. — ПЕРЕМИРІЕ. — СОСТОЯНІЕ
ОБѢИХЪ АРМІИ ПОСЛѢ ФРИДЛАНДСКАГО СРАЖЕ-
НІЯ. — ОБОЮДНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ МИРА. — СВИ-
ДАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА И НАПОЛЕОНА
НА РѢКѢ ПЬМАНЪ. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ
И ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ЦЕСАРЕВИЧЪ ПЕРЕѢЗЖАЮТЪ
ВЪ МЕМЕЛЬ. — ОТРЯДЪ РУССКОИ ГВАРДИИ ЗА-
НИМАЕТЪ ЧАСТЬ ГОРОДА. — ОБОЮДНЫЯ ВЪЖ-
ЛИВОСТИ И НАГРАДЫ ОРДЕНАМИ. — ТИЛЬЗИТ-
СКІИ МИРЪ. — ОТПУСКЪ. — ГРУСТНЫЯ ВПЕ-
ЧАТЛѢНІЯ. — ЕВРЕИ ЮССЕЛЬ. — ГЕНЕАЛОГИ-
ЧЕСКІИ ОЧЕРКЪ ПОСЛѢДНИХЪ КНЯЗЕИ РАДЗИ-
ВИЛЛОВЪ, ЗНАМЕНИТОИ НЕСВИЖСКОИ ЛИНИИ. —
ПОСЛѢДНІЯ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНОСТИ ВЪ ЕВРОЦЪ,
ИЛИ НЕСВИЖЪ ПРИ КНЯЗѢ КАРЛѢ РАДЗИВИЛ-
ЛѢ. — ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ КНЯЗЯ КАРЛА РАД-
ЗИВИЛЛА И АНЕКДОТЫ О НЕМЪ. — ЦОТОМ-
СТВО ОТЪ БРАЧНАГО СОЮЗА СЪ СИРЕНОЮ. —
ПРОГУЛКА НА ЛОСОСЬ. — ДИКІИ КАБАНЪ НА
СНУРКѢ. — ВЫЗОВЪ НА ПОЕДИНОКЪ ПОКОЙ-
НИКА. — ПОСЛѢДНІИ ПАНЪ ПОЛЬСКІИ КНЯЗЬ
ДОМИНИКЪ РАДЗИВИЛЛЪ. — ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ
НЕСВИЖѢ. — ЖИЗНЬ ВЪ ЗАМКѢ КНЯЗЯ ДОМИ-
НИКА РАДЗИВИЛЛА. — НЕПРІЯТНАЯ ИСТОРИЯ. —

Состояніе Западныхъ Губерній. — Возвращеніе въ полкъ. — Милость и гнѣвъ. — Вступленіе полка въ Петербургъ. — Общее мнѣніе о Тильзитскомъ мирѣ. — Мое мнѣніе о Тильзитскомъ мирѣ. — Благія его послѣдствія вознаграждаютъ временное оскорбленіе народнаго самолюбія. — Генераль Савари, Чрезвычайный Посолъ въ Петербургъ. — Пріемъ его при Дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы. — Анекдоты о Вакселя. — Политическія партіи. — Русское Посольство въ Парижъ. — Современныя лица. — Французское шпіонство въ Россіи. — Похожденія съ демономъ-соблазнителемъ. — Необыкновенное веселіе въ Петербургѣ. — Многолюдство въ Стрѣльцѣ. — Офицеры изъ всѣхъ полковъ Русской кавалеріи, для узнанія порядка службы. — Трагико-комическое происшествіе. — Мертвецъ въ маскарадѣ Фельета. — Несчастныя жертвы судеенаго заблужденія. — Быстрыя начала къ улучшеніямъ въ нравахъ и управленіи.

Еще до перехода нашего чрезъ Нѣманъ начались переговоры о перемиріи, и на третій день высланъ былъ въ Глав-

ную Квартиру Наполеона, въ Тильзитъ, Генералъ Князь Лобановъ-Ростовскій, для предложенія условій. Въ нашу Главную Квартиру присланъ былъ любимецъ Наполеона Дюрокъ, пользовавшійся благосклонностью Государя — и послѣ нѣсколькихъ переѣздовъ парламентаровъ, заключено въ Тильзитѣ перемиріе, 9 Іюня.

Кажется, что обѣ стороны нуждались въ мирѣ, и едва ли Наполеонъ не болѣе Императора Александра. — Наполеонъ привыкъ послѣ рѣшительнаго сраженія разгонять цѣлыя арміи, забирать въ плѣнъ цѣлые неприятельскіе корпуса — а эта война доказала, что Русскаго солдата можно убить, съ опасностью, однако жъ, быть самому убитымъ, но что на него нельзя навести паническаго страха, нельзя искуснымъ маневромъ принудить къ бѣгству и къ сдачѣ, нельзя быстрымъ натискомъ въ штыки заставить

положить оружіе. Русскіе, въ сомкну-
тыхъ рядахъ, дерутся до тѣхъ поръ, по-
ка держатся на ногахъ, и Русскіе ряды
можно сокрушить ядрами и картечью,
но разогнать Русскихъ солдатъ, какъ
стадо — невозможно! — Послѣ сдачи
Ульма и Аустерлицкаго сраженія па-
ла Австрія; послѣ Іенскаго и Ауер-
штедскаго сраженія почти вся Прус-
ская армія разсѣялась, всѣ почти крѣ-
пости сдались, города и провинціи
покорились! А какіе же блистательные
результаты пріобрѣлъ Наполеонъ въ вой-
ну 1806 и 1807 годовъ съ Россіею! —
Съ обѣихъ сторонъ было множество уби-
тыхъ и раненыхъ, груды труповъ, рѣки
крови — и только! Въ хвастливой про-
кламаціи къ своему войску, для ободре-
нія измученныхъ солдатъ своихъ, Напо-
леонъ, удвоивъ число убитыхъ, ране-
ныхъ и взятыхъ въ плѣнъ Русскихъ,
чего, разумѣется, никто не могъ со-

считать — сознается, однако жъ, что въ двѣ кампаніи взято только *семь* Русскихъ знаменъ! И мы взяли столько же знаменъ у Французовъ. — Послѣ побѣды подъ Фридландомъ, нераненыхъ Русскихъ солдатъ взято въ плѣнъ только полторы тысячи, по сознанію Французскихъ историковъ — и между тѣмъ, цѣлые Французскіе полки, бригады, дивизіи совершенно разстроились, полки уменьшились на половину, цѣлыя роты исчезли. Во Французской арміи было болѣе 30,000 больныхъ. Правда, что взятіе Кенигсберга доставило Наполеону большую матеріальную помощь, огромные запасы фуража и провіанта, все нужное для устройства госпиталей, и до 150,000 Англійскихъ ружей. Но откуда взять людей для укомплектованія армій? Франція выслала все, что могла выслать, и рекрутами нельзя было замѣнить старыхъ солдатъ, надшихъ подъ

Пултускомъ , Прейсишъ-Эйлау, на Пас-саргѣ , подъ Гейльсбергомъ и Фридландомъ. Положеніе Наполеона послѣ побѣды подъ Фридландомъ едва ли улучшилось въ существѣ , хотя военная слава его возрасла.

Наше войско торжествовало въ войнѣ съ Турками. Молдавія и Валахія были въ нашихъ рукахъ. Возбужденный Франціей къ войнѣ съ Россією , Султанъ Селимъ 'заплатилъ жизнью за свое упорство. На Турцію Наполеонъ не могъ уже надѣяться. Къ Русской арміи шли сильныя подкрѣпленія , и уже прибыло до 20,000 пѣхоты и многочисленныя толпы Башкировъ и Калмыковъ. Наполеонъ зналъ , что , по одному слову Императора Александра , вся Россія вооружится , и что Австрія притаясь устроиваетъ уже новую армію. Зналъ Наполеонъ также , что всѣ Германскіе народы кипѣли ненавистью къ Франціи и особенно къ нему, и

желали возобновленія борьбы, что, наконецъ, Франція жаждетъ мира. Онъ былъ необходимъ Наполеону для упроченія его династїи и для утвержденія политическихъ преобразованій на Западѣ Европы. Дюрокку поручены были переговоры о свиданіи Наполеона съ Императоромъ Александромъ — и желаніе Наполеона сбылось.

Протекутъ многіе вѣки, пока міръ увидитъ вновь такое величественное зрѣлище, какое мы видѣли съ берега Нѣмана!—

На срединѣ рѣки, Французы устроили два парома, съ павиліонами. — Во второмъ часу по полудни, по двумъ выстрѣламъ изъ пушекъ, отплыли отъ двухъ противоположныхъ береговъ два катера. На одномъ былъ Наполеонъ съ зятемъ своимъ Мюратомъ, Маршалами Дюроккомъ, Бертье, Бессіеромъ и любимцемъ своимъ Оберъ-Шталмейстеромъ Коленкурромъ. Гребцами на этомъ катерѣ были матросы Французскаго Гвардейскаго

Экипажа (*). Императоръ Александръ взялъ съ собою Его Высочество Цесаревича, Генераловъ Беннигсена, Князя Лобанова-Ростовскаго, Уварова и Графа Ливена (бывшаго потомъ Посломъ въ Англіи) и Министра Иностранныхъ Дѣлъ Барона Будберга. На катерѣ Государя Императора гребли рыбаки, которыхъ одѣли, наскоро, въ бѣлыя куртки и шаровары. Наполеонъ прибылъ нѣсколькими минутами прежде на паромъ, и подалъ Императору нашему руку, когда Онъ выходилъ изъ катера.... Рука объ руку, они вошли въ павильонъ въ виду многочисленныхъ зрителей, которыми усѣяны были оба берега....

Судьба и вся будущность Европы, и можно сказать, всего образованнаго міра,

(*) Матросы Французскаго Гвардейскаго Экипажа одѣты были въ синія куртки, съ красными гусарскими снурками напередѣ и въ синія шаравары. Они имѣли кивера. Этотъ экипажъ подалъ мысль къ учрежденію въ Россіи Гвардейскаго Экипажа.

сосредоточены были на этомъ паромѣ!— Здѣсь были два полные властелина Сѣвера и Запада, одинъ сильный высокою душою и общимъ мнѣніемъ, другой военнымъ гениемъ и страшнымъ своимъ именемъ — и оба могущественные храбрымъ войскомъ. — Въ умѣ неволью возникала мысль о двухъ имперіяхъ: Восточной и Западной. — Англія ничего не значила на твердой землѣ; другія государства уже не имѣли никакого голоса. Въ мірѣ были два самостоятельные Государя: Императоръ Александръ и Наполеонъ.... и вотъ Они держатъ другъ друга за руку, подъ открытымъ небомъ, въ виду своихъ войскъ!

И я былъ въ эту торжественную минуту на берегу Нѣмана и видѣлъ издали очеркъ фигуры Наполеона.... Сколько мыслей играло тогда въ моей юной головѣ!

Свита осталась на меньшемъ паромѣ, а Государи вошли одни въ павильонъ и

пробыли наединѣ около двухъ часовъ. Потомъ представлена имъ была свита.

На другой день также происходило свиданіе, на паромѣ, въ первомъ часу по полудни. На этотъ разъ присутствовалъ и Король Прусскій. Монархи провели полчаса вмѣстѣ и разъѣхались, положивъ, что городъ Тильзитъ будетъ нейтральнымъ и что одну половину его займутъ Французы, а другую Русскіе. Императоръ Александръ съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ обѣдали въ этотъ день, въ Тильзитѣ, у Наполеона, и на другой или на третій день переѣхали въ городъ, на свои квартиры. Туда же перешелъ первый баталіонъ Преображенскаго полка, подъ командою Полковника Графа М. С. Воронцова (нынѣ Князь и Намѣстникъ Кавказскій); полуэскадронъ Кавалергардовъ, съ Ротмистромъ В. В. Левашовымъ (нынѣ Графъ и Генералъ отъ Кавалеріи), одинъ взвѣдъ Лейбъ-Гусаровъ, съ Ротми-

стромъ Рейтерномъ (умеръ Генераль-Лейтенантомъ) и нѣсколько Лейбъ-Казаковъ.

Начались пиры, смотры, прогулки и конференціи о мирѣ и раздача орденовъ.

Ротмистръ мой В. Х. Щегловъ рекомендовалъ меня, особенно, Полковому Командиру Полковнику Чаликову, который также былъ ко мнѣ весьма благоклоненъ и рассказалъ Его Высочеству приключенія мои подъ Фридрихомъ. Его Высочество призвалъ меня къ себѣ, приказалъ рассказать всѣ подробности — обнялъ, поцѣловалъ и, въ замѣнъ потерянной мною шапки, удостоилъ подарить свою собственную, съ богатымъ Берлинскимъ султаномъ, велѣвъ переменить генеральскіи помпоны (*).

Армія стала расходиться. Нашему пол-

(*) Генеральскіе помпоны (вмѣсто кокарды) были изъ канители, штабъ-офицерскіе изъ блескъ, а оберъ-офицерскіе изъ серебряныхъ снурковъ.

ку назначено было идти на Жмудзь (въ Самогитію), въ окрестности Шавель, для откорма лошадей и исправленія амуниці послѣ кампаніи. Я отпросился у Его Высочества въ отпускъ, къ матушкѣ моей, которой я давно не видалъ, обѣщая догнать полкъ передъ вступленіемъ его въ Петербургъ. Его Высочество былъ такъ милостивъ, что приказалъ даже выдать мнѣ прогонныя деньги, изъ собственной кассы.

Напявъ крестьянскую подводу до Юрбурга, я купилъ тамъ легкую бричку и поскакалъ, на почтовыхъ, чрезъ Ковно, Вильно, Новогродекъ, Несвижъ, Слуцкъ — въ Глускъ. Прибывъ въ этотъ городишко, въ 5 часовъ по полудни, я немедленно отправился въ монастырь отцевъ Бернардиновъ, и просилъ монаховъ указать мнѣ могилу отца моего. Нѣкоторые изъ монаховъ знали меня ребенкомъ: они поспѣшили исполнить мою

просьбу. На дерновой могилѣ отца моего лежалъ простой камень и возвышался деревянный крестъ.... Я бросился на колѣни и залился слезами.... Мало зналъ я отца моего, но ласки его и пѣжная привязанность его ко мнѣ не изгладились и никогда не изгладятся изъ сердца моего и изъ моей памяти. На смертномъ одрѣ, въ послѣдней борьбѣ съ жизнью, онъ еще воспоминалъ обо мнѣ, говорилъ, что разлука со мною — одна изъ двухъ пуль, которыя убили его, и что одинъ упрекъ своей совѣсти уносить онъ въ могилу, а именно, что не оставилъ мнѣ того состоянія, которое досталось ему отъ предковъ.... Отецъ мой былъ добрый и благородный человекъ — ни съ кѣмъ не ссорился за деньги, которыя презиралъ, никого не оскорблялъ умышленно, никогда не входилъ ни въ какія интриги.... Пылкость характера, пламенное воображеніе и горячая, или, какъ онъ на-

зывать, Албанская кровь — и притомъ общее своеволие и неурядица въ краѣ, были причиною многихъ его ошибокъ въ жизни — но никто никогда не говорилъ и не скажетъ, чтобъ онъ обманулъ кого нибудь, измѣнилъ слову, дружбѣ, презрѣлъ права человѣчества. Правда, что, по пылкости характера, онъ получилъ прозваніе *szalony*, т. е. бѣшенный; но онъ имѣлъ искреннихъ друзей, которые пламенно любили его за его честность, прямодушіе, самоотверженіе въ пользу другихъ, веселость и остроуміе. Честнаго человѣка, какого бы онъ ни былъ нрава, нельзя не уважать.... и честные люди уважали его — а подлые и низкіе ненавидѣли.

Поплакавъ, я взялъ горсть земли съ могилы, завернулъ въ платокъ и отправился въ церковь, попросивъ отцевъ Бернардиновъ отслужить по отцѣ моемъ панихиду, и потомъ пошелъ на свою квартиру,

въ постояломъ домѣ или корчмѣ. До Маковищъ, которыя снова поступили во владѣніе моеи матери, было только нѣсколько верстъ, но уже былъ вечеръ и притомъ жидовскіи шабашъ, слѣдовательно нельзя было скоро достать лошадей. Я не хотѣлъ беспокоить матери моеи ночью.

Отцы Бернардины сообщили мнѣ пріятное извѣстіе о здоровьѣ матери моеи. У корчмаря, гдѣ я остановился, сталъ я спрашивать о нашемъ Маковицкомъ корчмарѣ Юселѣ, и съ радостію узналъ, что онъ переселился въ Глускъ и занимается торговлею рогатаго скота. Я нарочно надѣлъ лядунку, воткнулъ султанъ на шапку, и велѣлъ проводить меня къ дому Юсея. Все семейство сидѣло за столомъ и ужинало. Комната, какъ водится въ шабашъ, была освѣщена люстрами. Отворивъ двери, я остановился и спросилъ громко: гдѣ Юсель? — Сѣдой старикъ вскочилъ съ мѣста, и, сдѣлавъ нѣ-

сколько шаговъ; поклонился мнѣ въ поясъ.—«Ты ли Юсель»? спросилъ я серіознымъ тономъ. — «Я, *ваше превосходительство!*» отвѣчалъ Юсель, поклонившись снова въ поясъ: «что прикажете»?— «Поди же и обойми меня!» примолвилъ я, приближаясь къ нему. Бѣдный Еврей испугался и не понималъ, что это значитъ.— «Обними меня, Юсель: я Тадеушекъ.... изъ Маковищъ.» — Юсель подбѣжалъ ко мнѣ, заглянулъ мнѣ въ лицо, и повалился въ ноги, воскликнувъ во все горло: «Ой, вей миръ! Тадеушекъ.... гроссе пурецъ (т. е. великій панъ)!...»

Сцена эта была бы комическою, если бы не была основана на глубокомъ чувствѣ. Я насилу поднялъ съ земли Юсея; онъ плакалъ и гладилъ меня кругомъ, какъ котенка, приговаривая: «Тадеушекъ, Тадеушекъ! Ахъ, если бы панъ жилъ... ахъ, какъ бы онъ радовался.... иѣтъ, онъ

умеръ бы отъ радости!...» Я не могъ удержать слезъ моихъ.

Наконецъ мы успокоились. Все семейство Юселя окружило меня. Жена его охала, качала головою и мѣрила меня глазами. Юсель предложилъ мнѣ разделить съ нимъ его трапезу, и я, съ особеннымъ чувствомъ, переломилъ съ нимъ *мацу* (по древнему опрѣснокъ), который жена вынула нарочно изъ шкафа. Это означало искренность гостепріимства и братство. Шабашоваястряпня пришла мнѣ по вкусу: огромная щука, жареная баранина были хорошо изготовлены. Юсель откупорилъ бутылку кошернаго вина, которое Польскіе Евреи за дорогую цѣну выписываютъ изъ Кенигсберга. После ужина, семейство пошло спать, а Юсель проводилъ меня до квартиры. Дорогою рассказалъ онъ мнѣ о семейныхъ дѣлахъ нашихъ, не весьма для меня благоприятныхъ. Матушка выиграла про-

цессъ, но ее обманули ея повѣренныя, и Юсель предвидѣлъ печальный конецъ.... «Исправить дѣла нельзя, такъ лучше молчать, чтобъ не огорчить матушку», сказалъ Юсель. Я послушался Юсееля: молчалъ тогда, и молчу теперь....

Въ 6 часовъ утра Юсель разбудилъ меня. Бричка моя стояла уже у крыльца, запряженная парюю лошадей Юсееля. Его слуга сидѣлъ на козлахъ. Я приглашалъ Юсееля ѣхать со мною, но онъ отказался. — «На меня гнѣваются.... за высказанную правду», сказалъ Юсель: «придетъ время—увѣрятъ, что я желалъ добра!...» Я поѣхалъ въ Маковищи....

Какъ билось сердце мое, когда я увидѣлъ крышу дома, гдѣ проводилъ безпечные дни дѣтства, высокія липы, подъ которыми рѣзвился нѣкогда, въ глазахъ моихъ родителей... Мать моя не опомнилась, когда я вошелъ въ комнату, но посмотрѣвъ на меня пристально, тотчасъ узна-

да, по необыкновенному сходству въ лицѣ съ покойнымъ отцемъ — зарыдала и бросилась мнѣ на шею. Отъ слезъ перешли мы къ радости, которая снова смѣнилась грустью, когда я сталъ осматривать всѣ углы дома, сада, двора, припоминавшіе мнѣ отца. Явились старые слуги: нянька моя, любимые стрѣльцы отца моего, Семень и Кондрать, его любимый кучерь... Всѣ они со слезами цѣловали мои руки, обнимали колѣна.... Въ эти два дня я выплакалъ сердце!....

Какъ много добраго въ человѣчествѣ, если сердце не отравлено ядомъ страстей, не окаменѣло отъ эгоизма, если воображеніе не развращено приманками свѣтской роскоши — и главное, если тщеславіе и алчность къ богатству не заглушили въ душѣ человѣческаго чувства! Чему радовался Юсель, увидѣвъ меня?... Отчего плакали всѣ эти добрые люди? — Въ нихъ говорило чувство.... Они во мнѣ

видѣли отца моего, мною вспоминали прошлое....

При матери моей находился малолѣт-
ный, перворожденный сынъ сестры моей
Антонины, мальчикъ, по второму году,
прекрасный собою.... Тутъ я впервые
прижалъ его къ сердцу.... Онъ уже въ
могилѣ! Мало онъ зналъ радостей въ жиз-
ни и перенесъ много горя... Погубили его
юношеская неопытность и дурные совѣ-
ты. Но онъ былъ человѣкъ благородный,
съ жаждою познаній и съ дарованіями....
Миръ праху его!

Мать моя нѣсколько разъ заговаривала
со мною о дѣлахъ, но я, зная все отъ Ю-
сея, не оказывалъ особеннаго любопыт-
ства. Изъ словъ ея замѣтилъ я, однако жъ,
что она чувствовала свою ошибку, давъ
довѣренность занимать деньги, продавать
и покупать, безотчетно. Богъ съ ними —
дѣло прошлое!

Изъ оставшихся и сохранившихся по-

слѣ отца вещей , я взялъ гербовый его перстень, пару пистолетовъ, саблю, серебряныя Англійскіе часы, работы Нортонна (*) и нѣсколько книгъ, между которыми одна особенно приковала къ себѣ мое вниманіе, а именно: *Histoire secrète des cours d'Italie, par Gorani, etc.* Книга эта издана была въ свѣтъ во время Французской революціи, и заключала въ себѣ множество весьма любопытныхъ фактовъ и философическихъ выводовъ. Это была первая прочитанная мною книга о современной политикѣ.

Въ бумагахъ отца моего, между которыми хранился актъ на крѣпостное владѣніе родовымъ нашимъ имѣньемъ Грицевичами, мать моя указала на письмо

(*) Во второй половинѣ XVIII вѣка, часы работы Нортонна славилась столько же, какъ теперь часы Брегета. Нортонъ не дѣлалъ никогда золотыхъ часовъ, но всегда въ серебряной оправѣ. Объ этихъ часахъ будетъ еще упомянуто: они были мнѣ полезны въ важномъ случаѣ.

къ отцу моему покойнаго Кнзя Карла Радзивилла (прозваннаго раніе *koschanku*), о которомъ я говорилъ въ 1-й Части моихъ Воспоминаній. Письмо было писано чужою рукою, въ 1789 году, когда Князь уже былъ слѣпъ, но подписано его рукою. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, были слѣдующія слова: «Очень благодаренъ за исполненіе комиссіи, а деньги 300 червонцевъ возьми въ моей кассѣ, когда будешь проѣзжать чрезъ Вильно—показавъ сіи строки». — Матушка моя сказала, что отецъ мой вовсе не получалъ этихъ денегъ, не бывъ въ Вильнѣ, на возвратномъ пути изъ Варшавы, и не хотѣлъ напоминать Князю, который былъ болѣнъ, а по смерти Князя относился въ опеку, но когда ему отвѣчали двухсмысленно, разгнѣвался, возразилъ гордо и замолчалъ. Я взялъ это письмо и вознамѣрился попробовать счастья у наслѣдника Князя.

Болѣе недѣли мнѣ нельзя было пребыть у матери, и такъ простившись съ нею, я поѣхалъ въ полкъ. Маршрутъ былъ у меня, и я могъ разсчитать, гдѣ и когда догоню его. Свидѣвшись въ Глускѣ съ Юселемъ, я поручилъ ему поставить кованый желѣзный крестъ на могилѣ моего отца и хотѣлъ дать деньги впередъ, но Юсель не согласился, сказавъ, что напишетъ ко мнѣ въ Петербургъ, чего будетъ стоить памятникъ.

Изъ Глуска я поѣхалъ въ Несвижъ, рѣшившись представиться молодому Князю Доминику Радзивиллу, наследнику Карла Радзивилла, и показать ему письмо его дяди. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда, думалъ я.

Здѣсь я долженъ сообщить нѣсколько подробностей о двухъ послѣднихъ представителяхъ угасшей линіи Князей Радзивилловъ, богатѣйшей изъ частныхъ фамилій въ Европѣ. Это послужитъ допол-

неніемъ къ характеристикѣ бывшей Польши, и составитъ послѣдній очеркъ феодальныхъ правовъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Того, что было, никто уже не увидитъ на свѣтѣ!

Происхожденіе фамиліи Радзивилловъ, одной изъ древнѣйшихъ Литовскихъ туземныхъ фамилій, теряется въ баснословной исторіи Литвы. Первоначальное прозваніе этой фамиліи было: Лиздейко, и она была въ родствѣ съ первыми Князьями Литовскими. Радзивиллами стали Лиздейки называться уже по принятіи Литвою Христіанской Вѣры. Первыхъ Радзивилловъ находимъ въ актахъ 1401 года. Радзивиллъ было собственное имя одного Лиздейки, сына Войшунда. Княжеское достоинство фамилія Радзивилловъ получила отъ Римскаго (т. е. Нѣмецкаго) Императора Максимиліана, на Аугсбургскомъ Сеймѣ, который прислалъ дипломъ знаменитому Николаю Радзивиллу, съ

особымъ посломъ, въ 1518 году. (*) Отъ древнѣйшихъ временъ, до половиныXVIII вѣка, Несвижская линія непрерывно умножала огромныя свои богатства, то староствами, получаемыми за заслуги отечеству, то покупкою недвижимыхъ имѣній, то наслѣдствами послѣ владѣтельныхъ особъ и знатнѣйшихъ въ Польшѣ и Литвѣ фамилій. Несвижская линія обладала двумя огромнѣйшими маіоратами: Несвижскимъ въ Литвѣ и Олыкскимъ въ Вольшіи, имѣла недвижимыя имѣнія во всей Польшѣ, и кромѣ того, въ половинѣ XVIII вѣка получила въ наслѣдство, Княжество Слуцкое, со всѣми феодальными правами и привилегіями, которымъ

(*) Николай Радзивиллъ получилъ званіе Князя Гоніондзкаго и Медельскаго. По просьбѣ Польскаго Короля Сигизмунда Августа I, женатаго на Варварѣ Радзивилловой, Императоръ Карлъ V пожаловалъ Княжеское достоинство Биржанской линіи, въ 1549 году. Биржанская линія приняла потомъ прозваніе Несвижской.

владѣли долгое время, извѣстные въ Русской Исторіи Князя Олельковичи, изъ рода Ягелловъ. — Янушъ Радзивиллъ, послѣ междоусобной войны съ Ходкевичами, женился на послѣдней въ родѣ изъ Князей Олельковичей, Княжнѣ Софьѣ, въ царствованіе Сигизмунда III. Сынъ Януша не имѣлъ наследниковъ мужескаго пола. Единственная дочь его, Каролена, сперва вышла замужъ за Принца Георга Брауншвейгскаго, а послѣ за извѣстнаго въ исторіи XVIII вѣка, Карла Филиппа Князя Нейбургскаго, Пфальцграфа Рейнскаго, которому и досталось все имѣніе Януша Радзивилла, съ Княжествомъ Слуцкимъ. Князь Іеронимъ (*) Флоріанъ

(*) Князь Іеронимъ Радзивиллъ былъ чрезвычайно похожъ, какъ двѣ капли воды, на Императора Петра Великаго. Князь Іеронимъ родился вскорѣ послѣ пребыванія Петра Великаго въ Слуцкѣ, о чемъ я говорилъ въ I Часть моихъ Воспоминаній. Польскіе писатели говорятъ,

Радзивилль, котораго мать имѣла въ закладъ это Княжество, за данныя ею въ займы суммы Княгинѣ Нейбургской, прибрѣлъ Княжество въ потомственное владѣніе, и умеръ бездѣтный (въ 1760 году), а Княжество, съ другими его вотчинами, перешло къ брату его, Михаилу, Великому Гетману Литовскому, другу Польскаго Короля Августа III и противнику Станислава Лещинскаго.

Князь Михаилъ Радзивилль, Великій Гетманъ Литовскій, былъ дважды женатъ. Отъ первой жены, Урсули Вишневецкой, имѣлъ сына Карла (прозваннаго раніе *kochanki*) и двѣ дочери. Старшая дочь вышла за мужъ за Ржевусскаго и была матерью Графа Адама Станиславовича Ржевусскаго, Сенатора Русскаго, о которомъ я говорилъ въ I Части, на стр.

что, вѣроятно, мать Князя Иеронима засмотрѣлась на Петра Великаго, въ первый мѣсяцъ своей беременности.

230. Вторую дочь, уже по смерти отца, похитилъ офицеръ надворнаго войска Князя Радзивилла, Моравскій, и женился на ней. Отъ втораго брака Князя Михаила Радзивилла, съ Анною Мыцѣльской, родился сынъ Іеронимъ и три дочери. Первая была замужемъ за Морикони, вторая за Чапскимъ, третья сперва за Массальскимъ, потомъ за Грабовскимъ. Князь Іеронимъ женился на Княжицѣ Туръ и Таксисъ (Tour et Taxis), и имѣлъ только одного сына, Доминика. Князь Карлъ (раніе kochański) былъ женатъ два раза, но не имѣлъ дѣтей. Съ первою женою, изъ фамиліи Ржевусскихъ, онъ развелся въ скоромъ времени послѣ брака; съ другою, изъ фамиліи Любомирскихъ, хотѣлъ развестись, но она умерла — и такъ все наслѣдство Несвижской линіи Князей Радзивилловъ получилъ племянникъ Князя Карла, сынъ Князя Іеронима, Князь Доминикъ Радзивиллъ, остав-

шійся по второму году отъ рожденія послѣ смерти своего отца (*).

Вотъ генеалогія послѣднихъ Князей Радзивилловъ, знаменитой Песвижской линіи, которая, по родственнымъ связямъ съ домомъ Князей Нейбургскихъ и Князей Туръ и Таксисъ, была въ родствѣ или въ своячествѣ почти со всѣми владѣтельными домами въ Европѣ, и имѣла болѣе вліянія въ Литвѣ, нежели Польскіе Короли. Три четверти Литовскаго дворянства жили Радзивиллами!

Послѣдній феодалъ въ этой фамиліи, Князь Карлъ Радзивиллъ, прославился не только въ Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ своими необыкновенными приключеніями, щедростью, остроуміемъ, честностью, а притомъ странностями, страстью къ небылицамъ и не весьма нравственною жизнью. Впрочемъ, таковъ

(*) Князь Иеронимъ Радзивиллъ умеръ въ 1787 году, не доживъ до тридцатилѣтняго возраста.

былъ вѣкъ! — Развратъ въ XVIII вѣкѣ былъ повсюду, какъ я сказалъ прежде, и богатые люди хвастали тѣмъ, чего должны были бы стыдиться.

Князь Карлъ Радзивиллъ вступилъ въ управленіе маіоратами и другими имѣніями по смерти отца своего, въ 1763 году. Около этого времени онъ имѣлъ съ вотчинъ своихъ болѣе десяти милліоновъ золотыхъ Польскихъ годоваго дохода, и какъ я слышалъ, до триста пятидесяти тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ множества подвластныхъ ему городовъ и мѣстечекъ, платившихъ ему подати. Онъ жилъ обыкновенно въ замкѣ своемъ, въ городѣ Песвижѣ, въ тогдашнемъ Новогрудскомъ Воеводствѣ (въ нынѣшней Мнискон Губерніи). — Соображаясь съ тогдашними цѣнами, не только на земныя произведенія, но и на колоніяльные товары и издѣлія иностранныхъ фабрикъ, и съ монетною системою,

тогдашніе десять милліоновъ злотыхъ Польскихъ можно смѣло сравнить съ нынѣшними двадцатью милліонами рублей ассигнаціями. Замѣчу при этомъ, что многія изъ его имѣній не приносили вовсе дохода, потому что отданы были въ пожизненное владѣніе роднымъ или заслуженнымъ въ Радзивилловской службѣ дворянямъ. Бóльшая часть имѣній были въ арендѣ, за весьма дешевую цѣну, потому что отдача въ аренду означала Княжескую милость. Нѣкоторыя имѣнья находились въ закладѣ (*zastawie*), и доходами пользовались поссессоры, т. е. люди, давшіе Князю въ займы денежныя суммы или получившіе закладное право на извѣстную сумму, за службу свою или по милости Князя. Такимъ образомъ, навѣрное, третья часть доходовъ оставалась въ чужихъ рукахъ. — Князь Карлъ Радзивиллъ содержалъ сперва 6,000 человекъ надворнаго регулярнаго

войска и 6,000 человекъ милиціи, въ родѣ нынѣшнихъ Германскихъ Ландверовъ; потомъ число всего войска уменьшилось до 8,000 человекъ. — Исключая двухъ эскадроновъ уланъ, набираемыхъ изъ шляхты, пѣхота, егеря и милиція и четыре эскадрона казаковъ сформированы были изъ крѣпостныхъ людей. Артиллеристовъ всего было сто человекъ, изъ вольныхъ людей и даже иностранцевъ. На рѣкѣ Ушѣ, близъ Несвижа, былъ пороховой заводъ, а въ городѣ богатый арсеналъ (*). Исключая жалованья офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и вольнымъ людямъ, содержаніе войска не много стоило Князю, потому что солдатъ кормили на квартирахъ и фуражъ доставляли изъ имѣній. Жалованье не могло быть велико, если сообразить, что еще въ мое время, весьма искусному эконому

(*) Пушекъ на замковомъ валу и въ арсеналѣ было болѣе пятидесяти.

или управителю платили въ Литвѣ по сту злотыхъ Польскихъ въ годъ. Теперь такой экономъ не согласится служить и за пятьсотъ рублей ассигнаціями. — Дворъ Князя Радзивилла раздѣлялся на *высшій* и на *низшій*. Высшій дворъ составляли повѣренныя, старосты (т. е. дворяне, управлявшіе городами), секретари для Польской и иностранной корреспонденціи, маршалекъ, конюшій (*), подконюшій, гардеробмейстеръ (**) библіотекаръ, бухгалтеры, ловчій, пажи и надворная свита или дворяне (***) (*dworzanie*). Въ эти званія шли люди изъ весьма хоро-

(*) Лошадей на конюшнѣ Князя было около 300.

(**) По смерти Князя Карла Радзивилла, продали съ публичнаго торга гардеробъ его, состоявшій изъ 300 паръ полной богатой одежды и 80 золотыхъ и серебряныхъ поясовъ.

(***) При бывшемъ Польскомъ Королевскомъ дворѣ, дворянинъ (*dworzanin*) значилъ то же, что нынѣ камеръ-юнкеръ или, что при высокихъ синовникахъ чиновникъ для особыхъ порученій.

шихъ фамилій, для пріобрѣтенія покровительства Князя и составленія состоянія, потому что Князь награждалъ вѣрныхъ слугъ имѣньями, пенсіями или капиталами (*). Низшій дворъ составляли надворные гусары, гайдуки, стрѣльцы, скороходы, лакеи, повара, садовники и вся прислуга вообще. Къ низшему двору принадлежали также шестьдесятъ человѣкъ музыкантовъ, съ отличными капельмейстерами, Нѣмцами и Италіянцами, труппы драматическихъ и оперныхъ актеровъ и пѣвицъ и труппа балетная (**).

(*) Въ XVII и даже въ началѣ XVIII вѣка, во всей Западной Европѣ, дворяне хорошихъ фамилій и даже достаточные начинали обыкновенно свое свѣтское поприще надворною службою у вельможъ, пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ въ Государствѣ. Служба эта не почиталась постыдною. Въ Польшѣ этотъ обычай оставался до тѣхъ поръ, пока были вельможи.

(**) Когда послѣдній Король Польскій Станиславъ Августъ (Понятовскій) посѣтилъ Несвижъ,

Въ Несвижѣ была высшая, такъ называемая, Поіезуитская школа, въ родѣ нынѣшнихъ гимназій и основанный Княземъ Карломъ Радзивилломъ Артиллерійскій Кадетскій Корпусъ, для воспитанниковъ изъ дворянъ. Князь Карлъ Радзивиллъ содержалъ, на свой счетъ, 30 воспитанниковъ въ Артиллерійскомъ Корпусѣ, и всѣмъ вообще учителямъ и профессорамъ этого заведенія платилъ жалованье изъ своей кассы. Изъ этого корпуса вышло много хорошихъ офицеровъ, и два воспитанника, Соколовскій и Цыбульскій, дослужились въ Русскомъ войскѣ до генеральскихъ чиновъ. — Въ Несвижской школѣ Князь воспи-

въ 1785 году, между прочими піесами даны были Моцартовъ *Донъ-Жуанъ* и славившійся тогда въ Парижѣ балетъ: *Орфей*. Этихъ піесъ нельзя было бы исполнить, если бъ въ труппахъ не было талантовъ. Извѣстно, что Король и вся его свита были очень довольны представленіями.

тывалъ также множество дворянъ на свой счетъ, и вообще много жертвовалъ въ пользу учебныхъ заведеній.

Въ Литвѣ, кромѣ магнатовъ и высшаго дворянства, никто не хотѣлъ знать и не зналъ Короля, никто не помышлялъ о дѣлахъ государственныхъ. — Солнце, вокругъ котораго вращалась вся Литовская шляхта — это былъ Князь Карлъ Радзивиллъ, а средоточіе всѣхъ надеждъ — Несвижъ. Каждый шляхтичъ, бѣдный и богатый, имѣлъ право пріѣхать, со всѣмъ своимъ семействомъ, къ обѣду, на вечеръ, на балъ или въ театръ къ Князю Карлу Радзивиллу, и всѣ были принимаемы съ одинаковою вѣжливостью. Даже во время присутствія Короля, въ Несвижѣ не было званыхъ гостей, на балы. Двери отперты были *всегда*, для каждаго дворянина, а Князь Карлъ Радзивиллъ почиталъ каждаго равнымъ себѣ. — Кромѣ служившихъ, въ

замкъ было множество женщинъ, даже дѣвицъ, весьма хорошихъ фамилій, которыя назывались резидентками (т. е. поживальницами), и находились или въ свитѣ сестеръ и родственницъ Князя, или въ вѣдѣніи особыхъ гувернантокъ. Это были одалиски (или одалыки) Князя Карла Радзивилла, составлявшія его сераль, только безъ названія. Ихъ выдавали замужъ, съ хорошимъ приданымъ, и замѣняли другими. При этомъ всегда была одна султанша или главная любовница, *maitresse en titre*. — Каждый божій день, круглый годъ, былъ публичный столъ челоѣкъ на шестьдесятъ, иногда на сто, а вечеромъ — или театральное представленіе или концертъ, а потомъ балъ. Если дамы не хотѣли танцовать, то заставляли плясать Украинскихъ казачковъ и казачекъ, съ бандурами и пѣснями, или тавцовщиковъ и танцовщицъ балетной труппы. Князь Карлъ

Радзивиллъ весьма любилъ пушечную пальбу, стрѣльбу изъ ружей и фейерверки (*), и весьма часто тревожилъ, по ночамъ, свой Несвижскій гарнизонъ, выводя его въ поле, для примѣрныхъ атакъ и сраженій, съ пальбою.

Князь Карлъ Радзивиллъ любилъ пирры, попойки и шумную жизнь. Только за десять лѣтъ до смерти, будучи уже слѣпымъ, отказался онъ отъ крѣпкихъ напитковъ. Можно себѣ представить, что за содомъ былъ въ Несвижскомъ замкѣ, при безпрестанныхъ сѣздахъ дворянства, при множествѣ домашнихъ! Разсказываютъ чудеса о любовныхъ интригахъ, поединкахъ, количествѣ выпитаго вина и т. под.

Князь Карлъ Радзивиллъ былъ твердъ въ данномъ словѣ, честенъ и доброду-

(*) На одномъ фейерверкѣ онъ лишился глаза, а за десять лѣтъ до смерти ослѣпъ на другой глазъ.

шенъ въ высшей степени, но при этомъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и насильственъ въ своемъ гнѣвѣ. Можно вообразить, какія случались иногда происшествія! Вспыльчивость и вино—это огонь и порохъ. Бѣда, кто попадался ему въ минуту гнѣва! Но его скоро можно было успокоить. — Въ молодости онъ позволялъ себѣ иногда шалости непростительныя, посѣщая, незваный, съ шайкою окружавшихъ его развратниковъ, дома, гдѣ была красавица жена или дочь. За одно такое приключеніе онъ былъ позванъ въ судъ, въ 1764 году — и какъ Князь Карлъ Радзивиллъ противился избранію въ Короли Станислава Августа Понятовскаго и даже составилъ противу него конфедерацію, въ Радомѣ, то преданная Королю партія воспользовалась этимъ случаемъ и осудила его на лишеніе всѣхъ занимаемыхъ имъ званій, на *вѣчное изгнаніе изъ отечества* и на секве-

страцію всего имущества. Онъ бѣжалъ съ 200 всадниковъ своихъ въ Турцію, а послѣ того жилъ въ Дрезденѣ, на деньги, присылаемыя тайно преданными ему арендаторами. Не долго онъ оставался въ бездѣйствіи, и, приставъ къ Барской конфедераціи, которой былъ объявленъ главою, въ 1767 году, вошелъ съ торжествомъ въ Вильно, съ 2000 конной шляхты. Помирившись съ Королемъ, Князь Карлъ выхлопоталъ на Сеймѣ 1768 года уничтоженіе рѣшенія 1764 года, и получилъ обратно чины, староства и собственное имѣніе. Когда Король присталъ къ другой конфедераціи, которой и Россія покровительствовала, Князю Карлу Радзивиллу пожалованъ Русскій генеральскій чинъ, и онъ съ Русскими войсками вступилъ въ Варшаву. Но видя, что эта конфедерація стремится къ цѣли, противной его видамъ, Князь Карлъ ушелъ тайно въ Литву, и сталъ

собирать въ Несвижѣ своихъ единомышленниковъ. Русскіе папали на Несвижъ и разогнали его приверженцевъ. Послѣ этого происшествія онъ ушелъ съ сокровищами своими и значительными суммами въ Австрію. Тамъ нашелъ онъ одну искательницу приключеній, называвшуюся Княжною Таракановой, и былъ такъ легковѣренъ, что надѣялся посредствомъ ея лишить престола Императрицу Екатерину II! (*) Кончилось тѣмъ, что Князь Карлъ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ — испросилъ прощеніе у Императрицы Екатерины II, и возвратился въ Несвижъ, рѣшившись отказаться навсегда отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ жилъ спокойно въ своихъ помѣстьяхъ, довольствуясь прозваніемъ *Литовскаго Короля*, даннымъ ему по чрезвычайному его вліянію на

(*) Но, кажется, имѣлъ болѣе въ виду досадить Государынѣ прокламаціями.

умы шляхты Литовской, которая его обожала (*).

Хотя Князю Карлу Радзивиллу старались дать блистательное воспитаніе, но онъ мало чему выучился, и недостатокъ познаній прикрывалъ своимъ остроуміемъ. Чтенія онъ не любилъ, и когда повѣренные и секретари подавали ему бумаги къ подписанію, онъ часто повторялъ: «чортъ бы взялъ того, кто меня научилъ писать!» — Страсть его была, какъ я уже упоминалъ, рассказывать о себѣ небывлицы. Это была его поэзія. Напримѣръ, онъ говорилъ, что въ одномъ морскомъ путешествіи, поймалъ Сирену, влюбился въ нее и женился. Она родила ему пять

(*) Путешествіе Князя Карла Радзивилла въ Парижъ и въ Италію надѣлало въ свое время много шума. Онъ разъѣзжалъ съ многочисленною свитою. Въ Парижѣ свита его и лошади заняли цѣлую улицу, получившую съ тѣхъ поръ названіе *quai Radzivil*.

бочекъ сельдей — и ушла въ море! — Рассказывалъ онъ, что купаясь въ Нѣманѣ, поймалъ руками огромнаго лосося, и не могши его удержать, сѣлъ на него верхомъ, проплылъ на немъ 20 миль до мѣстечка Свѣржня, и возвратился въ Несвижъ пѣшкомъ, въ то самое время, когда по немъ служили паннихиду. Онъ увѣрялъ, что однажды на охотѣ, увидѣвъ двухъ дикихъ кабановъ, бѣгущихъ одинъ за другимъ, — выстрѣлилъ въ нихъ. Одинъ кабанъ побѣжалъ, а другой остался на мѣстѣ. Князь, быстро подбѣжалъ къ нему и увидѣлъ, что кабанъ этотъ слѣпъ и держитъ въ зубахъ отстрѣленный хвостъ другаго кабана, своего вожатаго. Князь привязалъ снурокъ къ хвосту и привелъ, такимъ образомъ, домой живаго кабана! — Чтобъ правиться ему, окружающіе должны были представляться вѣрющими его вымысламъ. Рассказывали, что онъ былъ весьма сует-

вѣренъ , боялся чертей и мертвецовъ , и что въ его спальнѣ должны были всегда бодрствовать, всю ночь, два лакея. Вотъ анекдотъ , которымъ доказывали, какъ онъ вѣрилъ мертвецамъ и какъ боялся ихъ (*).

По одной сторонѣ кафедральнаго католическаго костела , въ Несвижѣ , находится колокольня , а по другой часовня (kaplica), называемая Булгаршовскою. Здѣсь лежитъ прахъ дѣда моего , Булгарина, вотчинника Грицевичъ, кото-

(*) Анекдотъ этотъ напечатанъ въ Польскомъ журналѣ *Athenum*, издаваемомъ однимъ изъ первыхъ Польскихъ Литераторовъ, Крашевскимъ. См. 1845 голь, отдѣленіе V, тетрадь VI, стр. 215—217. — Впрочемъ статья, изъ которой я заимствовалъ этотъ фамильный анекдотъ , хотя весьма любопытна, но написана въ духѣ непріязненномъ Князю Карлу Радзивиллу, содержитъ въ себѣ много невѣрнаго на счетъ характера его, и во многомъ не согласна съ исторіей и преданіями.

рый, какъ я уже сказалъ, убилъ, въ пограничномъ спорѣ, помѣщика Узловскаго (*). Раскаявшись въ этомъ проступкѣ, до котораго довела его врожденная ему пылкость и вспыльчивость, дѣдъ мой выстроилъ эту часовню, и сдѣлалъ вкладъ въ церковь, съ тѣмъ, чтобъ его похоронили въ часовнѣ и чтобъ за душу его еженедѣльно служили панихиду, на вѣчныя времена. Въ одно Свѣтлое Христово Воскресеніе, Князь Карлъ Радзивиллъ, ѣдучи къ заутрени, услышалъ, что кучеръ кричитъ форейтору: «не бери направо, а поѣзжай прямо, мимо Булгариновской часовни!» — Возвратясь въ замокъ, съ многочисленною свитою дворянъ, и порядочно заливъ пасху Венгерскимъ виномъ, Князь замѣтилъ, что въ числѣ гостей, пріѣхавшихъ издалека къ празднику, нѣтъ ни одного Булгарина.

(*) См. Воспоминанія, Часть I, Приложенія №3.

Князь разгнѣвался. Сообщившій этотъ анекдотъ въ Атенеумъ не зналъ побудительной причины происшествія — и для поясненія дѣла, я долженъ присовокупить, что въ это время двоюродный братъ моего отца, Подкоморій Булгаринъ, вотчинникъ Щонова, въ Новугродскомъ Воеводствѣ, перешелъ, съ политической своею партіею, на сторону Князя Сапѣги, Канцлера Княжества Литовскаго, противившагося видамъ Князя Радзивилла. Вотъ что возбудило гнѣвъ Князя, при имени Булгарина. — «А по какому праву господниъ Булгаринъ помѣстился возлѣ моего костелла?» спросилъ Князь Карлъ Радзивиллъ окружавшихъ его. Ему рассказали происшествіе. — «Я не хочу, чтобъ убійцы лежали возлѣ Радзивилловъ! Выбросить, немедленно, въ полѣ, Булгарина!» Каноникъ Госсъ, священникъ замка, объяснилъ Князю, что духовные законы запрещаютъ вырывать

тѣла изъ могилъ. — «Такъ подвезть пушки и разбить ядрами часовню!» воскликнулъ Князь. Ему отвѣчали, что при этомъ можно сжечь весь городъ. — «Если такъ, то я самъ поѣду и управляюсь съ этимъ Булгаринимъ!... Запречь лошадей!» — Когда подали карету, Князь попросилъ одного изъ своихъ любимцевъ (Леона Боровскаго) ѣхать съ нимъ, и отправился къ часовнѣ. Приѣхавъ на мѣсто, Князь просилъ Боровскаго, чтобъ онъ вызвалъ Булгарина, отъ его имени, на поединокъ. Надлежало повиноваться. — «Господинъ Булгаринъ, Его Сіятельство вызываетъ васъ на поединокъ!» закричалъ Боровскій, вошедъ въ часовню. — «А что?» спросилъ Князь изъ кареты. — «Молчитъ!» отвѣчалъ Боровскій. — «Слѣдовательно трусь!» примолвилъ Князь. «Скажи ему это!» — «Его Сіятельство почитаетъ васъ трусомъ!» прокричалъ Боровскій. — «А что?» спросилъ снова

Князь. — «Молчитъ!» — «Скажи ему: дуракъ!» Боровскій повторилъ слова Князя, который снова спросилъ: «А что?» Боровскій, чтобъ кончить фарсъ, который вѣроятно ему наскучилъ, отвѣчалъ: «молчитъ, но кажется самъ идетъ, потому что въ склепѣ что-то шевелится!» — «Когда такъ, поворачивай лошадей! — Не хватъ, когда не отозвался на первый вызовъ — и я не хочу имѣть дѣла съ людьми, которыхъ по три раза надобно вызывать на дуэль.» — Тѣмъ дѣло и кончилось, и часовня Булгариновская стоитъ невредимою до сего времени.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что этотъ фарсъ Князь Карлъ Радзивиллъ сыгралъ болѣе для того, чтобъ къ Булгаринымъ дошла вѣсть о его къ нимъ неприязни, а что онъ *могъ* струсить, когда Боровскій сказалъ, что въ склепѣ что-то шевелится — объ этомъ не спорю. Иезуитское воспитаніе распространило въ Польшѣ всѣ

возможныя суевѣрія — и тогда весьма многіе болѣе вѣрили въ мертвецовъ, чѣмъ въ живыхъ!...

При концѣ жизни, Князь Карлъ Радзивиллъ уже не былъ такъ богатъ, какъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Огромныя его вотчины въ Бѣлоруссіи, по присоединеніи этого края къ Россіи, были конфискованы, потому что онъ не хотѣлъ присягнуть на вѣрнопопданство, а между тѣмъ, долги его чрезвычайно возрасли. Но все же, по смерти своей, въ 1790 году, оставилъ онъ огромное имѣнье и два маіората: Несвижъ и Олыку.

Надъ пятилѣтнимъ Княземъ Доминикомъ учреждена была опека, подъ предсѣдательствомъ двоюроднаго дяди его, Князя Матвѣя Радзивилла. Опека сохранила всю движимость, уплатила много долговъ и привела управленіе имѣньями въ нѣкоторый порядокъ. Князь Доминикъ, пришедъ въ возрастъ, хотя не

былъ такъ богатъ, какъ его дядя, но все же былъ первымъ богачемъ въ Россіи. Когда я пріѣхалъ къ нему въ Несвижъ, онъ былъ на двадцать второмъ году возраста, недавно еще вышелъ изъ опеки, и вступилъ въ управленіе огромнымъ своимъ имѣніемъ.

Несвижъ былъ тогда очень порядочный городъ. Въ немъ жило множество старыхъ слугъ Радзивилловской фамиліи, съ своими семействами, учителя школы, много семействъ, ввѣрившихъ свои капиталы Радзивилловской кассѣ, и кромѣ того, безпрерывно толпились въ городѣ множество пріѣзжихъ помѣщиковъ. Купеческое сословіе, какъ водится въ Польшѣ, главнѣйше состояло изъ Евреевъ, между которыми были весьма богатые. Ремесленники всякаго рода, разумѣется большею частью захожіе Нѣмцы, также находили здѣсь работу и хорошую за нея плату. Были доктора и аптека, что так-

же привлекало въ Несвижъ окрестныхъ жителей. Лавки богаты были товарами. Контрабанда процвѣтала тогда въ западныхъ губерніяхъ, и въ жидовскихъ лавкахъ можно было получить самыя дорогія произведенія иностранныхъ мануфактуръ. Городъ показался мнѣ многлюднымъ и оживленнымъ.

Я пріѣхалъ въ Несвижъ утромъ и остановился въ весьма порядочномъ трактирѣ. Хозяинъ былъ шляхтичъ, а управляла всѣмъ жена его, женщина проворная и ласковая, какъ почти всѣ Польки. Явился тотчасъ Жидъ — факторъ, съ предложеніемъ услугъ. За червонецъ, онъ досталъ мнѣ порядочную коляску, съ парюю лошадей, до вечера, и я въ полдень отправился въ замокъ.

Радзивилловскій замокъ былъ не красивъ снаружи и не имѣлъ ни какой архитектурной формы. Въ серединѣ каменный двухъ-этажный домъ съ некраси-

вымъ подъѣздомъ; по бокамъ примы-
кающіе къ нему флигели. Въ одномъ
флигелѣ находилась домашняя церковь,
въ другомъ было помѣщеніе для служа-
щихъ. Конюшни и другія строенія были
въ сторонѣ. У подъѣзда стояли арапы и
множество лакеевъ, въ ливреѣ. По пре-
красной и широкой лѣстницѣ взшелъ я
въ залу, гдѣ находилось нѣсколько *двор-
скихъ* Княжескихъ, и просилъ доложить
обо мнѣ Князю, что и было немедленно
исполнено. — «Князь очень радъ васъ
видѣть», сказалъ вѣжливый дворскій, и
просилъ меня слѣдовать за нимъ. Князь
находился въ своемъ кабинетѣ, мебелиро-
ванномъ со вкусомъ, по послѣдней модѣ.
Съ нимъ было нѣсколько изъ его пріате-
лей, почти безвыѣздно жившихъ въ Не-
свижѣ. Они стояли вокругъ стола и раз-
сматривали какія-то вещи. Когда я во-
шелъ въ двери, Князь тотчасъ оставилъ
группу, пошелъ ко мнѣ на встрѣчу, взялъ

меня за руку и сказалъ, что чрезвычайно радъ познакомиться съ однимъ изъ членовъ дружеской Радзивилламъ фамилии.

Князь Доминикъ Радзивиллъ былъ прекрасный и стройный молодой человекъ, хорошаго роста. Онъ былъ блондинъ, черты лица имѣлъ правильныя и пріятныя, и хотя былъ нѣсколько рябоватъ, но это ни сколько его не безобразило. Во взглядѣ его и въ улыбкѣ выражалась чистая, благородная, кроткая душа. На немъ былъ свѣтлосиній фракъ и свѣтлое исподнее платье. Сапоги были съ отворотами, по тогдашней модѣ. На груди Князя были знакъ Малтійскаго ордена и звѣзда Виртембергскаго ордена Св. Губерта, которую онъ получилъ, кажется, при рожденіи, какъ принадлежащій къ фамилии, по матери своей Княгинѣ Туръ и Таксисъ. — «Надѣюсь, что вы погостите у меня нѣкоторое время», сказалъ Князь. Я отвѣчалъ, что радъ бы,

но что служба обязываетъ меня догонять полкъ. — «По крайней мѣрѣ, оставайтесь нѣсколько дней», примолвилъ Князь. Я изъясилъ согласіе наклопеніемъ головы. — «Господа, пойдѣте завтракать!» сказалъ Князь, и просилъ насъ итти впередъ. Меня, какъ гостя, не знакомаго съ обычаями дома, онъ взялъ подъ руку.

Мы сошли съ крыльца. Князь, увидѣвъ мою коляску, сказалъ: «въ моемъ домѣ вы не имѣете нужды въ экипажѣ», и шепнулъ что-то на ухо служителю. — Я думалъ, что мы идемъ завтракать въ какую нибудь бесѣдку, въ садъ — и удивился, что мы идемъ въ конюшню!

У Князя Доминика Радзивилла были двѣ сильныя и непреодолимыя страсти: онъ любилъ до безумія женщинъ и — лошадей, и ничего не жалѣлъ на нихъ. — Всѣхъ лошадей на его конюшняхъ было до трехъ сотъ, и онѣ, вмѣстѣ, вѣрно стоили миліонъ рублей ассигнаціями.

Парадная конюшня, гдѣ стояли отборныя верховыя лошади, убрана была мраморомъ, зеркалами, бронзою, шелковыми занавѣсами, чиста, какъ стеклышко, провѣтрена, даже надушена. Никогда не видалъ я такой роскошной конюшни. Конюхи были прекрасно одѣты, одни жокеями, другіе по-мамелюкски, третьи по-берейторски. Князь обошелъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, конюшню, называлъ по имени любимыхъ лошадей, иныхъ стегалъ, другихъ гладилъ, утѣшался ими — и наконецъ мы вошли на эстраду, гдѣ подавъ былъ завтракъ. Пока мы завтракали, для насъ сѣдлали лошадей, и мы, вышедъ изъ конюшни, сѣли на коней и поскакали въ галопъ за ворота.

Князь Доминикъ превосходно ѣздилъ верхомъ, сидѣлъ крѣпко и красиво. Протѣкавъ верстъ десятокъ, мы возвратились, къ обѣду, въ замокъ.

Не помню хорошо, былъ ли тогда

Князь Доминикъ женатъ , на первой же-
нѣ своей , изъ знаменитой фамиліи Мни-
шехъ , съ которою онъ вскорѣ развелся.
Кажется , однако жъ , что онъ уже былъ
женатъ , но все же жены не было тогда
въ Несвижѣ. Къ обѣду съѣхались гости ,
и между прочими пріѣхалъ , съ семейст-
вомъ , Генералъ Моравскій , который былъ
женатъ , какъ выше мною сказано , на
теткѣ Князя Доминика. Тутъ я въ пер-
вый разъ увидѣлъ дочь Моравскаго , Тео-
филю , кузину Князя Доминика , бывшую
потомъ его второю женою. Въ это время
она была замужемъ за Старженскимъ.
Тогда она была въ первой молодости , пре-
красная , ловкая , веселая и весьма пріят-
ная въ обхожденіи. Пріѣхало еще нѣ-
сколько семействъ , изъ которыхъ помню
Рейтановъ и Брохоцкихъ. Въ числѣ хо-
лостяковъ помню родственника Князя
Доминика Радзивилла , Оаддея Чацкаго , и
двухъ братьевъ Антона и Матвѣя Водзь-

буновъ. — Оаддей Чацкій и Матвѣй Водзьбунъ почитались первыми остряками между тогдашнею Литовскою благовоспитанною молодежью, хотя Чацкій былъ выше. Матвѣй Водзьбунъ былъ шутникъ, по все, что ни дѣлалъ забавнаго и что ни говорилъ смѣшнаго — дѣлалъ это съ величайшею флегмою, серьезно, что еще болѣе правилось. — Тогда была въ модѣ мистификація. Матвѣй Водзьбунъ хотѣлъ было попробовать на мнѣ своей остроты — но осѣкся! Съ этихъ поръ мы подружились.

Послѣ обѣда, я удивился, увидѣвъ между слугами Княжескими моего слугу, молодого Нѣмца, который подъ Тильзитомъ навязался ко мнѣ въ службу. Оставивъ деньщика при лошадяхъ моихъ, въ эскадронѣ, я волею - неволею долженъ былъ взять его съ собою. Онъ сказалъ мнѣ, что служилъ охотникомъ въ Прусской арміи, немилосердно хвасталъ

своими подвигами, и притомъ любилъ фамиляриться, за что я прозвалъ его : Herr Naseweise. Онъ сказалъ мнѣ, что лакей Княжескiй прiѣхалъ въ моей коляскѣ въ трактиръ, забралъ вещи и его вмѣстѣ съ ними, и что мнѣ отведена въ замкѣ квартира.

Нѣкоторыя семейства и между ими семейство Моравскаго остались въ замкѣ, на нѣсколько дней. Кузина Князя Доминика, госпожа Старженская, прекрасно и смѣло ѣздила верхомъ, что весьма нравилось Князю. День проходилъ въ прогулкахъ, вечеромъ танцевали, играли въ карты, въ азардныя игры, или забавлялись шутками. Каждый день прiѣзжали новые гости. Князь Доминикъ былъ веселаго нрава, любилъ шутить и смѣяться, соблюдая, однако жъ, во всемъ приличiе и хорошиi тоцъ. Въ карты онъ не игралъ, но весьма часто платилъ проигрыши своихъ прiятелей. Танцевалъ онъ

чрезвычайно ловко. На третій день пребывания моего въ Несвижѣ былъ какой-то праздникъ и Князь Доминикъ явился въ церковь въ камергерскомъ мундирѣ Императорскаго Россійскаго Двора.

Трое сутокъ прожилъ я въ замкѣ и никакъ не могъ найти случая переговорить съ Княземъ о моемъ дѣлѣ. Онъ всегда былъ окруженъ пріятелями или находился съ дамами. Наконецъ, чрезъ камердинера, я попросилъ аудіенціи у Князя. Утромъ, въ 10 часовъ, на четвертый день, меня позвали въ его кабинетъ. — «Мнѣ совѣстно утруждать Князя мало-важнымъ дѣломъ», сказалъ я: «но въ моемъ положеніи я долженъ на это рѣшиться. Вотъ письмо вашего покойнаго дяди» — я подалъ письмо Князя Карла Радзивилла къ моему отцу, — «по которому отецъ мой не получилъ слѣдуемыхъ ему денегъ. Если бъ изъ кассы было уплачено, то опека сослалась бы на кви-

танцію : но она отвѣчала двусмысленно, избѣгая объясненій.... и вотъ письмо главнаго повѣреннаго....» Князь даже не хотѣлъ читать писемъ и спросилъ : «въ чемъ же дѣло?» — «Отцу моему слѣдовало получить триста червонцевъ....» «И онъ не получилъ?» возразилъ Князь. — «Нѣтъ!» — «Такъ я прикажу уплатить», сказалъ онъ, и написалъ на письмѣ покойнаго Карла Радзивилла : «выплатить, немедленно, слѣдующее подателю», возвратилъ мнѣ бумаги, улыбаясь, и поцѣловалъ. — Поблагодаривъ Князя, я вышелъ и отправился къ кассиру. Онъ тотчасъ отсчиталъ мнѣ деньги. Пришло кстати!

Скажу нѣсколько словъ о Князѣ Доминикѣ Радзивиллѣ. Это былъ если не *dernier des Romains*, то навѣрное *последній панъ Польскій*, въ такомъ смыслѣ, какъ въ старину разумѣли пановъ или вельможъ. — Если бъ онъ получилъ осно-

вательное, серьезное воспитание, то сохранилъ бы свое огромное состояніе, жилъ бы до сихъ поръ и оставилъ бы по себѣ неизгладимые слѣды. Онъ имѣлъ весьма много природнаго ума и ангельское сердце; былъ щедръ, благотворителенъ, кротокъ, челоуѣколюбивъ, честенъ, благороденъ — по всѣ его похвальныя качества послужили ему во вредъ. Воспитаніе получилъ онъ поверхностное, модное. Его выучили болтать на нѣсколькихъ языкахъ, танцовать, ѣздить верхомъ, и съ дѣтства внушили, что богатства его неисчерпаемы, что онъ Князь Радзивиллъ, панъ изъ пановъ, слѣдовательно, ни въ чемъ не долженъ себѣ отказывать, возжгли въ немъ страсти, чтобъ пользоваться его слабостью — и наконецъ обобрали и погубили! Повѣренныя его и всѣ пользовавшіеся его милостью составили себѣ огромное состояніе — а Князь Доминикъ часто нуждался

въ необходимомъ — и занималъ деньги, гдѣ могъ и на какихъ угодно условіяхъ. Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что повѣренные давали ему въ займы собственныя его деньги, подъ закладъ его имѣній, вдвое превышающихъ данную сумму, и знаю навѣрное, что тѣ же повѣренные продавали имѣнья за безцѣнокъ, взявъ почти половину магарыча (rogekawicze) (*). — Теперь дѣти и внуки Радзивилловскихъ слугъ разыгрываютъ роль аристократовъ! — Друзья и женщины стоили Князю Доминику почти половины всего его состоянія. Онъ прожилъ все, что могъ прожить: дарилъ, покупалъ ненужное, сыпалъ деньгами для того толь-

(* Магарычъ (слово Цыганское) и лпки употребляются въ Россіи, а по-Польски поренкавичне, т. е. рукавичное, называютъ тотъ подарокъ, который купившій какую либо вещь или имѣнье обязанъ дать тому, кто былъ посредникомъ при покупкѣ.

ко, чтобъ не отказывать своимъ любимцамъ и любимицамъ. Но въ жизнь свою Князь Доминикъ не оскорбилъ никого, даже слуги своего, ни словомъ, ни дѣломъ, никогда не отвернулся отъ страждущаго человѣчества, не присвоилъ чужой копѣйки. Всѣ знавшіе его, всѣ его слуги, всѣ имѣвшіе съ нимъ дѣла — обожали его. Ни одинъ человѣкъ въ Польшѣ не оставилъ послѣ себя такой благословенной памяти!

Разумѣется, что Князь Доминикъ былъ воспитанъ въ Польскомъ духѣ, и все, что его окружало, дышало Польскимъ патриотизмомъ. Должно вспомнить, что тогда прошло не болѣе десяти лѣтъ послѣ послѣдняго раздѣла Польши, что прошлое было у всѣхъ въ свѣжей памяти, и что новый порядокъ вещей не могъ нравиться людямъ, которые въ прежней Польшѣ, только по положенію въ свѣтѣ своей фамиліи и связямъ, безъ всякихъ

заслугъ; получали важнѣйшія званія, титулы и ордена въ Государствѣ, и даже богатя староства, когда, напротивъ, теперь надлежало выслуживать каждый чинъ и каждую награду. Это была главнѣйшая причина неудовольствія значительныхъ фамилій въ Польшѣ. Прокламация Наполеона возлиновала умы, а учрежденіе Княжества Варшавскаго утвердило надежду. Благоразуміе велитъ въ каждомъ дѣлѣ оглядываться на время, на обстоятельства и на побудительныя причины. Поляки народъ пылкій и вообще легковѣрный, съ пламеннымъ воображеніемъ. Ему непремѣнно нужна какая нибудь умственная игрушка, для занятія. Патріотическія мечтанія составляли его поэзію — и Франція была въ то время Олимпомъ, а Наполеонъ божествомъ этой поэзіи. — Наполеонъ хорошо понялъ свое положеніе, и весьма искусно имъ воспользовался. Онъ далъ Полякамъ блистательныя

игрушки : славу и надежду — и они заплатили ему за это своею кровью и имуществомъ. Даже тѣ, которые не вѣрили обѣщаніямъ Наполеона, охотно жертвовали ему всѣмъ за эти игрушки! — Таковъ вообще человѣкъ, одаренный живымъ воображеніемъ. Онъ тяжело постигаетъ существенность и легко увлекается тѣмъ, что льститъ его мечтамъ!

Я твердо рѣшился избѣгать политическихъ разговоровъ, однако жъ неволькою попалъ однажды въ непріятное положеніе. За столомъ у Князя Доминика Радзивилла заговорили о прошлой войнѣ. — Энтузіасмъ, возбужденный Наполеономъ и Французскимъ войскомъ, доходилъ до высшей степени. Я самъ былъ всегда чителемъ Наполеона, но не могъ согласиться съ рассказами на счетъ войны, когда обратился ко мнѣ съ распросами. — «Видали ли вы, какъ цѣлые полки, даже дивизіи бросали оружіе и сдавались

въ плѣнъ?» спросили меня. — «Я не могъ видѣть того, чего вовсе не было», отвѣчалъ я. — «Наполеонъ величайшій военный геній, Французы превосходные воины — въ этомъ я совершенно согласенъ: но и Русскіе дерутся славно и никому не уступаютъ въ мужествѣ, чему я былъ теперь очевиднымъ свидѣтелемъ. — Ни одинъ Русскій солдатъ не сдался безъ отчаяннаго сопротивленія. Это вѣрно, какъ Богъ на небеси! Нѣтъ спора, что Наполеонъ одержалъ побѣду подъ Фридрихсландомъ — но три такія побѣды кончились бы тѣмъ, что при немъ едва ли бы осталось столько солдатъ, чтобъ эскортировать побѣдителя до Парижа!» — Эти слова мои произвели непріятное впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ изъ гостей, и одинъ изъ ихъ съострилъ что-то, похожее на сомнѣніе въ равенствѣ храбрости Русскаго воина съ Французомъ. Я былъ молодъ, отъ природы нехладнокровецъ —

и честь мундира заставили меня воскликнуть : «Въ храбрости Русскихъ воиновъ вы легко можете убѣдиться : одинъ изъ нихъ передъ вами — и готовъ на всякое испытаніе....»— Я хотѣлъ что-то прибавить, но увидѣвъ безпокойство Князя, замолчалъ. Гости пошевелились на стульяхъ и нѣкоторые стали перешептываться. — Князь Доминикъ весьма деликатно перемѣнилъ разговоръ, и далъ почувствовать, что ему неприятенъ этотъ споръ. Всѣ замолчали. Послѣ обѣда Князь Доминикъ перешелъ въ другую комнату и переговорилъ съ самыми пламенными изъ приверженцевъ Французовъ. Послѣ того, старикъ Рейтанъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и повелъ туда же. — *«Гость въ домъ — Богъ въ домъ (*)*, говорили наши предки», ска-

(*) Превосходная древняя Польская пословица, означающая врожденное Славянскому племени гостепріимство.

заль Рейтанъ. «Подъ одною кровлею живутъ только друзья и братья! Kochajmy się!» (*) Онъ обнялъ меня, потомъ молодаго человѣка, который своею острою заставилъ меня разгорячиться — и такъ сказать, столкнулъ насъ. Мы обнялись, поцѣловались — и все было забыто. — Князь Доминикъ былъ чрезвычайно радъ, что дѣло такъ кончилось, и на другой день подарилъ мнѣ пару прекрасныхъ пистолетовъ, Версальской фабрики.

Не смотря на такое направленіе умовъ въ Литвѣ, всѣ однакожъ чрезвычайно любили Императора Александра. Это вѣрно, какъ дважды два четыре. Не понимая ни хода дѣлъ, ни порядка, ни государственнаго устройства Россіи, шляхта была убѣждена, что все, дѣлаемое не по

(*) Знаменитая Польская поговорка, — т. е. будемъ дружны, возлюбимъ другъ друга, — повторяемая при тостахъ.

ея желанію , дѣлается противъ воли Государя. И въ самомъ дѣлѣ , Императоръ Александръ дѣлалъ все, что только могъ, для успокоенія умовъ и изглаженія изъ памяти непріятныхъ воспоминаній прошлаго, въ Польскихъ провинціяхъ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ, ангеломъ-хранителемъ края! — Не будь Наполеона, не будь войнъ съ Франціею и непрерывныхъ политическихъ потрясеній въ Европѣ — въ Литвѣ все давно было бы забыто! Впрочемъ вся оппозиція въ Литвѣ ограничивалась болтовнею и частными эмиграціями молодежи въ Герцогство Варшавское, для вступленія въ военную службу. Общаго ничего не было.

Проживъ пять дней въ Несвижѣ, у Князя Доминика Радзивилла, я простился съ нимъ и отправился въ полкъ. — О другой встрѣчѣ съ Княземъ Домникомъ, уже въ несчастныхъ его обстоя-

тельствахъ, будетъ говорено на своемъ мѣстѣ.

Изъ Несвижа поѣхалъ я въ Валки, по почтовому тракту, чрезъ Новогрудекъ, Минскъ, Борисовъ, Витебскъ, Псковъ, Верро (въ Лифляндіи, въ Дерптскомъ уѣздѣ). Не взирая на войну, рекрутскій наборъ и милицію, вездѣ видѣлъ я слѣды благосостоянія и довольства. Хотя тогда не знали во всей Россіи рациональнаго хозяйства, не спекулировали на акціяхъ, не имѣли понятія о компаніяхъ, но денегъ было довольно, потому что были хорошіе урожан и хлѣбъ былъ въ высокой цѣнѣ. Его требовалось и для арміи и для отпуска за границу. Континентальная система только что учреждалась, для лишенія Англіи торговли на твердой землѣ, и земледѣліе въ Англіи не было тогда на такой высокой степени, какъ теперь. Англія нуждалась въ Русскомъ хлѣбѣ, и для себя, и для своихъ колоній.

Швеція также питалась Русскимъ хлѣбомъ. По Нѣману, Двинѣ и по впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, Литва высылала свои земныя произведенія въ Мемель и Ригу, а по Днѣпру въ Кременчугъ. Каналь Огинскій соединялъ торговлю Балтійскаго Моря съ торговлею Моря Чернаго. По несчастью, вся внутренняя торговля была въ рукахъ Евреевъ, но туземцы чрезъ это вовсе не страдали, потому что они отъ природы несклонны къ торговымъ дѣламъ, требующимъ точности, постоянства, терпѣнья и уклончивости. Именно къ это время шляхта только начала вступать въ подряды, на поставку хлѣба и другихъ предметовъ для арміи, и хотя подрядчики обогащались, но много теряли въ общемъ мѣнѣн. Торговля и торгашество все еще почитались въ Польшѣ сиционами и занятіями, неприличными шляхетскому достоинству. Истинный шляхтичъ

вѣрилъ, что онъ можетъ только продавать свои земныя произведенія *на мѣсть*, безъ униженія себя — и много, если допускалъ посылку въ Ригу или въ Мемель, съ своимъ повѣреннымъ! И торговля и земледѣліе были въ дѣтствѣ, но обстоятельства благопріятствовали — и ни въ деньгахъ, ни въ хлѣбѣ не было нужды, потому что иностранцы ждали жатвы съ мѣшками червонцевъ въ рукахъ. — Первый ударъ этому благосостоянію нанесла, выдуманная Наполеономъ континентальная система, которая заставила всѣ Государства приступить къ мѣрамъ, обезпечивающимъ внутреннее продовольствіе. Повсюду принялись за земледѣліе, вездѣ стали заводить фабрики и мануфактуры, чтобъ не зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ — а Литва осталась въ тылѣ! — Евреи долго еще держались контрабандою; наконецъ и этотъ несчастный источникъ богатства

изсякъ. — Но война всегда ведетъ за собою бѣду! На другой годъ послѣ войны, открылись въ Остзейскихъ и Западныхъ губерніяхъ болѣзни и падежъ скота, и три года сряду были неурожай. Эти неожиданныя бѣдствія, подкрѣпляемые континентальною системою, привели пограничныя провинціи въ весьма плохое положеніе.

Полкъ уже прошелъ чрезъ Валки, и я нагналъ его на второй станціи отъ Дерпта, въ Тейлицѣ. — Его Высочество Цесаревичъ пріѣхалъ къ полку, въ Валки, и проводилъ полкъ до Дерпта, откуда отправился, на почтовыхъ, въ Петербургъ. Полковникъ Чаликовъ съ полковымъ адъютантомъ Жоке также уѣхали, по служебнымъ дѣламъ, въ Петербургъ, и старшимъ остался Адъютантъ Его Высочества, подполковникъ Ш. Онъ взялъ меня къ себѣ, въ должность адъютанта.

Казалось, что онъ любилъ меня — но мы никакъ не могли съ нимъ ужиться. Онъ былъ истинно добрый человѣкъ, но неровнаго характера. То былъ онъ со мною слишкомъ фамиліяренъ, то чрезвычайно капризенъ и взыскателецъ, и кажется, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ беспокоить меня. Безъ всякой пужды онъ держалъ меня при себѣ по цѣлымъ днямъ, а иногда нарочно посылалъ поздно вечеромъ, за приказаніями или съ какимъ нибудь пустымъ вопросомъ къ Генералъ-Маіору Янковичу, командиру Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка и нашему главному начальнику въ отсутствіе Его Высочества — и я долженъ былъ скитаться ночью, изъ деревни въ деревню, отыскивая Генерала. — Я выходилъ изъ терѣнья! — Однажды, на дневкѣ, въ какой-то деревнѣ, уже за Нарвой, Ш. осматривалъ трубачей, въ новыхъ мундирахъ, присланныхъ изъ

Петербурга. Онъ махнулъ рукой—и шинель упала съ плечъ его, въ грязь. Я позвалъ улана, стоявшаго шагахъ въ двадцати, и велѣлъ поднять шинель. Ш. окинулъ меня взоромъ, съ головы до ногъ, и сказалъ, съ ироническою улыбкою: «не велика была бы услуга!..» Ему видно хотѣлось, чтобъ я подалъ ему шинель. — «Я слуга Божій и Государевъ!» отвѣчалъ я хладнокровно, а пришедъ домой, осѣдлалъ лошадь и уѣхалъ въ эскадронъ, объявивъ чрезъ писаря, что не возвращусь въ штабъ. Ш. не на шутку разсердился, арестовалъ меня, и хотѣлъ пожаловаться Его Высочеству, но Генераль Яковичъ, благоволившій ко мнѣ, уладилъ дѣло. Я возвратился въ эскадронъ и остался въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ съ Ш. до самой его смерти. Онъ былъ не злопамятенъ, да, кажется и не за что было сердиться....

Наконецъ мы вступили парадомъ въ

Петербургъ. Это было уже осенью. День прошелъ, пока мы размѣстились. Эскадроны расположились въ казармахъ, называвшихся тогда домомъ Горновскаго, и въ Конно-Гвардейскомъ манежѣ. Я освободился отъ службы только въ 7 часовъ вечера, и полетѣлъ къ сестрѣ моей, Антонинѣ.

Зять мой жилъ тогда въ Большой Мѣщанской, въ угловомъ домѣ, насупротивъ Земнаго Банка. На улицѣ и на дворѣ стояло множество каретъ. Вхожу въ переднюю — и едва могу пробиться чрезъ толпу чужихъ лакеевъ.... Перехожу въ залу — и первое лицо, которое мнѣ попало на глаза — это Русскій священникъ. Я испугался.... но вскорѣ успокоился, когда въ другой комнатѣ увидѣлъ — купель! — Попалъ я прямо на крестины племянника моего Александра. Не помню, кто былъ крестнымъ отцемъ, но не забылъ, что крестною матерью

была знаменитая и некогда красавица, милая и любезная женщина, Графиня Вѣра Николаевна Заводовская, урожденная Графиня Апраксина, супруга тогдашняго Министра Просвѣщенія. Помнящіе общество того времени вѣрно не забыли Вице-Адмиральши Варвары Александровны Колокольцовой, также урожденной Графини Апраксиной, знаменитой тогда своею откровенностью, ходатайствомъ за всѣхъ несчастныхъ, добродушіемъ, страстью къ новостямъ, отличнымъ аппетитомъ и тучностью. Послѣ крестинъ Варвара Александровна овладѣла мною, усадила возлѣ себя и стала спрашивать о всѣхъ знакомыхъ. Когда я вспомнилъ объ убитыхъ, она крестилась, приговаривая : вѣчная память! — Зашла рѣчь о Тильзитскомъ мирѣ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Я только слушалъ и молчалъ. На крестинахъ было много лицъ важныхъ въ то время и пріобрѣтшихъ важность въ

послѣдствіи. — Здѣсь я впервые услышалъ отголосокъ общаго мнѣнія на счетъ Тильзитскаго мира, мнѣнія существовавшего во всей силѣ, до уничтоженія трактата, войною 1812 года.

Тильзитскій миръ приводилъ въ отчаянне Русскихъ патріотовъ — по моему тогдашнему и теперешнему мнѣнію, вовсе напрасно. — Могли ли мы продолжать войну, послѣ Фридландскаго сраженія? — Конечно, могли, если не наступательную, то оборонительную, и даже съ надеждою на успѣхъ. Но не лучше ли было переждать! Мы были въ войнѣ съ Турками, Персіянами и съ присоединившимися къ нимъ Кавказскими Горцами. Арміей нашей, на Дунаѣ, командовалъ Генераль Михельсонъ, а въ Азіятской Турціи Фельдмаршалъ Графъ Гудовицъ, люди уже старые, изжившіе свой вѣкъ. Дѣла наши шли медленно, безъ большихъ потерь, но и безъ успѣш-

ныхъ послѣдствій. Не страшна была эта война, но она требовала войска и денегъ. Шестьсотъ тысячъ милиціи вооружалось во всей Россіи — но много ли можно было надѣяться на это неопытное, необученное войско! Регулярные полки всѣ были въ арміи и лучшіе люди изъ гарнизоновъ уже были повыбраны. Кавалерія наша была вообще въ хорошемъ устройствѣ, но пѣхота и артиллерія требовали укомплектованія и даже преобразованія. Онѣ много пострадали. Конечно, Наполеонъ, въ тогдашнемъ своемъ положеніи, не могъ бы рѣшиться на вторженіе во внутренность Россіи, какъ въ 1812 году, но это самое безсиліе его было для Россіи опаснѣе безразсчетнаго похода въ Москву. Онъ могъ вторгнуться въ провинціи, возвращенныя отъ Польши, произвести замѣшательство, взволновать шляхту, выбрать насильно людей, годныхъ въ военную службу, и воспользоваться

всѣми пособіями, представляемыми краемъ. Намъ пришлось бы ретироваться, чтобъ укрѣпиться въ силахъ, а между тѣмъ и Наполеонъ могъ бы получить помощь изъ Франціи. На Пруссію уже не было никакой надежды, на Австрію весьма мало. Англичане хотя обѣщали сдѣлать высадку въ Померанію, но не послали ни одного человѣка. Швеція была слаба. Не лучше ли было отложить до времени начатіе новой брани съ гигантомъ — и самимъ усилиться и дать другимъ укрѣпиться, между тѣмъ какъ гигантъ будетъ ослабѣвать разлитіемъ силъ своихъ по всѣмъ концамъ Европы! Такъ и сдѣлалъ Императоръ Александръ — и поступилъ въ этомъ случаѣ съ величайшею мудростью и предвидѣніемъ.

Надлежало уступить что нибудь — иначе нельзя было кончить этой брани. Пруссія должна была принести жертву, которую Императоръ Александръ имѣлъ

твердое намѣреніе вознаградить, при первомъ случаѣ. Пруссія лишилась половины своихъ областей и половины тогдашняго своего народонаселенія, а именно болѣе четырехъ съ половиною милліоновъ подданныхъ, заплативъ притомъ контрибуціями, поборами и поставками на Французскую армію болѣе 600 милліоновъ рублей ассигнаціями. Императоръ Александръ ничего не лишился — онъ только призналъ братьевъ Наполеона Королями, согласился пристать къ континентальной системѣ и объявить войну Англій, а самого Наполеона призналъ Протекторомъ Рейцкаго Союза и Швейцарской Конфедерации, разрѣшивъ ему дѣйствовать свободно на Западѣ Европы, съ тѣмъ, чтобъ Наполеонъ не мѣщался въ дѣла Россіи, на Сѣверѣ и на Востокѣ. Хотя въ трактатѣ и сказано было, что Русскія войска должны очистить Молдавію и Валахію — но секретная статья въ этомъ же

трактатѣ и словесное обѣщаніе уничтожило статью явную. — Чтобъ доказать Императору Александру, что Наполеонъ никогда не посягнетъ на провинціи, возвращенныя отъ Польши къ Россіи, онъ отдалъ Императору Александру Бѣлостокскую область (*). Сила и могущество Наполеона въ существѣ не возрасли отъ Тильзитскаго трактата, а возрасли только ненависть къ нему Германіи и страхъ въ другихъ народахъ. Во всей Европѣ Тильзитскій миръ почитали только перемиріемъ, которое Англія будетъ стараться расторгнуть. Въ надеждѣ на Тильзитскій миръ и уничтоженіе Пруссіи, Наполеонъ вознамѣрился покорить

(*) Замѣчательно, что Французскіе политическіе писатели и до сего времени не могутъ растолковать: почему Наполеонъ отдалъ и почему Императоръ Александръ взялъ Бѣлостокскую область. Дѣло ясное. Это была охрана или поручительство (garantie, въ неприкосновенности Русскихъ владѣній).

Пиренейскій полуостровъ—и сталъ рыть могилу, въ которую должно было слечь его могущество.

Послѣ Тильзитскаго мира Императору Александру предстояло исполненіе двухъ великихъ предначертаній Петра Великаго и Екатерины II, а именно : присоединеніе Финляндіи къ Россіи, для отдаленія границы отъ Петербурга съ полнымъ владычествомъ въ Финскомъ заливѣ — и утвержденіе границы съ Турціей, по устью Дуная, для обезпеченія южной Россіи и Крыма. При общемъ мирѣ, Россія не могла бы на это рѣшиться — но Наполеонъ, въ Тильзитѣ, согласился охотно на распространеніе предѣловъ Россіи, съ тѣмъ только, чтобъ Россія дозволила утвердиться его династіи на Западѣ. Всѣмъ извѣстенъ конецъ дѣла. Финляндія присоединена, на вѣчныя времена, къ Россіи — а династія Наполеона не существуетъ.... Наполеонъ былъ

потомъ въ политикѣ — и оставилъ послѣ себя въ исторіи Иліаду; противники же его дѣйствуя для государственныхъ пользъ, пріобрѣли существенныя выгоды.

Но главное въ томъ, что наше народное самолюбіе было тронуто и что война съ Англіей не могла возбудить энтузіасма, не представляя ни какихъ пользъ и видовъ, и лишая насъ выголъ торговли. Вотъ что породило общій ропотъ. Слава Наполеона, такъ сказать, колола намъ глаза — и мы уже доказали, что не боимся ни страшныхъ силъ завоевателя, ни его искусныхъ маршаловъ, и можемъ даже съ меньшими силами не только противостать ему, но и бить его знаменитые легіоны. Неудачи наши, какъ всегда и вездѣ бываетъ, приписывали мы нашимъ генераламъ (что отчасти была и правда), и непременно хотѣли еще разъ сразиться съ Наполеономъ, во что бы то

ни стало. Таково было общее мнѣніе въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи. Свидѣтельствуюсь современниками....

Французскимъ Чрезвычайнымъ Посломъ прибылъ въ Петербургъ бывшій адъютантъ Наполеона, любимецъ его и довѣренное лице, Генераль Савари. Это былъ выборъ неудачный. Не потому ли Наполеонъ рѣшился отправить въ Петербургъ Генерала Савари, что онъ извѣстенъ былъ уже Императору Александру, съ Аустерлица, посланный къ Государю съ мирными предложеніями передъ сраженіемъ и съ благороднымъ предложеніемъ перемирія послѣ битвы?— Но Наполеону, желавшему искренно мира съ Императоромъ Александромъ, надлежало бы имѣть въ виду, что Русскій Дворъ неохотно признавалъ все созданное Французскою революціею, и что при Русскомъ Дворѣ наложенъ былъ трауръ по смерти Герцога Ангенскаго. Слѣдова-

тельно, Генераль Савари, какъ созданіе революціонное, игравшее важнѣйшую роль въ жалкой трагедіи, кончившейся смертью Принца одной изъ древнѣйшихъ Европейскихъ династій — Савари не могъ быть принятъ хорошо въ кругу Русской аристократіи. Да и зачѣмъ было посылать генерала, припоминающаго Аустерлицъ и Фридландъ? — Наполеонъ поступилъ бы благоразумнѣе, если бъ послалъ въ Петербургъ человѣка не военнаго, изъ старинной Французской аристократіи, не принимавшаго никакого участія въ насильственныхъ и противозаконныхъ дѣлахъ, вынужденныхъ революціей — а у Наполеона было много способныхъ людей изъ этого разряда. Императоръ Александръ весьма ласково принялъ и хорошо обходился съ Генераломъ Савари — но въ высшемъ обществѣ столицы его принимали чрезвычайно холодно, и нѣкоторыя

знатныя особы обращались съ нимъ, какъ говорятъ Французы : *cavalièrement*, т. е. безъ околичностей. Въ нѣкоторые дома вовсе его не приглашали и довольствовались размѣною визитныхъ карточекъ.

Отчаянные люди изъ молодежи, воспламененные патріотизмомъ, поступали иногда весьма неблагоразумно, стараясь выказать чувства свои къ Наполеону, въ лицѣ его посланника. Всѣ служившіе въ гвардіи и въ полкахъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ и въ началѣ Царствованія Императора Александра, помнятъ Вакселя, офицера конно-гвардейской артиллеріи весельчака и большого проказника. Въ то время носился слухъ, будто Ваксель нанялъ карету, четверней, у знаменитаго тогда извозчика Шарова, нарочно съ тѣмъ, чтобъ столкнуться съ каретою Генерала Савари. Рассказывали,

что Ваксель выждалъ , когда Савари возвращался изъ Дворца, и, пустивъ лошадей во всю рысь , сцѣпился съ каретой Французскаго Посла, на Полицейскомъ мостѣ. Одну карету надлежало осадить. Посланникъ, высунувшись въ окно, кричалъ : *faites reculer votre voiture!* (велите податься въ тылъ вашей каретѣ), — «*C'est votre tour de reculer! En avant!*» (Ваша очередь подаваться въ тылъ или отступать. Впередъ!) отвѣчалъ Ваксель — и Генераль Савари, чтобъ избѣгнуть несчастя, велѣлъ своей каретѣ осадить и самъ вылѣзъ изъ экипажа. За справедливость этого происшествія не ручаюсь, но довольно того, что тогда всѣ объ этомъ рассказывали и вѣрили разсказу (*). Ге-

(*) Если Г. Ваксель живъ еще, то долженъ быть уже весьма не молодъ — и анекдоты, оставшіеся въ памяти его современниковъ о его молодости, не могутъ оскорбить его, потому что въ нихъ нѣтъ ничего противнаго чести. Рассказываютъ, что въ царствованіе Императо-

Часть III. 15

нераль Савари терпѣливо переносилъ холодность и даже непріязненный тонъ

ра Павла Петровича, Ваксель побился объ закладъ, что на вахтпарадѣ дернетъ за косу одно весьма важное лицо. Ему не хотѣли вѣрить и побились объ закладъ, для шутки. Въ первый вахтпарадѣ, Ваксель вышелъ изъ офицерскаго строя, и подбѣжавъ быстро къ важному лицу, дернулъ его легонько за косу. Важное лицо оглянулось — Ваксель, снявъ шляпу и поклонившись (какъ требовала тогда форма) сказалъ, тихо: «коса лежала криво, и я дернулъ поправить, чтобъ молодые офицеры не замѣтили...» — «Спасибо, братецъ!» — сказала важное лицо — и Ваксель возвратился, въ торжествѣ, на свое мѣсто. — Разсказывали также, что Императоръ Павелъ Петровичъ, прогуливаясь верхомъ по городу, увидѣлъ большую толпу народа, стоявшаго на Казанскомъ мостѣ и по набережной канала. Люди съ любопытствомъ смотрѣли въ воду и чего-то ждали. — «Что это такое?» — спросилъ Государь у одного изъ зѣвакъ. — «Говорятъ, Ваше Величество, что подъ мостъ зашла китъ-рыба» — отвѣчалъ легковѣрный зритель. — «Вѣрно здѣсь Ваксель!» — сказалъ Государь громко. — «Здѣсь, Ваше Величество!» — воскликнулъ онъ изъ толпы. — «Это твоя штука?» —

Петербуржскаго общества, вѣроятно въ слѣдствіе своей инструкціи, представляясь будто ничего не замѣчаетъ, и надѣясь, какъ и Наполеонъ, что это нерасположеніе, весьма естественное послѣ Тильзитскаго мира, пройдетъ со временемъ. — Оба они жестоко ошибались въ своихъ разчетахъ.

Но если къ Генералу Савари были холодны, то офицеровъ его свиты принимали вездѣ хорошо. Въ обхожденіи съ Посломъ была политическая цѣль, а съ простыми офицерами обходились по личнымъ ихъ достоинствамъ. Да и можетъ ли какое бы ни было чувство или расчетъ воспрепятствовать торжеству, въ Европейскомъ обществѣ, благовоспитан-

«Моя, Ваше Величество!» — «Ступай же домой — и не дурачься,» — примолвилъ Государь, улыбаясь. — Г. Ваксель зналъ хорошо службу, служилъ отлично и превосходно ѣздя въ верхомъ — за это спустили ему много проказъ.

наго Француза, съ извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ! — Въ свиту Генерала Савари выбраны были отличнѣйшіе офицеры изъ гвардіи и генеральнаго штаба, люди хорошихъ, старинныхъ фамилій, съ блистательнымъ воспитаніемъ, лучшаго тона, и притомъ молодцы и красавцы. Дамы взяли ихъ подъ свое покровительство, и какъ высшее общество и офицеры гвардіи не питали вовсе ненависти къ Французскому народу, а сердились только на Правителя Франціи — то Французскіе офицеры встрѣчали повсюду ласковый пріемъ и простодушное Русское гостепріимство, и даже подружились съ нѣкоторыми офицерами Русской гвардіи. Въ центрѣ тогдашняго высшаго круга, въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, они бывали почти ежедневно, а въ политической гостиной Княгини Натальи Ива-

новны Куракиной , отличались между молодыми людьми другихъ посольствъ.

Весьма замѣчательно, что въ то время, когда во всей Польшѣ пылалъ энтузіасмъ къ Наполеону, и когда почти всѣ вѣрили его обѣщаніямъ , главою политической партіи въ Россіи, противной Наполеону и союзу съ нимъ былъ Полякъ, Князь Адамъ Адамовичъ Чарторійскій, который въ союзѣ Императора Александра съ гордымъ завоевателемъ видѣлъ униженіе Россіи, и при всей своей преданности къ Государю, вышелъ въ отставку, во время трактаціи о Тильзитскомъ мирѣ, сдѣла Тайному Совѣтнику Будбергу. Уже въ двадцатыхъ годахъ удалось мнѣ прочесть записку, поданную передъ Тильзитскимъ миромъ Императору Александру Княземъ Чарторійскимъ. Въ этой запискѣ, составленной въ настоящемъ Русскомъ духѣ, изображено было опасное положеніе Россіи, безъ союзниковъ, ме-

жду тѣмъ, какъ Англія и Швеція пригото-
влялись къ войнѣ, и когда война съ
Турціей была не кончена, а съ Персіей
начиналась. Князь Чарторійскій утвер-
ждалъ, что Наполеонъ стремится, всѣми
мѣрами, ослабить, разстроитъ Россію,
возбудитъ во всѣхъ Европейскихъ Дер-
жавахъ недовѣрчивость къ ней, съ тою
цѣлью, чтобъ успокоивъ Западъ, бро-
сится со всѣми своими силами на Рос-
сію. — Далѣе, Князь Чарторійскій гово-
рилъ, въ своей запискѣ, что Русскій на-
родъ, готовый пролить послѣднюю кап-
лю крови для славы и чести Престола и
блага Отечества, упадетъ духомъ, когда
увидитъ Государя своего уступающимъ
человѣку, изображенному передъ вой-
ною, въ манифестахъ, въ самомъ чер-
номъ видѣ, даже отступникомъ отъ Хри-
стіанской Вѣры и т. п. — Видно, что
Князь Чарторійскій, при похвальной
своей ревности, не зналъ всей необхо-

димости мира и дальнѣйшихъ видовъ мудраго Государя. Природные Русскіе; такъ сказать; по инстинкту, догадывались, что Тильзитскій миръ — только перемиріе, и что Императоръ Александръ, рано или поздно, разсѣчетъ этотъ Гордіевъ узелъ.—Главою политической партіи, и благопріятствовавшей Франціи, былъ Графъ Румянцевъ. По наружности и Графъ В. П. Кочубей принадлежалъ также къ этой партіи. — Прочитавъ записку Князя Чарторійскаго, Графъ Кочубей улыбнулся и сказалъ: «Le prince ne veut pas comprendre, que nous reculons, pour mieux sauter. (*) — (т. е. Князь не хочетъ выразумѣть, что мы подаемся въ тылъ, чтобъ вскочить да-

(*) Записку Князя Чарторійскаго давалъ мнѣ прочесть и пересказалъ слова Графа Кочубея покойный другъ мой М. Я. Ф. Ф-къ, служившій прежде при Графѣ Румянцовѣ, а потомъ при Графѣ Бочубеѣ и пользовавшійся ихъ милостью и довѣренностью.

лѣе).— Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, въ Россіи не было ни Англійской, ни Французской партіи, а была одна Русская партія — и если Графъ Румянцевъ, Князь Куракины, Графъ В. П. Кочубей, Графъ Строгановъ, Князь Долгорукій и другія приближенные къ Государю лица казались весьма довольными союзомъ съ Наполеономъ, то этого требовали обстоятельства. — По совѣти, нельзя было во всемъ оправдывать Англии. Она не исполнила обѣщаннаго въ 1806 году, не высадила войскъ въ Помераніи, и наконецъ нападеніемъ на Копенгагенъ, бомбардированіемъ его безъ объявленія войны и взятіемъ Датскаго флота нарушила всѣ права народныя и права человечества, то есть сдѣлала сама именно то, въ чемъ упрекала Наполеона. Благородная душа Императора Александра не могла никогда одобрить этого поступка Анг-

ліи — и негодованіе его было искреннее и справедливое.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой назначенъ былъ Посломъ въ Парижъ. Свита его была также весьма блистательная, составленная изъ молодыхъ людей, отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, нѣжныхъ, благовоспитанныхъ, съ прекрасною аристократическою манерою. Нынешній Канцлеръ Графъ Карлъ Васильевичъ Несельроде былъ Совѣтникомъ Посольства. Кавалерами Посольства были Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (въ послѣдствіи Графъ, Генераль отъ Кавалеріи и Шефъ Корпуса Жандармовъ), Свѣтлѣйшій Князь Лопухинъ (сынъ бывшаго Предсѣдателя Государственнаго Совѣта), Левъ Александровичъ Нарышкинъ — другихъ не вспомню. — Русское Посольство было принято Наполеономъ съ величайшими почестями и вниманіемъ, и все тогдашнее Парижское

общество подражало Двору. Покойный Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ любилъ рассказывать объ этой блистательной жизни въ Парижѣ, гдѣ все стремилось къ тому только, чтобъ дать Русскому Посольству высокое помятiе о блескѣ новаго Французскаго Двора и о возобновленіи въ обществѣ старинныхъ формъ общежитiя, прежней Французской любезности и гостепрiимства. — Дѣятельное политическое лице при Посольствѣ былъ Графъ К. В. Несельроде. Здѣсь было начало того блистательнаго и долговременнаго дипломатическаго поприща, на которомъ имя его сопряжено со всѣми великими событіями чудной эпохи.

Савари у Наполеона былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Сеидъ у Магомета, т. е. близкій человѣкъ, преданный своему покровителю тѣломъ и душою, обожающій его и повинующійся ему, вовсе не раз-

суждая, а только буквально исполняя всё его приказанія. Савари былъ адъютантомъ при Наполеонѣ со времени вступленія его на блистательное военное поприще, и былъ употребляемъ всегда для самыхъ важныхъ порученій, гдѣ требовалась безусловная преданность, скромность и самоотверженіе. Савари былъ человѣкъ не геніяльный, не дипломатъ, даже не учено-образованный, но онъ былъ человѣкъ умный и ловкій. Природа одарила его особаго рода умомъ, т. е. умомъ полицейскимъ, котораго основаніе составляетъ чутье, въ родѣ пуделевскаго. Онъ былъ всегда употребляемъ Наполеономъ въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ надлежало открыть тайну или наблюдать за поступками непріязненныхъ ему людей. Савари завѣдывалъ тайною полицією Наполеона, когда онъ былъ еще Главнокомандующимъ Италійскою Арміей, и съ тѣхъ поръ всегда былъ

его невидимымъ стражемъ и , такъ сказать , блюстительнымъ окомъ. Шпіонство превратилось у Савари въ страсть. Онъ непремѣнно хотѣлъ все знать и все предугадывать , и разумѣется , что руководствуясь людьми продажными и безнравственными , часто видѣлъ дѣла превратно , усматривалъ заговоры тамъ , гдѣ ихъ вовсе не было , и составлялъ мнѣніе о лицахъ и дѣлахъ совершенно противное истинѣ. — Вскорѣ послѣ Савари пріѣхало въ Петербургъ множество шпіоновъ , а еще болѣе шпіонокъ , т. е. женщинъ. Для этого дѣла были выбраны женщины хитрыя , умныя , интригантки и недурныя собою.

Петербургъ и Москва наводнены были маркизами , графами , аббатами , гувернерами , любопытными путешественниками и путешественницами. Разумѣется , что въ паспортѣ каждому давали званіе , сообразное роли , которую онъ или она должны были разыгрывать въ Россіи.

Одни обязаны были притворяться враждебными Наполеону и его правленію, по связямъ своимъ съ республиканцами или съ Бурбонами; другіе, напротивъ, превознося Наполеона, должны были противодѣйствовать злымъ толкамъ, распространяемымъ Англійскими журналами и брошюрами на счетъ Наполеона, и располагать къ нему общее мнѣніе. Всѣ должны были извѣщать Савари о всѣхъ толкахъ на счетъ политическихъ отношеній Франціи и о тайныхъ намѣреніяхъ Русскаго Правительства. На основаніи сплетней, переносимыхъ легіономъ шпионовъ, Савари писалъ свои донесенія Наполеону, въ которыхъ только то было справедливо, что Наполеонъ былъ ненавидимъ въ Россіи, что вся Россія желала пламенно войны съ нимъ, и что Англійскія брошюры, наполненныя самыми нелѣпыми лжами и клеветами противу Наполеона, его семейства и противу важ-

нѣйшихъ лицъ Французскаго Правительства (въ томъ числѣ и Савари), не только расходились у насъ во множествѣ, но даже почитались справедливыми. Теперь уже нѣтъ ничего тайнаго въ Западной Европѣ — и архивы должны были открыться свободному книгопечатанію! — Напечатанные современные акты доказываютъ, что шпионство стоило въ то время Наполеону огромныхъ суммъ, и не принесло ни какой существенной пользы. За сплетни и переносы непріятныхъ толковъ о себѣ не стоило платить деньги! — Расскажу, какъ я попалъ въ сѣти одной изъ Наполеоновыхъ сиренъ.

Во Французскомъ театрѣ особенное мое вниманіе обратила на себя женщина, съ прекраснымъ лицомъ южнаго типа. Она всегда бывала въ театрѣ съ другою пожилою женщиною, помѣщалась въ ложѣ втораго яруса, ближе къ сценѣ, и одѣвалась съ удивительнымъ вкусомъ и

къ лицу, хотя не весьма богато. Приѣзжала она въ театръ въ наемной каретѣ, парюю лошадей. У наемнаго ея лакея, Нѣмца, узналъ я, что дама — Французская баронесса, приѣхала съ теткою въ Россію, послѣ заключенія мира съ Франціей, и живетъ, весьма скромно, въ Малой Морской, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ Г-ну Лепеню. Я не сводилъ глазъ съ красавицы, въ театрѣ, стоялъ всегда у подъѣзда, когда она садилась въ карету, и часто обогнавъ ея экипажъ, появлялся у подъѣзда ея квартиры, когда она выходила изъ кареты. Преслѣдованія эти продолжались съ мѣсяць. Напрасно я спрашивалъ о красавицѣ у знакомыхъ мнѣ Франгузовъ — ни одинъ изъ нихъ не могъ мнѣ ничего сказать, и я уже отчаявался въ успѣхѣ моихъ поисковъ, какъ счастливый случай (такъ я тогда думалъ!) доставилъ мнѣ знакомство съ нею.

Во время представленія балета: *Зефиръ и Флора*, который тогда привлекалъ весь Петербургъ, передъ закрытіемъ занавѣса побѣжалъ я въ корридоръ и помѣстился близъ дверей красавицы. Она вышла, оглянулась и, казалось, не замѣтила меня, но отошедъ нѣскольکو шаговъ, уронила шаль. Разумѣется, что я поспѣшилъ поднять ее и подать красавицѣ. Она поблагодарила меня съ милою улыбкою и сказала, съ какою-то удивительною довѣренностью: «Вы такъ вѣжливы, что я осмѣливаюсь просить васъ, чтобъ вы проводили насъ чрезъ эту толпу, до подъѣзда: слуга мой сегодня заболѣлъ — и мы одни....» Я былъ въ восторгѣ, не помню, что сказалъ, вѣрно какую нибудь глупость, потому, что былъ внѣ себя — и подалъ ей руку. Безмолвно пробрались мы чрезъ толпу, до подъѣзда. Тутъ она сказала мнѣ, что карета ея стоитъ за Поцѣлуевымъ мостомъ,

и мы пошли чрезъ площадь, между множествомъ экипажей. Это было въ половинѣ Декабря, 1807 года. Ночь была тихая, звѣздная — и красавица изъявила желаніе идти пѣшкомъ до дому, предложивъ тетушкѣ ѣхать въ каретѣ, сказавъ, что отъ жара въ театрѣ у нея закружилась голова, и она хочетъ подышать чистымъ воздухомъ. — «Не правда ли, что вы проводите меня?» сказала она, улыбаясь. — «Это будетъ счастливѣйшій день въ моей жизни», отвѣчалъ я, и мы пошли рука объ руку....

Мнѣ былъ тогда девятнадцатый годъ отъ роду! — Блаженное время! — Въ этомъ приключеніи я видѣлъ одно счастье, не подозревая никакого дурнаго намѣренія со стороны красавицы. Да и что я могъ думать дурнаго? Тогда я вѣрилъ, что всѣ красавицы добры, какъ ангелы, въ чемъ и теперь не разувѣрился совершенно. Притомъ же, позволи-

тельное, на девятнадцатомъ году возраста самолюбіе, отгоняло отъ меня всякое подозрѣніе. Дорогою мы говорили, разумѣется, о театрѣ, о балетмейстерѣ Дидло, о Дюпорѣ, о танцовщицахъ Е. И. Колосовой, Даниловой, о Французской труппѣ — и наконецъ пришли къ дому Лепеня. Я сталъ раскланиваться и уже готовилъ фразу, которою намѣревался просить позволенія навѣстить красавицу; но она предупредила меня, сказавъ: «войдите.... отдохнуть и выпить чашку чаю!» Я опѣмѣлъ отъ радости, и пошелъ за нею по лѣстницѣ.

Знакомка моя, по Французскому паспорту, пазывалась Баронессою Шарлотою Р., и показана была вдовою помѣщика. Ей было тогда около двадцати четырехъ лѣтъ. — Извѣстно, что всѣ Француженки отъ природы превосходныя актрисы, если не на сценѣ, то въ частной жизни, и что всѣ онѣ, при

самомъ поверхностномъ образованіи, съ величайшимъ искусствомъ подражаютъ тону и манерамъ знатныхъ дамъ. Тонъ, манеры и языкъ Шарлоты были прекрасные. Ничто не обнаруживало низкаго происхожденія, или привычекъ дурнаго общества. Не знаю, кто она была въ самомъ дѣлѣ, но должно полагать, что она принадлежала къ хорошей фамиліи и стала заблудшею овечкою во время сильныхъ потрясеній во Франціи, испровергнувшихъ существованіе многихъ почтенныхъ фамилій и доведшихъ однихъ до преступленій, а другихъ до разврата. — Какъ бы то ни было, но Шарлота была восхитительное существо. Пробывъ у нея, въ первый разъ, съ часъ времени, я былъ совершенно очарованъ. Она позволила мнѣ навѣщать ее, когда мнѣ заблагоразсудится, не ранѣе, однако жъ, 11 часовъ утра и не позже 9 часовъ вечера, когда не бываетъ

Французскихъ спектаклей. Разумѣется, что я вполнѣ воспользовался ея позволеніемъ — и сперва навѣщалъ ее по одному разу въ день, потомъ утромъ и вечеромъ, а наконецъ чрезъ мѣсяцъ или болѣе мы сдѣлались почти неразлучными.

Въ мои лѣта смѣшно было бы хватать любовными интригами! Кто ихъ не имѣлъ въ жизни! Но, вспоминая прошлое, нельзя же, изъ ложной скромности, пропускать обстоятельства, имѣвшія сильное вліяніе на цѣлую жизнь. Русская пословица гласитъ: «Слова изъ пѣсни не выкинешь!» — Конечно, въ Петербургѣ, и особенно въ гвардіи, были тысячи людей, которые почли бы себя счастливыми, если бъ могли подружиться съ такою прелестною женщиною, какова была Шарлота, и она могла бы выбирать изъ тысячи — но такъ случилось, что выборъ палъ на меня. — Кажется, что, въ началѣ нашей дружбы, она забы-

ла политику, Генерала Савари, Наполеона, свою инструкцію — и подружилась со мною, какъ дружатся молодые люди.... Наши нравы и характеры чрезвычайно гармонировали. Она была нрава веселаго, но любила иногда переноситься въ міръ фантазіи, мечтать — и мы то хохотали, то плакали вмѣстѣ.... Я былъ всегда съ нею вѣжливъ, почтителенъ, услужливъ, старался не причинять ей ни малѣйшаго неудовольствія, предупреждалъ ея желанія, хотя она формально запретила мнѣ дѣлать какія либо издержки, и даже гнѣвалась, когда я привозилъ лакомства, говоря, что она довольно богата, и сама можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ. — Для женщины съ нѣжнымъ чувствомъ — первое достоинство въ мужчинѣ — покорность ея волѣ и пламенная любовь, которая, однакожъ, никогда не выходитъ за предѣлы почти-

тельности — и это именно Шарлота наша во мнѣ.

Я ни предъ кѣмъ не хвасталъ моимъ счастьемъ, напротивъ, какъ скупецъ, старался скрывать мое сокровище; однако жъ, эта связь не могла скрыться отъ проницательныхъ взоровъ молодежи. Нѣкоторые товарищи мои видѣли меня съ Шарлотой въ театрѣ, потому что она велѣла мнѣ ходить къ ней въ ложу, видѣли меня съ нею въ маскарадахъ, въ концертахъ, на прогулкахъ — завидовали, поздравляли.... Хотя это мнѣ было крайне досадно, но перемѣнить хода этого дѣла было невозможно. Разъ только, слова одного изъ офицеровъ свиты Генерала Савари (безсмѣннаго ординарца при Наполеонѣ, Полковника Талуэ (Talhouet), отлично принятаго въ домѣ Александра Львовича Нарышкина) произвели на меня впечатлѣніе. — «Я васъ часто вижу съ Баронессою Р.» — сказалъ онъ мнѣ. — «Да,

я такъ счастливъ, что пользуюсь ея снисходительнымъ вниманіемъ (*bienveillance*), отвѣчалъ я. — «Совѣтую вамъ припомнить всю вашу мифологію — исторію Калшсы, Цирцен, Сирень и т. п.» — примолвилъ онъ, улыбаясь. Сперва я принялъ это за обыкновенную шутку; но когда Г. Талуэ въ другой разъ встрѣтись съ мною, сказалъ мнѣ серіозно: «порадуйте о томъ, что я уже сказалъ вамъ, однажды» — я въ самомъ дѣлѣ призадумался, но наконецъ рѣшилъ, что вѣрно Г. Талуэ предостерегаетъ меня на счетъ женитьбы, зная о какой нибудь прежней любовной интригѣ Баронессы. Потомъ я подумалъ, что быть можетъ Г. Талуэ говоритъ съ досады (*par dépit*) — и пересталъ думать объ этомъ.

Шарлота рассказала мнѣ цѣлый романъ о своей жизни. По ея словамъ, она вышла замужъ, въ весьма молодыхъ лѣтахъ, за богатаго старика, въ угодность

родителямъ. Одинъ ненавистный ей человекъ, но сильный при Дворѣ Наполеона, влюбился въ нее и сталъ ее преслѣдовать, а наконецъ подговорилъ какого-то удалца обидѣть ея мужа и вызвать на дуэль. Мужъ не согласился драться, и рѣшился уѣхать съ нею въ Америку, но она въ это время заболѣла, а потому мужъ уѣхалъ одинъ, чтобъ приготовить все къ ихъ водворенію въ Нью-Йоркѣ—и умеръ въ Гаваннѣ, оставивъ ей завѣщаніемъ половину своего имѣнья. Выздоровѣвъ, она немедленно уѣхала въ Россію, чтобъ избавиться отъ преслѣдованіи ненавистнаго ей человека.... Я всему вѣрилъ, да и не имѣлъ причины подозрѣвать ее во лжи! Что я былъ за важное лицо, чтобъ для меня нарочно выдумывали сказки!...

Но если сверхъ чаянія и ожиданія, дружба съ ловкою и прелестною Француженкою не стоила мнѣ денегъ, то все

же она обошлась мнѣ чрезвычайно дорого. Я лишился благосклонности моихъ добрыхъ и снисходительныхъ начальниковъ, за частыя отлучки изъ эскадрона и упущенія по службѣ. Эскадронъ стоялъ сперва въ Стрѣльнѣ, потомъ въ Петергофѣ — и офицеры, желавшіе ѣхать въ Петербургъ, должны были проситься у Его Высочества и получать отъ Него билеты, за Его подписью, какъ я говорилъ уже объ этомъ. Я по нѣскольку разъ въ недѣлю ѣзжалъ въ Петербургъ, слѣдовательно не могъ такъ часто просить позволенія. Бывало, выѣду въ 10 или въ 11 часовъ, послѣ развода (назначавшагося обыкновенно въ 9 часовъ)—и возвращаюсь на другой день, къ разводу. Иногда случалось опаздывать. Въ Петербургъ меня видѣли въ маскарадахъ, въ театрѣ, на гульбищахъ — и наконецъ все это дошло до начальниковъ, которые, видя, что предостереже-

нія и наставленія не дѣйствуютъ, стали поступать со мною круто, какъ я заслуживалъ. Нѣсколько разъ я намѣревался отказаться отъ этой связи — но я былъ въ когтяхъ демона-соблазнителя, усыпившаго во мнѣ разсудокъ и твердую волю. Одно слово, одинъ взглядъ волшебницы, записочка ея руки — заставляли меня забывать *все!*

Не взирая на скопленіе трудныхъ для Россіи политическихъ обстоятельствъ, въ Петербургѣ было тогда шумно и весело. Государю угодно было, чтобъ столица веселилась, можетъ быть и для показанія Европѣ, что въ Россіи нѣтъ того унынія, о которомъ разглашали въ Европѣ противники Наполеона. Балы въ знатныхъ домахъ, у иностранныхъ пословъ, въ домахъ богатыхъ купцевъ, чужеземнаго происхожденія, и у банкировъ бывали еще чаще, чѣмъ передъ войной. Почти вездѣ, особенно къ купцамъ и банки-

рамъ, чрезъ полковыхъ командировъ приглашаемы были гвардейскіе офицеры, даже незнакомые въ домъ. На балы къ купцамъ и банкирамъ привыкли уже ѣздить знатные сановники, потому что самъ Императоръ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. — Кто не помнитъ великолѣпныхъ праздниковъ тогдашняго откупщика Авраама Израелевича Перца и придворнаго банкира Барона Раля, кончившихъ свою жизнь и поприще, на нашей памяти, въ положеніи весьма близкомъ къ бѣдности! Банкирскіе дома Молво, братьевъ Севериныхъ — теперь уже не существуютъ, а тогда это были колоссы нашей биржи. Континентальная система висѣла, какъ грозная туча надъ нашею торговлею, но грома слышны были только вдали и еще не разразились надъ нашей биржей. — Отечественная война 1812 года, богатая славными послѣдствіями, но ниспроверг-

шая многія частныя достоянія, была видима только проицательнымъ взорамъ, какъ огненная точка на горизонтѣ.... Денегъ и товаровъ было много въ запасѣ, и новый источникъ богатства — подряды на поставку различныхъ потребностей для армій — обѣщаль неисчислимыя выгоды частнымъ людямъ. Вишние откуна обогащали откупщиковъ и тѣхъ, которые должны были наблюдать за ходомъ откупныхъ дѣлъ. Деньги кругообращались въ Государствѣ. Уже курсъ серебряныхъ рублей началъ измѣняться, но еще не дошелъ до той степени, до которой достигъ послѣ 1812 года, т. е. ассигнаціи наши еще не дошли до четвертой части нарицательной стоимости.

Въ тогдашней бѣдной Стрѣльненской слободѣ было тѣсно отъ множества офицеровъ. Его Высочество былъ Инспекторомъ всей Кавалеріи, и изъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ призваны были по од-

ному штабъ-офицеру и по два оберъ-офицера, для узнанія порядка кавалерійской службы, какъ сказано было въ официальной бумагѣ. Разумѣется, что изъ полковъ высланы были лучшіе офицеры — и потому въ Стрѣльнѣ было самое пріятное и самое веселое офицерское общество, какое когда либо бывало въ арміи. Кто былъ въ Стрѣльнѣ въ это время, никогда не забудетъ ея. Здѣсь завязалась между многими офицерами дружба, продолжавшаяся во всю жизнь. — Адъютантами при Его Высочествѣ были: Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Полковникъ Олсуфьевъ и Ротмистръ Федоръ Петровичъ Опочининъ (цыцѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Членъ Государственнаго Совѣта). Они были первые любимцы Его Высочества и довѣренныя Его лица. Изъ другихъ адъютантовъ, Ротмистръ Шпербергъ былъ всегда въ откомандировкѣ, за ремонтомъ. Ротмистръ

Гинцъ управлялъ инспекторскою канцеляріей, Подполковникъ нашего полка А. С. Шульгинъ (переведенный изъ эскадрона Московскихъ полицейскихъ драгунъ) употребляемъ былъ болѣе для посылокъ, а Полковникъ Астраханскаго Гренадерскаго полка Графъ Минихъ, потомокъ знаменитаго Фельдмаршала, занимался обученіемъ Улановъ и Конно-Гвардейцевъ пѣхотной службѣ, которую тогда плохо разумѣли въ кавалеріи. Изъ Сумскаго гусарекаго полка, для узнанія порядка службы, присланъ былъ Подполковникъ Алексѣй Николаевичъ Потаповъ (нынѣ Генералъ отъ Кавалеріи и Членъ Государственнаго Совѣта), прославившійся подвигами необыкновеннаго мужества въ послѣднюю войну, и отличный служака, котораго Его Высочество особенно полюбилъ и взялъ къ себѣ въ адъютанты. Въ это же время назначенъ былъ адъютантомъ Ротмистръ Князь Кудашевъ.

Офицеры собирались, по прежнему, на почтовой станціи, потому что другаго трактира не было въ Стрѣльнѣ, а знакомые съ Графомъ Станиславомъ Феликсовичемъ Потоцкимъ (*) проводили у него время и лакомились его Лукулловскими обѣдами, какихъ никто не давалъ въ Петербургѣ. Графъ былъ холостъ, проживалъ въ годъ до полумилліона рублей ассигнаціями, и былъ первый гастрономъ своего времени, остроумень, весельчакъ и чрезвычайно любезенъ въ обращеніи. Графъ былъ ко мнѣ весьма ласковъ, отчасти, можетъ быть, и по землячеству, отчасти по своему знакомству съ Графомъ Валицкимъ, и пригласилъ меня къ себѣ, разъ навсегда. Охотно пользовался я его снисходительностью и часто занималъ мѣсто за его роскошнымъ столомъ.

(*) Онъ все еще былъ Поручикомъ Конной Гвардіи и непомѣрно толстъ. Подъ конецъ жизни, онъ лишился своей необыкновенной тучности.

У Графа Станислава Феликсовича Потоцкаго видалъ я все, что было лучшаго въ Гвардіи и между флигель-адъютантами; въ его домѣ познакомился я съ Графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, который былъ ко мнѣ необыкновенно милостивъ и даже болѣе нежели снисходителенъ, до самой своей кончины. За то и я любилъ его душевно, и чту память его, потому что зналъ коротко его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положилъ я цвѣтокъ на его могилѣ! Не думалъ и не гадалъ я тогда, что мнѣ прійдется писать его біографію! — Изъ всѣхъ тогдашнихъ собесѣдниковъ Графа Станислава Феликсовича Потоцкаго немного осталось въ живыхъ, да и изъ всѣхъ тогдашнихъ Стрѣльненскихъ офицеровъ едва двадцатая часть смотритъ еще на солнце! Все слегло въ могилу, большею частью преждевременную!...

Однажды, за обѣденнымъ столомъ, Графъ Потоцкій сталъ подшучивать надъ однимъ флигель-адъютантомъ, бывшимъ въ короткихъ связяхъ съ знаменитою Французскою трагическою актрисою, мадемуазель Жоржъ, которая была тогда въ полномъ цвѣтѣ красоты и въ полной своей славѣ. Когда шутки рикошетами обратились на самого Графа, онъ сказалъ! «Но все же я ужасно боюсь связей съ Француженками! Это застрѣльщицы Наполеона — и я готовъ биться объ закладъ, что всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ, три четверти — шпионки.... Меня предостерегли люди, которые очень хорошо знаютъ это дѣло....»—Слова эти, какъ говорится, я намоталъ себѣ на усъ. Ослабленный моею страстью — я нѣсколько прозрѣлъ!...

Черезъ нѣсколько педѣль послѣ нашей дружбы, Шарлота хотѣла знать мнѣніе мое о Наполеонѣ, и я сказалъ откровенно—

но, что думалъ, а именно, что почитаю его величайшимъ геніемъ нашего вѣка, какъ полководца и какъ правителя, сокрушившаго гидру революціи, которую я всегда ненавидѣлъ и ненавижу, возстановившаго Вѣру, порядокъ и безопасность, но желалъ бы, для блага и славы самого Наполеона, чтобъ онъ укротилъ свое честолюбіе и, довольствуясь Франціей и спротою Италіей, оставилъ въ покоѣ другіе народы.... Послѣ этого объясненія, дней за десять до обѣда Графа Потоцкаго, Шарлота стала расхваливать передо мною нашу конницу и спросила у меня, сколько у насъ всей кавалеріи. Я не могъ ей отвѣчать на память. «А я и забыла тебѣ сказать», примолвила она, «что у меня есть въ Парижѣ двоюродный братъ, который занимается составленіемъ общей Европейской Статистики, и просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя статистическія

извѣстія о Россіи.... Трудъ этотъ, если будетъ хорошъ, доставитъ ему счастье... Возьмись, любезный другъ, собрать свѣдѣнія. Вотъ, напримѣръ, о вашей конницѣ тебѣ весьма легко будетъ собрать извѣстія въ канцеляріи вашего Шефа.... Возьми эту бумажку и отвѣчай миѣ на вопросы....» Я легкомысленно обѣщаль и взялъ четвертушку бумаги, на которой было десятка съ два вопросовъ, и не читая положилъ въ карманъ.... Молодозелено! — Но какъ всякія справки въ этомъ родѣ были для меня трудная задача, то я и не торопился, ожидая удобнаго случая, т. е. встрѣчи съ людьми, которые могли бы отвѣчать основательно на эти статистическіе вопросы. Однакожъ, я прочелъ ихъ, бѣгло, дома, но миѣ и на умъ не пришло какое либо дурное намѣреніе со стороны Шарлоты!

Слышанное отъ Графа Потоцкаго возбуждало во миѣ сомнѣнія.... Я сталъ ви-

мательно перечитывать вопросы — и при этомъ случаѣ вспомнилъ предостереженіе добраго Талуэ, на счетъ Кампесы, Цирцей и Сиренъ! Это означало явно — погибель отъ безразсудной любви! — И точно, вопросы, по внимательномъ разсмотрѣніи, показались мнѣ весьма странными, даже подозрительными, и вовсе чуждыми Статистикѣ. Напримѣръ, въ вопросѣ о кавалеріи — надлежало объяснить комплектъ полка и означить, сколько рекрутъ поступило въ полкъ, послѣ войны. — Спрашивалось также: какой комплектъ артиллеріи при стотысячной арміи?... Всего теперь не вспомню. Но что болѣе всего меня поразило — это вопросъ: какимъ образомъ получаютъ и распространяются въ Россіи Англійскіе журналы и брошюры, и гдѣ именно центръ Англійскихъ приверженцевъ?... Почему этотъ вопросъ касался Статистики?... Дѣло показалось мнѣ яснымъ —

но я все еще не хотѣлъ вѣрить дурному намѣренію, и полагалъ, что сама Шарлота могла быть обманута. Прежде всего я рѣшился посоветоваться съ зятемъ моимъ, А. М. И., челоѣкомъ необыкновенно умнымъ, проникательнымъ и холоднымъ — и на другой день отправился въ Петербургъ.

«Что бы вы подумали, если бъ эти вопросы предложены были вамъ Французомъ?» спросилъ я у зятя, подавъ ему бумагу. Онъ прочелъ и сказалъ рѣшительно: «Вопросы эти предложены политическимъ шпиономъ недогадливому челоѣку, который можетъ за это заплатить честью и всею своею карьерою....» — «Недогадливый — это я: однако жъ, я ничѣмъ платить не намѣренъ, потому что отвѣчать не стану.» — «Но ты долженъ объявить....» примолвилъ онъ. — «Вотъ тогда-то именно я лишился бы чести», возразилъ я: «потому что вопро-

сы предложены мнѣ женщиною, которую я обожалъ до сей минуты....» — «Дѣлай, какъ хочешь, но я предостерегаю тебя, что это дѣло весьма опасное», примолвилъ онъ: «надобно быть безумнымъ, чтобъ не видѣть въ этихъ вопросахъ политической цѣли....» Я простился съ зятемъ, и поѣхалъ къ Шарлотѣ.

Пронесшествіе это до того меня встревожило, что она, по лицу моему, угадала, что со мною случилось что шибудь весьма непріятное. — «Что съ тобою?» спросила она, съ безпокойствомъ. — «Сядись и переговоримъ!» сказалъ я холодно. Мы сѣли другъ противу друга; она на софѣ, а я на стулѣ, возлѣ столика. — «Могъ ли я думать, что наша дружба должна кончиться — моею погибелью?...» — «Не понимаю!» возразила она. — «Что означаютъ твои, такъ называемые *статистическіе вопросы*?... Шарлота.... я все знаю.... все открылось!...» Она по-

блѣднѣла, какъ полотно, и судорожныя движенія появились въ лицѣ ея. Неподвижными глазами смотрѣла она на меня. — «Ты погубилъ меня!...» сказала она тихимъ, прерывающимся голосомъ — зарыдала и упала на софу, повторяя : «о я несчастная, о я безразсудная!...» Прибѣжала тетка ея, и мы вмѣстѣ стали помогать Шарлотѣ. — «Я не погубилъ и не погублю тебя.... но, ради Бога, успокойся — и выслушай меня!» Черезъ полчаса она успокоилась — но такъ измѣнилась въ лицѣ, какъ будто послѣ шестимѣсячной тяжкой болѣзни. Видно, что она была неопытна въ своемъ ремеслѣ, и что занялась имъ вопреки своимъ чувствамъ. — «Безъ объясненій!» сказалъ я : «уѣзжай отсюда — и дѣло этимъ кончится. Но если ты останешься здѣсь еще недѣлю — я ни за что не ручаюсь.... Помни, что къ Россіи прилегалъ.... Сибирь!» Она снова расплака-

лась, и даже хотѣла смягчить меня различными софисемами, особенно надеждами Поляковъ, благодарностью Наполеона и т. п. — «Если бъ я не почиталъ Наполеона честнымъ человѣкомъ — то при всей его славѣ и геніальности, я презиралъ бы его, такъ какъ и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, презираетъ cadaго измѣнника и шпіона.... Подъ Русскими знаменами иѣтъ чужеземцевъ — и каждый, кто надѣлъ Русскіи мундиръ—тотъ уже Русскіи, и долженъ быть вѣренъ своему Государю и Россіи. Насильно здѣсь никого не удерживаютъ—но жить, служить въ Россіи и употреблять во вредъ ей чью бы ни было довѣренность — это верхъ подлости!... И я прошу тебя, въ послѣдній разъ, замолчать и повиноваться безусловно моему предложенію, потому что каждое твое слово есть для меня оскорбленіе!... Или обратнo во Францію, или въ Сибирь....

выбирай!...» — «Бду во Францію», сказала она тихо, и, бросивъ на меня самый нѣжный, т. е. самый убійственный взглядъ, примолвила: «но неужели мы разстанемся врагами?» — «Дружбы между нами уже быть не можетъ, послѣ того, какъ ты захотѣла употребить ее на мою гибель и безчестье — а вражду приношу я въ жертву прежнему.... Прощай — и собирайся въ дорогу!...» Она хотѣла остановить меня, но я вырвался и стремглавъ побѣжалъ съ лѣстницы.... Долженъ ли я сознаться въ слабости! Я самъ заплакалъ, и сѣвъ въ сани велѣлъ везти себя, безъ всякой цѣли, на Петербургскую сторону, а потомъ переѣхалъ на Крестовскій островъ и остался тамъ до вечера, расхаживая одинъ по пустой дорогѣ. — Миѣ было жаль разстаться съ Шарлотой.... досадно, что это случилось.... но дѣлать было нечего! Ночью я возвратился въ Петергофъ — и съ горя

принялся за службу. Мой Ротмистръ удивлялся, что я не выходилъ изъ конюшни и изъ манежа, первыйъ являлся на разводъ, не пропускалъ даже унтеръ-офицерскаго ученья, ни одной проѣздки....

Чрезъ десять дней послѣ этого происшествія, я получилъ позволеніе съѣздить на сутки въ Петербургъ. Шарлоты уже не было на ея квартирѣ. Я справился въ канцеляріи Военнаго Генераль-Губернатора, и узналъ, что ей была выдана, по запискѣ Французскаго Посла, подорожная, чрезъ Москву, до Бродъ.... Она уѣхала въ Вѣну, сказали мнѣ въ магазинѣ г-жи Ксавіе, ея пріятельницы, гдѣ она забирала модные товары. Я сжегъ всѣ записки — и тѣмъ это дѣло кончилось. — Пусть это происшествіе послужитъ урокомъ не только молодымъ людямъ, но и старикамъ — любителямъ короткихъ связей съ иноземками. Иногда

безвинно можно навлечь на себя большое несчастіе. Хорошо, что я такъ счастливо отдѣлался!

Припоминаю одно траги-комическое приключеніе, случившееся со мною въ то время, когда я былъ въ дружбѣ съ этою сиреною, которой я повиновался безусловно. Шарлота была въ большой дружбѣ съ нѣсколькими Француженками, содержательницами модныхъ магазиновъ, актрисами и нѣкоторыми женщинами — щеголихами, ловкими, умными, которыхъ занятія были мнѣ неизвѣстны. Между ними особенно памятна мнѣ мадамъ Ксавье, женщина необыкновенно высокаго роста, величественнаго вида, тогда уже на отлетѣ, но сохранившая слѣды необыкновенной красоты. Говорили, что во время Французской революціи, когда безумцы уничтожали во Франціи Христіанскую Вѣру, Г-жа Ксавіе, имѣвшая тогда другое прозваніе, избрана

была Робеспьеромъ и его сообщниками, составлявшими Комитетъ Общественной Безопасности (Comité du salut public), для разъигрыванія роли богини Разума — и разъѣзжала на торжественной колесницѣ по Парижу. Я однажды спросилъ у Мадамъ Ксавье, справедливо ли это — и она отвѣчали мнѣ шуткою : «Et pourquoi pas! (а почему же нѣтъ!) Развѣ я не создана для роли богини!» — Г-жа Ксавье была женщина необыкновеннаго ума, умѣла свести весьма короткое знакомство со многими изъ Русскихъ дамъ, и даже ѣзжала къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ домъ, когда онѣ принимали только самыя короткія и близкія лица. — О связяхъ Мадамъ Ксавье говорили, кажется, болѣе даже, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ — но справедливо, что въ ея квартирѣ бывали иногда свиданія, между лицами, которыя не могли сходиться явно. Другая пріятельница Шарлоты, также

содержательница моднаго магазина , была Мадамъ ***. Не могу назвать ее, потому что дочь ея вышла за мужъ за Русскаго дворянина, челоуѣка отличнаго. Другой короткой пріятельницы Шарлоты Г-жи ****. я также не долженъ называть по имени. Дѣти и внуки ихъ люди порядочные и не должны отвѣчать за юность своихъ бабушекъ или маменекъ. Шарлотѣ вздумалось ѣхать, съ дочерью Мадамъ *** и госпожею ****, въ маскарадъ, къ Фельету, и мнѣ надлежало быть ихъ кавалеромъ. За недѣлю впередъ говорили, что маскарадъ будетъ блистательный, и что тамъ будетъ весь дипломатическій корпусъ и вся наша знать. Мои дамы собирались мистифировать важныя лица, слѣдовательно надлежало и мнѣ маскироваться, чтобъ по мнѣ и ихъ не узнали. Долго разсуждали о костюмѣ и рѣшились,

чтобъ я одѣлся дикимъ Американцемъ — а онѣ Креолками. У театральнаго костюмера Г. Натъе, я выбралъ для себя богатый костюмъ, трико, коричневаго цвѣта, поясъ и головной уборъ изъ строусовыхъ разноцвѣтныхъ перьевъ и плащъ изъ настоящей тигровой шкуры. При этомъ были, разумѣется, колчанъ съ стрѣлами, лукъ, булава и нѣсколько снурковъ коралловъ, на шею. Въ день маскарада, къ вечеру мнѣ принесли мой костюмъ, и я, нарядившись въ него, захотѣлъ похвастать передъ товарищами и въ 8 часовъ вечера отправился въ Конногвардейскія казармы, къ искреннему пріятелю моему, Поручику Фацу (нашего лейбъ-эскадрона), домохвату, у котораго всегда почти по вечерамъ собирались офицеры. Поверхъ моего костюма я надѣлъ офицерскую шинель, въ одинъ рукавъ, и уланскую шапку. Пробывъ съ часъ у Фаца, съ офицерами, я вознамѣ-

рился ѣхать къ моимъ дамамъ. Вышедъ на лѣстницу, услышалъ я звуки шпоръ въ низу. Я остановился на поворотѣ лѣстницы, возлѣ фонаря — и вдругъ Его Высочество Цесаревичъ взбѣжалъ на лѣстницу, и, увидѣвъ меня, остановился.... Надлежало взяться за козырекъ шапки.... я поднялъ руку — и мой Американскій костюмъ блеснулъ во всей красѣ!... Дѣлать было нечего — понадеясь! — Его Высочество велѣлъ мнѣ подождать себя на лѣстницѣ, а самъ пошелъ въ полковую канцелярію, чрезъ нѣсколько минутъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай за мною!» Я повиновался. Его Высочество былъ съ Адъютантомъ своимъ Полковникомъ Олсуфьевымъ; они сѣли въ сани — а Его Высочество сказалъ мнѣ: «Становись на запятки!» Я исполнилъ Его приказаніе. — «Пошелъ въ Мраморный Дворецъ!» — и сани по-

нѣслись. — Вотъ-те и маскарадъ — на гауптвахтѣ! — подумалъ я.

Въ нижнемъ этажѣ Мраморнаго Дворца жилъ тогда Сенаторъ Графъ Иллинскій, котораго Его Высочество узналъ коротко и полюбилъ, когда Графъ Иллинскій былъ безсмѣннымъ дежурнымъ Каммергеромъ въ Гатчинѣ, у Высокаго Его Родителя, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Графиня Иллинская, Польшка, премилая, умная дама, принимала у себя общество, которое нравилось Его Высочеству — и это развлекало Его, когда Онъ прїѣзжалъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ. Графиня Иллинская была особенно дружна съ Княжною Жанеттою Антоновною Четвертинскою (младшею сестрою Марьи Антоновны Нарышкиной, вышедшею послѣ замужъ за пожилаго Польскаго дворянина Вышковскаго) — и съ нѣкоторыми другими Польшками. Въ домѣ Графа Иллинскаго,

правильнѣе Графини, потому что самъ онъ мало занимался обществомъ — былъ совершенно Польскій тонъ, непринужденность, веселость, шутки и откровенное гостепрїимство. — Душою этого общества была Княжна Ж. А. Четвертинская.

Когда сани подъѣхали къ крыльцу, я соскочилъ съ запятокъ и ждалъ пока Его Высочество прикажетъ мнѣ идти на гауптвахту — но чрезвычайно удивился, когда Онъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою въ комнаты. Снявъ шинель въ передней, Его Высочество велѣлъ и мнѣ сдѣлать тоже и идти за нимъ.

Въ этотъ вечеръ было у Графини Илллинской общество, которое собиралось ѣхать въ маскарадъ, къ Фельету, нѣсколькими кадрилиями. Комнаты были, какъ водится, ярко освѣщены. — Я держалъ въ одной рукѣ мою уланскую шапку, а въ другой — мой Американскій го-

Часть III. 17

ловной уборъ. Его Высочество велѣлъ мнѣ надѣть его, ввелъ меня, за руку, въ гостиную, представилъ дамамъ, сказавъ: «Voilà, mesdames, un échantillon du régiment que j'ai l'honneur de commander!» (т. е. вотъ образчикъ полка, которымъ я имѣю честь командовать!) — и примолвилъ, улыбаясь: «виновать — самъ я не успѣлъ еще обмундироваться!» Потомъ обратясь къ Графинѣ Иллинской, прибавилъ: «с'est pourtant votre protégé!» (т. е. это, однако жъ, покровительствуемый вами). — Я поклонился дамамъ — и въ безмолвіи ожидалъ своей участи.

Графиня Иллинская была въ хорошихъ отношеніяхъ съ сестрою моею Антониною и съ Графомъ Валицкимъ, знала меня — и даже безъ моей просьбы и безъ моего вѣдома, нѣсколько разъ просила Его Высочество, быть снисходительнымъ къ моей молодости. Умныя Польки начали хохотать и хотѣли

обратить дѣло въ шутку: но я нарушилъ законы дисциплины (*) — а Его Высочество не любилъ этого. Обратясь ко мнѣ, Онъ сказалъ: «извольте, сударь, итти!» — «На *Которую* прикажете!» спросилъ я. Эта догадка, что я долженъ непременно итти на гауптвахту, размѣшила Цесаревича—а мое сознаніе въ винѣ смягчило Его. — «Можете выбирать!» сказалъ Онъ, отвернувшись отъ меня и смѣясь. Я вышелъ, намѣреваясь возвратиться въ Петергофъ, но выбѣжавшій за мною лакей сказалъ мнѣ, отъ имени Графини Илминской, чтобъ я подождалъ въ сѣняхъ. Между тѣмъ дамы стали упрашивать Великаго Князя, чтобъ Онъ простилъ меня — и Его Высочество со-

(*) Офицерамъ позволено было костюмироваться въ маскарадъ — но они должны были не снимать маски и приѣзжать въ маскарадъ уже замаскированные. Разъѣзжать же по городу, въ костюмѣ — значило нарушеніе формы.

гласился. Меня снова призвали въ залу — и Его Высочество, сказавъ, что прощаетъ мнѣ *въ послѣдній разъ* подобную шалость, приказалъ немедленно ѣхать въ эскадронъ.

Я заѣхалъ къ моимъ дамамъ, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали меня, и рассказалъ имъ случившееся со мною. Тщетно уговаривали они меня переменить костюмъ, ѣхать съ ними въ маскарадъ, и къ утру возвратиться въ Петергофъ — я не согласился, совѣстясь обманомъ заплатить Его Высочеству за великодушное прощеніе — поѣхалъ немедленно въ эскадронъ, и въ Петергофъ, на гауптвахтѣ, просилъ записать часъ и минуту, когда я прибылъ, а потомъ уже отправился на квартиру. Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось. Его Высочество велѣлъ справиться, въ какую пору я пріѣхалъ въ Петергофъ, и когда ему

представили книгу (*), съ гауптвахты — Онъ остался доволенъ.

Говоря о маскарадахъ, составлявшихъ тогда одно изъ главныхъ увеселеній столицы, я долженъ рассказать о происшествіи, которое надѣлало, въ свое время, много шума, было рассказываемо и даже описываемо различнымъ образомъ, а именно — о *мертвецѣ*, въ маскарадѣ Фельета. Происшествіе это годилось бы въ романъ А. Дюма или Евгенія Сю.

Я уже говорилъ о домѣ Кушелева (на Дворцовой площади, гдѣ нынѣ зданіе Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества), нашемъ Палероялѣ, въ миниатюрѣ. Комнаты, въ которыхъ Фельетъ давалъ маскарады, расположены были вокругъ корридора. По сторонамъ, въ

(*) Въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ на гауптвахтахъ были книги, въ которыя записывались всѣ необыкновенныя происшествія. Этотъ журналъ былъ весьма полезенъ во многихъ случаяхъ.

углубленіи, были небольшія комнаты, для отдохновенія, а для танцевъ двѣ большія залы. Выходовъ было четыре. Комнаты меблированы были хотя не такъ богато, какъ въ домѣ Г-на Энгельгардта, когда тамъ начались маскарады, но со вкусомъ — и что важнѣе, въ комнатахъ Фельета было много уютности (комфорта). Веселились тогда шумно. Обѣдали и ужинали гораздо раньше нынѣшняго — но когда веселились, то не смотрѣли на часы. Мы помнили хорошо, что время далъ намъ Богъ на радость, а часы — люди выдумали!

Въ 11 часовъ вечера нѣсколько молодыхъ людей оканчивали ужинъ возліаніями Бахусу. Предлагали различные тосты. — «Я слышалъ, что ты хотѣлъ жепиться, въ провинціи», сказалъ одинъ молодой человѣкъ своему товарищу: «не выпить ли за здоровье твоей невѣсты!» — «Древняя исторія!» возразилъ товарищъ.

«На всѣхъ хорошенькихъ нельзя жениться. Это была игра фантази.... занятіе отъ скуки : *passé-temps!* — Въ деревнѣ я нашелъ премиленькую сосѣдку, вдовушку, и мы подружились, на время моего отпуска.... Сосѣдки разболтали, что я женихъ.... и я отъ страха — бѣжалъ изъ деревни....» — «Но я слышалъ, что ты далъ слово, формальное обѣщаніе», возразилъ молодой человѣкъ. — «Любовныя клятвы записываются, какъ говорили поэты, стрѣлою Амура, на морскихъ волнахъ.... подулъ вѣтеръ — и клятва исчезла!...» Въ это время женская маска (черное домино) приблизилась къ столу и ударила молодаго человѣка по плечу. Молодой человѣкъ, не кончивъ рѣчи, оглянулся — и черное домино, погрозивъ ему пальцемъ, прошло мимо. — «Вотъ, кстати, предлагаю вамъ послѣдній тостъ : за здоровье этой маски и за благія надежды!» сказалъ молодой че-

ловѣкъ. «Это должна быть прелестная женщина!» продолжалъ онъ: «Она мистифируетъ меня цѣлый вечеръ — и я рѣшился, во что бы ни стало, узнать, кто она.» — Выпивъ послѣдній бокаль, молодой человѣкъ, угощавшій своихъ друзей, отдалъ одному изъ нихъ сторублевую ассигнацію, прося расчитаться, и вскочилъ изъ-за стола, извинившись, что долженъ продолжать свой романъ съ чернымъ домино. Замаскированная дама, казалось, ждала его, въ углу комнаты, и когда онъ подошелъ къ ней, подала ему руку.... Они пошли расхаживать по комнатамъ.

Маскарадная любовь и вино — родныя сестры. Согрѣтый шампанскимъ, молодой человѣкъ сдѣлался во сто разъ смѣлѣе, и сталъ прямо изъясняться въ любви, обѣщая, разумѣется, все... вѣрность, покорность и цѣлое Эльдorado, съ золотыми горами! Маска хохотала. «Я слы-

шала, какъ ты разсуждалъ о любви и вѣрности», сказала она : «и твой образъ мыслей, на этотъ счетъ, не можетъ возбудить въ женщинѣ довѣренности!...» — «Ты ничего не слышала», отвѣчалъ молодой человекъ : «мало ли что говорится въ пріятельской бесѣдѣ!» — «Но тебя упрекали, что ты далъ слово жениться и не сдержалъ обѣщанія...» — «Какое это обѣщаніе! Шутка и только!» — «Но развѣ можно шутить честию и спокойствіемъ женщины?» — «Полно серіозничать и морализировать — теперь не пора и не мѣсто!... Если бъ я нашелъ такую умную женщину, какъ ты, милая маска, и хоть сотую долю красоты, въ сравненіи съ умомъ — то сдержалъ бы слово.» — «А развѣ та женщина, которой ты далъ слово, была глупа и безобразна?» — «Нѣтъ! но слишкомъ чувствительна — а я не люблю плаксивыхъ...» — «А, ты не любишь чувствительныхъ!...» — Въ

**

этомъ духѣ продолжался разговоръ, пока наконецъ молодой человѣкъ рѣшился просить у маски позволенія проводить ее до дому, предлагая ей свой экипажъ. — «Согласна, чтобъ ты проводилъ меня до дому, но въ моемъ экипажѣ» — и они вышли въ сѣни.

Молодой человѣкъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ, что и лакей, державшій салопа дамы, былъ замаскированъ. Этого онъ еще не встрѣчалъ въ своей жизни, и потому, ведя даму, подъ руку, съ лѣстницы, изъявилъ ей свое удивленіе. — «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; зачѣмъ же и маскироваться, если по прислугѣ и экипажу можно узнать, кто подъ маской.... Вы здѣсь не одни — и я не хочу, чтобъ нѣкоторые люди меня узнали....» Карета, запряженная четверкой лихихъ коней, стояла на углу Большой Морской; они сѣли въ карету, и дама сказала ла-

кею : «поскорѣе домой!» Лошади понеслись во всю прыть.

Въ экипажѣ молодой человѣкъ и дама перемѣнили тонъ. Они уже говорили другъ другу : *вы*. Молодой человѣкъ, почитая себя счастливымъ; нѣжничалъ, дама отвѣчала чрезвычайно остроумно, какъ бы ободряя молодаго человѣка и утверждая его въ надеждахъ, но не подавала никакого повода къ вольностямъ: напротивъ, удерживала его въ границахъ. Напрасно просилъ онъ, чтобъ она сняла маску. — «Будетъ еще довольно времени!» говорила дама. Какъ она ни занимала молодаго человѣка разговорами, но все же ему показалось, что они ѣдутъ очень долго, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать : «вы очень далеко живете!» — «На дачѣ, за городомъ», отвѣчала дама. — «Зимою?» — «Всегда! Тамъ тихо и спокойно!» Это еще болѣе воспламенило воображеніе молодаго человѣ-

ка. Онъ воображалъ себѣ счастье, которымъ онъ будетъ наслаждаться, въ уединеніи, съ прелестною и умною женщиною — и старалъ отъ нетерпѣнья пріѣхать скорѣе на мѣсто.

Наконецъ карета остановилась. Лакей отперъ дверцы, и молодой человекъ, вышедъ послѣ дамы, крайне изумился, когда увидѣлъ, что они — на Смоленскомъ кладбищѣ. — «Не бойтесь!» сказала дама. «Здѣсь я сниму маску, и если я вамъ понравлюсь, то вы должны дать мнѣ слово на гробъ — въ вѣрности!... Иначе я оставлю васъ здѣсь и уѣду!...» Молодой человекъ согласился. Они вошли въ ограду, и дама привела его къ свѣжей ямѣ, еще раскрытой, и сняла маску.... Молодой человекъ взглянулъ и обомлѣлъ отъ ужаса.... это была мертвая голова!.. Дама протянула руку къ молодому человеку — это былъ — скелетъ!... До сихъ поръ дама говорила поддѣльнымъ голо-

сомъ, а теперь она заговорила своимъ — и онъ узналъ голосъ женщины, имъ обманутой, которой онъ обѣщалъ жениться.... «Обманъ твой свелъ меня въ могилу!» сказала она важно : — «и я явилась изъ гроба, чтобъ въ послѣдній разъ упрекнуть тебя въ гнусномъ обманѣ и предать на вѣки проклятiю!... Лишить женщину добраго имени — есть преступленiе выше смертоубiйства!... Ты обманулъ меня, отравилъ мое спокойствiе, покрылъ стыдомъ единственное дитя мое....» Она не договорила — и уже молодой человѣкъ лежалъ безъ чувствъ у ногъ ея....

Когда онъ пришелъ въ себя — онъ лежалъ въ постелѣ, у себя дома. Сердце его сильно забилось, когда онъ увидѣлъ сидящую возлѣ его постели ту самую женщину, которой далъ слово жепиться и которая явилась ему мертвецемъ на кладбищѣ. Онъ хотѣлъ говорить,

но дама, приложивъ палецъ къ устамъ своимъ, дала знать, что это ему запрещено. Послали посиѣшно за докторомъ, который скоро явился и объявилъ, что кризисъ кончился, и что онъ ручается за жизнь больного. Девять сутокъ пролежалъ онъ въ безпамятствѣ, въ первой горячкѣ, и обманутая имъ женщина не отходила ни на минуту отъ его постели. Наконецъ настало выздоравливаніе и примиреніе — и первый выѣздъ молодого человѣка былъ въ церковь, подъ вѣнецъ. Женувшись, онъ немедленно уѣхалъ, съ молодою и прекрасною женою, въ деревню, чтобъ избавиться толковъ и распросовъ.

Такъ рассказывали этотъ случай, объясняя дѣло слѣдующимъ образомъ. Молодая вдова знала, что обманувшій ее любовникъ чрезвычайно суевѣренъ, и притомъ волокита. Начитавшись, вѣроятнѣе, тогдашнихъ модныхъ романовъ Г-жи

Радклеифъ, въ которыхъ мертвецы играли первыя роли, она вздумала отмстить романтически невѣрному. Приѣхавъ въ Петербургъ, она развѣдала о всѣхъ привычкахъ его и рѣшилась сыграть съ нимъ шутку, избравъ маскарадъ для ея начала. Она заказала маску, мертвую голову и родъ перчатокъ, въ видѣ кисти скелета, и надѣла передъ тѣмъ временемъ, какъ рѣшилась выѣхать изъ маскарада, прикрывъ мертвую голову обыкновенною маскою. Дама думала только напугать молодаго человѣка и высказать ему правоученіе, на могилѣ, но послѣдствія превзошли ея предположенія — и молодой человѣкъ едва не лишился жизни. Она сама отвезла его домой, поселилась у него до выздоровленія — и потомъ созналась въ своей винѣ, и просила прощенія. Молодой человѣкъ, имѣвъ время раздумать о своемъ поступкѣ, рѣшился исправить его — и дѣло кончилось бла-

гополучно. Я слышалъ недавно, что оба они не раскаявались и дожили счастливо до старости.

Справедливо ли это происшествіе или нѣтъ — не мое дѣло. Такъ рассказывали тогда. — Вообще въ то время въ обществахъ не всѣ обязанности были играть въ карты, и тогда еще умѣли бесѣдовать и любили рассказы. Теперь юноши живутъ и ведутъ себя, какъ старики, студенты играютъ отлично въ карты, во всѣ игры; безбородые мальчики пьютъ шампанское, какъ воду, и почитаютъ, что дѣлаютъ одолженіе хозяйкѣ, когда передвигаютъ ноги, не въ тактъ, подъ музыку. Дѣти курятъ теперь сигары, какъ Негры на табачной фабрикѣ, въ Америкѣ! — Тогда юноша и молодая дама не смѣли сѣсть за карточный столикъ; они или танцовали, или занимались разговорами, музыкою. Хорошіе рассказчики высоко цѣнились, и многіе этими качествомъ вышли

въ люди, какъ теперь выходятъ пикетомъ и преферансомъ.

Вотъ другое совершенно справедливое происшествіе, которое въ то же почти время надѣлало шума въ столицѣ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, нѣкто Титулярный Совѣтникъ Назаровъ или Лазаровъ (не помню точно прозванія) имѣлъ собственный домъ на Екатерининскомъ Каналѣ, и отдавалъ въ наймы разныя квартиры, съ мебелью и безъ мебели. Наняли у него двѣ комнаты, на дворѣ, пріѣхавшіе изъ Малороссіи, *панычъ*, молодой человѣкъ лѣтъ восемнадцати, съ своимъ воспитателемъ, поповичемъ. Въ одно воскресенье пріѣзжіе пошли въ церковь и около полудня воротился одинъ панычъ. Хлѣбосольный хозяинъ запросилъ его къ себѣ, на завтракъ, и принудилъ выпить рюмку или двѣ водки. Молодой человѣкъ опьянѣлъ и пошелъ спать. Хозяинъ проводилъ его

въ квартиру и оставался тамъ съ полчаса времени. Никто не видалъ, когда возвратился воспитатель паныча; но когда начало смеркаться, на дворѣ раздался вопль и крикъ: «убили, зарѣзали!» Хозяинъ и многіе жильцы выбѣжали на дворъ и увидѣли воспитателя, въ отчаяньи рвущаго на себѣ волосы и съ горькимъ плачемъ вопіющаго: «убили, зарѣзали мое дѣтище, моего питомца! Вошли въ квартиру и увидѣли среди комнаты обезглавленный трупъ несчастнаго молодого человѣка, въ лужѣ крови, и возлѣ трупа топоръ. Комодъ былъ разломанъ и вещи разбросаны по полу. Послали за полиціей, и началось слѣдствіе.

Гдѣ былъ молодой человѣкъ по возвращеніи изъ церкви? У хозяина дома, который *принудилъ* его выпить съ нимъ водки, хотя молодой человѣкъ отговаривался. Это показала служанка хозяина, и самъ хозяинъ сознался. Молодой чело-

вѣкъ пошелъ хмѣльной въ свою квартиру, и хозяинъ проводилъ его и оставался съ нимъ наединѣ. — Какимъ образомъ воспитатель вошелъ въ квартиру, когда она была заперта? Онъ показалъ другой ключъ, который нарочно былъ имъ заказанъ, чтобъ одному не ждать другаго, если они возвратятся домой не вмѣстѣ. Хозяинъ зналъ объ этомъ и посылалъ своего дворника къ слесарю. — Чей былъ топоръ? — Дворника. Это показали жильцы, и самъ дворникъ сознался. Одинъ изъ жильцевъ показалъ, что во время отсутствія воспитателя, видѣлъ возлѣ дверей Малороссiянъ сына дворника. — Воспитатель объявилъ, подъ присягою, что отецъ молодаго человѣка повѣрилъ ему 15,000 рублей, для уплаты одному Малороссiйскому помѣщику, за купленную у него землю, съ мельницею, но что этотъ помѣщикъ, служившій въ гвардіи, былъ тогда въ командировкѣ, а потому

деньги лежали въ коммодѣ. Хозяинъ не отпирался, что воспитатель говорилъ ему объ этихъ деньгахъ, прося, чтобъ онъ приказалъ присматривать за квартирою, во время ихъ отсутствія. — Молодой человекъ отлучался часто и проживалъ дни у своей тетки, на Васильевскомъ Острову, а воспитатель проводилъ время у своихъ знакомыхъ, старинныхъ совоспитанниковъ семинари. — Послѣ слѣдствія посадили въ тюрьму хозяина квартиры, дворника и его сына, и началось уголовное дѣло.

Когда это дѣло производилось, уже не было формальной пытки или *застылка*, но еще существовали, такъ называемые, *допросы, съ родительскимъ увѣщаніемъ*, употребляемые въ такихъ только случаяхъ, когда улики были явныя и заpiresательство приписываемо было ожесточенію преступника. Кормили сельдями и запирали въ истопленную ба-

ню, заставляя терпѣть мучительную жажду, и допрашивали подъ розгами, вѣря, что розгами костей не изломить. Благодаря Бога, времена эти прошли! Сынъ дворника невытерпѣлъ, однако жъ, этихъ чловѣколюбивыхъ средствъ къ открытію истины — и умеръ, послѣ нѣсколькихъ допросовъ. Самого дворника присудили къ обыкновенному наказанію и ссылкѣ, а хозяина дома — къ лишенію чиновъ и вѣчной ссылкѣ на каторжную работу. Домъ поступилъ во владѣніе къ дальнимъ родственникамъ, потому что хозяинъ былъ вдовецъ и не имѣлъ дѣтей.

Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ. Воспитатель убитаго молодаго чловѣка опредѣлился, между тѣмъ, въ службу, по гражданской части и уже имѣлъ чинъ Коллежскаго Совѣтника. Онъ служилъ въ Бѣлоруссіи или Минской Губерніи (не помню, гдѣ именно, но знаю, что въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши).

Поѣхавъ, однажды, въ отпускъ, въ Кіевскую Губернію, онъ возвращался оттуда съ богатымъ купцемъ, въ дорогѣ зарѣзалъ его и похитилъ значительную сумму денегъ. По горячимъ слѣдамъ преступленіе было открыто, и онъ сознался, а при допросѣ показалъ, что у него на совѣсти тяготѣетъ другой грѣхъ, именно убійство его воспитанника и похищеніе 15,000 рублей, принадлежавшихъ отцу убитаго. — Объ этомъ донесено было Государю Императору, который приказалъ немедленно освободить безвинныхъ и привезти ихъ въ Петербургъ. Отыскивать этихъ несчастныхъ поручено было тогдашнему Иркутскому Полиціимейстеру Картапееву. Цѣлый годъ бился онъ, пока отыскалъ слѣды ихъ. Дворникъ умеръ на каторгѣ, а хозяинъ дома, удрученный лѣтами, измученный тяжкою работою, сдѣлался почти безсмысленнымъ и даже позабылъ прежнее свое прозва-

ніе. Его привезли въ Петербургъ и отдали на руки одному изъ первыхъ лейбъ-медиковъ, который успѣлъ возбудить въ немъ угасающую искру жизни. Домъ его перешелъ давно въ третьи руки и былъ уже сломанъ; наслѣдникъ умеръ: не съ кого было взыскивать. Государь Императоръ и вся Царская Фамилія облагодѣтельствовали старика, и сверхъ того, во многихъ домахъ открыта была подписка въ его пользу. Несчастный пришелъ наконецъ въ память, и когда его спросили, чего онъ желаетъ, въ вознагражденіе своихъ безвинныхъ страданій — старикъ отвѣчалъ, что былъ бы счастливъ, если бъ получилъ — чинъ! Его произвели въ слѣдующій чинъ.

Морали тутъ не нужно. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ даже въ судьи избираются люди, изучившіе юриспруденцію — случаются подобныя ошибки. Здѣсь главное не въ учености судьи. не

въ познаніи законовъ , не въ изученіи Римскаго Права , но въ изученіи челоуѣчества и познаніи челоуѣческаго сердца. Характеръ челоуѣка не можетъ быстро переломиться — и честный челоуѣкъ не сдѣлается мгновенно злодѣемъ. Въ гнѣвъ, въ ослѣплѣніи страсти, и честный челоуѣкъ можетъ забыть на минуту и совершить дѣло противозаконное , даже противунравственное : но честный челоуѣкъ никогда не покусится на жизнь ближняго — изъ корысти. Первое слѣдствіе — основаніе дѣла , и въ низшихъ инстанціяхъ , гдѣ производится первое изслѣдованіе , должны быть самые благонамѣренныя и просвѣщенные чиновники , каковы Мирные Судьи (Juge de paix) во Франціи и шерифы въ Англіи. Сколько бѣдствій отвращено было бы , если бъ первое слѣдствіе производилось всегда людьми просвѣщенными , понимающими цѣну чести и добраго имени !

Вообще въ то время въ Петербургѣ было весьма много возвращенныхъ изъ Сибири. Нѣкоторые изъ нихъ пробыли по двадцати и по тридцати лѣтъ въ ссылкѣ, безъ суда и слѣдствія, бывъ сосланы, по бѣльшей части, временщиками, въ Царствованіе Императрицы Екатерины II, Которая объ этомъ ничего не знала. — У извѣстнаго откупщика Абрама Израеливича Перца я видѣлъ старика, прежняго поставщика провіанта на армію, который сосланъ былъ Свѣтлѣйшимъ Княземъ Потемкинымъ, за ссору съ любимцемъ Князя, откупщикомъ, а потомъ богатымъ помѣщикомъ Могилевскимъ, Янчинымъ, и пробылъ въ Сибири восемнадцать лѣтъ. — Старикъ разсказывалъ при мнѣ, какимъ образомъ онъ попалъ въ ссылку. Князь Потемкинъ, бывъ въ Могилевѣ, призвалъ къ себѣ старика, пріѣхавшаго для расчетовъ съ Янчинимъ, и сказалъ ему, что онъ долженъ

кончить дѣло въ 24 часа. — «Кончу въ полчаса, если меня удовлетворятъ», отвѣчалъ старикъ. — «Я вѣрю больше Янчину, нежели тебѣ», сказалъ Князь. — «Виноватъ повѣренный Янчина, а самъ Янчинъ не правъ тѣмъ лишь, что довѣрилъ плуту, и не только, не хочетъ разсмотрѣть моихъ счетовъ, и въ общошелся со мною грубо», возразилъ старикъ. — «Ты самъ, плутъ», сказалъ Князь; — «и я тебя проучу, какъ спорить со мной: — отведите его въ тюрьму!» Ночью старика посадили въ кибитку и повезли — прямо въ Тобольскъ, а оттуда сослали въ Березовъ. Отъ него не волѣно было принимать никакихъ бумагъ. При восшествіи на престолъ Императора Александра, учреждена была коммисія и посланы чиновники въ Сибирь, для принятія прошеній отъ ссыльных и изслѣдованія старыхъ дѣлъ — и старика возвратили. Но онъ лишился всего своего

состоянія; а родные не знали даже о его существованіи. Онъ появился между ними, какъ съ того свѣта!

Вольтеръ справедливо сказалъ: *«*

«Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!»

Примѣръ Царствующаго утверждаетъ нравы народа. Въ то время все въ Россіи принимало характеръ благости, милосердія, снисходительности и вѣжливости. Приближенные къ Государю особы перенимали Его нѣжныя формы обращенія, и старались угождать Его чувствованіямъ—и это благое направленіе распространилось на все сословія. Наступилъ переломъ въ нравахъ административныхъ и частныхъ, и мало по малу начала исчезать грубость, неприступность и самоуправство. Прежде начальникъ никогда не говорилъ, подчиненному, иначе, какъ *ты*; и даже проситель никогда не слыхалъ вѣжливаго слова отъ сановника. У большей части сановни-

ковъ въ пріемной комнатѣ не было даже стульевъ, а у иныхъ просители должны были ждать въ сѣняхъ или на улицѣ. Въ присутственное мѣсто, даже въ канцелярію Сената страшно было войти! Сальныя свѣчи воткнуты были въ бутылки, чернила наливались въ помадные банки, песокъ насыпался въ черепки, въ плоски или въ бумажныя коробки; на полахъ лежала засохшая грязь, которую скребли иногда заступами; стѣны были вездѣ закоптѣлыя. Въ канцеляріяхъ торговался, какъ на Толкучемъ Рынкѣ. Растрепанные и оборванные чиновники наводили ужасъ на просителей! Они иногда, безъ церемоніи, шарили у нихъ въ карманахъ и отнимали деньги. Все это начало быстро измѣняться при Императорѣ Александрѣ, и благое просвѣщеніе пролило лучи свои туда, гдѣ былъ вѣчный мракъ. Все это было только начало — но въ каждомъ дѣлѣ оно составляетъ главное.

Никогда не начиная, никогда не кончишь! — Сравнивая нынѣшнее съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Россіи, въ моей юности — я едва вѣрю своей памяти! Мы прошли огромное разстояніе! Для примѣра я представляю, въ будущихъ томахъ моихъ Воспоминаній, нѣсколько картинъ и случаевъ прежняго быта, а теперь обращаюсь къ важнѣйшему. — Манифестомъ 10 Февраля 1808 года объявлено было Россіи о войнѣ съ Швеціей....

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

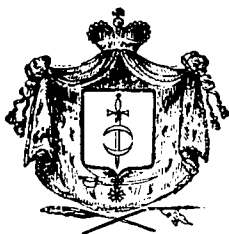
ВОСПОМИНАНІЯ ѢАДДЕЯ БУЛГАРИНА.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВИДѢННАГО, СЛЫШАННАГО И
ИСПЫТАННАГО ВЪ ЖИЗНИ.

«Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или
переписалъ или недописалъ, чтите, ис-
правляя Бога дѣя, а не кляните!»

(Послѣсловіе въ древней Лѣтописи).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 7 Октября 1847 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Въ типографіи Карла Крайя.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторымъ изъ моихъ читателей, ищущимъ въ чтеніи одной романтической занимательности, можетъ быть не понравятся описанія битвъ въ моихъ воспоминаніяхъ о Финляндской Войнѣ 1808 и 1809 годовъ. Однако я почелъ это священною моею обязанностью, и исполнилъ съ наслажденіемъ. У насъ есть превосходная исторія этой войны, написанная нашимъ знаменитымъ военнымъ историкомъ, Его Превосходительствомъ Александромъ Ивановичемъ Михай-

ловскимъ-Данилевскимъ; но то, что не могло и не должно было войти въ общую исторію, принадлежитъ частнымъ запискамъ, и я, какъ очевидный свидѣтель и соучастникъ истинно геройскихъ подвиговъ Русскихъ воиновъ при завоеваніи Финляндіи, вознамѣрился сохранить отъ забвенія дѣла и имена моихъ храбрыхъ товарищей и даже названіе полковъ. Въ общей исторіи представляется только движеніе массъ, изображенія полководцевъ, значительныя сраженія и громкія дѣла, т. е. изображается самое яркое. Блестательныя подвиги мелкихъ офицеровъ и малыхъ отрядовъ остаются въ тѣни, а иногда даже вовсе не помѣщаются въ обыкновенныхъ реляціяхъ съ театра войны. Кажется мнѣ, однако жъ, что не только для потомковъ

храбраго офицера, но и для каждаго просвѣщеннаго патріота должно быть пріятно, если современникъ и очевидецъ припомнить былое, въ правдивомъ разсказѣ. Военный человекъ, знакомый съ пороховымъ дымомъ, оцѣнитъ мои описанія сраженій, основанныя на познаніи мѣстностей.

Пишу я только *отрывки* изъ моихъ *Воспоминаній*, и благонамѣренный читатель пойметъ и разсудитъ, на сколько я могъ распространяться въ дѣлахъ общей политикки, государственнаго управленія, и о замѣчательныхъ лицахъ описываемой мною эпохи. Что приличіями позволено было сказать — сказано; прочее представляется потомству. Иногда и благонамѣренный намекъ ведетъ къ важнымъ заключеніямъ. Едва ли есть

одинъ читатель въ Россіи, который бы не зналъ, какими побужденіями руководствуется современная намъ журнальная критика. Обрадуются мои благопріятели, что нашелся случай къ критикѣ!!!... Браните, господа, браните покрѣпче, собственно для вашего утѣшенія и наслажденія! Ни читать васъ, ни отвѣчать вамъ — не стану! Благонамѣренныя замѣчанія приму съ благодарностью, и воспользуюсь ими.

Ваддей Буларинъ.

Мыза Карлова, возлѣ Дерпта.
3-го Августа 1847 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

- I. Первая награда. — Общая характеристика Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ. — Необходимость завоеванія Финляндіи. — Первая идея принадлежитъ Петру Великому. — Опасность близости границы отъ столицы Имперіи. — Выходка Шведскаго Короля Густава IV, въ началѣ царствованія Императора Александра. — Мысль о распространеніи границы на сѣверѣ существовала прежде Тильзитскаго мира. — Анекдотъ, доказывающій справедливость этого мнѣнія. — Несогласіе съ Швеціею послѣ Тильзитскаго мира. — Войско собирается на границѣ. — Графъ Буксгевденъ, назначенный главнокомандующимъ, вступаетъ въ Шведскую Финляндію. — Физическій очеркъ Финляндіи въ стратегическомъ отношеніи. — Шведское войско въ Финляндіи. — Первый падшій воинъ на рубежѣ Финляндіи. — Успѣхи Русскаго войска. — Трудности похо-

да. — Первая неудача. — Отраженіе Кульнева. — Истребленіе отрядовъ Булатова и Обухова. — Возстаніе жителей. — Затруднительное положеніе генерала Тучкова 1. — Его отступленіе. — Полковникъ Сандельсъ занимаетъ Куопіо. — Свеаборгъ и Свартгольмъ сдаются Русскимъ на капитуляцію, — Шведы занимаютъ снова Аландскіе Острова. — Барклай-де-Толли получаетъ приказаніе вступить съ своею дивизіей въ Финляндію 1

II. Второму батальону Уланскаго Его Высочества полка внезапно повелѣно выступить изъ Петербурга и присоединиться къ дивизіи Барклай-де-Толли. — Мы выступаемъ въ походъ. — Характеристика офицеровъ втораго батальона Уланскаго Его Высочества полка. — Старинныя Донцы. — Мы соединяемся съ дивизіей Барклай-де-Толли — Первая встрѣча съ Шведами подъ Юрасъ-Киркой. — Партизанская и народная война. — Взятіе Варкгауза. — Разбитіе Шведскаго арріергарда, послужившее намъ во вредъ. — Шведскіе партизаны отбиваютъ у насъ подвижной магазинъ и истребляютъ понтонную роту. — Занятіе Куопіо съ боя и отступленіе Шведовъ за озеро, въ крѣпкую позицію, при Тайвола. — Тогдашнее состоя-

ніе города Куопіо. — Довольство среди общаго недостатка, — Даровой трактиръ для друзей и добрыхъ товарищей. — Веселая жизнь въ Куопіо

III. Генерала Тучкова 1-го, смѣняетъ Генералъ Раевскій, въ командованіи передовымъ дѣйствующимъ корпусомъ. — Распоряженія Главнокомандующаго къ изгнанію Шведской арміи изъ Финляндіи. — Невозможность исполненія этого плана. — Барклай-де-Толли выступаетъ изъ Куопіо, на помощь Раевскому, оставляя въ городѣ Генерала Рахманова, только съ 3,000 человекъ. — Раевскій доведенъ до крайности, и отступаетъ передъ Шведскимъ Генераломъ Клингспоромъ. — Шведы дѣлаютъ безуспѣшныя высадки близъ Або и Вазы. — Беспорядки въ Вазѣ. — Возстаніе въ Финляндіи усиливается. — Полковникъ Сандельсъ, пользуясь отсутствіемъ Барклай-де-Толли, нападаетъ два раза на Куопіо — но отбитъ Русскими. — Подробности сраженій. — Опасное положеніе Куопіоскаго отряда. — Барклай-де-Толли возвращается въ Куопіо, — Сандельсъ въ ту же ночь снова атакуетъ Куопіо, со всею своею силою. — Барклай-де-Толли разбиваетъ Шведовъ. — Блестательные подвиги Лейбъ-Егерска-

го батальона, — Капонирскія лодки приходятъ въ Куопіо, подъ начальствомъ Лейтенанта Колзакова. — Прибытіе Полковника Маркиза Пауллуччи въ армию, для освидѣтельствванія ея, и пріѣздъ его въ Куопіо. — Уваженіе и любовь войска къ Барклаю-де-Толли. Характеристика его и жизнеописаніе до этой эпохи. — Барклай-де-Толли, по болѣзни, оставляетъ армию. Корпусъ его поручень Генералу Тучкову 1. — Отрядъ Полковника Сабанѣва высланъ изъ Куопіо къ корпусу Графа Каменскаго. — Нашъ эскадронъ поступаетъ въ этотъ отрядъ. . 105

IV. Тогдашнее состояніе Финляндіи. — Города. — Отношенія Финляндіи къ Швеціи. — Просвѣщеніе — Образъ жизни. — Дворянство и духовенство. — Нравственность народа. — Анекдотъ, доказывающій религіозность и высокое уваженіе общаго мнѣнія въ Финскомъ народѣ. — Мнѣніе большинства въ дворянствѣ и въ простомъ народѣ о войнѣ съ Россією. — Командировка для поимки Шведскаго Полковника Фіянкта, — Лазутчикъ. — Добродушіе нашихъ враговъ. — Политическіе разговоры съ помѣщикомъ и съ поселянами. — Походъ отряда Сабанѣва, чрезъ внутренность страны, изъ Куопіо,

къ корпусу Графа Каменскаго. — Дружба съ молодымъ ученымъ Финляндскимъ патриотомъ. — Надежда Финскаго народа. — Чѣмъ кончится жепскій патриотизмъ. — Характеристика Ивана Васильевича Сабанѣева. — Мы примыкаемъ къ корпусу Графа Каменскаго. — Вѣсти съ береговыхъ отрядовъ. — Опасности, которымъ подвергались Графъ Буксгевденъ и Графъ Каменскій 179

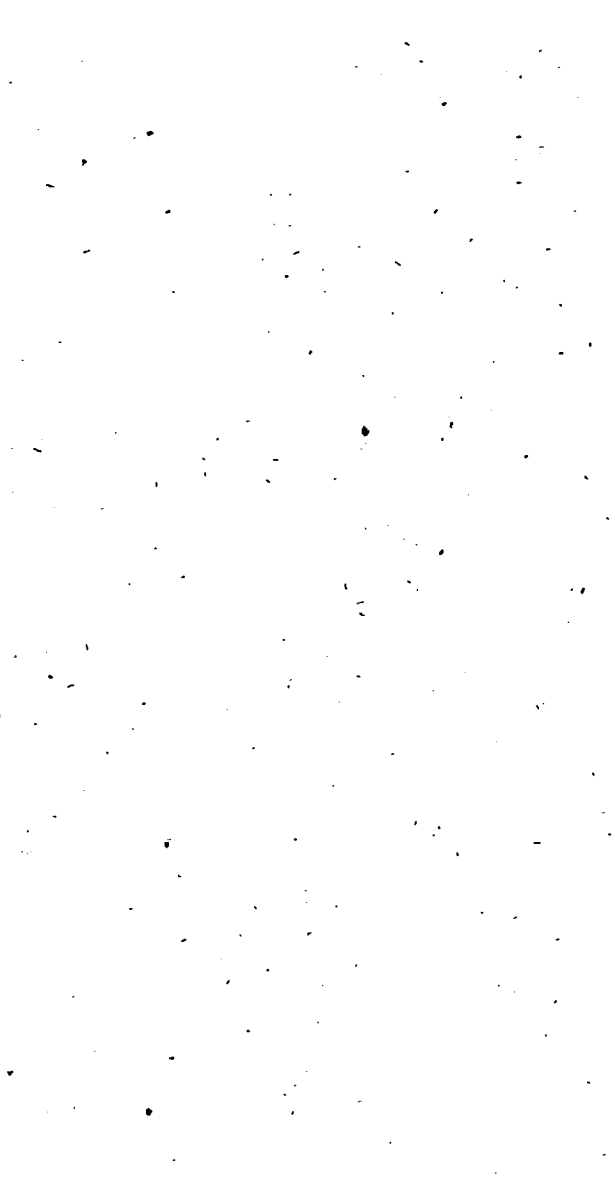
V. Состояніе Русскихъ войскъ къ 1-му Августа 1808 года. — Маркизь Паулуччи привозитъ изъ Петербурга проектъ перемирія съ Шведами, до зимы. — Любопытная встрѣча Маркиза Паулуччи съ Главнокомандующимъ, характеризующая обоихъ. — Вѣрный очеркъ Маркиза Паулуччи. — Главнокомандующій не соглашается на перемиріе, и избираетъ Графа Каменскаго для изгнанія Шведскаго войска изъ Финляндіи. — Характеристика Графа Николая Михайловича Каменскаго. — Геройскій духъ времени, припоминающій древнюю Спарту и блистательную эпоху Рима. — Положеніе дѣлъ во время принятія начальства Графомъ Каменскимъ надъ корпусомъ Генерала Раевского. — Число Шведскихъ войскъ. — Составъ корпуса Графа Каменскаго. —

Начало наступательныхъ дѣйствій Графа Каменскаго. — Блистательное авангардное дѣло Полковника Властова. — Мѣстность и подробности сраженія. — Властовъ разбиваетъ наголову Полковника Фіяндта. — Неудача Полковника Эриксона. — Геройскій подвигъ Маіора Гласкова. — Кровопролитное трехъ-дневное сраженіе при Куртане. — Мѣстность и подробности сраженія. — Шведы, послѣ мужественнаго сопротивленія, уступаютъ настойчивости Русскихъ — Преслѣдованіе Шведовъ нашимъ авангардомъ. — Характеристика знаменитаго Кульнева, командовавшаго авангардомъ въ чинѣ Полковника — Участіе двухъ эскадроновъ нашего полка въ сраженіи при Куртане. — Новый стратегическій планъ Графа Каменскаго. — Обходы, опасность обходнаго отряда Козачковскаго подъ Ньюкарлеби и подъ Индергерми. — Знаменитое сраженіе подъ Оровайси. — Чудеса храбрости Русскихъ воиновъ. — Графъ Каменскій исторгаетъ побѣду у Шведовъ своею рѣшительностью, и заставляетъ ихъ отступить. — Мѣстность и подробности сраженія, — Адъютантъ Графа Каменскаго, Капитанъ Арсеній Андреевичъ Закревскій. — Вступленіе

XI

Графа Каменскаго въ Гамлекарлеби. — Перемирие. — Главная квартира пере- посится въ Гамлекарлеби	253
VI. Солдатское сердце, эпизодъ	364

ВОСХОМПАТІЯ.

I.

Первая награда. — Общая характеристика Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ — Необходимость завоеванія Финляндіи. — Первая идея принадлежитъ Петру Великому. — Опасность близости границъ отъ столицы Имперіи. — Выходка Шведскаго Короля Густава IV, въ началѣ царствованія Императора Александра. — Мысль о распространеніи границы на северъ существовала прежде Тильзитскаго мира. — Анекдотъ, доказывающій справедливость этого мнѣнія. — Несогласія съ Швеціею послѣ Тильзитскаго мира. — Войско собирается на границѣ. — Графъ Буксгевденъ, назначенный главнокомандующимъ, вступаетъ въ Шведскую Финляндію. — Физическій очеркъ Фин-

ЛЯНДИИ ВЪ СТРАТЕГИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНИИ. — ШВЕДСКОЕ ВОЙСКО ВЪ ФИНЛЯНДИИ. — ПЕРВЫЙ ПАДШИЙ ВОИНЪ НА РУБЕЖЪ ФИНЛЯНДИИ. — УСПѢХИ РУССКАГО ВОЙСКА. — ТРУДНОСТИ ПОХОДА. — ПЕРВАЯ НЕУДАЧА. — ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬНЕВА. — ИСТРЕБЛЕНИЕ ОТРЯДОВЪ БУЛАТОВА И ОБУХОВА. — ВОЗСТАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ. — ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЯ ГЕНЕРАЛА ТУЧКОВА I. — ЕГО ОТСТУПЛЕНІЕ. — БРИГАДИРЪ САНДЕЛЬСЪ ЗАНИМАЕТЪ КУОИО. — СВЕАБОРГЪ И СВАРТГОЛЬМЪ СДАЮТСЯ РУССКИМЪ НА КАПИТУЛЯЦІЮ. — ШВЕДЫ ЗАНИМАЮТЪ СНОВА АЛАНДСКІЕ ОСТРОВА. — БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛП ПОЛУЧАЕТЪ ПРИКАЗАНІЕ ВСТУПИТЬ СЪ СВОЕЙ ДИВИЗІЕЙ ВЪ ФИНЛЯНДИЮ.

Въ каждомъ званіи, въ каждомъ сословіи для человѣка есть счастливыя минуты, которыя приходятъ только *однажды* и никогда уже не возвращаются. Въ военномъ званіи, которому я посвятилъ себя отъ дѣтства, — три высочайшія блаженства: первый офицерскій чинъ, первый орденъ, заслуженный на полѣ сраженія, и.... первая взаимная любовь. Для человѣка, изжившаго уже свой вѣкъ,

утомленнаго жизнью, разочарованнаго на счетъ людей и дѣлъ, высокіе чины, первоклассные ордена и женитьба хотя и составляютъ цѣль исканій, по доставляютъ разсчитанное умомъ удовольствіе, и не трогаютъ сердца. Юноша въ первомъ офицерскомъ чинѣ видитъ одну свободу, въ первомъ орденѣ — свидѣтельство, что онъ достоинъ офицерскаго званія, въ первой взаимной любви — рай! Какъ я былъ счастливъ, получивъ за Фридландское сраженіе Анненскую саблю! Не знаю, чему бы я теперь такъ обрадовался. Тогда ордена были весьма рѣдки и давались только за отличіе. Покровителей у меня не было. Самъ Государь подписывалъ всѣ рескрипты, и я получилъ рескриптъ слѣдующаго содержания, которое въ первый день затвердилъ наизусть:

Господинъ Корнетъ Булгаринъ!

«Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ 1-го и 2-го Іюня (1807 года), гдѣ

вы, бывъ во всѣхъ атакахъ, поступали съ примѣрнымъ мужествомъ и рѣшительностью, жа-
 лую васъ орденомъ Св. Анны третьяго класса,
 коего знаки препровождая при семъ, повелѣваю
 возложить на себя и носить по установленію, бу-
 дущи увѣренъ, что сіе послужитъ вамъ поощре-
 ніемъ къ вѣщшему продолженію усердной служ-
 бы вашей.

Пребываю вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ».

Всѣ новые кавалеры собрались въ Мра-
 мориномъ Дворцѣ, и Шефъ нашъ, Его Вы-
 сочество Цесаревичъ, вручилъ каждому
 рескриптъ и орденъ, и каждыяго изъ насъ об-
 нялъ и поцѣловалъ, сказавъ на прощаньѣ:
 «Поздравляю, и желаю вамъ больше!»

Искренно радовались всѣ наградѣ Стар-
 жинскаго, получившаго въ поручичьемъ
 чинѣ Владиміра съ бантомъ. Это было
 тогда чрезвычайно рѣдкое, почти неслы-
 ханное событіе! Представленіе къ на-
 градѣ орденами отличившихся было намъ
 неизвѣстно, и мы получили награду не-
 ожиданно, сюрпризомъ. Всѣ мы были въ

восторгѣ, обнимались и цѣловались, и вышедъ изъ Мраморнаго Дворца, были въ такомъ расположеніи духа, что если бѣ намъ приказано было штурмовать сей-часъ Петропавловскую Крѣпость, мы бросились бы на картечи, не разсуждая ни полсекунды. Тогда были другіе нравы—и молодые люди не стыдились выказывать свой юношескій пламень и быть благодарными. Теперь мода повелѣваетъ казаться со всѣми холоднымъ и ко все-му равнодушнымъ. Теперь бѣльшею частію принимаютъ награду какъ должное; при полученіи, оглядываются на дру-гихъ, разсчитывая, кто долженъ былъ получить болѣе, а кто менѣе, и почита-ютъ неприличнымъ считать награду за милость и быть благодарными за внима-ніе. Мы жили въ нашей молодости не въ Англійскомъ духѣ и въ простотѣ чувствъ нашихъ радовались хорошему, были бла-годарны за добро, и если иногда ворча-

ли, то наше неудовольствіе было мимо-летное и проходило какъ облако, нагнанное вѣтромъ на свѣтлое небо. Обратимся къ современнымъ событіямъ.

Это была эпоха преобразованія, нововведеній и усовершеній въ Россіи; но, чтобъ не сбиваться въ повѣствованіи, я прежде расскажу о Финляндской Кампаніи, а потомъ сообщу, что знаю изъ тогдашняго времени, богатаго событіями и послѣдствіями.

У насъ существуютъ двѣ Исторіи Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, одна по-Русски: *Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морь, въ 1808 и 1809 годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное Генералъ-Лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, съ двадцатью планами и картами (Спб. 1841)*, другая по-Французски: *Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre*

la Russie et la Suède, par L. — G. C. P. de S*** (St. Pétersbourg, 1827). Сочиненіе это написано покойнымъ Генералъ-Лейтенантомъ Графомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленемъ, напечатано въ числѣ 250-ти экземпляровъ и не было никогда въ продажѣ, но роздано авторомъ пріятелямъ и знакомымъ въ Россіи и въ Швеціи. Оба сочиненія весьма важны. А. И. Михайловскій-Данилевскій написалъ Исторію по официальнымъ документамъ, забравъ притомъ всѣ необходимыя справки отъ участвовавшихъ въ войнѣ, и описалъ всѣ событія, въ общемъ составѣ, весьма вѣрно и притомъ занимательно. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ самъ дѣйствовалъ въ Финляндской Войнѣ и пользовался свѣдѣніями своего родителя, Инженеръ-Генерала Петра Корнилевича Сухтелеца, принимавшаго самое дѣятельное участіе во всѣхъ успѣшныхъ распоряженіяхъ во время этой войны, по военной

и дипломатической части. Кромѣ того, Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, посѣщая родителя своего въ Стокгольмѣ (когда онъ былъ Русскимъ Посланникомъ въ Швеціи), почерпалъ дополнителныя свѣдѣнія изъ Шведскихъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ и изустныхъ разсказовъ Шведскихъ высшихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ. Сочиненіе Графа П. П. Сухтелена особенно важно въ стратегическомъ отношеніи, потому что онъ самъ былъ отличный генералъ, и участвуя въ войнѣ, зналъ мѣстности края, а кромѣ того пользовался совѣтами знаменитаго своего родителя, бывшаго въ арміи первымъ лицомъ послѣ Главнокомандовавшаго. Желаютіе знать общій ходъ войны, распоряженія начальниковъ, успѣхи войскъ и описаніе битвъ на морѣ и на сушѣ, найдутъ все, что имъ нужно, въ двухъ упомянутыхъ сочиненіяхъ. Сочиненіе А. И.

Михайловскаго-Данилевскаго обширнѣе, полнѣе, и содержитъ въ себѣ множество весьма важныхъ и любопытныхъ извѣстій, которыя хотя могли быть извѣстны Графу П. П. Сухтелену, но въ то время еще не подлежали гласности. Около восемнадцати лѣтъ предъ симъ, написалъ я обширную статью, подъ заглавіемъ: *Завоеваніе Финляндіи корпусомъ Графа Николая Михайловича Каменскаго*. Это было первое сочиненіе на Русскомъ Языкѣ о незабвенныхъ подвигахъ Русскихъ въ Финляндіи. Къ этой статьѣ я присоединилъ тогда (см. Сочиненія Оаддея Булгарина, часть двѣнадцатая, Спб. въ тип. А. Смирдина. 1830) слѣдующее примѣчаніе: «Это краткое начертаніе войны составлено мною изъ *официальныхъ* бумагъ, которыя *понынѣ* не были напечатаны и изъ собственныхъ моихъ замѣчаній во время сей кампаніи, въ которой я имѣлъ счастіе участвовать.

При семъ я имѣлъ въ виду и сочиненіе Графа П. П. Сухтелена: Précis des évènements militaires des campagnes de '808 et 1809 en Finlande etc. *Подробностей, описанныхъ у меня, не находится въ этомъ сочиненіи, но оно послужило мнѣ руководствомъ при общемъ взглядѣ на происшествія.»* Это было напечатано при жизни Графа П. П. Сухтелена и семнадцатью годами прежде выхода въ свѣтъ Исторіи А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, слѣдовательно ни въ подражаніи, ни въ похищеніяхъ нельзя обвинять меня. Офиціальными документами снабжалъ меня, въ то время, Графъ А. А. Закревскій, бывшій во время Финляндской кампаніи адъютантомъ при Графѣ Каменскомъ. Ему посвящено мое описаніе подвиговъ корпуса Графа Каменскаго. Вводя эту статью въ мои Воспоминанія, я оставилъ сущность событій, но измѣнилъ изложеніе, прибавивъ воен-

ные анекдоты и характеристику замѣчательныхъ лицъ, присовокупивъ частности, которыя были бы неумѣстны въ историческомъ разсказѣ.

Финляндская Война, любопытная во всѣхъ отношеніяхъ, особенно занимательна подробностями, такъ сказать, частными случаями, потому что войско дѣйствовало небольшими отрядами, въ странѣ, единственной по своему мѣстополюженію, и въ этой войнѣ не одни генералы, но и фронтовые офицеры имѣли случаи выказать, не только свое мужество, но и военныя способности. Финляндская Война была практическая школа для военныхъ людей и, такъ сказать, горнило, въ которомъ закалились и душа и тѣло Русскаго воина, долженствовавшаго бороться и съ ожесточенными людьми, и съ яростными стихіями, и съ дикою мѣстностью. Только войну Французовъ въ Испаніи можно, въ нѣ-

которомъ отношеніи, сравнивать съ Финляндскою Войною; въ Испанской народной войнѣ, однако, Французы хотя и имѣли противу себя ожесточенный народъ и страдали сильно отъ зноя, но по крайней мѣрѣ находили вездѣ пристанища въ городахъ и селахъ, и были вездѣ въ превосходномъ числѣ. Мы же претерпѣвали въ Финляндіи и Африканскій зной, и стужу полюсовъ, страдали отъ голода, рѣдко (а солдаты почти никогда) отдыхали подъ крышей, дрались и съ храбрымъ войскомъ, и съ ожесточеннымъ народомъ, въ странѣ бѣдной, бесплодной, малонаселенной, почти непроходимой—и все преодолѣли терпѣніемъ и непреклоннымъ мужествомъ, отличающими Русскаго солдата. Финляндская Война—это блистательный эпизодъ въ Русской Исторіи, достойный имѣть своего Тацита и своего Гомера.

Не касаюсь вовсе политическихъ причинъ къ разрыву мира между Россіей и

Швеціей; изложенныхъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, въ его Описаніи Финляндской Войны. Явною причиною къ войнѣ было упорство Шведскаго Короля Густава IV къ соединенію съ Россією, Францією и Данією противу Англичанъ, и къ закрытію для нихъ гаваней, въ слѣдствіе обязательства, принятаго Императоромъ Александромъ по Тильзитскому трактату. Это офиціальная причина, объявленная въ манифестѣ. Но въ существѣ Россія должна была воспользоваться первымъ случаемъ къ пріобрѣтенію всей Финляндіи, для довершенія зданія, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Безъ Финляндіи Россія была неполною, какъ будто недостроенною. Не только Балтійское Море съ Ботническимъ Заливомъ, но даже Финскій Заливъ, при которомъ находится первый портъ и первая столица Имперіи, были не въ полной власти Россіи, и непреступный Свеаборгъ,

могущій прикрывать цѣлый флотъ, стоялъ, какъ грозное приведеніе, у вратъ Имперіи. Сухопутная наша граница была на разстояніи нѣсколькихъ усиленныхъ военныхъ переходовъ отъ столицы. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II уже былъ примѣръ, какой опасности можетъ подвергнуться столица при такомъ близкомъ разстояніи отъ рубежа Имперіи. Шведскій Король Густавъ III, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, воевавшей съ Турціею, объявилъ внезапно войну, и двинулъ флотъ и сухопутное войско противу Петербурга, среди лѣта, въ 1788 году. Для защиты столицы было не болѣе 14,000 человекъ войска. Если бъ Густавъ III былъ такой же отличный полководецъ, какъ литераторъ и музыкантъ, и если бъ имѣлъ болѣе силы въ характерѣ, то не раздробилъ бы своего войска для овладѣнія въ одно время Выбор-

гомъ , Кексгольмомъ , Нейшлотомъ и Вильманстрандомъ, умѣлъ бы усмирить бунтъ въ Финскомъ войскѣ, всею своею массою двинулся бы на Петербургъ усиленными переходами , и хотя бы не взялъ Петербурга, по надѣлалъ бы много хлопотъ, а при счастіи могъ бы даже овладѣть, на короткое время, столицею , изъ которой уже начали вывозить драгоценности. Въ началѣ царствованія Императора Александра случилось событіе, пропущенное безъ вниманія современниками, но сильно поразившее въ то время Государя, и припомнившее ему опасность близости столицы отъ рубежа Имперіи и обязанность довершить начатое Петромъ Великимъ. Въ 1803 году (въ годъ празднованія столѣтія Петербурга) Шведскій Король Густавъ-Адольфъ IV, недовольный миромъ Россіи съ Франціею, во время дипломатической переписки по этому предмету,

въ минуту гнѣва, велѣлъ пограничный мость, соединяющій Малый Аборфорсъ съ островомъ Германсари, и выкрашенный наполовину Русскимъ офиціальнымъ цвѣтомъ (бѣлою и черною красками съ красными полосками), а наполовину Шведскимъ цвѣтомъ (сѣрою краскою), весь выкрасить Шведскимъ цвѣтомъ. Русскій Посланникъ въ Стокгольмѣ, Баронъ Алопеусъ, подалъ Шведскому Правительству ноту, требуя немедленнаго возстановленія прежней границы. На эту ноту Шведское Правительство не только не отвѣчало удовлетворительно, но даже дало почувствовать, что Швеція имѣетъ право удержать не только эту черту, но что и за этою чертою права ея не потеряны. Императоръ Александръ повелѣлъ немедленно привести Кюменегородскую Крѣпость въ оборонительное состояніе, воздвигнуть укрѣпленія вдоль рѣки Кюмени, вооружить нашъ

гребной флотъ, и сухопутнымъ войскамъ двинуться на Шведскую границу. Это образумило Шведскаго Короля; и мостъ по-прежнему былъ выкрашенъ наполовину официальными красками обонхъ государствъ : — впечатлѣніе осталось, и Императоръ Александръ не могъ забыть опасности для столицы отъ этого близкаго сосѣдства.

Что съ этихъ поръ у насъ уже думали о Финляндіи, доказываетъ анекдотъ, рассказанный покойнымъ Графомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленемъ Николаю Ивановичу Гречу, а имъ сообщенный мнѣ. Около этого же времени отецъ Графа Павла Петровича, Графъ Петръ Корнилевичъ Сухтеленъ, Инженеръ-Генераль, пользовавшійся особенною милостью Императора Александра, почелъ себя оскорбленнымъ поступкомъ съ нимъ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ Государю, и пожаловался

Его Величеству. Государь выслушалъ милостиво Графа Сухтелена, но не желая выводить дѣла наружу, сказалъ ему ласково: «Брось это, Сухтеленъ!»—Но чѣмъ же это кончится, Государь! возразилъ Графъ.—«Посердишься и—забудешь,» отвѣчалъ Государь, шутя, и тѣмъ дѣло кончилось.—Вскорѣ послѣ этого прекратился споръ съ Швеціей за граничную черту; но какъ войску дано было повелѣніе двинуться, то Государь и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ укомплектовать его, привести въ военное положеніе и вооружить флотъ, для предосторожности не отъ Швеціи, а отъ Франціи, которой тогдашній правитель, Наполеонъ Бонапарте, будучи еще пожизненнымъ Консуломъ, сильно хозяйничалъ въ Западной Европѣ. Между Сѣверными Державами уже переговаривались о союзѣ, для удержація въ предѣлахъ честолюбія счастливаго полко-

водца, принявшаго бразды правленія во Франціи. Императоръ Александръ часто собиралъ въ своемъ кабинетѣ, для совѣщанія, людей, пользовавшихся Его довѣренностью, и въ одно изъ этихъ собраній, Государь, смотря на карту Европы и указывая на нашу старую границу съ Швеціею, обратился къ Графу Петру Корниліевичу Сухтелену, и сказалъ: «Гдѣ бы ты думалъ выгодиѣе было для обоихъ государствъ назначить границу?» Графъ Сухтеленъ, не говоря ни слова, взялъ со стола карандашъ и провелъ черту отъ Торнео къ Сѣверному Океану.— «Что ты это! Это ужъ слишкомъ много!» сказалъ Государь, улыбаясь. — «Ваше Величество требовали *выгодной* границы для обоихъ государствъ— и другой *выгодной* и безопасной черты нѣтъ и быть не можетъ,» возразилъ Графъ Сухтеленъ. — «Но вѣдь мой своякъ, Шведскій Король, разсердится,» сказалъ Го-

сударь, шутя. — «Посердитесь и забудеть,» отвѣчалъ Графъ Сухтеленъ, повторивъ при этомъ случаѣ отвѣтъ Государя, на жалобу его на одного изъ Его приближенныхъ. Государь погрозилаъ пальцемъ Графу Сухтелену, давъ этимъ почувствовать ему, что онъ понялъ примѣненіе, и тотъ разговоръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Очевидно, однако, что еще передъ Тильзитскимъ миромъ Императоръ Александръ уже помышлялъ объ утвержденіи Русской границы на большемъ разстояніи отъ Петербурга.

Тильзитскій миръ представилъ случай къ довершенію начатаго Петромъ Великимъ, и Императоръ Александръ долженъ былъ воспользоваться симъ единственнымъ случаемъ. Въ другое время Европейскія Державы, на основаніи такъ называемаго *Европейскаго равновѣсія* могли бы воспротивиться завоеванію Финляндіи — но тогда мечъ Наполеона,

брошенный на вѣсы политики, перевѣсилъ всѣ права и расчеты, и только двѣ Державы, Россія и Франція, имѣли голосъ на твердой землѣ Европы.— Не воспользоваться единственнымъ случаемъ, представившимся въ теченіе цѣлаго столѣтія, для блага Россіи, было бы болѣе, нежели неблагоразумно. Въ политикѣ *raison d'Etat* выше всѣхъ правилъ, которыми должны руководствоваться люди въ частныхъ между собою сношеніяхъ. Петръ Великій, какъ отецъ, плакалъ надъ заблужденіемъ сына своего, Алексѣя Петровича, намѣревавшагося испровергнуть всѣ великія его начинанія; но какъ государь долженъ былъ поступить съ нимъ строго и предать суду, на основаніи *raison d'Etat*. — Россія никогда не могла бы быть сильнымъ и неуязвимымъ Государствомъ, какимъ она теперь, если бъ не завоевала Крыма, не назначила рѣку Дунай границею съ Турціей, не

приобрѣла областей по Нѣманъ, и наконецъ, присоединеніемъ всей Финляндіи, не отдалила бы границы съ Швеціею до Торнео и не овладѣла всѣмъ Финскимъ Заливомъ, восточнымъ берегомъ Ботническаго Залива и Аландскими Островами. Всѣ эти завоеванія были *необходимостью* для утвержденія Россіи въ натуральныхъ ея границахъ. Это настоящее Шекспировское *быть или не быть* (to be or not to be)! Во многихъ отношеніяхъ приобрѣтеніе Финляндіи даже важнѣе другихъ завоеваній.

Кто въ Тильзитѣ рѣшилъ участь Финляндіи? Ужели Наполеонъ первый сдѣлалъ предложеніе Императору Александру приобрѣсть необходимую для Россіи область? Наполеонъ ненавидѣлъ Короля Густава-Адольфа IV, но едва ли онъ могъ сдѣлать предложеніе къ усиленію Россіи. Мнѣнія Европейскихъ политиковъ на этотъ счетъ различны. Какъ бы

то ни было, по въ Тильзитѣ рѣшено, что Финляндія должна принадлежать Россіи.

Началось, какъ водится, бумажною перестрѣлкой, дипломатическими нотами: но Шведскіи Король никакъ не хотѣлъ вѣрить, что Россія начнетъ войну, и не дѣлалъ ни какихъ приготовленій къ защитѣ Финляндіи. Съ нашей стороны не было также большихъ усилій. Когда Шведскіи Король не только не соглашался на союзъ съ Россіею и Даніею, но даже пересталъ отвѣчать на ноты Русскаго Двора, Императоръ Александръ повелѣлъ тремъ дивизіямъ: 5-й, Генерала Тучкова 1-го, 17-й, Графа Каменскаго (*) и 21-й, Князя Багратіона выступить изъ Эстляндской и Витебской Губерній къ

(*) Графъ Каменскій былъ въ отпуску, за болѣзнию, и дивизіею командовалъ Князь Горчаковъ 1.

границѣ Финляндской. Всего въ трехъ дивизіяхъ было до 24,000 человекъ съ нестроевыми. Всей кавалеріи было: Гродненскій Гусарскій (нынѣ Клястицкій) полкъ, Финляндскій Драгунскій, Лейбъ-Казачій (состоявшій тогда изъ двухъ эскадроновъ) и Казачій Лоцилина. — Пѣхотные полки были совершенно разстроены, послѣ послѣдней Прусской кампаніи (1806 и 1807 годовъ) и кромѣ того лишились множества людей отъ болѣзней (злокачественныхъ горячекъ), свирѣпствовавшихъ въ Литвѣ. Не успѣли обмундировать войско, ни снабдить амуницией и обозами. Войска двинулись съ зимнихъ квартиръ въ половинѣ Декабря, шли поспѣшно, и въ послѣднихъ числахъ Января уже были въ старой Финляндіи, въ окрестностяхъ Вильманстапта, Нейшлота и Фридрихсгама. Черезъ Петербургъ полки проходили ночью, чтобъ жители столицы не видали разстройства

войска. Вслѣдъ за полками посылали изъ Петербурга аммуницію, обмундировку и обувь. Въ старой Финляндіи полки преобразовали изъ трехъ—баталіонныхъ въ двухъ—баталіонные, оставляя кадры третьяго баталіона для укомплектованія рекрутами. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, что къ концу Января войско было одѣто, обуто, хорошо вооружено, полки преобразованы и готовы вступить въ сраженіе. Правда, въ полкахъ было много рекрутъ, но основаніе полковъ было твердое и состояло изъ старыхъ Суворовскихъ солдатъ и храбрецовъ, пріобрѣтшихъ опытность и привыкшихъ къ войнѣ, въ борьбѣ съ непобѣдимыми легионами Наполеона, въ 1805, 1806 и 1807 годахъ. Важно было то, что всѣ офицеры, за исключеніемъ весьма малаго числа, были уже знакомы съ пороховымъ дымомъ, и знали, что значитъ война и битвы. Словомъ, войско было превосходное.

Надлежало назначить главнокомандующаго. Графъ Буксгевденъ почиталъ себя обиженнымъ, что главное начальство надъ арміею, послѣ удаленія Фельдмаршала Каменскаго (въ 1806 году), утверждено было за Беннигсеномъ, младшимъ по производству въ чинъ и, такъ сказать, присвоившимъ себѣ высшую власть въ арміи. Графъ Буксгевденъ былъ тогда Военнымъ Губернаторомъ Остзейскихъ Губерній и жилъ въ Ригѣ. Его потребовали въ Петербургъ и назначили Корпуснымъ Командиромъ надъ тремя дивизіями, расположенными въ старой Финляндіи, съ полною властью Главнокомандующаго, по особой инструкціи, потому что тогда власть главнокомандующаго еще не была опредѣлена положительнымъ закономъ. Дежурнымъ Генераломъ назначенъ былъ Коновницынъ, Генераль — Квартирмейстеромъ Бергъ, а Инженеръ — Генераль Графъ

Петръ Корниліевичъ Сухтеленъ былъ опредѣленъ при Главнокомандующемъ въ родѣ помощника или совѣтника, безъ опредѣленнаго званія.

Графъ Буксгевденъ съ отличіемъ участвовалъ въ послѣдней войнѣ Россіи съ Швеціею, при Императрицѣ Екатеринѣ, и хотя впервые былъ назначенъ Главнокомандующимъ, но присутствіе въ войскѣ Графа Сухтелена, извѣстнаго своими глубокими стратегическими познаніями, высокимъ умомъ и твердымъ, а притомъ спокойнымъ характеромъ и необыкновеннымъ добродушіемъ, заставляло надѣяться, что недостающее Главнокомандующему пополнится качествами его помощника. Впрочемъ, храбрость и распорядительность Графа Буксгевдена, какъ корпуснаго начальника, не подлежали ни какому сомнѣнію, и выборъ его въ Главнокомандующіе не могъ стяжать ни какой критики. Это былъ одинъ изъ

отличенныхъ Суворовымъ генераловъ, которому и по заслугамъ, и по старшинству, и по лѣтамъ надлежало наконецъ командовать отдѣльно.

Стоитъ взглянуть на карту Финляндіи, чтобъ удостовѣриться въ трудности воевать въ этой странѣ. Только берегъ Ботническаго Залива, отъ Аландскихъ Острововъ до Улеборга, покрытъ небольшими равнинами и лугами, и имѣетъ хотя не многолюдные, но порядочные города. Если же провести прямую черту отъ Або до Улеборга, то вся Финляндія, на востокъ за этою чертою, состоитъ изъ безчисленнаго множества озеръ и скалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно высокихъ, какъ будто взгроможденныхъ одна на другую и вездѣ почти непроходимыхъ. Небольшія долины, между скалами, завалены булыжникомъ и обломками гранитныхъ скалъ, и пересѣкаемы быстрыми ручьями, а иногда и

рѣчками, соединяющими между собою озера. Нѣкоторыя долины заросли непроходимыми лѣсами. Во всей Финляндіи въ то время была только одна деревня, построенная такимъ образомъ, какъ строятся деревни въ Россіи и въ остальной Европѣ. Это деревня Лиминго, между Брагештатомъ и Улеаборгомъ, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, выстроенныхъ въ линію, по берегу рѣчки, впадающей въ Ботнической Заливъ. Всѣ поселеніе Финляндіи живутъ въ разбросанныхъ по долинамъ домахъ, въ мѣстахъ удобныхъ для земледѣлія и скотоводства. Мѣсто сборищъ народныхъ было обыкновенно при киркахъ, возлѣ которыхъ находится всегда нѣсколько строеній, дома пастора и кистера, шинокъ и нѣсколько домовъ, въ которыхъ помещались ремесленники. Господскія и казенныя офицерскія мызы (бостели) стоятъ уединенно, въ лучшихъ мѣстахъ.

Вездѣ дико и уныло. — На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ есть огромныя разстоянія, заросшія лѣсами и затопленныя болотами, непроходимыя лѣтомъ даже для туземцевъ. Вообще, въ лѣтнее время нѣтъ возможности многочисленному войску дѣйствовать внутри страны; но зимою, глубокіе снѣга покрываютъ все неровности земли, и превращаютъ замерзшія рѣки и озера въ обширныя и гладкія долины. Тогда открываются новыя пути для сообщеній по всей странѣ, и производится вся внутренняя торговля.

Шведскихъ и Финскихъ войскъ было тогда въ Финляндіи до 15,000 человекъ и до 4,000 милиціи (*vargering*), (*) и при всемъ войскѣ было только 800 конни-

(*) Здѣсь мимоходомъ припоминаю изыскателямъ происхожденія Варяговъ, что это Скандинавское прозваніе *вольныхъ воиновъ* и попынѣ существуетъ въ Швеціи.

ковъ.—7,000 человекъ находились въ крѣпости Свеаборгѣ, до 700 человекъ въ Свартгольмѣ, слѣдовательно для защиты края оставалось только 11,300 человекъ.—Шведскимъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ Генераль Клеркеръ, который, не имѣя предписаній отъ своего правительства, не могъ дѣлать ни какихъ приготовленій къ войнѣ, и войско было расположено на зимнихъ квартирахъ, на огромномъ пространствѣ.—Получивъ извѣстіе отъ Шведскаго Посла въ Петербургѣ, что Русскіе намѣреваются вступить въ Финляндію, Генераль Клеркеръ собралъ до 5,000 человекъ въ Тавастгузѣ, усилилъ пограничные посты и велѣлъ всѣмъ войскамъ собираться на назначенныхъ пунктахъ, запасаясь въ то же время провіантомъ и фуражемъ. Но ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи все еще не хотѣли вѣрить, что Русскіе начнутъ войну въ это суровое

время года, какъ вдругъ 8-го Февраля (1808 года), Русскіе вступили на тотъ самый мостъ, на Кюмени, за который возникъ споръ между двумя Державами, за пять лѣтъ предъ тѣмъ.

Первый изъ Русскихъ, заплатившій жизнию своею за пріобрѣтеніе для Россіи Финляндіи, былъ Финляндскаго Драгунскаго Полка Капитанъ Родзянко, бросившійся на мостъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Съ нимъ пало нѣсколько драгунъ—и этимъ открылась война.

Еще не было манифеста о войнѣ, и Главнокомандующій приглашалъ прокламаціями Шведское и Финское войско не сопротивляться, а жителей оставаться спокойными въ своихъ домахъ, утверждая, что Русскіе вошли въ Финляндію для ея защиты и спокойствія, обѣщая притомъ платить наличными деньгами за всѣ припасы для войска, соблюдать строгую дисциплину и уважать мѣстные за-

коны, учрежденія и Вѣру. Подъ рукою вѣрно было разглашать, что Русскія войска вступили въ Финляндію единственно для занятія береговъ, чтобъ воспрепятствовать вѣсадкѣ Англичапъ. Но ни прокламаціи наши, ни слухи не склонили Шведовъ и Фипповъ на нашу сторону, и Русское войско шло впередъ, выгоняя непріятельскіе отряды изъ занимаемыхъ ими постовъ. Главпокомандующій, съ главными силами, дивизіею Графа Каменскаго и отрядами другихъ дивизій, пошелъ отъ Аборфорса прямо на Гельсингфорсъ, чтобъ, занявъ его, отрѣзать Свеаборгъ. Князь Багратіонъ, съ отрядомъ до 5,000 человекъ, пошелъ внутрь края, на Тавастгузъ, а Тучковъ съ 3,000 человекъ въ самую восточную часть Финляндіи, провинцію Саволаксъ, для занятія Куопіо и Индесальми. Между тѣмъ, къ Шведскому войску прибылъ изъ Стокгольма Генераль Графъ Клингспоръ, и

принялъ надъ нимъ главное начальство. Клингспоръ, сосредоточивая свои силы, быстро отступалъ къ сѣверу, приближаясь къ морю. Его сильно преслѣдовали изъ внутренности края, отъ Тавастгуза, Князь Багратіонъ, а потомъ по морскому берегу Генераль Тучковъ 1, въ соединеніи съ Генераломъ Раевскимъ. Князю Багратіону предписано было остановиться, чтобъ заять огромное пространство края отъ Або до Вазы, и внутрь края до Тавастгуза, а Тучковъ съ Раевскимъ шли за Клингспоромъ, котораго знаменитый Кульневъ, будучи тогда Полковникомъ Гродненскаго Гусарскаго полка и командующимъ авангардомъ, преслѣдовалъ неутомимо, не давая покоя и отдыха. На всѣхъ пунктахъ были частыя стычки и арріергардныя дѣла, съ незначительною съ обѣихъ сторонъ потерею. Но если Шведы претерпѣвали нужду и трудности въ отступленіи, то Русскіе страдали

вдесятеро болѣе отъ тяжкихъ переходовъ и недостатка продовольствія. Изъ Петербурга высылаемы были запасы въ большомъ количествѣ, но, по недостатку подводъ, не могли поспѣвать въ пору. Стужа была сильная и снѣга глубокие. Наши передовыя войска шли на лыжахъ. Пушки и зарядные ящики везли на полозьяхъ. Дни и ночи надлежало проводить на снѣгу, въ морозъ и мятели—но Русскіе шли безъ ропота впередъ, изгоня Шведовъ штыками изъ всѣхъ ихъ позицій, и такимъ образомъ, въ концѣ Марта 1808 года, вся Финляндія, исключая Улеаборгской Области, была покорена и очищена отъ непріятельскихъ войскъ. Важнѣйшій пунктъ, Аландскіе Острова, заняты были, почти безъ сопротивленія, Маіоромъ Свиты Его Величества по Квартирмейстерской Части (нынѣ Генеральный Штабъ) Нейдгардтомъ, который съ партиєю казаковъ прогналъ слабыя Швед-

скія команды съ острововъ. Полковникъ Вунчъ занялъ острова, съ частью 25-го егерскаго полка. Свеаборгъ былъ осажденъ частью отряда Графа Каменскаго. Самъ Главнокомандующій находился, попеременно, то въ Гельсингфорсѣ, то въ Або. Въ Куопи, по выходѣ оттуда Гучкова 1-го, для преслѣдованія Клингспора, находился Генераль-Маіоръ Булатовъ, съ слабымъ отрядомъ. Оставалось только взять Свеаборгъ и прогнать Клингспора за Торнео, чтобъ кончить полное завоеваніе Финляндіи, и въ этомъ Графъ Буксгевденъ нисколько не сомнѣвался. Въ Петербургѣ и во всей Европѣ почитали Финляндію уже покоренною.

Должно замѣтить, что почти всѣ наши военныя неудачи происходили отъ нашей самонадѣянности. Будучи даже сильнѣе непріятеля, мы всегда вступаемъ въ дѣло съ меньшимъ противу него числомъ войска, надѣясь на храбрость и

стойкость Русскаго солдата. Это совершенно противно правиламъ Наполеона, который громилъ непріятеля большими массами и многочисленною артиллеріею. Военное его искусство состояло въ томъ, что имѣя даже менѣе войска, нежели непріятель, надлежало маневрировать такимъ образомъ, чтобъ сосредоточенными массами ударить неожиданно на слабую сторону непріятеля, или выманить его изъ крѣпкой позиціи, или заставить перемѣнить фронтъ. Мы почти всегда дрались начистоту, грудь противу груди! Однако, послѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, самая пылкая храбрость должна иногда уступить искусству. Какимъ образомъ, Графъ Буксгевденъ надѣялся опрокинуть, разбить и даже отрѣзать Клингспору ретираду отъ Улеборга, и принудить къ сдачѣ, когда у Клингспора было подъ ружьемъ до 13,000 человекъ, съ значительною артиллеріею, а у Геше-

рала Тучкова 1-го, высланнаго для его преслѣдованія, было всего (въ 21-й дивизіи и части 5-й, подъ начальствомъ Раевского) 4,600 человѣкъ, и когда въ отрядѣ Генерала Булатова, выступившаго изъ Куопіо внутренностью края, на Индесальми въ Улеаборгъ, для отрѣзанія Клингспора, было всего 1,500 человѣкъ (*)! Можно ли было навѣрное полагать, что наши 6,000 человѣкъ, утружденные тяжкими переходами и всякаго рода лишеніями, побьютъ и опрокинутъ 13,000 храбрыхъ солдатъ, защищающихъ послѣдніе предѣлы отечества! Но велѣно дѣйствовать, и Булатовъ выступилъ изъ Куопіо, оставивъ тамъ слабый отрядъ, и преслѣдуя Саволакскую бригаду Генерала Кронштедта, отступав-

(*) Два баталіона Пермскаго, одинъ баталіонъ Могилевскаго мушкетерскихъ полковъ, два взвода Гродненскихъ гусаръ, 50 казаковъ и 3 орудія.

шую передъ нимъ, прибылъ 12-го Апрѣля въ Револаксъ, нѣсколько впереди Брагештадта, только въ 18-ти верстахъ отъ Сикаюки, гдѣ находился авангардъ Кульнева. Корпусъ Тучкова стоялъ въ Шикаюки, а Клингспоръ, со всеми своими сосредоточенными силами, у Лимниго и Луміюки. Это мѣсто составляетъ крайнюю точку передъ Улеаборгомъ, и было послѣднимъ оплотомъ Шведовъ въ Финляндіи.

Здѣсь дѣла приняли совершенно другой оборотъ и разрушили все надежды Графа Буксгевдена.

Въ концѣ Марта, Тучковъ 1-й съ Раевскимъ начали наступательныя движенія отъ Гамле-Карлеби противу Клингспора, который отступалъ медленнѣе прежняго, ожидая прихода Саволакской бригады Крошtedта и присоединенія различныхъ командъ, слѣдовавшихъ къ нему съ тыла и боковыми путями. Кульневъ, разбивъ Шведскій арріергардъ у

Пикаіоки, сильнымъ патискомъ сбиль съ поля Клингспора у Брагештадта, принудивъ его отступить до Сикаіоки, гдѣ онъ остановился на позиціи, получивъ подкрѣпленія и поджидая Саволакской бригады Кронштедта. Полковникъ Адлеркрейцъ, занявшій мѣсто начальника главнаго штаба при Клингспорѣ, послѣ взятія въ плѣнъ, подъ Пикаіоки, Полковника Левенгельма, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ пробудить въ семидесяти-двухъ-лѣтнемъ Генералѣ Клингспорѣ уснувшую энергію и заставить его дать отпоръ Русскимъ, которыхъ смѣлость даже оскорбляла храбрыхъ Шведовъ, принужденныхъ непрерывно, отступать, съ первой встрѣчи съ непріателемъ. Клингспоръ, имѣя Королевское предписаніе избѣгать генеральнаго сраженія, не рѣшался послѣдовать совѣту Адлеркрейца, и собралъ на совѣтъ всѣхъ своихъ генераловъ и полковниковъ. Но пока они совѣ-

щались, нетерпѣливый Кульневъ завязалъ сраженіе. У Кульнева въ авангардѣ было всего три баталіона пѣхоты, два эскадрона Гродненскихъ гусаръ, триста Донскихъ Казаковъ и шесть орудій; но вѣря, что Шведы нигдѣ не будутъ держаться, и что стоитъ только напасть на нихъ быстро, чтобъ принудить къ ускоренію ихъ отступленія въ Швецію, Кульневъ, ободренный прежними успѣхами, повелъ атаку прямо на центръ Шведской позиціи, находившейся на высотѣ, между лѣсами, къ которымъ Шведское войско примыкало флангами. Удивляясь, что Шведы послѣ перваго натиска не отступаютъ, Кульневъ раздѣлилъ свой авангардъ на три части, и съ одною частью остался въ центрѣ, а двумъ другимъ велѣлъ обходить Шведскую позицію съ фланговъ. Шведскіе неопытные генералы, изжившіе вѣкъ свой старцы, уже подали голосъ къ отступленію; одинъ

лишь пылкій Адлеркрейцъ настаивалъ, что должно сражаться, и ручался за успѣхъ. Увидѣвъ ошибку Кульнева, онъ немедленно воспользовался ею, выдвинулъ сильную артиллерію противу нашего центра, засыпалъ нашъ слабый отрядъ ядрами и картечами, и потомъ съ свѣжимъ войскомъ бросился въ штыки, въ промежутки нашего разорваннаго фронта. Тутъ началась свалка. Наши солдаты мужественно сопротивлялись, но были подавлены многолюдствомъ непріателя, и принуждены отступить. Два отдѣленія авангарда, направленные въ обходъ, на фланги, едва спаслись, и Адлеркрейцъ могъ бы легко отрѣзать ихъ и вовсе истребить, если бъ Клингспоръ рѣшился ввести все свое войско въ дѣло. У насъ выбыло изъ фронта до 350-ти человѣкъ убитыми, ранеными и въ плѣнъ взятыми, что было весьма много, относительно малочисленности отряда. Гла-

вная же выгода Шведовъ состояла въ томъ, что этимъ сраженіемъ разрушилось очарованіе на счетъ нашей непобѣдимости.

Клингспоръ не остановился однако жъ въ Сикаіюки, и на другое утро отступилъ въ Лимиго, гдѣ собраны были его запасы продовольствія. Нашъ авангардъ занялъ Сикаіюки, и Тучковъ остановился, пославъ Булатову предписаніе идти не въ Улеаборгъ, но свернуть съ дороги и приблизиться къ главному отряду, чрезъ Револаксъ. Тогда Клингспоръ, слѣдуя совѣтамъ Адлеркрейца, вознамѣрился разбить отдѣльно наши слабые отряды, и выслалъ противу Булатова двѣ бригады, подъ начальствомъ Генерала Кронштедта и Адлеркрейца. Должно при этомъ замѣтить, что хотя Револаксъ, гдѣ стоялъ отрядъ Булатова, находится только въ 18-ти верстахъ отъ Сикаіюки, но на этомъ разстояніи не было ни какихъ по-

стовъ, и въ одномъ отрядѣ не знали, что дѣлалось въ другомъ. 15-го Апрѣля, съ утра, Шведы напали неожиданно на Булатова. Пока онъ удерживалъ натискъ Шведовъ, одинъ баталіонъ Пермскаго полка, сражавшійся противу Адлеркрейца на Луміокской дорогѣ, былъ опрокинутъ и отступилъ къ Сикаіюки, бросивъ бывшее при немъ орудіе, и не предупредивъ Булатова о своемъ отступленіи. (*) Оставшись съ горстью хра-

(*) Этотъ баталіонъ, который осуждали современники и осуждаютъ историки, и который въ свое время былъ наказанъ лишеніемъ различныхъ преимуществъ военнаго званія, въ существѣ провинился не трусостью, а неосмотрительностью и торопливостью командира. Булатовъ слишкомъ растянулъ свой слабый отрядъ, и когда Шведы, втрое сильнѣе, напали на Пермскій баталіонъ, стоявшій отдѣльно, была такая сильная мятежь, что нельзя было видѣть на три шага передъ собою. Баталіонъ отступилъ наудачу, и Шведы отрѣзали ему путь къ Булатову.

брецовъ, Булатовъ рѣшился драться до послѣдней капли крови, и явилъ чудеса храбрости. Раненый два раза, онъ отвѣчалъ гордо на предложеніе къ сдачѣ, что честь Русскаго солдата повелѣваетъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Отступленіе батальона Пермскаго полка облегчило непріятелю путь въ тылъ нашего отряда, и Булатовъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Онъ рѣшился пробиться штыками, но раненый въ третій разъ, пулею въ грудь навывлетъ, онъ упалъ безъ чувствъ, и взятъ былъ въ плѣнъ, съ остаткомъ неустрашимыхъ своихъ воиновъ, сражавшихся до истощенія послѣднихъ силъ. Шведы бросились опроретью на малую толпу Русскихъ, и въ рукопашномъ бою одолѣли

Такъ разсказывали мнѣ офицеры этого баталіона, бывшаго потомъ въ одномъ отрядѣ съ нашимъ эскадрономъ.

ихъ числомъ, или какъ говорится, разобрали нашихъ по рукамъ. Подъ Револаксомъ мы потеряли три орудія, девять зарядныхъ ящиковъ и до 500 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Отрядъ Булатова совершенно истребленъ. Шведы приняли храбраго Булатова и плѣнныхъ его сподвижниковъ съ уваженіемъ и почестію, отдавая полную справедливость ихъ геройскому мужеству.

Къ Булатову шелъ изъ Куопіо, по той же Индесальмской дорогѣ, Полковникъ Обуховъ, съ тремя ротами Могилевскаго пѣхотнаго полка и тремя орудіями, прикрывая огромный паркъ, обозы и транспортъ съ съѣстными припасами. Клингспоръ, послѣ пораженія Булатова, отрядилъ немедленно Полковника Сандельса, съ 3,000 человѣкъ и шестью орудіями, на Куопіоскую дорогу. Тучковъ послалъ къ Обухову разъѣзды и курьера, съ приказаніемъ возвратиться поспѣшно

въ Куопіо; по разѣзды, встрѣтивъ непріятеля, воротились, а курьера схватили Финскіе крестьяне, и представили къ Саудельсу. Обуховъ, не зная ничего о происшедшемъ, шелъ впередъ, и только въ Пулхило, въ пяти переходахъ отъ Револакса, узналъ, что противу него идутъ Шведы. Спасти было нельзя, и Обухъ рѣшился сражаться до послѣдняго. Саудельсъ присоединилъ къ своему отряду нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ, обошелъ и окружилъ малочисленный Русскій отрядъ, половину перебилъ, а другую половину взялъ въ плѣнъ, съ тяжело раненымъ Полковникомъ Обуховымъ. Одно орудіе брошено Русскими въ воду, а съ двумя орудіями Могилевскаго полка Штабсъ-Капитанъ Сербинъ успѣлъ уйти во время замѣшательства, и примкнулъ къ Тучкову.

Послѣ этихъ событій Тучковъ находился въ весьма опасномъ положеніи.

Имѣя всего не болѣе 5,000 человекъ подъ ружьемъ, онъ могъ быть обойденнымъ Клингспоромъ, которому, послѣ Револакской побѣды, открылся зимній путь на Виганди, въ тылъ нашей операціонной береговой линіи. Тучковъ началъ отступать, и 21-го Апрѣля прибылъ въ Гамле-Карлеби, прошедъ въ тылъ, безъ боя, болѣе 150-ти верстъ. Здѣсь Тучковъ остановился, но и Клингспоръ не могъ воспользоваться своимъ преимуществомъ, потому что въ это время наступилъ переломъ въ природѣ, во время котораго въ Финляндіи все должно уступить ея силѣ. Началась оттепель, предвѣстница весны, въ этомъ году весьма ранней. Снѣга стали быстро таять, и съ горъ хлынула вода, въ видѣ водопадовъ, долины превратились въ озера, ручьи въ огромныя и быстрыя рѣки, испровергая мосты и плотины. Финляндія представляла первобытній хаосъ. Всѣ дви-

женія войскъ должны были прекратиться, къ счастію отряда Тучкова—но нравственное чувство вспыхнуло въ Финскомъ народѣ. Во время двухмѣсячнаго отступленія Шведскихъ войскъ, народъ въ Финляндіи упалъ духомъ, и многіе Финскіе офицеры и солдаты уже намѣревались оставить Шведское войско и возвратиться въ свои семейства. Сельскіе жители не смѣли сопротивляться, почитая Русскихъ непобѣдимыми. Послѣ неудачи Кульнева подъ Сикаіоки, истребленія отрядовъ Булатова и Обухова и ретиреды Тучкова, Финляндія какъ будто воспрянула отъ волшебнаго сна. Клигспоръ разсѣвалъ прокламаціи Короля, приглашавшія Финновъ къ возстанію и истребленію непріятеля всѣми возможными средствами.—Бунтъ вспыхнулъ во всей Финляндіи и распространился внутри страны до Таммефорса и на востокъ во всей Саволакской Области и Ка-

релии, почти до Русской границы. Всѣ Финскіе поселяне отличные стрѣлки, и въ каждомъ домѣ были ружья и рогатины. Составились сильныя пѣшія и конныя толпы, которыя, подѣ предводительствомъ пасторовъ, ландмановъ (почти то же, что капитанъ - исправникъ) и Финскихъ офицеровъ и солдатъ (распущенныхъ по домамъ послѣ сдачи Свартгольма) нападали на слабыя Русскіе отряды, на госпитали, и умерщвляли немилосердно больныхъ и здоровыхъ. Разъяренная чернь свирѣцтовала! Множество транспортовъ, съ съѣстными припасами и аммуниціей, и магазины были разграблены. Возмущеніе было въ полной силѣ, и народная война кипѣла со всѣми своими ужасами.

Полковникъ Сандельсъ, отправленный Клингспоромъ въ Куопіо, шель съ торжествомъ тѣмъ самымъ путемъ, на которомъ, за нѣскольکو времени предъ симъ,

слѣдовали Булатовъ и Обуховъ, съ цѣлю отрѣзать Шведское войско отъ Улеборга и принудить его къ сдачѣ. Сандельса встрѣчали вездѣ съ энтузіасмомъ, и вооруженныя толпы охотниковъ присоединялись къ нему на каждомъ переходѣ. 30-го Апрѣля, слабый Русскій отрядъ, послѣ краткой перестрѣлки, оставивъ свой госпиталь, съ 250 больными, во власть Шведамъ, выступилъ изъ Куопіо. Сандельсъ двинулъ часть своего отряда впередъ, и Русскіе должны были уступить, не только Варкгаузъ, но даже Сантъ-Михель, почти пограничное мѣсто. Шведы рѣшительно торжествовали въ сѣверной и во всей восточной Финляндіи.

На морскомъ берегу, гдѣ находился самъ Главнокомандующій съ главными силами, важнѣйшее событіе было покорѣніе крѣпости Свеаборга, которую многіе писатели называютъ Сѣвернымъ Ги-

бралтаромъ (хотя безъ всякихъ основательныхъ причинъ), и крѣпости Свартгольма. Обѣ крѣпости, послѣ довольно продолжительной осады, сдались на капитуляцію. До появленія въ свѣтъ сочиненія А. И. Михайловскаго—Данилевскаго, писатели спорили между собою о причинахъ, побудившихъ Шведовъ сдать эти два важнѣйшіе пункта, особливо Свеаборгъ, передъ самою оттепелью, когда должно было ждать скорой помощи изъ Швеціи. Даже Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, въ Описаніи Финляндской Войны, оправдываетъ Шведовъ. Но А. И. Михайловскій—Данилевскій приподнялъ завѣсу, скрывавшую тайну. Свартгольмъ сдался 6-го Марта, а Свеаборгъ 21-го Апрѣля, А. И. Михайловскій—Данилевскій, на стр. 58, говоритъ: «Изъ переписки Графа Буксгевдена можно вывести догадки, что къ покоренію Свартгольма были употреблены такія же сред-

ства, какія и противу Свеаборга, но вѣрныхъ доказательствъ на то въ дѣлахъ не находится.» На представленіе Графа Буксгевдена къ награждѣ генераловъ и офицеровъ за взятіе Свеаборга, Военный Министръ Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ (отъ 29-го Юля): «Государь полагать изволить, что, при взятіи крѣпости, войска не столько участвовали, а успѣхъ приписывается единственно благоразумной предусмотрительности вашей.» (*) Дѣло хотя и не ясное, но довольно понятное. Душею переговоровъ съ Комендантомъ Свеаборга, Генераломъ Крошtedтомъ, былъ Инженеръ—Генералъ П. К. Сухтеленъ, и онъ склонилъ Шведскаго Генерала къ сдачѣ, убѣдивъ въ бесполезности обороны крѣпости, которой рано

(*) Описаніе Финляндской Войны въ 1808 и 1809 годахъ, соч. Ген.-Лейт. Михайловскаго Данишевскаго, стр. 109.

или поздно надлежало пасть отъ Русскаго оружія. Главнокомандующій получилъ за Свеаборгъ Георгія 2-го класса, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, надѣясь получить Георгія 1-го класса. Генералу Сухтелену дано Владиміра 1-го класса (*).

Миѣ кажется, что теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, не для чего спорить, какимъ образомъ взятъ былъ Свеаборгъ, почитавшійся неприступнымъ. Довольно,

(*) Военная добыча въ Свеаборгѣ была огромная. Кромѣ 7,503 человекъ плѣнныхъ, взято 58 мѣдныхъ пушекъ, 1,975 чугунныхъ, зарядовъ въ картузахъ 9,535, бочекъ пороха 3,000, ядеръ, бомбъ и гранатъ 340,000, ружей, карабиновъ и мушкетовъ 8,650, и множество благаго оружія, аммуниціи и запасовъ продовольствія; военныхъ судовъ, большею частію принадлежавшихъ къ гребному флоту, 110.— Съ этими средствами Русскіе оборонялись бы до послѣдняго человека, по крайней мѣрѣ годъ! Осаждавшихъ было не болѣе осажденныхъ.

что онъ взятъ и остался навсегда Русскимъ. Въ то время вообще говорили не только Шведы и Финны, но и наши офицеры, что Свеаборгъ взорвала «золотая бомба». Если бъ это было и справедливо, то не только не уменьшаетъ заслуги покорителей, а напротивъ увеличиваетъ заслугу, потому что сдача крѣпости на капитуляцію устранила кровопролитіе. Былъ ли одинъ народъ въ мірѣ, который бы предпочелъ взятіе крѣпости штурмомъ мирной ея сдачѣ? Въ войнѣ позволены всѣ средства къ пріобрѣтенію выгодъ, и всѣ главнокомандующіе пользовались всѣмъ, чѣмъ могли, чтобъ достигнуть своей цѣли безъ кровопролитія. Лазутчиковъ на войнѣ вѣшаютъ, а между тѣмъ употребляютъ, не стыдясь обращенія съ предателями, для блага войска и успѣховъ войны. Мнѣ кажется, что въ сдачѣ Свеаборга весьма важную ролью играли нелюбовь всѣхъ

высшихъ Шведскихъ чиновниковъ къ Королю, почти общее отвращеніе отъ войны и весьма вредная для государства система содержанія войска, по которой оно, вмѣсто жалованья, надѣляемо было казенными землями. Отъ генерала до простаго солдата, каждый имѣлъ свой участокъ по чину, и былъ сельскимъ хозяиномъ. — Въ увѣренности, что Швеція не можетъ противостоятъ Россіи и защитить отечество, Финскіе генералы, офицеры и солдаты неохотно сражались, когда Русскія прокламаціи обѣщали оставить за ними ихъ участки, т. е. мызы и хутора (бостели и торпы), гдѣ находились ихъ семейства. Временный энтузіасмъ въ Финляндіи былъ только метеоръ въ этомъ общемъ направленіи умовъ.

Въ доказательство нашего мнѣнія, что Императоръ Александръ давно помышлялъ о покореніи Финляндіи, и что

это завоеваніе почиталъ довершеніемъ великаго подвига безсмертнаго Петра, служить торжество, бывшее въ Петербургѣ, по случаю покоренія Свеаборга, который называли тогда ключемъ Финляндіи. Всѣ знатныя особы и иностранцы послы приглашены были въ Исакиевскій Соборъ, возлѣ котораго стояло подъ ружьемъ все войско, бывшее въ Петербургѣ. Въ 11 часовъ утра Государь Императоръ выѣхалъ верхомъ изъ Зимняго Дворца, а вся Императорская Фамилія прибыла въ каретахъ, и послѣ молебствія въ Исакиевскомъ Соборѣ, Государь поѣхалъ къ войску, а Императорская Фамилія помѣстилась на эстрадѣ, устроенной вокругъ монумента Петра Великаго, мимо котораго войско проходило церемоніальнымъ маршемъ, отдавая почести творцу новой Россіи, подвинувшему предѣлы ея до Балтійскаго Моря и помышлявшему о водвореніи ихъ

на Ботническомъ Заливѣ. — Скромный Александръ не хотѣлъ присвоить себѣ помысла своего великаго прапрадѣда, довольствуясь исполненіемъ.

Но когда въ Петербургѣ праздновали взятіе Свеаборга, и почитали всю Финляндію покоренною — дѣла наши были въ самомъ дурномъ положеніи. Исключая береговой части отъ Гамле-Карлеби внизъ до Русской границы, почти вся Финляндія находилась во власти Шведовъ. На Аландскихъ Островахъ составился заговоръ къ изгнанію Русскихъ. 24-го Апрѣля прибыли военныя суда съ отрядомъ войска изъ Швеціи, и пристали къ одному изъ ближнихъ къ Шведскимъ берегамъ острововъ. Въ одно время поднялись всѣ жители острововъ, кромѣ Кумлинга, гдѣ стоялъ Полковникъ Вуичъ съ главнымъ отрядомъ, и бросились на Русскихъ. На островахъ было по нѣскольку десятковъ Русскихъ

солдатъ, на иныхъ не болѣе двадцати. Нельзя было долго обороняться, и защищавшихся перебили, а спасавшихся въ лѣсахъ переловили. 26-го Апрѣля Шведскія суда прибыликъ Кумлингу, и начальникъ Шведскаго отряда требовалъ, чтобъ Вунчъ сдался въ плѣнъ, съ отрядомъ. Вунчъ соглашался оставить острова безъ боя, но объявилъ, что если Шведы не рѣшатся отпустить его съ оружіемъ, то онъ будетъ драться до послѣдней капли крови. Вунчъ пробовалъ переѣхать на твердую землю, на бывшихъ въ его распоряженіи лодкахъ, но попытка не удалась, потому что солдаты наши не умѣли управлять парусами, и онъ принужденъ былъ остаться. У него было всего на Кумлингѣ не болѣе 600 человекъ, противу которыхъ 3,000 Шведовъ и вооруженныхъ поселянъ вышли въ трехъ мѣстахъ на берегъ, съ 9-ю орудіями, и 28-го Апрѣля атаковали нашъ слабый отрядъ.

Нѣсколько часовъ наши дрались храбро, но картечные выстрѣлы разстроили Русскіе ряды, и наши егеря побѣжали въ безпорядкѣ въ деревню, преслѣдуемые Шведами и вооруженными крестьянами. Тутъ еще продолжался нѣсколько времени бой; наконецъ у нашихъ не стало патроновъ. Половина была перебита и перерана, и всѣхъ оставшихся въ живыхъ забрали Шведы въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Полковникомъ Вунчемъ. — Аландскіе Острова, имѣвшіе тогда до 12,000 пародонаселенія, легко покоренные нами, перешли въ руки Шведовъ.

11-го Апрѣля, Контръ-Адмиралъ Бодиско, съ отрядомъ въ 1,800 человекъ, занялъ островъ Готландъ, имѣющій въ длину 180 верстъ, 24 гавани или пристани и 33,000 жителей. Три недѣли Русскіе пробыли спокойно на островѣ, какъ вдругъ явился Шведскій флотъ въ пять линійныхъ кораблей, съ 5,000 Швед-

скаго войска и 20-ю полевыми орудіями. Всѣ жители острова, способные носить оружіе, возстали и рѣшились драться съ Русскими. Не было ни какой надежды къ защитѣ острова и отраженію Шведовъ, и собраный Контръ-Адмираломъ Бодиско военный совѣтъ согласился на предлагаемую Шведскимъ Адмираломъ капитуляцію. Русскій отрядъ, отдавъ Шведамъ оружіе, возвратился въ Россію, удержавъ свои знамена, и давъ обѣщаніе не служить годъ противу Шведовъ и ихъ союзниковъ.

Генерала Тучкова 1-го, за отступленіе отъ Пикаіюки и слабое дѣйствіе противу Графа Клингспера, Полковника Вуича, не защитившаго Аландскихъ Острововъ, и Контръ-Адмирала Бодиско за уступку, безъ боя, Готланда, отдали первыхъ двухъ подъ военное слѣдствіе, а послѣдняго подъ военный судъ. Первые двое были оправданы, а Бодиско разжалованъ

въ матросы, но вскорѣ помилованъ Государемъ Императоромъ, разсмотрѣвшимъ дѣло—и Бодиско, съ чиномъ, были возвращены ордена.

Кто былъ виноватъ во всѣхъ нашихъ неудачахъ? Въ первыхъ числахъ Апрѣля, по показанію А. И. Михайловскаго-Данилевскаго (писавшаго исторію войны по офиціальнымъ документамъ), всѣхъ войскъ въ Финляндіи было 23,000 человекъ. Изъ этого числа 9,054 человекъ, подъ начальствомъ Графа Каменскаго, стояли передъ Свеаборгомъ, занимая уступленные намъ острова, въ крѣпостцахъ Гангоудѣ и Свартгольмѣ, а 5,845 человекъ, подъ начальствомъ Князя Багратиона, расположены были на пространствѣ 500 верстъ, отъ Або до Вазы и Тавастгуза. Около 800 человекъ было на Аландскихъ Островахъ съ Вуичемъ, слѣдовательно, исключая большихъ, 15,000 человекъ были въ бездѣй-

ствіи, и Генераль Тучковъ 1, съ отрядомъ въ 6,000 человекъ (считая въ томъ числѣ отрядъ Булатова), долженъ былъ вытѣснить изъ Финляндіи Клингспора съ 13,000 регулярнаго войска и занять Улеаборгъ. Таково было предписаніе, данное Главнокомандующимъ Генералу Тучкову, и за неисполненіе предписанія онъ былъ лишенъ командованія отрядомъ, и отдакъ подъ военное слѣдствіе.

Графъ Буксгевденъ, какъ я уже сказалъ, былъ Суворовскіи генераль, т. е. помнилъ времена героическія. У Суворова не знали отговорокъ. Приказано — сдѣлай, или умри — умри, съ оружіемъ въ рукахъ!

Въ Австріи, Гофкригсратъ отдалъ бы подъ военный судъ Тучкова, еслибъ онъ дерзнулъ рѣшиться съ 6,000 человекъ отдалиться на огромное разстояніе отъ главной арміи, безъ всякихъ запасовъ, по непроходимымъ дорогамъ, съ намѣ-

решеніемъ разбить непріятельскій корпусъ въ 13,000 человекъ. Графъ Буксгевденъ вѣрилъ, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ и всѣ тогда вѣрили—и тѣмъ оправдывался Генераль Булатовъ, изъ плѣна, увѣряя, что если бы Пермскій батальонъ не оставилъ его, и самъ онъ не былъ тяжело раненъ, то онъ бы непременно разбилъ Шведовъ, подъ Револаксомъ, хотя они были втрое сильнѣе его.

Не знаю почему, но Графъ Буксгевденъ былъ убѣжденъ, что Графъ Клингспоръ не станетъ сопротивляться и отступить до Торнео, если только Генераль Тучковъ сильно будетъ напирать, и потому почиталъ Тучкова виновнымъ, что онъ допустилъ Шведовъ разбить отдельно Кульнева подъ Сикаіоки, Булатова подъ Револаксомъ и Обухова подъ Пулкило. Изъ переписки Графа Буксгевдена, находящейся у меня, видно, что

онъ до конца жизни оставался въ томъ убѣжденіи, что Тучковъ, съ своими соединенными 6,000, могъ и долженъ былъ вытѣснить Клингспора до Торнео. Но, по несчастью, надежда Буксгевдена не сбылась, и намъ надлежало снова покорять, а теперь уже и усмирять возмущившуюся Финляндію.

Графъ Буксгевденъ, поторопившись поздравить Государя Императора съ покореніемъ Финляндіи, долженъ былъ сознаться, что ошибся въ своемъ разчетѣ, и просилъ скорой и сильной помощи. Военный Губернаторъ старой Финляндіи, Генералъ Обрѣзковъ, послалъ поспѣшно два гарнизонные баталіона, которыхъ повезли, по приказанію Графа Буксгевдена, на почтовыхъ, къ защитѣ Нейшлота и Сентъ-Михеля, угрожаемымъ Сандельсомъ. Генералъ Барклай де-Толли выступилъ немедленно изъ старой Финляндіи, чрезъ Нейшлотъ, съ частью своей 6-й Ди-

визіи, т. е. полками: Низовскимъ, Азовскимъ, Ревельскимъ мушкетерскими и 3-мъ Егерскимъ (котораго Барклай де-Толли былъ прежде шефомъ), а изъ Петербурга высланы къ нему два батальона Лейбъ-Гренадерскаго полка, одинъ батальонъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго, рота Гвардейской пѣшей Артиллеріи, одинъ батальонъ Уланскаго Его Высочества Цесаревича полка и 300 Донскихъ казаковъ. Послѣ примкнули къ Барклаю отдѣленные изъ Свеаборгскаго отряда: Бѣлогородскій мушкетерскій полкъ и три эскадрона Финляндскаго Драгунскаго полка. Весь отрядъ Барклая де-Толли состоялъ изъ 7,500 рядовыхъ. Кромѣ того въ Финляндію выслано: 3,000 старыхъ солдатъ, изъ числа возвратившихся изъ Французскаго плѣна, которыхъ Наполеонъ одѣлъ на-ново, по-Русской формѣ, вооружилъ и послалъ въ Россію; 2,000 отличившихся рекрутъ и два полка Донскихъ ка-

заковъ. Такимъ образомъ въ Финляндію послана помощь въ 11,000 человекъ, и усиленная Русская армія, въ Маѣ, состояла изъ 34,000 фронтовыхъ.

Все случившееся до сихъ поръ въ Финляндіи представилъ я въ общемъ взглядѣ, какъ я слышалъ и какъ изобразили дѣла историки этой войны. Теперь стану рассказывать, что самъ видѣлъ и что узналъ въ то время на мѣстѣ, отъ товарищей. Въ рассказѣ моемъ буду соображаться съ общимъ ходомъ дѣлъ, и сообщу мои собственные приключенія и впечатлѣнія и мое нынѣшнее и тогдашнее мнѣніе о дѣлахъ и людяхъ.

II.

ВТОРОМУ БАТАЛІОНУ Уланскаго Его Высочества полка внезапно повелѣно выступить изъ Петербурга и присоединиться къ дивизіи Барклая де Толли. — Мы выступаемъ въ походъ. — Характеристика офицеровъ втораго баталіона Уланскаго Его Высочества полка. — Старинныя Донцы. — Мы соединяемся съ дивизіей Барклая де Толли. — Первая встрѣча съ Шведами подъ Юрасъ-Киркой. — Партизанская и народная война. — Взятіе Варкгауза. — Разбитіе Шведскаго арміергарда, послужившее намъ во вредъ. — Шведскіе партизаны стѣнвають у насъ подвижной магазинъ и истребляютъ понтонную роту. — Занятіе Куоно съ боя и отступленіе Шведовъ за озеро, въ крѣпкую позицію, при Тайвола. — Тогдашнее состояніе города Куоно. — Довольство среди общаго недостатка. — Даровой трактиръ для друзей и добрыхъ товарищей. — Веселая жизнь въ Куоно.

Мы не думали и не гадали о походѣ въ Финляндію. Эскадронъ нашъ стоялъ въ

Петергофъ, а я прїѣхалъ въ Петербургъ погостить. Захожу къ прїятелю моему поручику Фацу (Лейбъ-Эскадрона) и первое его слово было: «прощай братъ!»— «Развѣ ты уѣзжаешь куда нибудь?» спросилъ я—«Читай!» сказалъ онъ, подавая полковой приказъ.

«Второму батальону полка моего имени выступить чрезъ трое сутокъ, подъ начальствомъ Полковника Графа Гудовича, въ Финляндію, для поступленія въ дѣйствующую армію. »Подписалъ: «*Константинъ Цесаревичъ.*»

Сюрпризъ!—Захвативъ въ долгъ деньжонокъ у фамильнаго друга нашего Вакара (помѣщика и потомъ Губернскаго Прокурова Витебскѣй губерніи), я закупилъ нужнѣйшее для похода, простился съ сестрою и отправился въ эскадронъ. На третій день мы вступили въ Петербургъ, въ походной формѣ, переночевали, помѣстивъ лошадей въ Конногвар-

дейскомъ манежѣ, и съ утра стали переправляться чрезъ Неву, на мостовыхъ плашкоутахъ. Ледъ еще шелъ по Невѣ и мосты были сняты.

Второй батальонъ состоялъ изъ пяти эскадроновъ. Я имѣлъ честь служить въ 6-мъ эскадронѣ, полковаго командира Генераль - Маіора Чаликова, обыкновенно называвшемся командирскимъ. Нашъ добрый, храбрый и хлѣбосольный Ротмистръ Василій Харитиновичъ Щегловъ выщель въ отставку, послѣ Фридландской кампаніи, и эскадрономъ командовалъ Ротмистръ Кирцели. 7-мъ эскадрономъ командовалъ Ротмистръ Радуловичъ, 8-мъ Маіоръ Лореръ, 9-мъ Князь Маицеловъ, 10-мъ эскадрономъ, Полковника Графа Гудовича, командовалъ Ротмистръ Климовскій.

Ротмистръ Кирцели родился въ Россіи, но отецъ его былъ Италіянецъ, кажется камеръ-музыкантъ, едва ли не при Им-

ператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Нашъ Ротмистръ вступилъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и переведенъ въ нашъ полкъ, при его формированіи, изъ Тверскаго Драгунскаго полка, вмѣстѣ съ Генераломъ Егоромъ Ивановичемъ Миллеромъ-Закомельскимъ. Кирцели былъ уже человѣкъ не молодой, лѣтъ за сорокъ, и находился въ походахъ съ Суворовымъ, въ Польшѣ и въ Италиі. Нрава онъ былъ тихаго, вѣжливъ и чрезвычайно деликатенъ, но несообщителенъ и при этомъ экономенъ. Въ походѣ онъ жилъ отдѣльно, своимъ хозяйствомъ, и видѣлся съ офицерами только по службѣ. Въ эскадронѣ нашемъ были офицеры: поручикъ Каттерманъ, корнеты: Графъ Гудовичъ (Михайла Васильевичъ), я и Драголевскій. Поручикъ Каттерманъ служилъ прежде въ Фельдъегерскомъ Корпусѣ и находился при Особѣ Его Высочества. Женившись на богатой невѣстѣ, воспи-

тапицѣ Собакина-Яковлева, Кеттерманъ упросилъ Его Высочество опредѣлить его въ нашъ полкъ, предъ выступленіемъ полка въ Прусскую кампанію 1807 года. Человѣкъ онъ былъ храбрый и благородный, но мы съ нимъ какъ-то не сошлись. Онъ убитъ въ отечественную войну, подъ Бородинымъ. — Драголевскій, о которомъ я уже упоминалъ, былъ тогда лѣтъ пятидесяти, но сохранилъ всю свѣжесть и весь пламень юности. Онъ служилъ товарищемъ (рядовымъ изъ дворянъ) въ Польскомъ войскѣ, подъ начальствомъ Костюшки, и послѣ паденія Польши проживалъ въ Лембергѣ. Когда Его Высочества проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, Драголевскій явился къ нему, и просилъ принять его въ Русскую военную службу. Драголевскій былъ высокаго роста, отличный ѣздокъ, и Его Высочество взялъ его съ собою и опредѣлилъ унтеръ-офицеромъ въ Кошную Гвардію, потому что

Драголевскій не могъ представить документовъ о дворянствѣ. Драголевскій скоро обрусѣлъ, служилъ хорошо, и послѣ Аустерлицкой кампаніи Его Высочество представилъ его къ производству въ офицеры, въ нашъ полкъ, передъ кампаніей 1807 года, обмундировалъ и содержалъ на свой счетъ. Драголевскій давно уже умеръ, не оставивъ ни потомства, ни родни, и о немъ можно сказать, не запинаясь, что хотя онъ былъ добрый человекъ и исправный фронтовой офицеръ, но вовсе необразованный, почти дикій. Онъ сохранилъ всѣ старинныя привычки мелкой Польской шляхты и всѣ обычаи унтеръ-офицерской жизни. Драголевскій былъ намъ не товарищъ. — Во время похода, до Выборга, куда мы шли по-эскадронно, я квартировалъ всегда съ добрымъ, скромнымъ, тихимъ, образованнымъ и храбрымъ Графомъ М. В. Гудовичемъ. Онъ имѣлъ при себѣ повара, и

мы жили, по возможности, роскошно и притомъ дружно и весело.— Всѣ мои задушевные пріятели служили въ другихъ эскадронахъ, и если бъ не было Графа Гудовича въ нашемъ эскадронѣ, мнѣ было бы тяжело.

Командующій нашимъ баталіономъ Графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ, сынъ Фельдмаршала, былъ тогда молодъ. Онъ рано записанъ былъ въ службу, и рано произведенъ въ офицеры Императоромъ Павломъ Петровичемъ, покровительствовавшимъ всему роду Гудовичей, за безпредѣльную вѣрность и преданность одного Гудовича, дяди нашего Полковника, къ Высокому его Родителю Императору Петру III. Графъ Гудовичъ поступилъ въ нашъ полкъ изъ Конной Гвардіи. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ достоинства любезнаго свѣтскаго человѣка со всѣми похвальными качествами воина и просвѣщеннаго патріо-

та. Графъ получилъ высокое образованіе, любилъ литературу и все изящное; съ офицерами обходился онъ чрезвычайно вѣжливо, нѣжно, и только съ приближенными къ нему фамиліарно, и вмѣстѣ съ любовью внушалъ къ себѣ уваженіе. Его Высочество, который, при необыкновенномъ добродушіи, былъ чрезвычайно горячъ и вспыльчивъ, какъ всѣмъ извѣстно, обходился съ Графомъ Гудовичемъ весьма осторожно. Однимъ словомъ, Графъ Гудовичъ былъ образцовой Полковникъ не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ. Я пользовался особенною его благосклонностью, самъ не знаю за что, и онъ былъ всегдашнимъ моимъ защитникомъ. Добрый и благородный человекъ! Послѣ моей службы, я только однажды видѣлъ его, когда онъ, въ званіи Московскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Двадцать лѣтъ я соби-

*

рался навѣстить его въ Москвѣ, и не собрался!

Маіоръ Александръ Ивановичъ Лореръ, человекъ добрѣйшей души, умный, благородный, храбрый и притомъ самаго веселаго нрава, былъ любимъ въ полку всѣми, отъ нашего Шефа до послѣдняго солдата. Онъ также былъ ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ, отъ первой встрѣчи до конца своей жизни. Думалъ ли я тогда, что мнѣ придется писать біографію моего добраго Александра Ивановича! (*) Эти строки пишу я на принадлежавшемъ ему письменномъ столѣ, и изъ его чернилицы (**).— Александръ Ивановичъ Ло-

(*) Она помѣщена въ полномъ собраніи моихъ сочиненій.

(**) Супруга Александра Ивановича Лорера, урожденная Корсакова (Марія Ивановна), родная сестра Графини Коновницыной, одна изъ до-

реръ просилъ Графа Гудовича прикомандировать меня къ его эскадрону, на время кампаніи, но Графъ не рѣшился на это, безъ вѣдома Его Высочества, и я, оставшись въ командирскомъ эскадронѣ, обязанъ отказу Графа тѣмъ, что попалъ въ корпусъ Графа Каменскаго, завоевавшего Финляндію.

Ротмистръ Радуловичъ, родомъ изъ Сербовъ, старій воинъ, былъ въ походахъ съ Суворовымъ противу Турокъ, въ Польшѣ и въ Италиі. Радуловичъ былъ человекъ чрезвычайно добрый, простодушный, храбрый, отличный служака, и жилъ съ своими офицерами по-старинному, какъ нашъ Василій Харитоновичъ Щегловъ. У Радуловича всегда накрытъ былъ столъ для всѣхъ

бродѣтельнѣйшихъ женщинъ, какія только могутъ быть, послѣ смерти своего мужа подарилъ мнѣ его столъ и чернилицу.

его офицеровъ, и каждый гость принимаемъ былъ, какъ товарищъ. Мы называли старика Радуловича *баткой*, а онъ насъ звалъ *дѣтками*, и журилъ иногда порядкомъ. Князя Маивелова я мало зналъ, потому что наши эскадроны никогда не стояли вмѣстѣ. Знаю только, что онъ былъ храбрый и исправный эскадронный командиръ, и что офицеры его эскадрона любили его. Ротмистръ Климовскій былъ отличный служака, храбрый офицеръ и хорошій товарищъ.

Я уже говорилъ, что тогда въ кавалеріи дуэли или, какъ тогда говорили, *рубка на сабляхъ*, были въ обычаѣ или въ модѣ. Рубились за бездѣлицу, потомъ мирились, и не помнили ссоры. Каждый молодой офицеръ, вступивъ въ кругъ товарищей, долженъ былъ доказать свое удалство, и подраться на сабляхъ съ своимъ офицеромъ или чужеполчаниномъ.

Два первые рубаки были въ нашемъ баталіонѣ. Это были Поручикъ Лопатинскій и Корнетъ Чесновскій, добрые ребята, храбрые, умные, веселые и добродушные молодые люди. Обоихъ нѣтъ уже въ живыхъ! Мнѣ суждено было описать смерть Лопатинскаго, убитаго въ Финляндіи. Чесновскій перешелъ въ Вольнскій Уланскій полкъ, и умеръ отъ ранъ, въ Турецкую кампанію. Лопатинскій и Чесновскій соперничали между собою, и нѣсколько разъ рубились, съ перемѣннымъ счастьемъ. Оба были ранены, и Чесновскій даже довольно тяжело. Они имѣли родъ партій въ полку, но я, по какому-то особенному счастью, былъ друженъ съ обоими, и они до такой степени любили меня, что когда однажды *единственный* мой непріятель въ полку вызвалъ меня на пистолеты, Лопатинскій и Чесновскій объявили, что послѣ дуэли со мною, противникъ мой долженъ бу-

детъ стрѣляться съ каждымъ изъ нихъ, по-очередно, и тѣмъ заставили насъ помириться. Я тогда не умѣлъ стрѣлять изъ пистолета, и послѣ этого случая Чесновскіи сталъ обучать меня стрѣльбѣ, выучивъ прежде рубиться на сабляхъ. По тому ли, что я былъ очень молодъ (мнѣ былъ девятнадцатый годъ), или по моему безпечному характеру, веселому нраву, и по тому ли, что я былъ не вовсе глупъ, писалъ стишки про нашу полковую жизнь и былъ вѣрнымъ товарищемъ — я имѣлъ въ полку много пріятелей. Особенно дружно жилъ я съ корнетомъ Францкевичемъ, лихимъ уланомъ, въ полномъ смыслѣ слова, который теперь въ отставкѣ и помѣщикъ; съ корнетомъ Пенжержевскимъ (нынѣ Генералъ - Лейтенантъ и Кіевскіи Комендантъ), первымъ красавцемъ полка; поручикомъ Фащемъ, моимъ искреннимъ другомъ, который зналъ меня еще въ дѣтствѣ; съ Яковле-

вымъ, батальоннымъ адъютантомъ, съ корнетами Головиннымъ, Воейковымъ, богатыми и образованными молодыми людьми; съ добрымъ и храбрымъ Вульфомъ, который и теперь живъ и рассказываетъ по Петербургу на деревяшкѣ; съ Жеребцовымъ, умершимъ въ елѣдствіе раны, полученной подъ Фридрихсборгомъ; съ братьями Раевскими, съ поручикомъ Бесѣдниковымъ, отличнымъ товарищемъ и добрейшимъ малымъ; съ поручикомъ Ильинскимъ, съ которымъ мы любилась, какъ братья, однакожъ однажды и порубились; въ ладахъ былъ я со всѣми, исключая *одного*. Странное дѣло, но я вѣрю въ симпатію и антипатію! Этому человѣку я не сдѣлалъ никакого зла, и онъ мнѣ тоже, но при первомъ взглядѣ мы другъ другу не понравились. Да и за что мнѣ было тогда имѣть враговъ! Тогда я не былъ ни журналистомъ, ни критикомъ, не писалъ статей о правахъ, не зналъ,

какъ блюстители честности *благопріобрѣтаютъ* богатство, никому не стоялъ на дорогѣ, не задѣвалъ ни чьего самолюбія, не возбуждалъ ни въ комъ зависти! Пріятели, напротивъ, заставляли меня писать сатирическіе стишки на себя и на другихъ, и никто не только не гнѣвался, а всѣ хохотали и были довольны. Это было счастливое для меня время, и такъ бы протекла вся жизнь моя, если бъ судьба, за грѣхи мои, не бросила меня на литературное поприще. Если бъ мнѣ пришлось выбирать для дѣтей моихъ крайности, въ самомъ несчастномъ положеніи, я желалъ бы, чтобъ они были лучше всю жизнь простыми солдатами или земледѣльцами, чѣмъ самыми счастливыми писателями, особенно журналистами! Кто хочетъ узнать вкусъ *желчи съ уксусомъ* — милости просимъ къ намъ, подъ знамена Аполлона! Для того только я и пишу мои *Воспоминанія*, чтобъ

утѣшиться прошлою военною жизнью. И такъ, обратимся къ ней.

Отъ Выборга пошли мы цѣлымъ баталіономъ, и по сю сторону Сентъ-Михеля, уже въ предѣлахъ новой Финляндіи, сошлись съ пѣхотой, высланной вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга, т. е. съ баталіономъ Лейбъ-Егерскимъ, которымъ командовалъ полковникъ Потемкинъ (умершій въ чинѣ Генерала отъ Инфантеріи и въ званіи Генералъ-Адъютанта), двумя баталіонами Лейбъ-Гренадерскаго полка (тогда еще не гвардейскаго) и одной ротой пѣшей Гвардейской Артиллеріи. Начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ Генералъ-Маіоръ и командиръ Лейбъ-Гренадерскаго полка Лобановъ. Перешедъ старую границу (въ концѣ мая), мы останавливались уже на бивакахъ, держали разъѣзды и пикеты, и принявъ вправо отъ Сентъ-Михеля, соединились, по близости Юкосъ-Кірки, съ корпусомъ

Барклай де Толли, вступившаго въ одно время съ нами въ новую Финляндію, съ двухъ пунктовъ: Нейшлота и Вильманстранда. Эскадронъ Маіора Лорера съ пятьюдесятью Донскими Казаками, подъ начальствомъ Сотника Нестерова, пошелъ впередъ по Куопіоской дорогѣ, передъ авангардомъ, для открытія непріятели. Корпусъ слѣдовалъ за авангардомъ, отрядами.

Никогда не забуду сотника Нестерова, потому что въ жизни моей не видалъ такихъ длинныхъ усовъ, какъ у него, и такой скинской фізіономіи. Усы у Нестерова достигали до пояса, а брови висѣли до половины лица. Изъ этой волосяной заросли торчалъ огромный ястребиный носъ, сіяли маленькіе глаза, какъ звѣзды въ туманѣ, и блестѣли бѣлые, какъ снѣгъ, зубы. Нестеровъ искусень былъ во всѣхъ наѣздничьихъ продѣлкахъ, поднималъ, на всемъ лошадиномъ скаку, малую мо-

пету съ земли, подвертывался подъ брюхо лошади и въ то же время стрѣлялъ изъ винтовки, вскакивалъ съ одного размаха на лошадь, и т. п. Это былъ старинный Донецъ, какіе стали уже выводиться въ Донскомъ Войскѣ. Эскадронъ Лорера шелъ по-взводно, по три съ права, а казаки Нестерова шли версты за двѣ впереди, въ разсыпную, и по приказанію своего сотника, обыскивали каждое жилище и забирали все съѣстное. Нашъ эскадронъ шелъ въ авангардѣ, верстахъ въ двухъ за эскадрономъ Лорера, и Нестеровъ снабжалъ офицеровъ обоихъ эскадроновъ съѣстнымъ. Онъ особенно подружился съ нашимъ Драголевскимъ, по сходству вкусовъ и характеровъ — и фляжка Драголевскаго всегда наполнялась къ вечеру приношеніемъ Нестерова. Передъ нами все было пусто, и дома были покинуты жителями; но казаки, по инстинкту, отыскивали въ лѣсахъ и доли-

нахъ, между холмами, обитаемыя жилища. Когда у насъ не было съѣстнаго, Маіоръ Лореръ обращался къ Несторову; тотъ кричалъ своимъ казакамъ: «рябята, впередъ, пошевели!» и часа чрезъ два, казаки возвращались съ боченками водки, съ лепешками (кнакебре), съ банами, а иногда пригопяли коровъ. Несторова называли мы провіантмейстеромъ авангарда.

Отъ Юкоса начали раздаваться неприятельскіе выстрѣлы. Мѣткіе Саволакскіе стрѣлки высланы были впередъ начальникомъ Шведскаго отряда, Полковникомъ Сандельсомъ, чтобъ обезпокоивать насъ на походѣ. Эти стрѣлки, зная мѣстность, пользовались ею, и отступая передъ нами на большой дорогѣ, высылали малыя партіи застрѣльщиковъ по сторонамъ, гдѣ только можно было вредить намъ, укрывшись за камнями или въ лѣсу. Нельзя было своротить въ сторону на сто

шаговъ събольшой дороги, чтобъ не подвергнуться выстрѣламъ, и это затрудняло насъ въ разѣздахъ, и препятствовало распознавать мѣстоположеніе.

Саволакскіе стрѣлки, самые опасные наши непріатели въ этой неприступной странѣ, были крестьяне лѣсистой и болотистой области Саволакса, прилегающей къ огромному озеру Калавеси (*). Они были одѣты въ сѣрыя брюки и куртки толстаго сукна, и имѣли круглыя шляпы. Аммуниція ихъ была изъ простой черной сапожной кожи. Въ мирное время эти стрѣлки жили по домамъ своимъ, занимались хлѣбопашествомъ, рыболов-

(*) Знаю, что пишу неправильно, но долженъ слѣдовать за нашими историками. *Веси* по-Фински значитъ большая масса воды, то же, что *лрви*, озеро, слѣдовательно вездѣ, гдѣ прозваніе соединено съ *веси* и *лрви*, надобно пропускать ихъ и писать *озеро*, присовокупляя его прозваніе.

ствомъ и звѣринными промыслами, и собирались ежегодно на нѣскольکو недѣль, на ученье. Они дорожили ружейнымъ зарядомъ, и рѣдко пускали пулю на удающую. Изъ Саволакскихъ поселянъ былъ одинъ батальонъ регулярныхъ егерей, а прочіе составляли милицію, то же, что нынѣ ландверы въ Пруссіи. Всѣ они дрались храбро, и были чрезвычайно ожесточены противу Русскихъ.

Полковникъ Сандельсъ, съ 2000 регулярнаго войска и почти такимъ же числомъ вооруженныхъ крестьянъ, укрѣпилъ позицію подъ Юронсъ-Киркой. Въ десяти верстахъ передъ этимъ селеніемъ (если можно назвать селеніемъ нѣскольکو домовъ возлѣ кирки) сходятся двѣ большія дороги въ Куопію, главный городъ Саволакса, изъ Нейшлота и изъ Борго. Между озеромъ Калавеси и другимъ небольшимъ озеромъ, верстахъ въ трехъ отъ перваго, по перешейку, отъ

одного берега къ другому, Сандельсъ провелъ шанцы и подѣлалъ засѣки. Позиція была неприступная, и Сандельсъ думалъ, что она намъ дорого будетъ стоить.

Сообщу, кстатн, анекдотъ о Нестеровѣ, характеризующій тогдашнихъ казаковъ. Приближаясь къ Шведской позиціи, Маіоръ Лореръ запретилъ казакамъ разсыпаться на далекое разстояніе, и велѣлъ имъ придерживатьея большой дороги. Спускаясь съ пригорка, Маіоръ Лореръ замѣтилъ, что толпа казаковъ слѣзла съ лошадей и чѣмъ-то занималась въ сторонѣ, шагахъ въ двадцати отъ дороги. Онъ думалъ, что вѣрно казаки потрошатъ барановъ, и поскакалъ къ нимъ, чтобъ погнать Донцевъ впередъ. И что же увидѣлъ Лореръ? Человѣкъ десять Саволакскихъ егерей, которыхъ нагнали и забрали казаки, лежали раздѣтые въ ямѣ, а казаки, стоя въ кружокъ, кололи

ихъ пиками... Нестеровъ сидѣлъ на лошади, смотрѣлъ спокойно на эту ужасную сцену, и снявъ шапку, приговаривалъ: «слава-те Господи! Погубили враговъ Бѣлаго Царя! Туда и всѣмъ имъ дорога!...» Добрый Лореръ вышелъ изъ себя... Досталось порядкомъ усатому Нестерову — но несчастные погибли... Съ этихъ поръ Маіоръ Лореръ отдалъ казаковъ и съ Нестеровымъ подъ начальство нашему офицеру. Не оправдывая поступка Нестерова, должно замѣтить, что взбунтованные крестьяне такъ же звѣрски умерщвляли нашихъ солдатъ, захвативъ ихъ врасплохъ. Нестеровъ думалъ, что должно платить тою же монетою — и не могъ постигнуть челоуѣколюбія Лорера. — «Баловство!» говорилъ Нестеровъ, покручивая свои богатырскіе усы.

2-го Іюня мы пришли къ Іоронсъ-Киркѣ, и встрѣчены были пушечными выстрѣлами изъ орудій большого кали-

бра. Въ нашемъ корпусѣ находилось нѣсколько офицеровъ, уже бывшихъ въ этой странѣ, до взятія Куопіо Сандельсомъ, и они сказали Барклаю де Толли, что можно обойти малое озеро, на правомъ флангѣ Шведской позиціи. Барклай де Толли послалъ отрядъ въ обходъ, съ того мѣста, гдѣ соединяются дороги Нейшлотская и Боргоская, и когда по его разсчету обходъ долженъ былъ поравняться съ Шведскою позиціею, приказалъ атаковать шанцы съ фронта. Наша пѣхота, съ крикомъ ура, бросилась на шанцы и засѣки— и Шведы не устояли.. Они собрались на возвышеніи, за киркой, удерживая нашъ натискъ пушечными выстрѣлами ; но увидѣвъ нашъ обходный отрядъ за озеромъ, начали отступать. Мы бросились на цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, прикрывавшихъ ретираду, перерѣзали цѣпь, и взяли десятка два въ плѣнъ.

Сильно преслѣдовали мы Шведовъ, пока лѣсная позиція не обезпечила ихъ отступленія.

На каждомъ шагу намъ представлялись новыя препятствія, а Шведамъ новыя средства къ защитѣ своей и къ нашему вреду. Превосходство нашей численной силы было намъ даже въ тягость, въ странѣ, гдѣ нельзя было иначе дѣйствовать, какъ малыми отрядами или сжато, узкимъ фронтомъ. Дорога шла между лѣсами, болотами и оврагами, и была пересѣкаема множествомъ ручьевъ. Сандельсъ, въ своемъ отступленіи, жегъ мосты, перекапывалъ дороги, заваливалъ ихъ засѣками, и, какъ стаей хищныхъ птицъ, окружилъ нашъ корпусъ вооруженными крестьянами и партіями Саволакскихъ стрѣлковъ, знавшими всѣ тропинки. Между Горонсъ-Кпркой и Куопіо находится селеніе, въ родѣ Польскихъ мѣстечекъ, Варкгаузъ, съ кир-

койи двумяли тремя десятками домовъ, съ лавками, въ которыхъ торговали всеми товарами, необходимыми для помещиковъ и крестьянъ. Положеніе Варкгауза на берегу рѣки и обширнаго озера Калавеси, по близости Русской границы (Нейшлота), въ странѣ безгородной, дѣлало его важнымъ торговымъ пунктомъ для областей Саволакса и Карелии. Тутъ были наши магазины продовольствія, до взятія Куопіо Сандельсомъ, который, по отступленіи Русскихъ, укрѣпилъ Варкгаузъ батареями, вооружилъ ихъ орудіями большаго калибра, и дополнилъ магазины съѣстными припасами. Варкгаузъ казался небольшою крѣпостцею. Здѣсь Сандельсъ вознамѣрился дать намъ отпоръ. Братъ приступомъ это укрѣпленное мѣсто было бы безразсудно, не испытавъ другихъ средствъ, и потому Барклай де Толли, поставивъ войско параллельно противу Варкгауза, и

устроивъ предъ фронтомъ батареи, выслалъ сильный отрядъ въ обходъ, на правый флангъ Сандельса, угрожая отрѣзать его отъ Куопіо, и тѣмъ принудилъ его отступить. Загвоздивъ нѣсколько пушекъ большаго калибра, Сандельсъ истребилъ хлѣбъ въ магазинахъ, взявъ съ собою и уложивъ на лодки все, что можно было взять, разобралъ деревянные казармы, и двинулся къ Куопіо. Съ арріергардомъ его завязалось жаркое дѣло, и Шведы сильно сопротивлялись, пока всѣ ихъ обозы не вытянулись на большую дорогу. Мы шли по пятамъ Сандельса, не давая ему ни покоя, ни отдыха, и на половинѣ дороги отъ Варкгауза до Куопіо снова настигли его арріергардъ, разбили въ пухъ, и часть отрѣзали. Побѣда эта принесла намъ горькіе плоды. Отрѣзанные отъ главнаго отряда Шведы бросились въ лѣса, и ушли отъ нашего преслѣдованія, а послѣ,

какъ мы увидимъ, надѣлали намъ много зла.

Куопіо, столица Саволакса и (Карелии (въ 460 верстахъ отъ Петербурга) единственное мѣсто во всей Сѣверной и Восточной Финляндіи, которое можно назвать городомъ. Онъ состоялъ въ то время изъ огромной площади, на которой была каменная кирка, съ кладбищемъ, и нѣсколькихъ примыкающихъ къ площади широкихъ улицъ, застроенныхъ порядочными деревянными домами, выкрашенными, по тамошнему обычаю, красною водяною краскою. Всѣхъ жителей въ Куопіо было до двухъ тысячъ душъ. Городъ лежитъ на мысѣ, далеко входящемъ въ озеро Калавеси. Сандельсъ укрѣпилъ перешеекъ шапцами и батареями, рѣшившись защищать Куопіо.

Но пока мы побѣдителями подступали къ Куопіо, Сандельсъ нанесъ намъ

вредъ, стоившій пораженія. За нашимъ корпусомъ слѣдовалъ огромный подвижный магазинъ съ мукою, овсомъ, солью и хлѣбнымъ виномъ. Тутъ была жизнь наша, потому что въ странѣ, особенно на походѣ, невозможно было прокормиться. При магазинѣ находилась понтонная рота Маіора Дитрикса. Сандельсъ выслалъ нѣсколько офицеровъ въ тылъ нашего корпуса, для предводительства вооруженными поселянами и для собранія солдатъ, отрѣзанныхъ отъ арріергарда, приказавъ имъ тревожить насъ непрерывно и наносить зло, по возможности. Эти толпы напали въ распахъ, подъ начальствомъ Шведскихъ офицеровъ, на нашъ подвижной магазинъ и на понтонную роту, перебили почти всѣхъ нашихъ солдатъ, сожгли понтоны и все, чего не могли взять съ собою, увели лучшихъ лошадей, а 400 остальнымъ подрѣзали жилы у перед-

нихъ ногъ, подъ колѣнями. Это отзывалось уже Испаніей !

Шведы мужественно защищали входъ въ Куопіо. Около пяти часовъ сряду кипѣлъ жаркій бой на всей линіи. Наконецъ наши вытѣснили Шведовъ штыками изъ шанцевъ, и вошли въ городъ. Но Сандельсъ, защищая перешеекъ, успѣлъ поревезть на противоположный берегъ озера Калавеси всю свою артиллерию, багажи, и посадить на лодки большую часть войска. Арріергардъ его сѣлъ на лодки въ нашихъ глазахъ — и мы отрѣзали и взяли въ плѣнъ только послѣднихъ застрѣльщиковъ. Это было 7-го Іюня.

Отъ 2-го до 7-го Іюня включительно, т. е. отъ первой встрѣчи съ Шведами подъ Іоронсъ-Киркой до вступленія въ Куопіо, пять сутокъ сряду, корпусъ Барк-лая-де-Толли былъ въ непрерывномъ сраженіи, преодолевая величайшія труд-

ности на пути, починая или устроивая безпрестанно мосты, паромы и дороги, вытѣсняя непріятеля изъ укрѣпленій и засѣкъ, и подвергаясь беззащитно смерти отъ пуль партизановъ, окружавшихъ нашъ корпусъ днемъ и ночью.

Истребленіе нашего подвижнаго магазина и поптонной роты Дитрихса, и многочисленность шаекъ возмутившихся крестьянъ, бродившихъ вокругъ насъ, заставили Баркляя-де-Толли привести въ безопасность наше сообщеніе съ старою Русскою границей. Нѣсколько батальоновъ пѣхоты и три эскадрона нашего полка заняли посты отъ Куопіо до Нейшлота и Сентъ-Михеля. Нашъ командирскій эскадронъ и эскадронъ Князя Магвелова остались въ городѣ, и расположились по взводно и по полувзводно въ нѣсколькихъ домахъ.

Почти всѣ жители оставили городъ, и дома были пусты. Въ городѣ не было

никакого мѣстнаго управленія. Дивизионному дежурному штабъ-офицеру Маіору Воейкову поручено было управленіе города. Маіоръ Герике занималъ должность плацъ-маіора и полиціимейстера. Офицерамъ нашего полка и начальникамъ полковъ позволено было занять квартиры въ городѣ, гдѣ кому было угодно. Войско, исключая прикрытія Главной Квартиры, стало на бивакахъ, за городомъ.

По какому-то особенному счастью, я и пріятель мой Корнетъ Францкевичъ заняли домъ въ уединенной улицѣ, котораго хозяйка, почтенная старушка, не рѣшилась оставить своего пепелища. Она имѣла лавку внутри города, въ которой торговала, по Шведскому обычаю, *всѣмъ*, отъ кофе и сахара до дегтя и веревокъ. Два ея сына ушли изъ города, вмѣстѣ съ другими жителями, ожесточенными противъ Русскихъ, и увезли на другую сторону озера товары. Старушка осталась

•

охранять домъ. Онъ былъ весьма хорошо меблированъ, разумѣется относительно бѣдности края, и былъ полонъ всякаго рода запасами. По праву завоевателей, мы взяли всѣ ключи отъ хозяйки, осмотрѣли всѣ уголки дома, отъ погреба до чердака, списали все съѣстное и всѣ напитки, велѣли снести въ одно мѣсто все относящееся къ продовольствію, и оставили ключи отъ этихъ сокровищъ у себя, а отъ всего имущества отдали ключи хозяйкѣ, разумѣется, не прикоснувшись ни къ чему. По городу объявлено было оставшимся жителямъ, что они должны снабжать постояльцевъ съѣстными приписами, слѣдовательно, мы не нарушили военной дисциплины.

При хозяйкѣ оставался работникъ, кухарка и служанка. Кухарка должна была варить кушанье для насъ, для своей хозяйки и для всей нашей прислуги, и чего она не успѣвала стряпать, то изгото-

влялъ ординарецъ Францкевича, бывшій передъ службой поваромъ. Выдавалъ съѣстные припасы Францкевичъ, принявшій на себя управленіе хозяйствомъ. Не доставало въ домѣ мяса, потому что мы не хотѣли убивать коровъ хозяйки, но какъ въ лагерѣ войско должно было само промыслять съѣстные припасы и мы выслали улапъ на фуражировку, то и въ мясѣ у насъ не было недостатка. Мы жили роскошно, имѣли по нѣскольку блюдъ за обѣдомъ и за ужиномъ, весьма хорошее вино, кофе и даже варенье для десерта.

Только шесть домовъ во всемъ городѣ имѣли подобные запасы, и, по особенному случаю, самый богатый домъ достался двумъ корнетамъ! Была попытка отнять у насъ квартиру, но Барклай-де-Толли, по представленію Воейкова, не допустилъ до того. — «Военное счастье,» сказалъ онъ, улыбувшись: «пусть пользуются!»

Но не одни мы пользовались. Всѣ наши товарищи, пріятели и хорошіе знакомые, наравнѣ съ нами, наслаждались нашимъ изобиліемъ. Я уже сказывалъ, что нашъ полкъ жилъ въ пріязни съ гвардейскими егерями, а я особенно былъ въ дружбѣ съ батальоннымъ адъютантомъ, Княземъ Голицынымъ, съ Поручикомъ Княземъ Черкасскимъ и съ Прапорщикомъ Репнинскимъ (умершимъ въ генеральскомъ чинѣ). Они почти жили у насъ въ Куопіо. Кромѣ ихъ, посѣщали насъ почти всѣ офицеры ихъ батальона. Памятиѣе всѣхъ для меня поэтъ Батюшковъ и другъ его Поручикъ Петинъ. Всѣ эти молодые офицеры были люди образованные, и насъ связывала, главнѣйше, любовь къ литературѣ. Въ Ревельскомъ, въ Низовскомъ и въ 3-мъ Егерскомъ полкахъ было также множество прекрасныхъ, образованныхъ офицеровъ и много было благовоспитанныхъ Лифляндцевъ. Я особенно друженъ

былъ съ Капитанами Колиномъ и Фрейманомъ (Ревельскаго полка) и молодыми офицерами Штакельбергомъ и Вильбоа (3-го Егерскаго полка).—Ежедневно человекъ пятнадцать садились у насъ за столъ, а на вечеръ собиралось къ намъ иногда человекъ до тридцати. Подавали чай, пуншъ, гювейнъ, сабойонъ, и потомъ ужинъ, играли въ карты, иногда призывали нѣсенниковъ и музыкантовъ. И старики посѣщали насъ. Полковникъ Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, Подполковникъ Луковъ, Генералъ-Маіоръ Лобановъ, Командантъ города Воейковъ и другіе начальники полковъ и батальоновъ проводили у насъ вечера, за вистомъ. У насъ былъ родъ трактира, съ тою разницею, что все было *даровое*, и мы сами, хозяйка этого *дароваго трактира*, сдѣлали родъ вывѣски, написавъ на оконныхъ стеклахъ, по-Французски: *diner et souper, punch, sabailon, vins et liqueurs pour*

les bons amis. Это была шалость, впрочемъ извинительная по тогдашнему времени. — Я и Францкевичъ сдѣлались извѣстными этимъ *даровымъ трактиромъ*, въ цѣломъ нашемъ корпусѣ.

Взглянемъ теперь на общій ходъ дѣлъ.

III.

ГЕНЕРАЛА ТУЧКОВА 1-го, смѣняетъ ГЕНЕРАЛЬ РАЕВСКІЙ, въ командованіи передовымъ дѣйствующимъ корпусомъ. — Распоряженія Главнокомандующаго къ изгнанію Шведской Арміи изъ Финляндіи. — Невозможность исполненія этого плана. — Барклай-де-Толли выступаетъ изъ Куопіо, на помощь Раевскому, оставляя въ городѣ ГЕНЕРАЛА РАХМАНОВА, только съ 3000 человекъ. — Раевскій доведенъ до крайности, и отступаетъ передъ Шведскимъ ГЕНЕРАЛОМЪ КЛИНГСПОРОМЪ. — Шведы дѣлаютъ безуспѣшныя высадки близъ Або и Вазы. — Безпорядки въ Вазѣ. — Возстаніе въ Финляндіи усиливается. — Полковникъ САНДЕЛЬСЪ, пользуясь отсутствіемъ Барклая-де-Толли, нападаетъ два раза на Куопіо — но отбитъ Русскими. — Подробности сраженій. — Опасное положеніе Куопійскаго отряда. — Барклай-де-Толли возвращается въ Куопіо. — САНДЕЛЬСЪ въ ту же ночь

СНОВА АТТАКУЕТЪ КУОПИО, СО ВСЕЮ СВОЕЮ СИЛОЮ.—БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ РАЗБИВАЕТЪ ШВЕДОВЪ.—БЛИСТАТЕЛЬНЫЕ ПОДВИГИ ЛЕЙБЪ-ЕГЕРСКАГО БАТАЛЬОНА. — КАНОНИРСКІЯ ЛОДКИ ПРИХОДЯТЪ ВЪ КУОПИО, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ЛЕЙТЕНАНТА КОЛЗАКОВА. — ПРИБЫТІЕ ПОЛКОВНИКА МАРКИЗА ПАУЛУЧЧИ ВЪ АРМІЮ, ДЛЯ ОСВИДѢТЕЛЬСТВОВАНІЯ ЕЯ, И ПРИѢЗДЪ ЕГО ВЪ КУОПИО. — УВАЖЕНІЕ И ЛЮБОВЬ ВОЙСКА КЪ БАРКЛАЮ-ДЕ-ТОЛЛИ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО И ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ДО ЭТОЙ ЭПОХИ. — БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ, ПО БОЛѢЗНИ, ОСТАВЛЯЕТЪ АРМІЮ. КОРПУСЪ ЕГО ПОРУЧЕНЪ ГЕНЕРАЛУ ТУЧКОВУ 1. — ОТРЯДЪ ПОЛКОВНИКА САБАНЪЕВА ВЫСЛАНЪ ИЗЪ КУОПИО КЪ КОРПУСУ ГРАФА КАМЕНСКАГО.—НАШЪ ЭСКАДРОНЪ ПОСТУПАЕТЪ ВЪ ЭТОТЪ ОТРЯДЪ.

Отрядъ Генерала Тучкова 1, отданнаго подѣ слѣдствіе, поступилъ подѣ начальство Генерала Раевского. Въ то самое время, какъ Барклай-де-Толли двинулся изъ Нейшлота къ Куопіо, Раевскій стоялъ близъ морскаго берега, возлѣ

Гамле - Карлеби, въ самомъ опасномъ положеніи. Противу него, подъ Брагештадтомъ, стоялъ Графъ Клингспоръ, съ 13,000 регулярнаго войска и толпами вооруженныхъ крестьянъ, а по всему берегу Шведы угрожали высадкою, и Раевскій съ своимъ слабымъ отрядомъ легко могъ быть отрѣзанъ и поставленъ между двухъ огней. Для обезпеченія Раевского въ тылъ, поставленъ былъ, въ городѣ Вазѣ, Генераль-Маіоръ Демидовъ съ двумя пѣхотными полками (Петровскимъ и Бѣлозерскимъ) и однимъ эскадрономъ драгунъ (Финляндскаго полка), а Сѣвскій мушкетерскій полкъ отряженъ былъ Раевскимъ въ Нью-Карлеби, для поддерживанія сообщеній съ Демидовымъ. Графъ Орловъ-Денисовъ съ слабымъ отрядомъ (изъ одной роты пѣхоты, эскадрона драгунъ и эскадрона Лейбъ-Казаковъ) наблюдалъ огромное пространство между Вазою и Христищен-

штадтомъ. Прочее войско стояло по морскому берегу отъ Або до Свеаборга. Главная квартира была въ Або. Отсюда распоряжался Графъ Буксгевденъ.

Эта диспозиція, или разстановка войска, по мѣстности края и положенію непріятели, была бы весьма хороша, еслибъ передовой нашъ отрядъ, т. е. корпусъ Раевского, былъ по крайней мѣрѣ равносильнъ Шведскому войску, стоявшему противу него. Но послѣ неудачи Кульнева и Булатова, у Раевского, со всѣми пришедшими къ нему подкрѣпленіями, было не болѣе 6,800 человѣкъ, а съ этимъ числомъ онъ не могъ удерживать десанты и противиться Графу Клингспору. — Планъ Графа Буксгевдена состоялъ въ томъ, чтобъ Раевскій, отступая, завлекъ Графа Клингспора внутрь края, и въ то время Барклай-де-Толли, оставя 3000 человѣкъ въ Куопіо, противу Сандельса, долженствовалъ уда-

рить въ лѣвѣйшій флангъ Клингспора , и зайдя ему въ тылъ, отрѣзать его отъ Улеборга. Но если бь Барклаю-де-Толли и удалось даже исполнить предписаніе Графа Буксгевдена, т. е. поспѣшить изъ Куопіо для совокупнаго дѣйствія съ Раевскимъ, то все же у обоихъ Русскихъ Генераловъ было бы не болѣе 11,300 человѣкъ, противу 13,000 регулярнаго Шведскаго войска, и до 6,000 вооруженныхъ крестьянъ, въ странѣ взволнованной и враждебной Русскимъ. Въ Петербургѣ не одобрили плана Графа Буксгевдена, весьма справедливо опровергая тѣмъ, что Раевскій и Барклай-де-Толли могутъ быть разбиты отдѣльно, и Куопіо взять Сандельсомъ, при столь слабой защитѣ. Но Графъ Буксгевденъ, какъ я сказалъ , былъ непреклоннаго характера, и не взирая на всѣ представленія, рѣшился дѣйствовать раздробленными силами.

По счастью для насъ, Графъ Клингспоръ былъ человекъ перѣшительный, и не надѣясь на сильную помощь изъ Швеціи, не отваживался на смѣлыя предпріятія. Послѣ Револакскаго дѣла онъ могъ бы разгромить корпусъ Тучкова, но отговаривался оттепелью, а потомъ усталостью войскъ, и шесть недѣль не беспокоилъ Раевского. Только въ концѣ Мая, удостовѣрившись, что къ Раевскому не приходитъ помощь, Графъ Клингспоръ двинулся впередъ. Раевскій, не имѣя продовольствія, долженъ былъ отступать къ Вазѣ, и 5-го Іюня остановился въ Лиль-Киркѣ, въ 18-ти верстахъ отъ сего города. Между тѣмъ единственная надежда Раевского на доставленіе своему отряду продовольствія исчезла. Графъ Клингспоръ шелъ берегомъ, а Полковникъ Фіандтъ, съ отрядомъ партизановъ, дѣйствовалъ на правомъ флангѣ Раевского, зашелъ въ тылъ,

захватилъ Русскіи магазинъ, и взбунтовалъ всѣхъ жителей въ тылъ нашего отряда. Всѣ сообщенія Раевского были прерваны, и онъ не имѣлъ ни хлѣба, ни подводъ для перевозки большихъ и тяжестей. Наши малые отряды и посты были захватываемы и безпощадно умерщвляемы. Но какъ Графъ Клингспоръ шелъ медленно, ожидая высадки Шведскихъ войскъ, то Графъ Буксгевденъ думалъ, что онъ пошелъ на Куопіо, и приказалъ Раевскому начать наступательныя дѣйствія. Еще Раевскій не успѣлъ одуматься, какъ Шведы уже сдѣлали двѣ высадки у Або и у Вазы, а Графъ Клингспоръ атаковалъ авангардъ Раевского. Не стану описывать подробностей, которыхъ самъ я не былъ свидѣтелемъ. (*)

(*) Высадка подъ Або произошла 8-го Іюня, пятью днями ранѣе Вазовской высадки. Шведскій Генералъ Фегезакъ, съ 4000 Шведовъ, вышелъ на

Послѣ жестокой борьбы, десанты были отбиты, но Раевскій принужденъ былъ отступать, предъ непріателемъ, болѣе нежели въ двое его сильнѣе, и притомъ окруженный со всѣхъ сторонъ Шведскими партизанами. Для открытія сообщенія между Барклаемъ-де-Толли,

берегъ, и устремился прямо на городъ, надѣясь на помощь жителей. По счастью, Главнокомандующій отмѣнилъ долженствовавшую быть въ этотъ день ярмарку. Силы были равныя, но геройское мужество нашихъ солдатъ, ободренныхъ примѣромъ генераловъ и офицеровъ, склонило побѣду на нашу сторону. Болѣе всѣхъ отличился Невскій мушкетерскій полкъ, ударивъ въ штыки на непріателя. Шефъ полка, Генералъ-Маіоръ Чоглоковъ, былъ впереди; Генералы Багговуть и Тучковъ 1 (бывшій подъ слѣдствіемъ) сами шли въ стрѣлковой цѣпи. Офицеры вездѣ были первые, и соревнованіе было такъ велико, что даже раненые солдаты, послѣ перевязки, добровольно возвращались въ битву. Войско было чудное, и потому-то оно внушало такую самонадѣянность Главнокомандующему.

посланъ былъ внутрь края Полковникъ Властовъ, съ 24-мъ егерскимъ полкомъ, которому удалось разбить (21-го Іюня) партизана Фіандта, подъ Линдулаксомъ. Раевскіи двинулся впередъ, вытѣснилъ непріятеля изъ Лаппо-Кирки, и остановился. Здѣсь атаковалъ его Графъ Клингспоръ, и 2-го Іюня произошло памятное сраженіе, въ которомъ Русскіе, оказавъ чудеса храбрости, должны были уступить числу. Во время наступленія Раевского, Шведскіе партизаны, съ возставшими крестьянами, бросились въ тылъ его отряда, жгли мосты, раскапывали дороги, вводили лодки отъ берега, и отрѣзали его отъ всѣхъ сообщеній, отъ всякой помощи. Войско было безъ хлѣба, изнурялось отъ голода, питаясь почти исключительно грибами. Даже боевыхъ снарядовъ оставалось не много. Положеніе было отчаянное, и Раевскіи, достигнувъ до Кирки Алаво, собралъ на

военный совѣтъ всѣхъ своихъ генераловъ и полковниковъ, изложилъ состояніе дѣлъ, и требовалъ рѣшительнаго мнѣнія. Положено было отступить къ Тавастгусу, и 12-го Іюля отрядъ Раевского выступилъ въ походъ.

Во время отступленія Раевского къ Лаппо случились два происшествія, надѣлавшія тогда много шума. 12-го Іюня, Шведскій десантъ въ 2,000 человекъ, подъ начальствомъ Полковника Бергштраля, вышелъ на берегъ для овладѣнія Вазою. Шведы схватили первый Русскій пикетъ, и Полковникъ Бергштраль, пославъ малый отрядъ прямо на Вазу, самъ съ главными силами обратился внутрь края, по дорогѣ къ Лиль-Киркѣ. Генераль-Маіоръ Демидовъ, не имѣя положительныхъ извѣстій о движеніи Шведовъ, пошелъ со всею своею силою противу малаго Шведскаго отряда, къ Сведбю, оставя только двѣ роты для охране-

нія города, и пока Шведы отступали на этомъ пунктѣ, Бергшраль обратился на проселочную дорогу, и вступилъ въ городъ. Узнавъ объ этомъ, Демидовъ воротился и повелъ атаку на городъ, въ которомъ Шведы успѣли уже утвердиться. Жители соединились съ Шведами. Число Русскихъ и Шведовъ было почти равное, но Шведы имѣли то преимущество, что защищались въ закрытыхъ мѣстахъ, и имѣли на своей сторонѣ жителей, которые стрѣляли въ Русскихъ изъ оконъ, и бросали все, чѣмъ можно было повредить человѣку. Штыками Русскіе очищали дома и улицы, и послѣ жестокаго боя, продолжавшагося пять часовъ сряду, Шведы начали отступать. Тогда Бергшраль, собравъ резервъ, бросился въ штыки, но былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, и это рѣшило участь того дня. Шведы обратились въ бѣгство, къ судамъ своимъ, и отплыли. Наши взяли въ

плѣнь 17 офицеровъ, 250 солдатъ и одно орудіе.

Наши солдаты были ожесточены противу жителей, сражавшихся вмѣстѣ съ Шведскими солдатами, и во время общей суматохи, врываясь въ дома, для изгна- нія непріятеля, *подняли городъ на Царя*, какъ говорили встарину, т. е. разгра- били богатѣйшіе дома и лавки. Многіе изъ сопротивлявшихся жителей были убиты, и нельзя было избѣгнуть, чтобъ при этомъ не произошло какихъ нибудь покушеній противу женскаго цѣломудрія. Когда жители края принимаютъ участіе въ войнѣ, то всегда должны ожидать жестокой мести. Таковы послѣдствія каж- дой народнои войны!—Шведскія и Ан- глійскія газеты возопили противу вар- варства Русскихъ, утверждая, что Деми- довъ *приказалъ* грабить, убивать и наси- ловать, и что Русскіе умерщвляли жен- щинъ и дѣтей. Вазу сравнивали съ Пра-

гою. Все это было несправедливо. Демидовъ вовсе не приказывалъ грабить, но какъ солдаты дрались толпами, отдѣльно, во многихъ мѣстахъ безъ офицеровъ, и должны были брать приступомъ дома, то и невозможно было наблюдать за порядкомъ. Женщинъ и дѣтей вовсе не убивали, а убивали взрослыхъ мужчинъ, противившихся и вооруженныхъ. Все это подтверждено однимъ изъ правдолюбивѣйшихъ людей, какіе когда либо были въ Россіи, покойнымъ Княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, посланнымъ тогда для произведенія слѣдствія. Оправдывать этого несчастнаго событія не возможно и не должно, а можно только сожалѣть о немъ, извиняя нашихъ солдатъ ожесточеніемъ въ битвѣ. Кто видалъ какъ берутъ города съ боя, когда жители сопротивляются вооруженною рукою, тотъ легко пойметъ невозможность удержать въ порядкѣ разъярен-

ныхъ солдатъ, сражающихся въ разсыпную.

Впрочемъ, поступки жителей нѣкоторымъ образомъ извиляли мечь Русскихъ. Десантное Шведское войско привезло съ собою многія тысячи прокламацій къ Финскому народу, отъ имени Короля, возбуждавшаго всѣхъ жителей къ возстанію и истребленію Русскихъ всѣми возможными средствами, какъ разбойниковъ или дикихъ звѣрей. Пасторы проповѣдовали въ церквахъ и въ полѣ, что даже частное убійство непріятеля дозволено для защиты отечества, и подкрѣпляли свои рѣчи примѣрами изъ Ветхаго Завѣта. Бунтъ усилился, и береговые жители, коренные Шведы, возстали сильными толпами, и отчаянно нападали на наши малочисленные отряды. Первою жертвою неистовства разъяренной черни были наши храбрые лейбъ-казаки, изъ отряда Графа Орлова-Денисова. Семьде-

сятъ человекъ лейбъ-казаковъ захватили поселяне въ расплохъ, на морскомъ берегу, и мучительно умертвили. Я самъ видѣлъ яму, въ которой, подъ грудю угольевъ, найдены кости нашихъ несчастныхъ казаковъ. Говорятъ, что поселяне бросали въ огонь раценьхъ, вмѣстѣ съ мертвыми. Нѣкоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силою бунтовщиковъ, и изрублены топорами съ мелкіе куски. Находили обезглавленные трупы нашихъ солдатъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла умерщвленныхъ измѣнически нашихъ солдатъ висѣли на деревьяхъ, у большой дороги. Народная война была въ полномъ разгарѣ. Усмирить бунтовщиковъ было невозможно. Графъ Орловъ-Денисовъ, наблюдавшій внутренность края, не имѣлъ на то достаточныхъ силъ, и самъ былъ въ крайней опасности.

Онъ хотѣлъ выйти на береговую дорогу, но взбунтовавныя крестьяне отрѣзали ему путь къ Вазѣ, и заставили его отступить. Онъ остановился между Христипенштадтомъ и Біернеборгомъ. Самый большой вредъ наносили намъ солдаты Свеаборгскаго гарнизона, распущенные по домамъ, и обязавшіеся, въ силу капитуляціи, не поднимать оружія противу Русскихъ. Эти солдаты предводительствовали толпами крестьянъ, и даже принуждали многихъ силою оставлять дома и сражаться съ Русскими. Графъ Орловъ-Денисовъ, получивъ подкрѣпленіе, сталъ дѣйствовать противу партизановъ, и объявилъ, что каждый изъ этихъ солдатъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, и каждый крестьянинъ, уличенный въ бунтъ, — разстрѣлянъ. Исполненіе этой угрозы вскорѣ послѣдовало послѣ объявленія. Захваченныхъ въ плѣнъ солдатъ бывшаго

Свеаборгскаго гарнизона вѣшали на деревьяхъ, на большой дорогѣ и при киркахъ, съ надписью: «за измѣну;» но изъ крестьянъ разстрѣливали только самыхъ ожесточенныхъ и начальниковъ шаякъ. Прочимъ брили голову и отсылали въ Свеаборгъ, въ крѣпостную работу.

Самый опасный врагъ, нанесшій намъ болѣе прочихъ вреда, былъ партизанъ Роотъ (Root), родомъ Финляндецъ, унтеръ - офицеръ Біернеборгскаго полка. Онъ началъ свои дѣйствія въ тылѣ корпуса Раевского, только съ сорока солдатами, самыми отчаянными изъ всей арміи Графа Клингспора и знавшими притомъ всѣ мѣстности, а потомъ вошелъ въ сношенія со всѣми взбунтованными шайками, сдѣлался ихъ предводителемъ, и распоряжалъ ихъ движеніями. Забирая всѣ транспорты съ съѣстными и боевыми припасами, высылаемые къ Раевскому, онъ довелъ его корпусъ до отчаян-

наго положенія, замедляя его отступленіе истребленіемъ мостовъ, переправъ и порчей дорогъ. Роотъ первый вызвалъ солдатъ бывшаго Свеаборгскаго гарнизона на поле битвы, убѣдивъ ихъ въ ничтожности даннаго ими обѣщанія не сражаться съ Русскими. Роотъ былъ вездѣ и нигдѣ, переѣзжая безпрестанно съ мѣста на мѣсто, по озерамъ, и проходя тропинками чрезъ лѣса и болота. Онъ едва не взялъ города Таммефорса, въ тылѣ нашей арміи, гдѣ былъ складъ нашихъ запасовъ и паркн, и только необыкновенное мужество Маіора Юденева, охранявшаго городъ съ двумя ротами Петровскаго мушкетерскаго полка, спасло корпусъ Раевского отъ величайшаго бѣдствія, которое должно было бы его постигнуть, по истребленіи запасныхъ магазиновъ и парковъ.

Курьеры, посылаемые отъ Раевского къ Главнокомандующему съ донесенія-

ми, что онъ не только не можетъ дѣйствовать наступательно, но принужденъ ретироваться, были перехватываемы Шведскими партизанами, а Графъ Буксгевденъ, съ полною увѣренностью на успѣхъ, ожидалъ въ Або извѣстій о началѣ совокупнаго дѣйствія Барклай-де-Толли и Раевского противу Графа Клингспора. Въ исполненіе повелѣній Главнокомандующаго, Барклай-де-Толли выступилъ изъ Куопіо, на третій день послѣ его занятія, оставивъ въ городѣ Шефа Низовскаго мушкетерскаго полка, Генераль-Маіора Рахманова, съ его полкомъ, Ревельскимъ мушкетерскимъ, баталіономъ Гвардейскихъ егерей, одною ротою Гвардейской пѣшей артиллеріи, однимъ эскадрономъ Уланъ (именно нашимъ, т. е. командирскимъ) и двадцатью Донскими Казаками. Самъ Барклай де-Толли пошелъ для совокупнаго дѣйствія съ Раевскимъ, съ полками: Лейбъ-Гренадер-

*

скимъ, Азовскимъ мушкетерскимъ, 3-мъ егерскимъ, полуротою артиллеріи, четырьмя эскадронами нашего полка и пятьюдесятью казаками.

Спрашиваю: могъ-ли Рахмановъ съ неполными тремя тысячами человѣкъ, исполнить порученіе Барклай-де-Толли, основанное на предписаніи Графа Буксгевдена? Ему приказано было: охранять сообщенія съ Россією, удерживать Куопіо до послѣдней крайности, устрашать непріятеля предпріятіями къ переправѣ чрезъ озеро, а если удастся, набрать лодокъ у жителей, нападать на заозерную позицію Сандельса, у Тайволы, и по прибытіи канонирскихъ лодокъ изъ озера Саймы въ озеро Калавеси, рѣшительно переправиться чрезъ озеро, разбить Сандельса, овладѣть Тайволой, и наконецъ открыть сообщеніе съ такъ называемымъ Сердобольскимъ отрядомъ, т. е. съ Генераль-Маіоромъ Алексѣевымъ, Шефомъ

Митавскаго драгунскаго полка, выступившимъ изъ Сердоболя въ Карелію только съ четырьмя эскадронами драгунъ и 150-ю казаками, для усмиренія этого обширнаго, лѣснаго и болотистаго края! Дѣла невозможныя!

Кажется, будто Графъ Буксгевденъ почиталъ нашихъ солдатъ безсмертными или, по крайней мѣрѣ, неуязвимыми и одаренными тройною силою противу непріятеля, поручая генераламъ такія дѣла къ исполненію! Забывалъ онъ также, что самый мужественный человѣкъ требуетъ пищи. Разъѣзжая по берегу, между Гельсингфорсомъ и Або, или живя въ одномъ изъ этихъ городовъ, Графъ Буксгевденъ не видѣлъ настоящей нужды войска, не имѣлъ надлежащаго понятія о положеніи дѣлъ, и до послѣдней минуты своего командованія былъ твердо убѣжденъ, что Шведы не намѣрены держаться въ Финляндіи, и станутъ отступать

при нашемъ сильномъ натискѣ. Допесенія нашихъ отрядныхъ начальниковъ о возстаіи жителей и о вредѣ, наносимомъ ими, почиталъ Графъ Буксгевденъ преувеличенными, приписывая ихъ успѣхи нашей неосторожности, не обращая ни какого вниманія на мѣстность, благопріятную для партизанскихъ дѣйствій, хотя въ донесеніяхъ Государю сравнивалъ Финляндскую войну съ *Вандейскою*.

Генераль-Маіоръ Рахмановъ, человекъ пожилой, старій служивый, храбрый и опытный воинъ, хотя и не стратегъ, чувствовалъ, что данная ему инструкція не можетъ быть исполнена; но онъ рѣшился защищать Куопіо до послѣдней капли крови, и не скрывался въ этомъ. Собравъ штабъ-офцеровъ и начальниковъ ротъ, онъ сказалъ имъ, безъ обиняковъ: «Господа, внушите своимъ солдатамъ, что у насъ нѣтъ другой ретирады, какъ въ сырую землю. Отступать некуда ни на шагъ.

Если Шведы нападутъ на насъ, мы должны драться до послѣдняго человѣка, и кто гдѣ будетъ поставленъ—тутъ и умирай!» — Рахмановъ говорилъ людямъ, которые понимали его, и офицеры передавали слова генерала воинамъ, которыхъ эти слова радовали, вмѣсто того, чтобъ привести въ уныніе. Никогда я не видалъ такихъ отличныхъ полковъ, какъ были Низовскій и Ревельскій пѣхотные, 3-й егерскій (полкъ Барклая-де-Толли) и Лейбъ-Егерскій батальонъ. Не только у Наполеона, но даже у Цесаря не было лучшихъ воиновъ! Офицеры были молодцы и люди образованные; солдаты шли въ сраженіе, какъ на пиръ, дружно, весело, съ пѣснями и шутками.

На изгибѣ мыса, на которомъ стоитъ Куопіо, была мыза, прозванная нами, по цвѣту господскаго дома, *желтою мызою*. Тутъ поставленъ былъ съ ротою Низовскаго полка Капитанъ Зеленка, человѣкъ

необыкновенной храбрости, одаренный высшимъ военнымъ инстинктомъ. Онъ зналъ важность своего поста, потому что Шведы, овладѣвъ *желтою мызою*, зашли бы намъ въ тылъ, и потому рѣшился защищать свой постъ до послѣдней капли крови. — Однажды, когда я пріѣхалъ къ нему съ разѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, шутя: «Я хотя и не Леонидъ, но стою въ *Өермопилахъ*, и меня *вынесутъ* отсюда, но *не выгонятъ!*» Съ такими офицерами можно отваживаться на смѣлыя предпріятія въ войнѣ. Но наша отвага переливалась уже чрезъ край!

На третій день по выходѣ Барклай-де-Толли, Полковникъ Сандельсъ, собравъ множество рыбацкихъ лодокъ, посадилъ на нихъ своихъ солдатъ, и атаковалъ Куопіо съ двухъ сторонъ, съ сѣверной и отъ *желтой мызы* (10-го Іюня). Капитанъ Зеленка мужественно встрѣтилъ непріятеля, и пославъ одного казака къ

Рахманову просить помощи, бросился впередъ на Шведовъ, шедшихъ кустарниками, оставивъ одинъ взводъ для защиты мызы. Шведовъ было втрое болѣе, но они приведены были въ замѣшательство движеніями Зеленки, и полагали, что шпіоны ложно ихъ извѣстили о числѣ Русскихъ, занимавшихъ *желтую мызу*. Зеленка, между-тѣмъ, велѣлъ оставшимся солдатамъ лазить по крышѣ дома, чтобъ Шведы видѣли издали, что у него есть резервъ. Шведы завязали перестрѣлку въ кустарникахъ и не напирали сильно на Зеленку. Между тѣмъ Полковникъ Потемкинъ съ Лейбъ-Егерскимъ батальономъ вышелъ на встрѣчу Сандельса, на сѣверную оконечность мыса, и ударилъ въ штыки. Храбрые Лейбъ-Егеря бѣгомъ устремились на Шведовъ, и выстрѣливъ залпомъ, съ крикомъ ура! бросились, какъ отчаянные, въ ихъ ряды. Шведы не устояли и побѣжали къ сво-

имъ лодкамъ. Лейбъ-егери остановились только для того, чтобъ зарядить ружья, и погнались за Шведами, которые, сѣвъ поспѣшно на лодки, отчалили отъ берега. Два нашихъ взвода шли за егерями, а два посланы были на помощь Зеленкѣ; но мы не могли атаковать Шведовъ, потому что мѣстность не позволяла, и были только свидѣтелями, подъ градомъ пуль, чуднаго мужества нашихъ товарищей.— Отъ *желтой мызы* Шведы также отступили, послѣ неудачи на сѣверной оконечности мыса. Зеленка преслѣдовалъ ихъ до берега.

Сандельсъ скрылся съ своею флотиліею между заломами лѣсистаго берега, и 13-го Іюня вышелъ на берегъ, близъ Варкгауза, и попалъ на отрядъ Азовскаго пѣхотнаго полка, сопровождавшаго транспортъ. Азовцы защищались храбро, но должны были уступить числу, и Сандельсу удалось отбить до 75-ти подводъ

съ мукою. Потеря для насъ была тѣмъ важнѣе, что открывала ненадежность нашихъ сообщеній съ Нейшлотомъ, откуда мы ожидали продовольствія, не имѣя возможности охранять путь. Лодокъ у насъ вовсе не было.

Набравъ еще болѣе лодокъ, во время своей экспедиціи на Варкгаузъ, Сандельсъ почти со всѣми своими силами и съ толпами вооруженныхъ крестьянъ атаковалъ Куопіо, 15-го Іюня. День былъ туманный, и на озерѣ нельзя было видѣть ничего въ десяти шагахъ. Сандельсъ присталъ къ скалистому берегу, поросшему кустарникомъ, въ южномъ заливѣ мыса. Наши посты тогда только увидѣли непріятеля, когда они уже были у самаго берега. Нѣкоторые наши пикеты были отрѣзаны и бросились въ лѣсъ, другіе завязали перестрѣлку. Нѣсколько казаковъ прискакали въ городъ, съ извѣстіемъ, что на насъ идетъ, по казацкому

выраженію: «*видимая и невидимая сила.*»

Оставивъ въ городѣ только карауль и пикеты на берегу озера, Рахмановъ вышелъ за городъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, противу этой *видимой и невидимой силы*. Число непріятели было намъ неизвѣстно, но мы знали, что къ Сандельсу сходятся толпами лучшіе стрѣлки изъ сѣвернаго Саволакса и Карелии, и какъ носились слухи болѣе двухъ тысячъ этихъ охотниковъ уже было подъ знаменами Сандельса. Я былъ посланъ со взводомъ, для прикрытія свитскаго офицера, долженствовавшаго рассмотреть, какое направленіе беретъ непріятель. Подъѣхавъ къ скалистому берегу, верстахъ въ трехъ отъ города, свитскій офицеръ и я взобрались на скалу, и увидѣли множество лодокъ, причалившихъ на большое разстояніе къ берегу, и Шведовъ, шедшихъ въ нѣсколькихъ

колоннахъ, по направленію къ сѣверозападу, чтобъ выйти на дорогу, ведущую къ Куопіо. Толпы стрѣлковъ шли впереди колоннъ, въ разсыпную. Неровное мѣстоположеніе, овраги, холмы и кустарники то скрывали, то открывали передъ нами непріятеля, и мы въ туманѣ не могли опредѣлить числа его, но заключали, что Шведовъ и крестьянъ было не меньше трехъ тысячъ человѣкъ. Туманъ между тѣмъ поднимался, и Шведскіе стрѣлки, увидѣвъ насъ, бросились впередъ, чтобъ отрѣзать насъ отъ Куопіо. Мы поскакали въ тылъ, и встрѣтили нашъ отрядъ уже въ верстѣ отъ Шведовъ. Рахмановъ выслалъ стрѣлковъ и сталъ фронтомъ передъ перешейкомъ, соединяющимъ съ твердою землею мысъ, на которомъ построень городъ. Началось дѣло, продолжавшееся съ величайшею упорностью съ обѣихъ сторонъ, въ теченіе болѣе пяти часовъ.

Намъ шло о существованіе. Если бѣ Шведы вогнали насъ въ городъ, то намъ надлежало бы или сдаться, или выйти изъ города по тѣламъ непріятеля, пробиваясь штыками, потому что у насъ вовсе не было провіанта. Избѣгая блокады въ городѣ, въ случаѣ неудачи, намъ должно было бы броситься въ лѣса, внутрь Финляндіи, и идти впередъ на удачу, для соединенія съ Барклаемъ де Толли или Раевскимъ, не имѣя ни какихъ извѣстій о ихъ направленіи. Рахмановъ приказалъ объявить солдатамъ о нашемъ положеніи и о надеждѣ своей на ихъ мужество. «*Не выдадимъ!*» закричали Лейбъ-Егеря, смѣло идя впередъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ. Едва ли когда либо дрались съ большимъ мужествомъ и ожесточеніемъ! Капитанъ Зеленка, получивъ подкрѣпленіе, защищалъ желтую мызу съ величайшимъ упорствомъ, противу трой-

наго числа непріятеля, и когда Рахмановъ увѣрился, что этотъ важный постъ крѣпко держится, то, не опасаясь уже обхода, велѣлъ Низовскому полку и Лейбъ-Егерямъ ударить въ штыки, оставшись самъ въ резервѣ, съ частью Ревельскаго полка. Наши отчаянно бросились на Шведовъ, которые однако жъ устояли при первомъ натискѣ. Тутъ началась рѣзня, почти рукопашный бой, и Шведы наконецъ уступили нашимъ. Мѣстоположеніе позволило выдвинуть впередъ наши пушки, и картечи довершили пораженіе. Шведы обратились къ своимъ лодкамъ, отстрѣливаясь и преслѣдуемые нашими на поль-ружейный выстрѣлъ. Нашимъ удалось, по камнямъ и оврагамъ, перетащить двѣ пушки на берегъ. Эти пушки сильно вредили Шведамъ въ то время, когда они садились въ лодки. Мы провожали ихъ и на озерѣ ядрами, и нѣсколько лодокъ раз-

били и потопили, при громогласномъ ура! на берегу.

Въ этомъ дѣлѣ отличились въ нашемъ отрядѣ всѣ, отъ перваго до послѣдняго человека, но честь побѣды принадлежитъ Низовскому полку и Лейбъ-Егерямъ, сломившимъ Шведскую линію штыками и принудившимъ Шведовъ къ отступленію пылкостью своего наступленія и стойкостью. Только тяжело раненные оставались на мѣстѣ, тамъ гдѣ упали, а кто могъ идти, шелъ впередъ раненый и окровавленный. Когда Шведы уже отплыли, тогда только стали искать тяжело раненыхъ на полѣ битвы и выносить на большую дорогу.

Побѣда была полная, но кромѣ того, что мы охранили Куопіо, она не принесла намъ ни какой существенной пользы, и Рахмановъ былъ не въ состояніи исполнить другихъ порученій Барклая-де-Толли. Нельзя было и думать о напад-

деніи на Шведскую позицію, у Тайволы, не имѣя ни одной лодки; сообщенія наши съ Россіей были прерваны, и мы ничего не знали о Сердобольскомъ отрядѣ. Сандельсъ оставилъ вооруженныя толпы крестьянъ въ лѣсахъ, вокругъ Куопіо, подъ начальствомъ Шведскихъ офицеровъ, приказавъ имъ истреблять нашихъ фуражировъ и наши отдаленные посты, и непрерывно тревожить насъ въ Куопіо. Эти партизаны отлично исполняли свое дѣло. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставлялъ насъ высылать на далекое разстояніе фуражировъ, чтобъ забирать скоть у крестьянъ, отыскивая ихъ жилища въ лѣсахъ, и каждая фуражировка стоила намъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными. Отдѣльные посты были непрерывно атакуемы, и половина отряда Капитана Зеленки день и ночь была подъ ружьемъ. Почти каждую ночь въ Куо-

пію была тревога, и весь отрядъ долженъ былъ браться за оружіе. Крестьяне подѣзжали на лодкахъ къ берегу; въ самомъ городѣ стрѣляли въ часовыхъ, и угрожали ложною высадкою. Не зная ни числа, ни намѣренія непріятеля, намъ надлежало всегда соблюдать величайшую осторожность. Голодъ и непрерывная тревога изнуряли до крайности войско. Госпиталь былъ полонъ.

Улань и казаки содержали разъѣзды, и я почти чрезъ день проводилъ ночь за городомъ, на конѣ. Но и всѣ офицеры нашего отряда проводили бессонныя ночи, не раздѣваясь, и отдыхая только днемъ. Въ моей квартирѣ, по-прежнему, было общее собраніе офицерства. Нужды не зналъ я въ Куопіо, и непрерывная дѣятельность была мнѣ не въ тягость. Мы проводили время весело, въ офицерскомъ кругу, хладнокровно разсуждали о нашей будущей участи, не

предвидя ничего кромѣ смерти въ бою, если насъ оставятъ надолго въ этомъ положеніи.

Въ этой непрерывной тревогѣ и сраженіяхъ прошло шесть дней, и на седьмой день, Барклай-де-Толли, получивъ отъ Рахманова вѣрное изображеніе нашего положенія, возвратился въ Куопіо (17-го Іюня). Трудно описать радость, какую мы ощутили, увидѣвъ помощь!

Барклай-де-Толли подвергнулся упреку, что не исполнивъ предписанія Главкома ндующаго, приказавшаго ему дѣйствовать во флангъ Графу Клингспору, когда Раевскій будетъ дѣйствовать съ фронта, онъ разстроилъ весь планъ къ изгнанію Шведовъ изъ Финляндіи лѣтомъ, 1808 года, и давъ Клингспору время и средства потѣснить Раевскаго, довель его до крайности, и продлилъ войну. Правда, что Барклай-де-Толли не исполнилъ приказанія Главкома ндую-

щаго, потому что не могъ исполнить и дѣйствовать по плану, начертанному въ кабинетѣ Главнокомандующаго, безъ малѣйшаго соображенія обстоятельствъ, безъ всякаго вниманія на положеніе сѣверовосточной Финляндіи, т. е. Саво-лакса и Карелии. Легко было Главнокомандующему, разложивъ карту Финляндіи, играть въ стратегію, какъ въ шахматы; но Финляндія была не спокойная и безмолвная шахматная доска, и возмущенный народъ — не пѣшки!

Барклай-де-Толли, выступивъ изъ Куопіо, для дѣйствованія по плану Главнокомандующаго, пошелъ по большей дорогѣ, соединяющей Куопіо съ Гамле-Карлеби (т. е. съ морскимъ берегомъ). 10-го Іюня Барклай-де-Толли прибылъ къ киркѣ Рауталамби, лежащей въ семидесяти пяти верстахъ отъ Куопіо, между озерами Коивеси и Кивисальми. Здѣсь дорога идетъ чрезъ проливы озеръ. При

селеніи Тохолаксь, на широкомъ проливѣ, находился перевозъ, а на двухъ меньшихъ проливахъ, образующихъ островъ при селеніи Кивисальми, были два моста. Полковникъ Сандельсь, который для того только и высланъ былъ въ Куо-пію, чтобъ сдѣлать намъ диверсію, то есть раздѣлить наши силы и воспрепятствовать совокупно дѣйствовать противу Графа Клингспора, употребилъ все зависящія отъ него средства для удержанія Барклай-де-Толли на походѣ. Онъ далъ приказаніе своимъ партизанамъ (образовавшимся изъ отрѣзаннаго нами Шведскаго арріергарда, во время преслѣдованія Сандельса до Куо-пію) истребить переправу и мосты на озерахъ Конивеси и Кивисальми, перекапывать дорогу, зажигать лѣса по обѣимъ сторонамъ узкой дороги и перехватывать или умерщвлять нашихъ фуражировъ. Барклай-де-Толли, прибывъ въ Рауталамби, долженъ былъ

остановиться. Хотя большая часть лодокъ на озерахъ была угнана къ сѣверу, но Барклай успѣлъ переправить свой авангардъ въ челнокахъ чрезъ озеро, и велѣлъ ему ждать всего отряда въ селеніи Коивиста, въ 79-ти верстахъ отъ первой переправы при Тохолакѣ, занявшись между тѣмъ устройствомъ переправы чрезъ озеро, для всего отряда.

Въ это время Барклай-де-Толли получилъ самое отчаянное донесеніе отъ Рахманова, изъ Куопіо. Рахмановъ извѣщалъ, что отрядъ его находится въ крайности, безъ продовольствія, и что онъ не можетъ удержать сообщеній съ Нейшлотомъ, на разстояніи 180-ти верствъ, потому что Сандельсъ сильнѣе его и безпрестанно угрожаетъ Куопіо, и что нельзя ослаблять отряда высылкою партій, для провожанія подвижныхъ магазиновъ, которые подвергаются опасности быть взятыми Шведами, какъ то

уже и случилось при Варкгаузѣ. Рахмановъ изъявлялъ даже опасеніе на счетъ Куопіо, донося, что у него скоро не останется патроновъ, и что отрядъ его можетъ погибнуть въ развалинахъ города, мужественно защищаясь, но едва-ли въ состояніи будетъ долго держаться и отбивать непріятеля. Барклай-де-Толли разсудилъ, что если Сандельсу, котораго онъ почиталъ сильнѣе Рахманова, удастся вытѣснить нашихъ изъ Куопіо, то весь правый флангъ арміи будетъ открытъ, граница наша не защищена, и возстаніе въ самой воинственной части Финляндіи приметъ новую силу, и въ слѣдствіе этихъ соображеній рѣшился взять на се . отвѣтственность неисполненіе предписанія Главнокомандующаго. Выславъ авангардъ свой, состоявшій изъ части Азовскаго мушкатерскаго, 24-го Егерскаго полковъ и сотни казаковъ, подъ начальствомъ Полковника Властова, на

помощь Раевскому, Барклай-де-Толли возвратился съ остальною частью своего отряда въ Куопію, учредивъ посты между этимъ городомъ и Варкгаузомъ, для удержанія партизановъ отъ нападеній на наши подвижные магазины. Лейбъ-Гренадерскій полкъ и три эскадрона нашего полка остались на этихъ постахъ, которыми командовалъ Генераль Лобановъ.

Барклай-де-Толли вступилъ въ Куопію ночью, уже по пробитіи вечерней зари, съ 17-го на 18-е Іюня. Войско расположилось на бивакахъ за городомъ, и развело огни. Свѣтлая сѣверная ночь омрачена была сильнымъ туманомъ. Прибытіе штаба и множества офицеровъ въ городъ произвело нѣкоторую суматоху. Кто искалъ для себя квартиры, кто отыскивалъ знакомыхъ, товарищей; на улицахъ стояли повозки и лошади; для больныхъ искали помѣщенія, и т. п. У меня на квартирѣ собраніе офицеровъ было обы-

кновеннаго. Къ ужину подали цѣлаго жаренаго барана, котораго я наканунѣ купилъ за два червонца у казака. Мы веселились, шутили, между-тѣмъ какъ улапы вносили въ сосѣдную залу солому, гдѣ я располагалъ уложить моихъ гостей на отдыхъ.... Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, и стекла въ окнахъ задрожали.... другой выстрѣлъ, третій, четвертый.... потомъ ружейные выстрѣлы... Мы отворили окна—выстрѣлы раздавались на озерѣ и за городомъ, а въ городѣ били тревогу... Всѣ гости мои побѣжали опроретью къ своимъ полкамъ и командамъ; я велѣлъ поскорѣе сѣдлать лошадей, и поскакалъ на наше сборное мѣсто, къ киркѣ. Эскадронъ уже строился. Это былъ Полковникъ Сандельсъ, который, пользуясь туманомъ, прибылъ изъ Тайволы, чтобъ пожелать намъ доброй ночи и спокойнаго *вѣчнаго* сна! Уставъ досками нѣсколько лодокъ, со-

единенныхъ бревнами, онъ такимъ образомъ устроилъ двѣ пловучія баттарен, и посадивъ весь свой отрядъ на лодки, атаковалъ Куоцио съ трехъ сторонъ, съ *желтой мызы*, съ южной стороны перешейка и у самаго сѣвернаго предмѣстія, передъ которымъ находится лѣсъ. Весь нашъ отрядъ выступилъ изъ лагеря, и Барклай-де-Толли, не зная гдѣ непріятель и въ какомъ числѣ, высылалъ баталіоны на тѣ мѣста, гдѣ завязывалась перестрѣлка съ нашими передовыми постами, и гдѣ предполагали найти непріятеля. Изъ пушекъ, поставленныхъ на берегу, стрѣляли на-удачу. На большой площади поставленъ былъ резервъ, въ сомкнутой колоннѣ, съ двумя пушками. Ружейные выстрѣлы гремѣли вокругъ города. Вездѣ была страшная суматоха, вездѣ раздавались крики и выстрѣлы, и ничего нельзя было видѣть, кромѣ ружейнаго огня...

Наконецъ , съ утреннею зарею разсѣлся туманъ, и Барклай-де-Толли, проскакавъ по всей линіи, тотчасъ распорядился. Къ желтой мызь послана было немедленно помощь. Нашего полка эскадронъ Князя Манвелова поспѣшилъ туда на рысяхъ, взявъ на каждую лошадь по одному егерю 3-го Егерскаго полка. Противу главной силы Шведовъ, ломившихся въ городъ съ правой стороны Куопіо , выступилъ самъ Барклай-де-Толли, съ частями Низовскаго и 3-го Егерскаго полковъ и двумя пушками. Полкъ Ревельскій мушкетерскій, Лейбъ-Егерскій батальонъ и нашъ эскадронъ составляли загородный резервъ.

Битва кипѣла съ величайшимъ ожесточеніемъ на всѣхъ пунктахъ. Передъ нами, въ лѣсу, была сильная ружейная перестрѣлка. Низовскій мушкетерскій и 3-й Егерскій полки, при всей своей храбрости, не могли противостоятъ Шведамъ

въ стрѣлковомъ сраженіи и въ разсыпную, въ лѣсу. Саволакскіе стрѣлки и даже вооруженные крестьяне, охотники по ремеслу, имѣли передъ нашими храбрыми солдатами преимущество въ этомъ родѣ войны, потому что лучше стрѣляли и, привыкнувъ съ дѣтства блуждать по лѣсамъ и болотамъ за дичью, были искуснѣе нашихъ солдатъ во всѣхъ движеніяхъ. Притомъ же, туземцы знали хорошо мѣстность, и пользовались ею. Шведы имѣли нѣсколько маленькихъ пушекъ, или фальконетовъ (безъ лафета), которыя они носили за стрѣлковою цѣпью, и положивъ ихъ на камни, стрѣляли въ нашихъ картечью, когда наши собирались въ кучу.— Постепенно выстрѣлы раздавались ближе, и наконецъ наши стрѣлки начали выходить изъ большаго лѣса на то пространство, гдѣ стоялъ резервъ.

Это пространство, между городомъ и

лѣсомъ, версты въ три въ длину, покрыто было въ разныхъ мѣстахъ кустарникомъ, и усѣяно огромными камнями. Выходящимъ изъ лѣсу нашимъ стрѣлкамъ приказано было строиться впереди обонхъ фланговъ резерва, такъ, чтобъ передъ центромъ, гдѣ стояли наши двѣ пушки, было чистое мѣсто. Вскорѣ выбѣжали и Саволакскіе стрѣлки изъ лѣса, а за нами вышли Шведы въ колоннѣ. Они были встрѣчены ядрами. Это ихъ не утрашило, и они съ крикомъ ура! (*) бросились въ штыки на наши пушки и на резервъ. Пушечные выстрѣлы не удержали ихъ. Лейбъ-Егеря, предводимые своимъ храбрымъ Полковникомъ Потемкинымъ, пошли имъ на встрѣчу шагомъ, вовсе не стрѣляя. За ними

(*) Должно замѣтить, что Шведы также кричатъ ура, и не въ подражаніе Русскимъ. Это древній воицскій крикъ Скандинавовъ.

шелъ Ревельскій мушкетерскій полкъ, а Низовскій и 3-й Егерскій полки между тѣмъ строились на флангахъ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Наши пушки свезли за фронтъ, подъ прикрытіемъ нашего эскадрона. Лейбъ-Егери приблизились къ Шведской колоннѣ саженьей на тридцать, остановились, по командѣ своего Полковника, выстрѣлили залпомъ, и бросились бѣгомъ впередъ, съ прижнутыми штыками, какъ на ученьѣ, съ громкимъ ура. Тутъ началась рѣзня, въ полномъ смыслѣ слова! Ревельскій полкъ поддерживалъ атаку Лейбъ-Егерей; Низовскій и 3-й Егерскій полки удерживали напоръ Шведовъ на флангахъ. Шведы не устояли противу Лейбъ-Егерей, и побѣжали. Наши пушки снова загремѣли, провожая бѣжавшихъ рикошетными выстрѣлами. Шведы скрылись въ лѣсу, преслѣдуемые нашими. Въ это самое время Барклай-

де-Толли двинулъ 3-й Егерскій полкъ по берегу, на самомъ правомъ флангѣ, къ Шведскимъ лодкамъ. Резервъ, бывшій въ городѣ съ двумя пушками, также быстро бросился на берегъ, и Шведы, опасаясь за свои лодки, побѣжали къ нимъ. Изъ пловучихъ батарей стрѣляли они въ насъ ядрами, а потомъ картечью; но наши шли впередъ, бросаясь въ штыки каждый разъ, когда Шведы останавливались. Лейбъ-Егери были впереди.

На всей Шведской линіи ударили отбой. Шведы, въ безпорядкѣ, бросались въ лодки, отчаливали отъ берега, и прятались отъ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ за островками, которыми усѣяно озеро передъ Куопіо. Въ 10 часовъ утра не было уже ни одного Шведа на берегу, и мы съ торжествомъ возвратились въ городъ. Нашъ эскадронъ хотя не ходилъ въ атаку, потому что мѣст-

ность не позволяла, но подвергался опасности наравнѣ съ прочими полками. Мы были на такое близкое разстояніе отъ Шведовъ, что различали черты лица ихъ офицеровъ, бывшихъ всегда впереди.

Сандельсъ, напавъ на Куопіо со всеми своими силами, не зналъ, что Барклай-де-Толли возвратился въ городъ въ ту же ночь. Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось это нападеніе, если бъ оно произведено было прежде прибытія въ Куопіо Барклая-де-Толли. Хотя бы Рахманову и удалось удержать городъ, то все же намъ было бы плохо.

Лейбъ-Егерскій батальонъ въ *третій* разъ былъ главнымъ виновникомъ побѣды и удержанія Куопіо, и ему отдана была полная честь, въ приказѣ по корпусу.

Послѣ этого Сандельсъ уже не возобновлялъ нападеній на Куопіо, достиг-

нувъ своей цѣли, а именно, воспрепятствовать Барклаю-де-Толли дѣйствовать на флангѣ Графа Клингспора, и такимъ образомъ далъ средства главному Шведскому корпусу оттѣснить операционный корпусъ Генерала Раевского до нашей послѣдней точки опоры.

Я уже говорилъ, что не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ Тильзитскій миръ почитали только *перемиріемъ*. Императоръ Александръ старался приблизить къ себѣ иностранцевъ, пользовавшихся военною репутациею, имѣвшихъ связи въ своемъ отечествѣ съ значительнѣйшими фамиліями, противными порядку вещей, вводимому Наполеономъ въ покоренныхъ имъ странахъ. Въ числѣ этихъ иностранцевъ былъ Маркизь Паулучи, принадлежащій къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ Моденскихъ фамилій. Онъ былъ принятъ въ этомъ году изъ Австрійской службы

въ Русскую службу полковникомъ, и пользовался особенною милостью и довѣренностью Государя. Получая безпрерывныя донесенія отъ Графа Буксгевдена о невозможности покорить Финляндію съ такими малыми силами и о бѣдственномъ состояніи войска, претерпѣвавшаго голодъ и всякаго рода нужду, Государь Императоръ выслалъ Полковника Маркиза Паулучи въ Финляндію, для повѣрки всѣхъ донесеній Главнокомандующаго, для изслѣдованія причинъ нашихъ неудачъ, для осмотра состоянія войска и для изысканія способовъ къ продовольствію войскъ мѣстными средствами. Маркизь Паулучи крайне удивился положенію войска. Всего Русскаго войска въ Финляндіи (до половины Іюня) было 26,000 человѣкъ, разбросанныхъ малыми отрядами (*) на

(*) Въ Карелии было 2000, въ Свеаборгѣ 3,500, у Або 4000, на флотилии 2000, въ центрѣ Фин-

разстояніи 570-ти верстѣ, между Або и Куопіо. И эти 26,000 человекѣ должны были содержать въ повиновеніи болѣе милліона жителей, непрерывно возбуждаемыхъ къ возстанію, на пространствѣ 3,000 квадратныхъ верстѣ, въ странѣ, пересѣкаемой озерами, болотами, лѣсами и скалами, омываемой съ одной стороны моремъ, соединяющимъ Финляндію съ Швеціей, имѣя противу себя Шведскій корпусъ Графа Клингспора въ 13,000 регулярныхъ войскѣ и до 6000 вооруженныхъ крестьянѣ, толпы партизановѣ во всѣхъ мѣстахъ, и ожидая непрерывно Шведскихъ десантовѣ, на всемъ берегу. Это была еще половина

ляндіи, у Раевского, 6000, въ Куопіо, у Баркляе-де-Толли (потомъ у Тучкова), 6000, на берегу морскомъ, между Або и Хрпстиненштадтомъ, 1000, и для прикрытія транспортовѣ, хлѣбопековѣ и содержанія отдѣльныхъ постовѣ 1500 человекѣ.

бѣды: злѣйшій нашъ врагъ былъ голодъ. Изъ Петербурга непрерывно высылали хлѣбъ, а къ войску его доставляли весьма рѣдко, Въ подводахъ былъ совершенный недостатокъ, а кромѣ того партизаны, какъ я уже говорилъ, безпрестанно отбивали транспорты, по слабости ихъ прикрытія. Хуже партизановъ были наши провіантскіе чиновники, какъ свидѣтельствуется и нашъ знаменитый военный историкъ, А. И. Михайловскій - Данилевскій, приводя примѣръ (см. Описаніе Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, глава X, стр. 203), что въ куляхъ, присылаемыхъ изъ Петербурга, вмѣсто муки, находили мусоръ! Это совершенная правда. Наказаніе, которому Императоръ Александръ подвергнулъ весь провіантскій штатъ за злоупотребленія въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, лишивъ его военного мундира, вовсе не подѣй-

ствовало къ исправленію провіантскихъ чиновниковъ. Было еще и хуже, чѣмъ кули съ мусоромъ! Провіантскіе чиновники рады были, когда Шведы отбивали подвижные магазины, потому что тогда они избѣгали всѣхъ повѣрокъ, расчетовъ и отчетовъ. Только на морскомъ берегу солдаты получали иногда хлѣбъ. Кавалерійскія лошади вовсе отвыкли отъ овса, и даже травы не всегда можно было достать вдоволь. Былъ также крайній недостатокъ въ обуви и въ боевыхъ зарядахъ. Словомъ, наша армія была въ самомъ дурномъ положеніи, во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ недостатки замѣняла храбрость. Наши голодные солдаты, питаясь почти исключительно грибами, и изрѣдка лакомясь мясомъ отнятаго у крестьянъ скота, дрались вездѣ прекрасно, и были бодры и веселы.

Осматривая войско, Маркизь Паулучи

пріѣхалъ въ Куопіо нѣсколько дней спустя послѣ послѣдняго сраженія, когда къ намъ пришли семь канонирскихъ лодокъ (*), подъ начальствомъ Флота Лейтенанта Павла Андреевича Колзакова (нынѣ Генераль-Адъютанта и Адмирала). У насъ изстари была флотилія, состоявшая изъ канонирскихъ лодокъ, на озерѣ Саймѣ, для охраненія границы, которая проходила по озерамъ, принадлежавшимъ Россіи и Швеціи. Вся восточная Финляндія покрыта озерами, которыя то соединяются между собою малыми проливами, то отдѣляются узкими перешейками. Флотилія эта стояла обыкновенно въ Вильманстрандѣ и Нейшлотѣ. Съ величайшимъ трудомъ перевели эту флотилію на озеро Калавеси, то перепоя на рукахъ, то перевоза на ло-

(*) Въ послѣдствіи ихъ было пятнадцать, а можетъ быть и болѣе.

шадяхъ разснащенные и обезоруженныя лодки, по перешейкамъ. Сандельсъ выслалъ противу Колзакова множество вооруженныхъ лодокъ, чтобъ воспрепятствовать нашей флотиліи вступить въ озеро Калавеси изъ тѣснаго пролива подъ Варкгаузомъ, но Колзаковъ разсѣялъ лодки, и съ торжествомъ вошелъ въ озеро.

Барклай-де-Толли рѣшился атаковать Сандельса въ позиціи его, Тайвола, за озеромъ, и для этого Маркизь Паулучи посовѣтовалъ сдѣлать плоты, которые бы могли поднимать, по крайней мѣрѣ, половину роты пѣхоты съ одною пушкою. Два плота начали строить близъ моеѣ квартиры, и работами завѣдывалъ самъ Маркизь Паулучи. Онъ иногда заходилъ ко мнѣ отдыхать, въ знойные дни, и тутъ я впервые узналъ этого необыкновеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, умнаго, остроумнаго, ученаго, благороднаго, оказавшаго Россіи незаб-

венныя услуги. О немъ я поговорю въ своемъ мѣстѣ.

Два первые плоты не удались. Идея была превосходная, но исполненіе не соотвѣтствовало ей. Нельзя требовать, чтобъ каждый зналъ ремесло, а дѣло мастера боится. Первый плотъ, съ полуро-тою егерей, сталъ опускаться ко-дну, по счастью, только въ тридцати шагахъ отъ берега. Люди только выкупались, и никто не погибъ, а плоты остались безъ употребленія. Маркизь Паулучи возвратился въ Петербургъ, и по его представленію, въ Куопіо прибылъ, на почтовыхъ, карабельный мастеръ, для постройки перевозныхъ судовъ. Но пока строили суда, Барклай-де-Толли заболѣлъ и уѣхалъ въ Россію, а начальство надъ корпусомъ принялъ Генераль Тучковъ 1-й, оправданный по слѣдствію.

Послѣ послѣдней побѣды, одержанной нами надъ Шведами, атаковавши-

ми Куопіо (въ ночи съ 17-го на 18-е Юня), товарищи, отдохнувъ отъ трудовъ, собрались на вечеръ въ нашъ *даровой трактиръ*. Нѣсколькихъ изъ нихъ мы не досчитались въ нашемъ дружескомъ кружкѣ. Съ чувствомъ помянувъ погибшихъ и пожелавъ скорого выздоровленія раненымъ, всѣ мы единодушно провозгласили здравіе нашего главнаго начальника, который возбудилъ въ насъ удивленіе въ этомъ сраженіи. Распоряжаясь съ величайшимъ хладнокровіемъ, онъ разѣзжалъ спокойно подъ пулями и ядрами непріятельскими, какъ на прогулкѣ; ободрялъ солдатъ ласковыми словами, разговаривалъ съ начальниками, и своимъ спокойствіемъ внушалъ всѣмъ надежду на скорую побѣду. — Экспромтомъ, я написалъ тутъ же, за столомъ, стишки, которые хотя и не имѣютъ ни какого литературнаго достоинства, но тогда всѣмъ понравились, потому что были *кста-*

ти и выражали наше единодушное чувство:

Скорѣе Финскіе каменья съ мѣстъ сойдутъ.
 Чѣмъ Шведы Купіо теперь у насъ возьмутъ.
 Пусть идутъ противъ насъ, хотя бы съ кораблями;
 Побѣда вѣрная — Барклай-де-Толли съ нами!
 И съ удивленіемъ тогда увидитъ свѣтъ,
 Что невозможнаго для насъ съ Барклаемъ нѣтъ!

Стишки эти на другой день дошли до Барклая-де-Толли, и онъ пригласилъ меня къ обѣду, принялъ ласково, и поблагодарилъ за *довѣренность* къ нему (его собственныя слова). Послѣ этого я нѣсколько разъ являлся къ нему послѣ развода, и онъ всегда удостоивалъ меня ласковымъ словомъ, и однажды даже сказалъ: «Подождемъ, авось найдемъ случай отличиться. Война не кончена; еще будетъ много дѣла!» — Когда мы узнали, что Барклай-де-Толли оставляетъ насъ, офицеры и солдаты весьма грустили. Я едва не заплакалъ! Хотя онъ отъѣз-

жалъ въ Россію по болѣзни, но, кажется, что неудовольствіе Графа Буксгевдена за неисполненіе Барклаемъ-де-Толли его предписанія было главною причиною его удаленіе. Барклай-де-Толли чувствовалъ, что ему трудно будетъ служить подъ начальствомъ разгнѣваннаго Главнокомандующаго, который, кромѣ того, не весьма любилъ его, за его дружбу съ Беннигсеномъ.

Барклаю-де-Толли поставленъ въ столицѣ памятникъ, какъ Румянцову, Суворову и Кутузову; но это награда Царская, а въ народѣ Русскомъ еще не появляясь для него историкъ. Къ Барклаю-де-Толли до сихъ поръ всѣ какъ-то холодны, хотя и признаютъ великія его заслуги отечеству. Холодность эта происходитъ, можетъ быть, оттого, что онъ чужеплеменникъ. Я уже сказалъ однажды въ Сѣверной Пчелѣ, что Барклай долженъ имѣть своего Тацита.

Барклай-де-Толли (Bagclay of Tolly) происходилъ отъ древней и знаменитой дворянской Шотландской фамилиі, которой члены прославились въ своемъ отечествѣ на поприщѣ наукъ и въ войнахъ. Одинъ изъ Барклаевъ оставилъ Шотландію во время религіозныхъ преслѣдованій, въ XVII столѣтіи, и поселился въ Ригѣ. Отъ него возникъ въ Ригѣ родъ Барклая-де-Толли. Въ Лифляндіи и Эстляндіи, встарину, *города* (Städte) соперничествовали съ *земствомъ* (Land), т. е. съ осѣдлымъ дворянствомъ, и между *городами* и *земствомъ* часто доходило до открытой войны. Каждый городъ въ Лифляндіи до сихъ поръ имѣетъ свои отдѣльныя права и привилегіи, во многомъ не согласныя съ потребностями дворянства, пользующагося также отдѣльными правами и привилегіями. Во время этого соперничества между городами и земствомъ образова-

лось въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ Ригѣ, Ревелѣ и Перновѣ, особое высшее сословіе гражданъ, которые называли себя *патриціями* и занимали важнѣйшія городскія должности. Это была городская аристократія, память которой осталась до сихъ поръ. Фамилія Барклай-де-Толли принадлежала къ этой гражданской аристократіи, (*bürgerliche Aristocratie*). Со времени присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи, когда иностранцевъ и вообще чужеземцевъ охотно принимали въ Русскую службу и особенно отличали, преимущественно при могущественномъ Биронѣ, въ Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, многіе изъ Остзейскихъ гражданъ вступили въ военную и гражданскую службу, и нѣкоторые изъ нихъ дослужились до высокихъ чиновъ. Остзейскихъ гражданъ принимали прежде на правахъ дворянъ, по рекомендаціи генераловъ,

записывавшихъ ихъ въ службу, и даже до половины Царствованія Императора Александра, Остзейскіе граждане, разумѣется высшаго сословія, вступали въ службу юнкерами, по свидѣтельству Ландъ-маршала и нѣсколькихъ дворянъ, безъ всякихъ справокъ. Изъ отставныхъ Русскихъ офицеровъ и чиновниковъ образовалось въ Остзейскихъ губерніяхъ Русское дворянство (*russischer Adel*), которое, однако жъ, не пользуется ни какими мѣстными правами и привилегіями Остзейскаго дворянства, если фамилія не принята въ члены его и не записана въ родословную дворянскую книгу, или *Matricel*.

Фамилія Баркляя-де-Толли раздѣлялась на двѣ отрасли. Одна занималась торговлею, а другая посвятила себя государственной службѣ. Отецъ Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли (въ послѣдствіи Князя и Фельдмаршала) былъ

отставной Русской службы поручикъ. Онъ скончался въ 1775 году, оставивъ трехъ сыновей, вступившихъ въ военную службу. Два брата не дожили до возвышенія третьяго. Старшій скончался въ чинѣ генераль-маіора, младшій въ чинѣ маіора артиллеріи. Средняго, Михаіла, родившагося въ 1761 году, взялъ на воспитаніе дядя, братъ его матери, Бригадиръ фонъ Вермеленъ, и записалъ, по тогдашнему обычаю, въ службу, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ 1769 году, вахмистромъ въ Новотроицкій кирасирскій полкъ. Въ 1778 году онъ произведенъ въ Корнеты, въ Псковскомъ карабинерномъ полку, въ который былъ переведенъ изъ Новотроицкаго кирасирскаго, и чрезъ восемь лѣтъ, т. е. въ 1786, въ Поручики, съ переводомъ въ Финляндскій Егерскій корпусъ, имѣя уже двадцать пять лѣтъ отъ рожденія. Получивъ первый офицерскій чинъ, Барклай

продолжалъ заниматься науками, подъ руководствомъ своего дяди, изучалъ исторію, военныхъ писателей, артиллерію и инженерное дѣло. Лучшимъ доказательствомъ того, что Барклай-де-Толли былъ на счету ученыхъ офицеровъ, служить назначеніе его адъютантомъ, съ чиномъ капитана, къ вступившему тогда въ Русскую службу Генералъ-Поручикомъ, Приицу Ангальтъ-Берибургскому, родственнику Императрицы Екатерины II. Съ нимъ онъ отправился въ блистательную Екатеринославскую Армію, состоявшую подъ начальствомъ знаменитаго Князя Потемкина, и при первомъ случаѣ отличившись, получилъ за штурмъ Очакова (6-го Дек. 1788) Владиміра 4-й степени и чинъ Секундъ-Маіора. Пробывъ два года въ Турецкой Арміи, Барклай, съ своимъ генераломъ, перешелъ (въ 1790 году) въ Финляндскую Армію, въ которой ему поручено было важное при

тогдашнемъ устройствѣ войска званіе Дежурнаго Маіора. Здѣсь онъ также отличился при первомъ представившемся случаѣ. Въ сраженіи подъ Пардакоски (8-го Апрѣля), онъ ввелъ въ дѣло резервъ въ самую критическую минуту, и возстановилъ битву. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ произведенъ въ Преміеръ-Маіоры. Во время дѣйствія Русскихъ войскъ противу Польскихъ конфедератовъ (1794 года), Барклай-де-Толли снова отличился, и получилъ Георгія 4-го класса и чинъ Подполковника, съ назначеніемъ командиромъ перваго батальона Эстляндскаго Егерскаго корпуса. Послѣ переименованія этого баталіона, сперва въ 24-й, а потомъ въ 3-й Егерскій полкъ, Барклай-де-Толли назначенъ Шефомъ полка (въ 1799), и командовалъ имъ до своего производства въ Генералъ-Лейтенанты (1807 года). Императоръ Павелъ I произвелъ Барклая-де-Толли, безъ очереди,

въ Полковники (въ 1798) и въ Генераль-
Маіоры (1799 года), и въ этомъ чинѣ онъ
началъ кампанію 1806 года.

Беннигсенъ зналъ Барклая-де-Толли
еще съ Очаковскаго штурма, и высоко
цѣнилъ его достоинства. Въ чудную борь-
бу съ первымъ полководцемъ нашего
времени, съ Наполеономъ, Беннигсенъ
поручилъ Барклаю самый трудный и са-
мый почетный постъ начальника авангар-
да, при движеніи впередъ къ Пултуску,
и начальника арріергарда, при отступ-
леніи къ Прейсишъ-Эйлау. Барклай-де-
Толли выполнилъ свое дѣло блистатель-
но, содѣйствовавъ славѣ нашего оружія
въ сраженіи подъ Пултускомъ, и выдер-
живая, съ удивительнымъ мужествомъ,
напоръ цѣлой Французской арміи, при от-
ступленіи нашихъ къ Прейсишъ-Эйлау.
Будучи почти разгромленъ превосходны-
ми силами непріятеля, подъ Янковомъ и
Ландсбергомъ (23-го и 24-го Января

1807 года), онъ удивилъ и своихъ и непріятелей своею стойкостью и непоколебимымъ упорствомъ. Жертвуя собою и своимъ корпусомъ, Барклай-де-Толли далъ время нашей арміи собраться за Прейсишъ-Эйлау, и въ знаменитомъ сраженіи подъ этимъ городомъ онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ нашему успѣху, защищая городъ съ величайшимъ упорствомъ. Здѣсь онъ былъ раненъ пулею въ правую руку, съ раздробленіемъ кости (26-го Января), и былъ принужденъ оставить армію. За Пултускъ онъ былъ награжденъ Георгіемъ 3-го класса, за Прейсишъ-Эйлау Владиміромъ 2-й степени и Прусскимъ орденомъ Краснаго Орла, а за всю кампанію произведенъ въ Генералъ-Лейтенанты и назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи (9-го Апрѣля 1807 года).

Въ Прусской войнѣ Барклай-де-Толли пріобрѣлъ славу не только храбраго, но

*

и искуснаго генерала. Наполеонъ , въ Тильзитѣ , хотѣлъ знать , кто командовалъ Русскимъ арріергардомъ при отступленіи къ Прейсшъ-Эйлау , и сказалъ , что это долженъ быть отличный генералъ. И точно , всѣ награды Барклай-де-Толли заслужилъ отличіемъ. Суворовскій авангардный генералъ , Князь Багратіонъ , послѣ Пултуска и Прейсшъ-Эйлау , питалъ высокое уваженіе къ Барклаю - де - Толли , и относился о немъ съ величайшею похвалою. Съ этою славою вступилъ Барклай-де-Толли въ Финляндію , и поддержалъ ее при наступленіи на Куопіо и при защитѣ этого города.

Барклай-де-Толли былъ высокаго роста , держался всегда прямо , и во всѣхъ его приемахъ обнаруживалась важность и необыкновенное хладнокровіе. Онъ не терпѣлъ торопливости и многорѣчія ни въ себѣ , ни въ другихъ , говорилъ ме-

дленно, мало, и требовалъ, чтобъ ему отвѣчали на его вопросы кратко и ясно. Хотя въ это время (1808 года) ему было только сорокъ семь лѣтъ отъ рожденія, но, по лицу, онъ казался гораздо старѣе. Онъ былъ блѣденъ, и продолговатое лице его было покрыто морщинами. Верхняя часть его головы была безъ волосъ, и онъ зачесывалъ ихъ съ висковъ на маковку. Онъ носилъ правую руку на перевязи изъ черной тафты, и его надлежало подсаживать на лошадь, и поддерживать, когда онъ слѣзалъ съ лошади, потому что онъ не владелъ рукою. Съ подчиненными онъ былъ чрезвычайно ласковъ, вѣжливъ и кротокъ, и когда даже бывалъ недоволенъ солдатами, не употреблялъ бранныхъ словъ. Въ наказаніяхъ и наградахъ онъ соблюдалъ величайшую справедливость, былъ чело-вѣколюбивъ, и радѣлъ о солдатахъ, требуя отъ начальниковъ, чтобъ все, что

солдату слѣдуетъ, отпускаемо было съ точностью. Съ равными себѣ онъ былъ вѣжливъ и обходителенъ, но ни съ кѣмъ не фамиліарился и не дружился. Барклай-де-Толли велъ жизнь строгую, умѣренную, никогда не предавался ни какому излишеству, не любилъ большихъ обществъ, гнушался волокитствомъ, карточной игрою, но на разгульную жизнь молодежи смотрѣлъ сквозь пальцы, не допуская, однако жъ, явнаго разврата. Отъ старшихъ требовалъ онъ примѣрнаго поведенія, и не повѣрялъ ни какой команды гулякамъ. Бережливость Барклай-де-Толли была въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, и многіе упрекали его въ скупости. Мнѣ кажется, что только одинъ упрекъ Барклай-де-Толли былъ справедливъ, а именно—въ излишнемъ пристрастіи къ землякамъ своимъ, Остзейцамъ. Въ слѣдствіе привязанности къ своей супругѣ (изъ дворянской фамиліи фонъ-Смит-

тень), онъ всегда окружалъ себя Остзейцами, и предоставлялъ имъ случаи къ отличію. И то должно сказать, что они оправдывали выборъ, отличаясь всегда, жертвуя охотно жизнью, для славы Русскаго оружія. Исключенія такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ упоминать. Мы, молодые офицеры, прозвали Барклая-де-Толли *квакеромъ*.

Барклай-де-Толли созданъ былъ для командованія войскомъ. Фигура его, голосъ, приемы, все внушало къ нему уваженіе и довѣренность. Въ сраженіи онъ былъ такъ же спокоенъ, какъ въ своей комнатѣ или на прогулкѣ. Разъѣзжая на лошади шагомъ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, онъ не обращалъ ни какого вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, и кажется вполне вѣрилъ Русской солдатской поговоркѣ: пуля вповатаго найдетъ. 3-й Егерскій полкъ обожалъ своего стараго шефа, и кто только былъ подъ его на-

чальствомъ, тотъ непремѣнно долженъ былъ полюбить своего храбраго и справедливаго начальника. Онъ, однакожъ, никогда не могъ быть народнымъ или популярнымъ начальникомъ, потому что не имѣлъ тѣхъ Славянскихъ качествъ, которыя восхищаютъ Русскаго солдата и даже офицера, именно веселости, шутливости, живости, и не любилъ нашихъ родныхъ *авось* и *какъ нибудь*. Русская пѣсня не имѣла для Барклая-де-Толли ни какой прелести. Быстрые порывы храбрости онъ старался умѣрять, зная, что они могутъ повести къ гибели, и приучалъ солдатъ къ стойкости и хладнокровному мужеству. За нарушение военной дисциплины, за обиды жителей и за ослушаніе онъ былъ неумолимъ. У насъ иногда бываетъ полезно нѣкоторое фанфаронство или хвастовство, внушая солдату самонадѣянность и закрывая передъ нимъ опасность — а Барклаю-де-Толли не могъ

терпѣть ни какого фанфаронства и хвастовства, Онъ велъ войско въ сраженіе не какъ на пиръ, но какъ на молитву, и требовалъ отъ воиновъ важности и обдуманности въ дѣлѣ чести, славы и пользы отечества. Барклай-де-Толли достоинъ былъ предводити легионами Цесаря, и Плутархъ или Тацитъ, изображеніемъ его характера, украсили бы краснорѣчивыя страницы своего повѣствованія.

Я не служилъ подъ начальствомъ Генерала Тучкова 1-го, въ Куоііо. Прибывъ на смѣну Барклая-де-Толли, онъ привезъ съ собою приказаніе Главнокомандующаго, выслать немедленно отрядъ на подкрѣпленіе корпуса Генерала Графа Николая Михайловича Каменскаго, который въ то же время смѣнилъ Генерала Раевского. Генераль Тучковъ отрядилъ 3-й Егерскій полкъ, одинъ батальонъ Низовскаго мушкетерскаго и два эскадрона нашего полка (нашъ, ко-

мандирскій, и эскадронъ Князя Маишвелова), поручивъ начальство надъ отрядомъ командиру 3-го Егерскаго полка, Подполковнику Ивану Васильевичу Сабанѣеву, и мы во второй половинѣ Іюня выступили изъ Куопіо, по той же дорогѣ, по которой шель прежде Барклайде-Толли, для подкрѣпленія Раевскаго, а именно чрезъ Рауталамби и Койвисто, въ Саріярви, для поступленія въ авангардъ Графа Каменскаго, которымъ въ это время командовалъ Полковникъ Властовъ. Намъ надлежало пройти около *двухъ сотъ* верстъ внутренностью взбунтованнаго края, по мѣстамъ, намъ вовсе неизвѣстнымъ, не зная даже гдѣ находится армія Графа Клигспора и его отдѣльные отряды и партизаны. Когда мы вышли за городъ, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ перекрестился и сказалъ: «съ нами Богъ!»

IV.

Тогдашнее состояніе Финляндии. — Города. — Отношенія Финляндии къ Швеціи. — Просвѣщеніе. — Образъ жизни. — Дворянство и духовенство. — Нравственность народа. — Анекдотъ, доказывающій религіозность и высокое уваженіе общаго мнѣнія въ Финляндскомъ народѣ. — Мнѣніе большинства въ дворянствѣ и въ простомъ народѣ о войнѣ съ Россіей. — Откомандировка для поимки Шведскаго Полковника Филдта. — Лазутчикъ. — Добродушіе нашихъ враговъ. — Политическіе разговоры съ помещикомъ и съ поселянами. — Походъ отряда Сабаньева, чрезъ внутренность страны, изъ Куопіо къ корпусу Графа Каменскаго. — Дружба съ молодымъ ученымъ Финляндскимъ патриотомъ. — Надежда Финскаго народа. — Чѣмъ кончится женскій патриотизмъ. — Характеристика Ивана Васильевича Сабаньева. — Мы примыкаемъ къ корпусу Графа Каменскаго. — Вѣсти съ береговыхъ отрядовъ. — Опасности, кото-

рымъ подвергались Графъ Буксгевденъ и Графъ Каменскій.

Взглянемъ бѣгло на тогдашнюю Финляндію.

Древнее отечество Финскаго племени, одного изъ многочисленнѣйшихъ въ мірѣ — Азія, отъ горъ Уральскихъ и восточнаго берега Каспійскаго Моря до моря Охотскаго и Камчатки, между Ледовитымъ моремъ и полосою горъ, перерѣзывающихъ Среднюю Азію. Племя Финское есть отрасль племени Монгольскаго, какъ доказано даже сходствомъ череповъ (*). Древніе Югры, или Угры, и Гушны были, безъ сомнѣнія, Финскія племена. До VI вѣка по Р. Х. Финны занимали все пространство средней по-

(*) См. Россія въ Истор., Статист., Географ. и Литерат. отношеніяхъ.

лосы Россіи, т. е. всѣ страны, обитаемыя нынѣ Великороссіянами, и это доказывается Финскимъ наименованіемъ рѣкъ и урочищъ (*). Оттѣсненныя Славянскими племенами изъ средней полосы Россіи, Финскія племена подвинулись на сѣверъ, и разсѣялись ордами на всемъ пространствѣ. Исключая малаго числа Шведскихъ Лопарей, теперь всѣ Финскія племена входятъ въ составъ народонаселенія Россійской Имперіи, подъ различными племенными прозваніями, данными имъ чужеплеменниками. Ижора (или Ижерцы, въ Петербургской губерніи), Эстонцы (или Чудь, въ губерніяхъ Эстляндской и части Лифляндской), Финны и Карелы (въ Финляндіи), Лапландцы, Чуваши, Черемисы, Мордва, Зыряне, Вогуличи, Вотяки, Остяки, всѣ одного

(*) См. тамъ же.

происхожденія, и вездѣ сами себя называютъ *туземцами*. Весьма замѣчательно, что Финское племя только въ одной Венгрии, или Угрии, образовало государство, но и то въ соединеніи съ другими племенами, подъ руководствомъ Гермацевъ и при помощи Славянъ. Атила, влеча за собою смѣсь всѣхъ сѣверныхъ народовъ, разрушалъ, а не создалъ государства, и вездѣ стоялъ лагеремъ. Причина этому въ характерѣ Финскаго племени. Финны угрюмы, не общительны, любятъ уединеніе, живутъ отдѣльно, семействами, и никогда не строятъ ни городовъ, ни большихъ селъ. Лѣсъ и вода имѣеть для Финна необыкновенную прелесть, и онъ тогда только счастливъ и доволенъ, когда можетъ жить въ лѣсу, на берегу большаго озера. Въ глубокой древности они подчинялись родо-вымъ старшинамъ, но не имѣли никогда владыкъ. Шведы, покоривъ окончатель-

но Финляндію (въ началѣ XIV вѣка) (*), построили въ Финляндіи города. Древнѣйшій городъ въ Финляндіи—Выборгъ, основанный, однако жъ, Датчанами, въ 1229 году, Кексгольмъ въ 1295 году, и а послѣ нихъ Борго, въ 1346 году, и Або, котораго время основанія относится также къ XIV вѣку. Церковь въ Торнео построена въ 1350 году, но селеніе получило право города только въ 1621 году. Улеаборгъ построенъ въ 1605 году, Каяна въ 1660, Брагештадтъ въ 1649, Гамле-Карлеби въ 1620, Нью-Карлеби въ 1614, Якобштадтъ въ 1653, Ваза въ 1611, Христинештадтъ въ 1649, Таммерфорсъ въ 1779, Біернеборгъ въ 1558, Ньюштадтъ въ 1617, Ловиза въ 1745. Гельсингфорсъ, основанный въ 1550 году,

(*) Покореніе началось съ 1157 года, при Шведскомъ Королѣ Эрикѣ IX или Святомъ, въ цѣли утвержденія Христіанской Вѣры въ Финляндіи.

сдѣлался значительнымъ городомъ со времени покоренія Финляндіи Русскими, а прежде былъ малымъ мѣстечкомъ. Свеаборгъ основанъ въ 1749 году, Тавастгузъ въ 1650, Нейшлотъ въ 1475, Куопіо въ 1776, Вильманстрандъ въ 1656 году. Какъ большая часть городовъ построена въ XVII вѣкѣ, то должно полагать, что съ этихъ поръ началась прочная гражданственность въ Финляндіи. Въ новой Финляндіи было, въ 1808 году, около 1,000,000 жителей, и въ городахъ обитало не болѣе 60,000 душъ обоюго пола, почти исключительно Шведовъ и часть Финновъ, усвоившихъ Шведскіе языкъ, нравы и обычаи. — Только городъ Або имѣлъ около 11,000 и Улеаборгъ до 4,500 жителей. Прочіе города были тогда, какъ и теперь весьма слабы народонаселеніемъ, и множество сель и деревень въ Россіи многолюднѣе Финляндскихъ городовъ.

Лучшія мѣста въ Финляндіи по морскому берегу, т. е. Нюландскую губернію, провинцію Остерботенъ (Восточную Ботнію) и Аландскіе Острова, заняли покорители края, Шведы, и по мѣрѣ утвержденія въ Швеціи просвѣщенія и гражданственности, распространяли ихъ между туземцами, по возможности. Но просвѣщеніе слабо проникало въ массы туземцевъ, по отвращенію ихъ отъ общежительности, по врожденной ненависти ко всѣмъ иноплеменникамъ, и по недостатку сообщенія между разсѣянными на огромномъ пространствѣ жителями. Только религія глубоко вкоренилась въ сердцахъ Финновъ, и одни пасторы сильно дѣйствовали на умы, говоря съ туземцами ихъ языкомъ. Это одна нравственная власть, которую Финны признавали по внутреннему убѣжденію.

Абоскій Университетъ, въ теченіе двухъ сотъ пятидесяти-лѣтняго своего

существованія, пролилъ много свѣта въ Финляндіи, но болѣе на Шведовъ. Науки преподавались въ университетѣ на Шведскомъ языкѣ, и хотя въ школахъ обучали Финскому языку, и при университетѣ былъ также лекторъ этого языка, но Финскій языкъ не былъ никогда ни официальнымъ, ни общежительнымъ. Изучали его люди, посвящавшіе себя духовному званію и провинціальной гражданской службѣ. Помѣщики и купцы знали его изъ употребленія. Въ теченіе времени образовалась Финская Литература, духовная и свѣтская, изъ сочиненій и переводовъ людей, обучавшихся въ университетѣ. Для Финновъ издавалась официальная газета на Финскомъ языкѣ, и всѣ распоряженія правительства всегда издаваемы были на двухъ языкахъ, Шведскомъ и Финскомъ; но все просвѣщеніе, вся гражданственность, вся торговля и промышленность края

сосредоточены были на морскомъ берегу и въ маломъ числѣ городовъ, между Шведскими переселенцами и гражданами Финскаго происхожденія, принявшими Шведскіе нравы и обычаи. Тѣ изъ образованныхъ людей, которые теперь съ гордостью или удовольствіемъ называютъ себя Финнами, т. е. Финляндцами, тогда бы обидѣлись, если бѣ ихъ называли Финнами. Каждый, имѣвшій притязаніе на образованность или на значеніе, называлъ себя Шведомъ. Внутри края, тамъ гдѣ господствуетъ Финскій языкъ, просвѣщеніе и образованность утверждены были только въ дворянствѣ, духовенствѣ, чиновникахъ военныхъ и гражданскихъ. Поселяне вообще были грубы, суровы и въ сѣверной и въ сѣверовосточной части Финляндіи (Каянскои области, Саволакскѣ и Карелии), невѣжественны почти до дикости, суевѣрны и мстительны до крайности. На Руси издрѣвле ведется

повѣрье, что всѣ Финны колдуны, и Пушкинъ въ поэмѣ: Русланъ и Людмила вывелъ на сцену Финна. Это характеризуетъ Финновъ.

Швеція извлекала изъ этой страны великую пользу, все, что можно было извлечь, и ничѣмъ не помогала Финляндіи, которая претерпѣвала всегда опустошенія въ войнахъ съ Россіей, со времени Новгородскаго владычества на сѣверѣ до Петра Великаго, и истощалась въ дальнихъ войнахъ Шведовъ, не приобретающая никогда ни какихъ выгодъ. Редукціонная система (*) при Карлѣ XI

(*) Я говорилъ неоднократно въ Сѣверной Пчелѣ и въ отдѣльныхъ моихъ сочиненіяхъ о редукціонной комиссіи. Карлъ X выдумалъ, а Карлъ XI началъ приводить въ исполненіе мѣру, принятую для обогащенія обѣднѣвшей казны, отнятіемъ недвижимыхъ имѣній у владѣльцевъ, которые не могли доказать формальными актами правъ своихъ на независимое отъ казны владѣніе помѣстьями. Куп-

(во второй половинѣ XVII вѣка), породила въ дворянствѣ и всѣхъ властителяхъ земли ненависть и недовѣрчивость къ правительству, обнаруживавшуюся неоднократно, при каждомъ случаѣ. Шведское Правительство не заводило и не ободряло ни какой фабричной и мануфактурной промышленности въ Финляндіи, предоставляя Шведамъ снабжать эту страну всѣ-

чія крѣпости не принимались въ уваженіе. Даже жалованныя властителями страны имѣнія были отнимаемы, если не было ясныхъ доказательствъ на вѣчное право. Въ Лифляндіи и Эстляндіи это произвело страшное замѣшательство, потому что многія имѣнья были пріобрѣтены правомъ завоеванія первыми рыцарями, и перешли въ сотыя руки. Это было главною причиною возстанія Паткуля противу Швеціи. Въ Финляндіи многія имѣнія были даны Шведскимъ чиновникамъ въ древности, для водворенія между дикими Финнами Христіанства и Шведскаго порядка. И послѣ нѣсколькихъ вѣковъ стали разсматривать права собственности!

ми ея потребностями. Мореплаваніе также было въ рукахъ Шведовъ. Подати, по бѣдности края, были велики. Финляндія доставляла Швеціи строевой и корабельный лѣсъ, топливо для Стокгольма, рожь, овесъ, деготь, смолу, коровье масло и рогатый скотъ, и, что всего важнѣе, отличнѣйшихъ матросовъ и храбрыхъ солдатъ. Земледѣліе было тогда на всемъ сѣверѣ въ плохомъ состояніи, но все же Финляндія была житницею прибрежной Швеціи.

Богатыхъ людей было весьма мало въ Финляндіи, и тѣ, по большей части, жили въ Стокгольмѣ, по крайней мѣрѣ часть года, издерживая свои доходы внѣ страны. Ни въ одной странѣ не живутъ такъ скромно и умѣренно, какъ жили даже достаточные люди въ Финляндіи, во время покоренія Русскими сей страны. Почти все дома въ городахъ и помѣстьяхъ были деревянные, самой про-

стой постройки. Домъ обыкновенно красился темно-красною водяною краскою (извлекаемою изъ желѣзной руды), а ставни, ушаки, двери, углы дома и крыша черною краскою. Это единообразіе и мрачное сочетаніе красокъ возбуждало въ насъ какое-то непріятное чувство. Мебель краснаго дерева, съ бронзой (какъ тогда было въ модѣ во всей Европѣ), я видѣлъ только *два раза*. Паркетовъ вовсе не знали тогда въ Финляндіи. Мебель была простая, прочная, такъ сказать, вѣковая, или березовая, или дубовая, или крашеная сосновая. Картинъ, статуй я вовсе не видалъ, хотя былъ въ богатыхъ домахъ. Свѣжій хлѣбъ былъ рѣдкость, и его можно было достать только въ городѣ, а пиво почиталось роскошью. Богатые и бѣдные ѣли сушенныя лепешки (кнакебре), какъ въ Швеціи, и пили напитокъ, называемый *швадрикомъ*, нѣчто въ родѣ кваса или слабого пива.

Молоко, сушеная и соленая рыба, соленое и сушеное мясо составляли обыкновенную пищу бѣднаго и богатаго. Разница была въ качествѣ припасовъ и приготовленіи. Достаточные и роскошные люди на пирахъ пили крѣпкія Испанскія и Португальскія вина, но вообще въ гостяхъ, даже за обѣдомъ, подчивали пуншемъ, теплымъ и холоднымъ. Жиденькій кофе пили всѣ, даже поселяне, на морскомъ берегу. Водки было много, потому что всѣ крестьяне имѣли право гнать вино, и почти каждый изъ нихъ пользовался своимъ правомъ, перегоняя въ вино часть своей ржи. На морскомъ берегу, особенно въ Остерботніи, много было зажиточныхъ поселянъ, которые жили въ двухъ-этажныхъ деревянныхъ, чистыхъ домахъ. У многихъ были клавикорды и библіотека. Тѣ крестьяне, которые были избраны на сеймъ, въ Стокгольмѣ, всю жизнь носили медали, и бы-

ли всѣми уважаемы. Почти всегда избирали крестьянъ на сеймы изъ Шведскихъ переселенцевъ, потому что внутри края весьма немногіе знали Шведскій языкъ. Это льстило самолюбію народа, но въ существѣ не приносило ни какой пользы, и жалобы Финляндцевъ на сеймѣ замирали, какъ эхо!

Изъ Исторіи Швеціи видно, что Шведское дворянство, вообще бѣдное, рѣдко противостояло искушенію, когда иностраннымъ Державамъ надобны были голоса на сеймѣ. Всѣмъ памятна борьба партіи шляхъ и партіи шапокъ, при Густавѣ III. Бунтъ въ Финскомъ войскѣ, возбужденный офицерами изъ Финляндскихъ дворянъ, когда Густавъ III хотѣлъ вторгнуться въ предѣлы Россіи (какъ я говорилъ выше) доказываетъ, что и въ Финляндіи господствовалъ тотъ же духъ, что и въ Швеціи. Вообще Финляндское дворянство не было до такой степени

расположено къ Шведскому Правительству, чтобъ жертвовать для него жизнью и состояніемъ, и многіе Финскіе офицеры составили уже заговоръ въ арміи Графа Клингспора, во время его отступленія до Сикаіоки, для возвращенія въ свой семейства. Только пасторы сильно были привязаны къ Швеціи, и они одни удерживали народъ отъ покорности Русскимъ, и возбуждали его къ защитѣ края и къ истребленію непріятеля. Правда, дворянство и горожане вообще не доброжелательствовали тогда Русскимъ, вошедшимъ въ страну съ оружіемъ въ рукахъ, и не желали присоединенія края къ Россіи; но, исключая Вазы, горожане не вмѣшивались въ войну, а неслужащіе дворяне были еще смиреннѣе. Каждый трепеталъ за свою собственность, и былъ радъ, когда его не беспокоили, и когда онъ могъ продать что либо на наличныя Русскія деньги.

Вѣковыя войны, происходившія съ Русскими, и прежній варварскій способъ веденія войны укоренили въ Финляндцахъ предразсудки на счетъ Русскихъ. Насъ почитали дикарями, почти людоѣдами, кровожадными и хищными, и никакъ не хотѣли вѣрить нашему Европейскому образованію, почитая всѣхъ благовоспитанныхъ офицеровъ иностранцами или иноплеменными подданными Россіи. О Русскомъ Правительствѣ также не имѣли ни какого понятія, представляя себѣ все въ самомъ дурномъ и преувеличенномъ видѣ. Но, при всѣхъ враждебныхъ къ намъ чувствахъ и при общемъ желаніи остаться подъ Шведскимъ Правительствомъ, въ высшемъ, т. е. образованномъ сословіи не было той народной гордости и того патріотизма, а въ простомъ народѣ того фапатизма, которыми одушевился въ томъ же году народъ Испанскій противу Наполеона; не было

энергіи, свойственной южнымъ народамъ. Энтузіасмъ въ Финляндіи вспыхнулъ, и по мѣрѣ побѣдъ нашихъ сталъ затихать, и погасъ. Въ Испаніи, напротивъ, побѣды Французовъ усиливали ненависть къ нимъ, и возбуждали народъ къ возстанію и сопротивленію.

Нравственность Финляндцевъ вообще была безукоризненная. Примѣрные Христіане, вѣрные блюстители законовъ, твердые въ словѣ, честные во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, Финны могли служить примѣромъ для гражданскихъ обществъ. И за эти похвальныя качества обязаны они своему духовенству, самому просвѣщенному въ Европѣ. Говоря то, что мнѣ кажется истиною, я долженъ также высказать, что женскій полъ, особенно въ среднемъ сословіи, не раздѣлялъ съ мужчинами ненависти къ намъ, и что вообще любовь разрѣшала тогда въ Финляндіи многое, запрещаетъ

мое строгою нравственностью. Но и то должно сказать, что въ уединенной, холодной Финляндіи такъ мало развлеченій, такъ мало забавъ, такъ все единообразно и скучно, что красавицѣ съ живымъ характеромъ трудно устоять противу искушеній любви. Эта слабость, однако жъ, выкупается тысячею похвальныхъ качествъ. Слѣдующій анекдотъ покажетъ самое странное смѣшеніе противоположностей.

Когда мы съ Барклаемъ-де-Толли заняли Куопіо, Полковникъ Сандельсъ оставилъ при тюрмѣ караулъ, съ запиской, что онъ передаетъ охраненіе преступниковъ и обвиненныхъ въ преступленіи Русскимъ, и увѣренъ, что начальникъ Русскаго отряда отошлетъ къ нему его солдатъ. Барклай-де-Толли, разумѣется, отослалъ къ Сандельсу Шведскій караулъ, и поставилъ свой. Наряженъ былъ въ караулъ одинъ изъ моихъ пріятелей,

офицеръ Ревельскаго мушкетерскаго полка. На другое утро, проходя мимо тюрьмы, я увидѣлъ его передъ воротами, и онъ разсказомъ своимъ возбудилъ во мнѣ любопытство и желаніе осмотрѣть тюрьму. Мы вошли во внутренность тюрьмы, раздѣленной на двѣ половины, женскую и мужскую. Уличенные и уже осужденные преступники содержались отдѣльно, въ малыхъ каморкахъ, а въ залахъ были только обвиненные въ преступленіяхъ и подсудимые. Стѣны въ залахъ были расписаны изображеніями Страшнаго Суда, сценами адскихъ мученій. Черти, представленные въ видѣ рогатыхъ и крылатыхъ негровъ, жарили на вертелахъ и на сковородахъ и варили въ котлахъ несчастныхъ преступниковъ и преступницъ; дикіе звѣри и гады грызли ихъ... Живопись была хуже самого предмета! Въ концѣ каждой залы была кафедра, съ которой пасторъ проповѣдо-

валъ, два раза въ недѣлю. Потолокъ изображалъ небо, для раскаявшихся и сознавшихся въ преступленіи. Осматривая все устройство тюрьмы, я замѣтилъ, между обвиненными въ преступленіи, дѣвушку лѣтъ двадцати, необыкновенной красоты. Между караульными солдатами былъ Финляндецъ, изъ Выборгской губерніи, и я чрезъ него узналъ, что молодая дѣвушка обвинена въ дѣтоубійствѣ, но не сознается, и утверждаетъ, что на нее донесъ, изъ мщенія, одинъ развратный сидѣлецъ, за то, что она не хотѣла быть его любовницею. Красота убѣдительно всякаго краснорѣчія: я повѣрилъ дѣвушкѣ на слово, и уговорилъ пріятеля выпустить ее на волю. Это было легко въ военное время, особенно на первыхъ порахъ, когда не успѣли ни сосчитать содержащихся въ тюрьмѣ, ни передать ихъ въ какое нибудь вѣдомство. Пріятель, такой же молодой вѣ-

тряникъ, какимъ былъ тогда я, согласился, и мы выпустили дѣвушку, и дали ей нѣсколько рублей на дорогу. Въ нашемъ офицерскомъ кругу мы посмѣялись этому, и позабыли чрезъ нѣсколько дней.

Когда въ Куопіо учрежденъ былъ нѣкоторый порядокъ, стали наряжать офицеровъ для дежурства по тюрьмѣ и по госпиталю. Пришла очередь и мнѣ; вообразите мое удивленіе, когда, посѣтивъ тюрьму, уже по должности, я увидѣлъ выпущенную по моей просьбѣ дѣвушку! Со мною былъ переводчикъ, и я сталъ спрашивать дѣвушку.»

«Кто тебя посадилъ снова въ тюрьму?»

— Я сама возвратилась.

«Зачѣмъ?»

— Когда вы выпустили меня, я пошла къ матери, въ трехъ миляхъ отсюда, но ни одна душа не хотѣла говорить со мною, и даже подруги отворачива-

лись отъ меня. Въ воскресенье, крестьяне не пустили меня въ церковь. Мать моя повела меня къ пастору, чтобъ посоветоваться, что мнѣ дѣлать, и пасторъ сказалъ, что только судъ можетъ выпустить меня на волю, и что я прогнѣваю Бога и буду на всю жизнь несчастна, если избѣгну суда недозволенными средствами. «Если ты безвинна,» сказалъ пасторъ, «Богъ откроетъ твою безвинность законнымъ судьямъ, а если ты виновата, то земное наказаніе, при твоёмъ раскаяніи, очиститъ твою душу.» Я безвинна, и потому, въ надеждѣ на помощь Божью, возвратилась въ тюрьму...»

Это простодушіе тронуло меня до глубины души. Немедленно пошелъ я къ Генералу Рахманову, рассказалъ ему откровенно все случившееся, и просилъ войти въ положеніе дѣвушки, наказавъ меня за то, что я уговорилъ пріятеля

выпустить ее изъ тюрьмы. Добрый Рахмановъ также приведенъ былъ въ умиленіе поступкомъ дѣвушки. Финскаго суда не было въ Куопіо, но онъ пригласилъ въ Куопіо того самаго пастора, который внушилъ страхъ Божій дѣвушкѣ, и подъ его предсѣдательствомъ составилъ комиссію, изъ нѣсколькихъ гражданъ, оставшихся въ городѣ. По слѣдствію оказалось, что дѣвушка точно родила преждевременно, мертваго младенца, и отъ стыда скрыла это. Помогавшая ей при родахъ женщина подтвердила присягою, что младенецъ родился мертвый, и дѣвушку оправдали. Добрый пасторъ взялся уговорить своихъ прихожанъ, чтобъ они простили кающейся проступокъ и не чуждались ея общества, и увезъ ее съ собою. Душевно и искренно обнялъ я добраго пастора, и поблагодарилъ другихъ членовъ комиссіи. Наши офицеры сложили до двухъ сотъ

рублей на приданое прекрасной грѣшницѣ.

Вотъ еще характеристическія черты тогдашнихъ Финляндцевъ. Разнесся слухъ, что Полковникъ Фіандтъ, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ на лѣвомъ флангѣ Графа Клингспора, раненъ въ сраженіи, и скрывается по близости Куопіо, (гдѣ онъ имѣлъ помѣстье) у своихъ родственниковъ. Генераль Рахмановъ выслалъ меня, со взводомъ, къ одному изъ этихъ родственниковъ, на котораго падало подозрѣніе, что онъ укрываетъ Полковника Фіандта, приказавъ мнѣ взять его, или, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ. Мыза этого родственника, тогдашняго нашего врага, находится верстахъ въ двадцати отъ Куопіо, среди лѣсовъ. Исполненіе предоставлено было моему юношескому благоразумію. Добрый Генераль Рахмановъ былъ располо-

женъ ко мнѣ, и хотѣлъ предоставить мнѣ случай къ отличію. Въ руководители данъ былъ мнѣ гнусный шпіонъ, неизвѣстно какого происхожденія. Онъ называлъ себя отставнымъ Шведскимъ офицеромъ. Одни говорили, что онъ Датчанинъ, другіе увѣряли, что онъ Жидъ, перекрестъ, изъ Гамле-Карлеби. Я отправился съ разсвѣтомъ, по проселочной дальней дорогѣ, чрезъ лѣса, чтобъ обойти мызу, принявъ всевозможныя предосторожности, но болѣе всего остерегался моего путеводителя, котораго отвратительная фізіономія и ремесло возбуждали во мнѣ ужасъ, недовѣрчивость и омерзенеіе. Лѣса Финляндіи навсегда остались въ моеіи памяти; они производили во мнѣ тогда сильное впечатлѣніе. Это самый живой образъ дикости. Вѣковыя деревья, удивительной вышины и объема, сжатые въ иныхъ мѣстахъ въ одну массу, а кое-гдѣ рѣдкія, позволяющія взору

проникать на далекое разстояніе, закрываютъ небо. Огромные камни и высокія скалы, покрытые мохомъ или поросшіе кустарникомъ, выглядываютъ, какъ привидѣнія, изъ чащи лѣса. Тутъ глубокіе овраги и лощины, далѣе красивыя лужайки, орошаемыя ручьями ключевой воды. При безвѣтріи, тишина лѣсовъ, изрѣдка прерывается крикомъ или перелетомъ птицъ, или шелестомъ, производимымъ крупнымъ звѣремъ, а при повѣвахъ вѣтра слышится шумъ, какъ отъ взволнованнаго моря; во время бури страшный вихрь и трескъ ломающихся сучьевъ и деревьевъ наводитъ, какой-то страхъ на душу. *Es ist schauerlich*, какъ говорятъ Пѣмцы. Углубившись въ эти дремучіе лѣса, чувствуешь, что находишься въ нѣдрахъ первобытной природы, на сѣверѣ, куда одна крайность могла загнать человека. И вдругъ, среди этой сѣверной дикости и необитаемости, повѣтъ на васъ

ароматомъ Индіи, запахомъ ананасовъ! Что это? Это *мамура*, самая вкусная и самая душистая въ мірѣ ягода. Большія пространства въ лѣсахъ покрыты этою ягодою и различными грибами, вкусными и ароматными. Это были наши магазины продовольствія во время этой голодной войны. Неизвѣстно, по какой причинѣ Шведы и Финны не употребляютъ въ пищу грибовъ, хотя Шведскій знаменитый химикъ Берцеліусъ первый доказалъ, что грибы не только не вредны, но даже заключаютъ въ себѣ питательную силу (*chylus*), что прежде было отвергаемо. Дичи всякаго рода, крупной и мелкой, бездна въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ, но и хищныхъ звѣрей множество, и человекъ, живя въ этихъ дѣбряхъ, непременно долженъ одичать и огрубѣть, въ вѣчной борьбѣ съ суровымъ климатомъ, съ нуждою и съ дикими звѣрями. Всегдашній видъ мрачныхъ лѣсовъ

и голыхъ каменьевъ стѣсняетъ воображеніе и сжимаетъ чувство. Голоса Финскихъ пѣсень почти то же, что печальный крикъ ночныхъ птицъ или грозный вой вихря, между деревьями. Народная поэзія Финская выражаетъ грусть и уныніе.

Около двадцати верстъ шли мы лѣсомъ, по тропинкѣ, и отдыхали однажды при ручьѣ. Кобылы были у насъ всегда съ собою. Для лошадей мы покосили сочной травы, а уланы мои набрали грибовъ, и сварили ихъ съ крупюю, которая была у насъ въ саквахъ. Разумѣется, что на отдыхѣ я соблюдалъ осторожность, разставилъ часовыхъ съ заряженными штуцерами, и приказалъ размундштучивать лошадей поочередно.

Находившійся при мнѣ лазутчикъ говорилъ хорошо по-Нѣмецки, по-Шведски, и могъ порядочно объясняться по-Фински; у меня былъ, сверхъ того, проводникъ

Фишъ, который долго жилъ въ Россіи, и говорилъ порядочно по-Русски. Его я принялъ въ переводчики. Онъ казался человекомъ добрымъ и простодушнымъ, однако жъ, обоимъ имъ я не слишкомъ довѣрялъ.

Наконецъ мы выѣхали на дорогу, пересѣкающую лѣсъ поперегъ, и повернули по ней на лѣво, отъ сѣвера къ югу. Проѣхавъ еще версты двѣ лѣсомъ, мы увидѣли передъ собою поляну, родъ оазиса въ этомъ лѣсу, въ объемѣ около шести квадратныхъ верстъ, и въ концѣ поляны, подъ лѣсомъ, деревушку, въ пять домовъ. Это уже называется въ Финляндіи большимъ селеніемъ! Въ пяти домахъ можетъ быть иногда до осмидесяти душъ обоего пола, потому что въ каждомъ домѣ живетъ цѣлая фамилія, иногда отъ дѣда до правнука, съ работниками и работницами. Оставивъ взводъ подъ лѣсомъ, я поскакалъ къ деревушкѣ

только съ лазутчикомъ, переводчикомъ и двумя уланами. Старость, или какихъ бы-то ни было старшинъ, нѣтъ въ разсѣянныхъ Финскихъ селеніяхъ. Каждый хозяинъ въ домѣ самъ себѣ старшина. Въ Пруссіи мы обыкновенно обращались съ требованіемъ къ старшинѣ въ деревнѣ, къ шульцу, а здѣсь надлежало собирать всѣхъ хозяевъ. При нашемъ появленіи сдѣлалась суматоха въ селеніи, но мы не замѣтили ни какихъ непріязненныхъ покушеній. Нѣсколько мужчинъ вышли на дорогу, на встрѣчу мнѣ. Зная, что распросы мои о шайкахъ партизановъ будутъ напрасны, и что поселяне не только не скажутъ правды, но даже могутъ навести меня на непріятеля, я запретилъ моимъ толмачамъ всякіе распросы, и потребовалъ только съѣстныхъ припасовъ и фуража, на наличныя деньги. Мнѣ было отпущено двѣсти рублей ассигнаціями, мелкою серебряною моне-

тою, именно для того, чтобъ не раздражать жителей фуражировкой, а напротивъ, привлечь деньгами на мою сторону. Поселяне, кажется, сперва усомнились въ истинѣ моего обѣщанія, но я велѣлъ уштеръ-офицеру развязать кожаный мѣшокъ съ деньгами. Звонъ серебряной монеты смягчилъ угрюмыхъ Финновъ. Намъ вынесли хлѣбнаго вина, кислаго молока, лепешекъ (кнакебре), масла, и собрали около двухъ четвертей ячменя. Я велѣлъ моимъ уланамъ приблизиться и сѣсть на ружейный выстрѣлъ отъ деревни. Тутъ они пообѣдали, накормили лошадей, по-очередно, а потомъ разсыпали ячмень по саквамъ. Все это происходило съ величайшими предосторожностями. Между деревней и уланами стояли часовые, съ заряженными штуцерами, и увсѣхъ улаповъ были заряженные пистолеты за кушакомъ, на спуркахъ, т. е. на витишкетахъ, а крестьянамъ запре-

щено было приближаться къ часовымъ и переходить за линію. Я вошелъ въ домъ, вооружась какъ въ сраженіи. Искренній мой пріятель, Поручикъ Лопатинскій, смѣялся, когда я рассказывалъ ему о моей предосторожности, а потомъ заплатилъ жизнью за свою неосторожность! Я отвѣчалъ за жизнь 25-ти человѣкъ. Крестьянамъ было объявлено, что при первомъ непріязненномъ поступкѣ съ ихъ стороны, я сожгу до тла деревню, и перебую безпощадно всѣхъ, кто намъ ни попадется. Старики стали увѣрять насъ, что мы не должны ничего опасаться. Въ избѣ поданъ былъ мѣсъ обѣдъ, соленая рыба, личница и кислое молоко. Я сѣлъ за столъ, а вокругъ избы усѣлись, на скамьяхъ, безъ всякой церемоніи, поселяне. Безпрестанно приходили новыя, и какъ не было для всѣхъ скамей, то остальные стояли у стѣны, и всѣ они пристально смотрѣли на меня

и на лазутчика, который обѣдалъ за однимъ столомъ со мною. Между мною и однимъ изъ поселянъ начался политическій разговоръ.

«Вы вѣрно возвращаетесь домой, въ Россію, господинъ офицеръ?» спросилъ меня сѣдой старикъ, которому всѣ поселяне оказывали большее уваженіе:

— Нѣтъ, я ѣду для соединенія съ нашими, въ Рауталамби, отвѣчалъ я.

«Однако жъ вы, господа Русскіе, не долго у насъ будете гостить, какъ слышно.»

— Пустой слухъ! Вамъ было объявлено, что вся Финляндія присоединена къ Россіи, а что сказалъ Русскій Государь— то свято!

«А развѣ вы не знаете, что Русское войско идетъ назадъ, отъ Гамле-Карлеби, а Шведское идетъ впередъ?» сказалъ старикъ, устремивъ на меня глаза и лукаво улыбаясь.

— Очень хорошо знаю (*), но знаю и то, что изъ Россіи идетъ сильное войско, которое пойдетъ снова впередъ, а Шведское войско пойдетъ назадъ, въ Швецію, и тамъ навсегда останется.

«Но вѣдь гдѣ проходитъ Шведское войско, тамъ вездѣ жители вооружаются, и самъ Король пришелъ, съ кораблями, къ намъ на помощь. Развѣ вы избьете всѣхъ жителей, чтобъ пріобрѣсть нашу землю; иначе нельзя покорить ее. Такъ сказалъ Король.»

— Избивать жителей мы не станемъ, потому что они сами скоро образумятся и убѣдятся, что лучше принадлежать богатому и сильному Русскому Государю, чѣмъ Шведскому Королю, и что гораздо выгоднѣе быть братьями Русскихъ, нежели Шведовъ.

(*) О ретирадѣ Генерала Раевского мы не знали, однакожъ, ничего вѣрнаго, но жители знали и преувеличивали событія.

«Но вѣдь мы одной вѣры со Шведами,» сказалъ важно старикъ.

— Какая нужда! У насъ въ Россіи всякой вѣрѣ равное покровительство, и у насъ есть цѣлыя провинціи вашей вѣры... Я самъ вашей вѣры, Лютеранинъ, (въ этомъ случаѣ я позволилъ себѣ соглать), хотя я не Шведъ и не Финляндецъ.

«Какъ! Вы нашей вѣры, вы Лютеранинъ,» воскликнулъ старикъ, и сражае-тесь противу Лютеранъ!»

— Вѣдь мы сражаемся не за вѣру, а за то, чтобъ, присоединивъ васъ къ намъ, составить ваше счастье, избавить отъ тяжкихъ налоговъ, отъ войны, которой вы будете всегда подвергаться, живя въ нашемъ сосѣдствѣ; чтобъ помогать вамъ хлѣбомъ, котораго въ Россіи безднѣ, деньгами, которыхъ у Русскаго Государя множество; чтобъ открыть вамъ торговлю съ Россіей. А до вѣры никто

не смѣть прикоснуться! Напротивъ, во всѣхъ городахъ Русскихъ есть прекрасныя лютеранскія церкви, а въ Петербургѣ, гдѣ живетъ Русскій Государь, есть даже и Финская церковь. Вашъ землякъ (т. е. переводчикъ) подтвердитъ это: У насъ много графы, князя и генералы Лютеране, и даже тотъ генераль, съ которымъ мы пришли въ Куопіо — Лютеранинъ....

«А вотъ я вамъ покажу печатное объявленіе, что Русскіе хотятъ упичтожить нашу вѣру»... Старикъ подалъ мнѣ печатную прокламацію на Финскомъ языкѣ.

— Кто это написалъ, тотъ согрѣшилъ передъ Богомъ, потому что солгалъ. Развѣ до сихъ поръ Русскіе предпринимали что либо противу вашей и моей вѣры, развѣ не уважали святыни, развѣ пренятствовали богослужецію? Васъ обманываютъ, друзья мои!

«Но если вы пришли къ намъ съ добрымъ намѣреніемъ, зачѣмъ же добрые и честные люди не хотятъ вѣрить и помогать вамъ? Вотъ, напримѣръ, этотъ господинъ, который пріѣхалъ съ вами (старикъ указалъ на лазутчика), извѣстенъ мнѣ!» (Лазутчикъ повернулся на стулѣ, и хотѣлъ что-то говорить, но я велѣлъ ему молчать, а старику продолжать.) «Этотъ господинъ былъ прикащикомъ въ Гамле-Карлеби, у купца Перльберга (*) и за что-то некрасивое посаженъ въ тюрьму, изъ которой онъ выкарабкался, не знаю какъ, когда пришли Русскіе»...

Лазутчикъ вскочилъ съ мѣста, и съ громкою бранью бросился къ старику, но я взялъ негодя за воротъ, и вытолкнулъ за двери, приказавъ улану, который

(*) Перльбергъ содержалъ тогда трактиръ и лавку въ Гамле-Карлеби, и когда мы тамъ были, онъ подтвердилъ мнѣ показанія старика.

сторожилъ подь окномъ, чтобъ содержать его подь карауломъ. Крестьяне, казалось, были довольны моимъ поступкомъ, и нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ избы, шепча что-то между собою.

— Мы не знали, что онъ дурной человекъ, сказалъ я.

«Надобно знать съ кѣмъ связываешься,» возразилъ старикъ, важно. «Я хорошо знаю его, и знаю, что онъ содержался въ тюрьмѣ за воровство, что онъ не Финляндецъ и не Шведъ, а Богъ его знаетъ, кто таковъ; знаю и то, потому что бываю въ Куопіо, что онъ шпионъ, получаетъ отъ Русскихъ даромъ деньги, лжетъ и клевететъ на кого попало, и ничего вѣрнаго не знаетъ, потому что ему никто не скажетъ правды и каждый его остерегается. Вотъ такіе люди вредятъ Русскимъ; а вамъ, господинъ офицеръ, мы готовы вѣрить, особенно, если правда, что вы Лютеранинъ... Вы

еще такъ молоды, что если обманываете насъ, говоря, что Русскій Государь желаетъ намъ добра и не станетъ принуждать насъ перемѣнить вѣру, то кладете страшный грѣхъ не только на душу вашу, но и на душу вашихъ родителей, которые отвѣчаютъ передъ Богомъ за пороки, которыхъ они не истребили въ дѣтяхъ! Солгать то же, что украсть, и обманывать бѣдный народъ ложью, хуже воровства и разбоя...»

Старикъ говорилъ торжественно и съ такимъ чувствомъ, что тронулъ меня. Я всталъ съ мѣста, поднялъ руку, сложилъ три пальца, и присягнулъ, что Русскій Государь не намѣренъ вовсе трогать ихъ вѣры, и желаетъ имъ блага, мира, тишины и довольства, а потомъ обнялъ старика, и поцѣловалъ его съдую голову.

Всѣ съ шумомъ встали съ мѣсть, и говоря что-то, чего я не понималъ, ста-

ли обнимать меня. Многие утирали слезы. Изъ всего понялъ я только, что меня называли добрымъ бариномъ (гювагерра), и взывали къ Богу (Юмаля). Переводчикъ не имѣлъ времени переводить.

Эта сцена кончилась еще дружественнѣе, когда я, спросивъ, что стоить все забранное мною, заплатилъ за все безъ торга, и далъ цѣлую горсть мелкой серебряной монеты старику, для раздачи убогимъ и колѣкамъ, отъ имени Русскаго Государя. Старикъ, на память нашей дружбы, я подарилъ курительную трубку, купивъ ее тутъ же, у моего унтеръ-офицера.

Послѣ этого показались и женщины, и насъ провожали до лѣса цѣлою гурьбою. Я просилъ старика зайти ко мнѣ въ гости, когда онъ будетъ въ Куопіо, сказавъ, что мы вмѣстѣ пойдемъ въ Лютерацкую церковь.

*

Послѣ всего, что я узналъ о лазутчикѣ, я не позволилъ ему ѣхать со мною рядомъ. Онъ ѣхалъ въ замкѣ, т. е. за взводомъ.

Ночь была свѣтлая, но въ лѣсу было темно, и хотя въ этихъ мѣстахъ я не предполагалъ засады, все же соблюдалъ возможную осторожность. Отъ деревни до мызы было около десяти верстѣ, и я вознамѣрился отдохнуть нѣсколько часовъ въ лѣсу, чтобъ прибыть на мызу на разсвѣтѣ. Въ деревнѣ я нарочно спрашивалъ о другой дорогѣ, на Рауталамбѣ, куда пошелъ Барклайде-Толли, чтобъ разсѣять въ крестьянахъ всякое подозрѣніе.

Солнце взошло прекрасно, утро было восхитительное; мыза, выкрашенная свѣтлою краскою, красовалась въ верстѣ передо мною, и я невольно вздохнулъ, подумавъ, что ѣду не на радость въ этотъ домъ, что можетъ быть разстрою

семейное счастье, будущія надежды!... Война и дисциплина! Этимъ двумъ словамъ должно уступать всякое чувство и всякое разсужденіе!...

Мы въѣхали на рысяхъ во дворъ. Ворота были отперты: пастухъ выгонялъ стадо въ поле. Въ одну минуту домъ былъ окруженъ. Спѣшившіеся уланы стали со стороны сада. Что никто не вышелъ изъ дома, въ томъ я былъ увѣренъ, потому что ставни и двери тогда только растворились, когда часовые уже были разставлены.

Я вошелъ въ домъ. Въ залѣ встрѣтилъ меня довольно пожилой человекъ, почтеннаго вида, въ утреннемъ сертукѣ. «Чѣму я обязанъ вашимъ раннимъ посѣщеніемъ?» сказалъ онъ мнѣ, по-Французски:

Я крайне обрадовался, что не буду имѣть нужды въ переводчикѣ. «Прошу извинить меня, что беспокою васъ, но

это дѣлаю не я, а служба...» отвѣчалъ я.

— Помилуйте! Я самъ служилъ въ военной службѣ, и знаю хорошо ея обязанности. Но могу ли знать, что вамъ угодно?

«Генераль нашъ извѣстился, что Полковникъ Фіандтъ находится въ здѣшнихъ мѣстахъ, и приказалъ мнѣ представить его...»

— Вашего генерала обманули этимъ извѣстіемъ, сказалъ помѣщикъ. Знаете ли вы въ лице Полковника Фіандта?

«Я не знаю, но вотъ этотъ господинъ знаетъ», сказалъ я, указывая на лазутчика, который стоялъ позади меня.

— И такъ онъ удостовѣрится, что здѣсь нѣтъ Полковника Фіандта. Подъ этою крышею я, жена моя, двѣ взрослыя дочери, два сына, одинъ взрослый и одинъ малолѣтній, и учитель его. Можете по-

вѣрить.... Только позвольте предувѣдомить дамъ: онѣ не одѣты....

«Прошу покорнѣйше!»

Помѣщикъ вышелъ, а лазутчикъ сказалъ мнѣ, чтобъ я позвалъ въ комнаты нѣсколько уланъ, потому что если Полковникъ Фіандтъ здѣсь, то станетъ защищаться. «Тогда явятся и уланы,» отвѣчалъ я, сухо; «сквозь землю не провалится, а вокругъ дома часовые.»

Черезъ четверть часа все семейство вошло въ комнату. Я вѣжливо всѣмъ поклонился, и пошелъ за хозяиномъ, который повелъ меня по всѣмъ комнатамъ.

Скажу въ нѣсколькихъ словахъ, что мы осмотрѣли весь домъ, всѣ людскія избы, всѣ хозяйскія строенія, садъ, и шарни по чердакамъ и погребамъ, въ гумнѣ, даже въ конюшнѣ и на скотномъ дворѣ, рылись въ сѣнѣ и соломѣ, и не нашли ни какихъ признаковъ, чтобъ кто

либо укрывался. Все было на своемъ мѣстѣ, въ обыкновенномъ порядкѣ.

Когда я возвратился въ комнаты, на столѣ былъ кофе, и меня пригласили сѣсть, вмѣстѣ съ семействомъ. Я приказалъ уланамъ собраться, вывести лошадей за ворота, стать на большой дорогѣ, и прежнимъ порядкомъ кормить лошадей, т. е. размундштучивая чрезъ лошадь. Людямъ я не велѣлъ отлучаться отъ лошадей. Повторяю это въ наставленіе молодымъ офицерамъ, которымъ случится быть въ отдаленныхъ откомандировкахъ, въ непріятельской землѣ, и вообще въ военное время. Осторожность!—Лазутчикъ хотѣлъ остаться въ комнатѣ, я приказалъ ему выйти.

«Удивляюсь, кто могъ выдумать, что Полковникъ Фіандтъ здѣсь, что онъ раненъ!» сказалъ помѣщикъ. «Правда, онъ мой родственникъ и болѣе еще, онъ мой искренній другъ, но если бъ онъ и при-

ѣхалъ ко мнѣ раненый, то я проводилъ бы его немедленно къ Сапельсу, и не подвергнулъ бы опасности быть захваченнымъ. Вы военный человекъ, слѣдовательно понимаете всю важность *честнаго слова!* Увѣряю васъ *честнымъ словомъ* моимъ, что Полковникъ Фіандтъ вовсе не раненъ и находится въ арміи Графа Клингспора, что онъ не былъ здѣсь и не будетъ, пока война чѣмъ нибудь не кончится. Вы можете смѣло увѣрить въ этомъ вашего генерала, и вѣроятно официальные извѣстія съ театра войны скоро подтвердятъ справедливость словъ моихъ.

— «Я исполнилъ по совѣсти мое порученіе; искалъ, гдѣ мнѣ было приказано, не нашелъ, и дѣло кончено. Остальное предоставляю моему генералу,» сказалъ я.

Началась между нами политическая бесѣда. Это единственное утѣшеніе жи-

телей въ странахъ, покоряемыхъ сильнымъ непріателемъ. Не будучи въ состояніи сопротивляться оружіемъ, жители воюють логикой, когда находятъ между непріятельскими офицерами людей снисходительныхъ. Я испыталъ это, въ послѣдствіи, въ Германіи и Испаніи. «Если бы я находился теперь въ военной службѣ, сказалъ помѣщикъ, то я бы дрался съ вами до послѣдней капли крови; но, признаюсь откровенно, что принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не одобряютъ упорства и вообще поведенія нашего Короля и этой войны. Швеція бѣдна и безсильна, и она должна быть или нейтральною въ Европейскихъ войнахъ, или придерживаться искренно сильнаго союзника. Нашему Королю надлежало бы не увлекаться пѣническою ненавистью къ Императору Французовъ, и придерживаться Франціи, а если онъ не хотѣлъ держать стороны Франціи, то долж-

но было слѣдовать политикѣ Россіи и держаться ея искренно. Вопросъ въ томъ: что можетъ сдѣлать одна Швеція, и какую надежду можно полагать на Англію? Англичане обѣщали сдѣлать высадку въ Финляндію, и не исполнили обѣщанія; намѣревались помогать намъ въ Норвегіи, и не помогли; прислали нѣсколько тысячъ ружей для вооруженія нашихъ поселянъ, и ружья оказались негодными. Вотъ каковы наши союзники! Какъ можно бороться Швеціи съ Россіей, и воевать въ то же время съ Даніей? Съ одной Даніей мы бы справились, но Россія непременно подавитъ насъ своею силою, и если Императоръ Александръ рѣшился твердо отнять Финляндію у нашего Короля, то непременно отниметъ; въ этомъ я убѣжденъ. Но признаюсь также, что мнѣ бы не хотѣлось быть свидѣтелемъ присоединенія моего отечества къ Россіи, хотя бы это было для насъ и

выгоднѣе. Языкѣ, вѣра, старые законы, обычаи»...

Тутъ я прервалъ его: Но развѣ Императоръ Александръ не обѣщаль Финляндіи сохраненіе всего этого? сказалъ я; а что онъ сказалъ—то вѣрно! Ничто не измѣнится въ нравственномъ состояніи Финляндіи, а что измѣнится, то къ лучшему и по вашему же желанію. Вся разница въ томъ, что вамъ не надобно будетъ ѣздить, подѣламъ вашимъ, за море.

«Будущее извѣстно одному Богу, сказалъ помѣщикъ, а съ настоящимъ каждому больно расстаться, если оно было не слишкомъ тягостно. Предки наши были Шведами, и мы бы хотѣли остаться тѣмъ же, чѣмъ были они... Впрочемъ, да будетъ воля Божія! Въ доказательство, что я не предвижу счастливаго для насъ конца этой войны, вотъ сынъ мой, которому я не позволилъ вступить въ военную службу»...

Молодой, прекрасный собою человекъ покрасилъ, и сказалъ: «Я и теперь сожалею объ этомъ!» Я дружески пожалъ руку молодому человеку, примолвивъ: «Вы дѣлаете честь себѣ вашими чувствами, а Русскому офицеру вашею откровенностью.» Я замѣтилъ, что моя выходка понравилась всему семейству и даже молодому патриоту.

Я просилъ помѣщика накормить уланъ и дать фуража лошадямъ, за наличныя деньги. «Это уже сдѣлано, отвѣчалъ онъ, а о расчетѣ поговоримъ послѣ.»

Я пробылъ въ этомъ домѣ до 11-ти часовъ утра, уснулъ часа два, и послѣ завтрака отправился въ путь, взявъ проводника. Помѣщикъ взялъ деньги за фуражъ, но за съѣстное не согласился взять плату, и даже снабдилъ меня на дорогу запасомъ. Въ Куопіо мы прибыли къ разсвѣту, сдѣлавъ 55 верстъ въ полторы сутки. Лошади устали, но не поху-

дѣли, потому что отъ вступленія нашего въ Финляндію, они никогда не пировали такъ, какъ въ эту откомандировку. Когда я рассказалъ генералу, Рахманову приключеніе съ лазутчикомъ, генераль расхохотался и сказалъ: «Чортъ его побери, а впрочемъ, откуда же взять лучшихъ!»

Вотъ каковъ 'былъ духъ въ Финляндіи, въ самомъ разгарѣ народной войны. Образованные и богатые люди, хотя и досадовали на вторженіе Русскихъ въ Финляндію, и хотя не любили Русскихъ, но еще болѣе негодовали на свое правительство и явно роптали противу Короля. Изъ помѣщиковъ весьма немногіе вмѣшивались въ войну, а поселянъ возбуждали къ возстанію различными вымыслами, а болѣе увѣреніемъ, что Русскіе введутъ въ Финляндіи свою вѣру, какъ ввели ее въ Кареліи. Гдѣ было знать Финскимъ поселянамъ, что Православная Вѣра введена въ части Кареліи еще Повго-

родцами, въ XIV вѣкѣ, и что они крестили язычниковъ! То, что я видѣлъ въ эту мою откомандировку, было характеристикой цѣлой Финляндіи, разумѣется съ нѣкоторыми исключеніями. Были и фанатики политическіе и религіозные, которые противились всѣми силами покоренію Финляндіи, и послѣ покоренія ея ушли въ Швецію, и остались въ ней навсегда. Между ими есть одинъ достойный мужъ, съ которымъ я тогда подружился, и возобновилъ дружбу во время поѣздки моею въ Стокгольмъ, въ 1838 году. Это ученый Арвидсонъ, Хранитель Королевской Библіотеки въ Стокгольмѣ.

Въ Исторіи А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и въ сочиненіи Графа П. П. Сухтелена не сказано ни слова о походѣ Сабанѣва. Упомянуто только, что онъ высланъ былъ изъ Куопіо, на подкрѣпленіе корпуса Графа Каменскаго, съ четырьмя батальонами и двумя эскадрона-

ми. Историкамъ, представляющимъ общій ходъ войны, некогда заниматься подробностями въ движеніяхъ малыхъ отрядовъ, но эти подробности были для насъ тяжелы, и остались намъ памяты. Если бъ Графъ Каменскій, не дождавшись Сабанѣва, припужденъ былъ отступить къ Таммерфорсу, то мы, прибывъ въ Саріярви, могли бы быть отрѣзаны отъ Куопіо отрядомъ Полковника Фіалта и уничтожены арміей Графа Клингспора, какъ былъ истребленъ отрядъ Булатова. Безъ сомнѣнія, Графъ Клингспоръ былъ извѣщенъ жителями о нашемъ походѣ и нашей малочисленности. Сабанѣвъ не скрывалъ отъ офицеровъ опасности нашего положенія, совѣтуя намъ внушать солдатамъ, что наше спасеніе зависить отъ нашего мужества, и что если мы наткнемся на непріятеля, то должны сражаться до послѣдней капли крови.

Мы шли большими переходами и уси-

ленными маршами, но въ Рауталамби должно было дневать, потому что люди и лошади наши крайне устали. Рауталамби, о которомъ часто упоминается въ исторіяхъ этой войны, вовсе не мѣстечко, а кирка, т. е. церковь, возлѣ которой жилище пастора (пасторатъ) и нѣсколько домовъ. Тутъ содержалъ военный постъ эскадронъ Маіора Лорера, съ двумя ротами пѣхоты, охраняя переправу чрезъ три рукава, на озерахъ Конивеси и Кивисальми. Рауталамби одинъ изъ богатѣйшихъ пасторатовъ въ восточной Финляндіи. Домъ пастора былъ обширный, пасторъ былъ человекъ просвѣщенный и добродушный, и семейство его любезное. Дочери пастора были красавицы. Къ пастору ѣздили въ гости сосѣдніе помѣщики и земскіе чиновники, съ семействами, и наши офицеры проводили время весьма пріятно; всѣ они были влюблены, для препровожденія времени. Александръ

Ивановичъ Лореръ имѣлъ порядочный запасъ съѣстныхъ припасовъ и вина. Онъ задалъ намъ славный пиръ, и мы всю ночь протанцовали, вмѣсто того, чтобъ отдыхать послѣ похода. Шведки и Финляндки прелестныя созданія! Въ нихъ соединены Германское простодушіе и сердечная вѣжливость съ какимъ-то особеннымъ пинтическимъ чувствомъ, которое чаруетъ душу. Даже въ ихъ веселости есть отбѣнокъ меланхоліи, привлекающей сердце. Откровенность ихъ, слѣдствіе простоты нравовъ, увлекательна. Рѣдкій изъ Русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ кампаніи 1808 и 1809 годовъ, не былъ влюбленъ, или, по крайней мѣрѣ, не готовъ былъ влюбиться. Пересчитайте, сколько Русскихъ, со времени покоренія Финляндіи, женились на Финляндкахъ! Финляндки (говорю о дворянствѣ и гражданскомъ сословіи) всѣ вообще хорошо образованы, религіозны и хо-

рошія хозяйки. Управление хозяйствомъ входитъ въ составъ женскаго воспитанія. Финляндская дѣвица изъ образованнаго сословія—это ягодка мамура, краса Сѣвера! Здѣсь я долженъ однако замѣтить, что красота есть принадлежность Готскаго (Германскаго) племени, и что всѣ красавицы въ Финляндіи изъ фамиліи Шведскихъ или смѣшанныхъ съ Шведскимъ племенемъ. Финское племя некрасиво. Исключенія не идутъ въ расчетъ.

Арвидсонъ, о которомъ я говорилъ, былъ юноша моихъ лѣтъ. Не знаю, въ какой степени родства онъ былъ съ Рауталамбскимъ пасторомъ, но онъ жилъ въ Рауталамби. На дневкѣ мы подружались съ нимъ, какъ дружатся молодые люди, сходные характеромъ. Онъ сталъ превозносить Шведовъ; я не только не спорилъ, но даже подтверждалъ его похвалы, и онъ полюбилъ меня. Въ юности дружатся въ минуту, а на старости охла-

дѣвають даже и къ старымъ друзьямъ. Это, по несчастью, я испыталъ на себѣ! Послѣ обѣда мы пошли прогуливаться въ поле. Арвидсонъ завелъ со мною политическій разговоръ. Я охотно уступилъ ему въ логикѣ, но предоставилъ себѣ защиту истолкованіемъ Русской пословицы, что: сила солому ломить. Мы оба болтали тогда кое-какъ по-Нѣмецки. Наконецъ, въ изліяніи юношескихъ чувствъ, мы рѣшили *гадать*, кто останется побѣдителемъ, Шведы или Русскіе. Онъ представлялъ собою Швецію, а я Россію; онъ сталъ на холмъ, а я атаковалъ холмъ. Я взобрался на холмъ, поборолъ Арвидсона — и разрѣшилъ загадку. Мы обнялись братски, но слезы блестѣли въ глазахъ благороднаго Арвидсона. «Неужели это предзнаменованіе сбудется!» сказалъ онъ, печально. Въ Стокгольмской Королевской Библіотекѣ мы вспомнили о Рауталамби!... Скажу разъ на

всегда, что я уважаю всякое *искреннее* чувство, въ другѣ и врагѣ. Совѣсть отвѣчаетъ только передъ Богомъ, и убѣжденіе уступаетъ только силѣ разума.

Жаръ былъ неспособный, и отъ Рауталамби (переправившись чрезъ рукавъ Конивеси) мы шли ночью и отдыхали днемъ. Прощедъ верстъ до ста тридцати отъ Куопіо, мы пошли мѣстами, гдѣ еще не были Русскіе. Тутъ мы находили на мызахъ, у пасторовъ и даже у крестьянъ, съѣстные припасы, а иногда и фуражъ, которые забирали подъ росписки. Между тѣмъ поселяне возстали, нѣсколько разъ завязывали съ нами порядочную перестрѣлку. Важно было то, что при каждомъ первомъ выстрѣлѣ мы не знали съ кѣмъ будемъ имѣть дѣло, ожидая встрѣчи съ арміею Графа Клингспора, и что непрерывная бдительность изнуряла солдатъ. Чѣмъ далѣе мы шли впередъ, тѣмъ болѣе встрѣчали ненависти къ намъ и

надежды на скорое очищеніе Финляндіи Русскими. Въ Куопіо мы не знали хорошо всего случившагося съ Генераломъ Раевскимъ, но на пути, на мызахъ и въ пасторатахъ, намъ изображали въ преувеличенномъ видѣ побѣды Шведовъ, погибель цѣлыхъ корпусовъ нашихъ, и говорили, что ждутъ самого Короля, который съ сильнымъ флотомъ и арміей находится на Аландскихъ Островахъ. Радовались, вовсе не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Намъ предсказывали вѣрную погибель, и нѣкоторые добрые люди, особенно женщины, даже сожалѣли о насъ! Разумѣется, мы вполонину вѣрили этимъ рассказамъ, хотя и знали, что положеніе наше не завидное.

Представлю примѣръ, до какой степени жители не скрывали своей ненависти къ намъ. Два взвода нашего эскадрона шли въ авангардъ, съ двумя ротами 3-го Егерскаго полка. И. В. Сабанѣевъ нахо-

дился съ нами. Около десяти часовъ утра, мы подошли къ порядочной мызѣ. Сабанѣевъ приказалъ остановиться, и съ нѣсколькими офицерами пошелъ на мызу, позавтракать. Хозяинъ принялъ насъ вѣжливо, хотя важно и холодно, и все семейство его вышло къ намъ. Сабанѣевъ сказалъ, чрезъ переводчика, что мимо мызы будетъ проходить отрядъ, и что, для избѣжанія безпорядковъ, онъ дастъ помѣщику *залогу*, офицера съ шестью рядовыми, съ условіемъ, чтобъ помѣщикъ далъ честное слово, что отвѣчаетъ за ихъ безопасность, и когда пройдетъ нашъ арріергардъ, отошлетъ залогу, на подводахъ, къ отряду. Это предложеніе расположило помѣщика и его семейство въ нашу пользу, и онъ сдѣлался привѣтливѣе. Послѣ завтрака, помѣщикъ сказалъ, безъ обиняковъ, что мы идемъ на явную смерть, потому что Русскій отрядъ, дѣйствовавшій противу Графа Клингс-

ра, теперь вѣрно уже не существуетъ, если не успѣлъ уйти къ Русской границѣ. Помѣщикъ пресерьозно совѣтовалъ Сабанѣеву возвратиться, поскорѣе, въ Куопіо. Сабанѣевъ возразилъ шуткою, сказавъ, что мы, Русскіе, такъ полюбимъ Финляндію, что намѣрены остаться въ пей и пожить весело, а за смертью пойдѣмъ въ другія страны, можетъ быть во Францію. Потомъ, обратясь къ дочери хозяина, дѣвчкѣ лѣтъ десяти, удивительной красавицѣ, Сабанѣевъ представилъ ей Штакельберга, Прапорщика 3-го Егерскаго полка, юношу лѣтъ семнадцати, также красавчика, и сказалъ; не угодно ли ей Русскаго жениха. Вообразите наше удивленіе: дѣвочка поблѣднѣла, какъ полотно, задрожала всѣмъ тѣломъ, и сжавъ зубы и грозя кулакомъ, сказала по-Шведски: «Смерть Русскому!» Отецъ улыбнулся, а мать поцѣловала дѣвочку, и увела въ другую комнату. Разумѣется,

что дѣвочка выражала чувства родителей, и повторяла, что слышала, но мы за это не гиѣвались. Сабанѣевъ сказалъ намъ, по-Русски: «Все перемелется, мука будетъ!»

Онъ угадалъ. Я помнилъ прозваніе мызы и фамилію помѣщика, и во время пребыванія моего въ Гельсингфорсѣ (въ 1838 году), рассказалъ этотъ анекдотъ моему покойному пріятелю, Дерптскому уроженцу Ст. Совѣт. Витту (принявшему фамилію Вейсенбергъ, съ поступленіемъ въ Финляндское дворянство). Признаюсь, я удивился, когда онъ сказалъ мнѣ, что прежняя непріятельница наша, дѣвочка, въ послѣдствіи вышла замужъ за Русскаго, и теперь Русская барыня, говоритъ хорошо по-Русски и весьма предана Россіи! *Ainsi va le monde!*

Въ изданіи, подѣ заглавіемъ: *Императоръ Александръ I и Его сподвижники*, и проч. напечатана біографія Ивана Ва-

сильевича Сабанѣва, дослужившагося до чина Генерала отъ Инфантеріи, и блистательно участвовавшаго въ Турецкой и Отечественной Войнахъ. Въ этой біографіи Сабанѣвъ изображенъ человекомъ угрюмымъ, педовѣрчивымъ, почти нелюдимомъ. Можетъ быть онъ сдѣлался такимъ въ старости и въ высокихъ чинахъ. *Nonores mutant mores!* Въ Финляндіи, въ чинѣ Подполковника 3-го Егерскаго полка, Иванъ Васильевичъ былъ человекомъ прелюбезный, снисходительный и предобрый. Онъ любилъ даже шутки, и не гнѣвался за нихъ. Его удивительная храбрость, хладнокровіе и распорядительность въ битвахъ уже тогда снискали ему уваженіе и довѣренность опытныхъ генераловъ, каковы были Барклай-де-Толли и Графъ Каменскій. Иванъ Васильевичъ Сабанѣвъ былъ небольшого роста, довольно плотенъ, и до такой степени близорукъ, что ничего не видѣлъ

въ нѣсколькихъ шагахъ, но не хотѣлъ носить очковъ. Мы, молодежь, иногда подшучивали надъ нашимъ добрымъ командиромъ. На походѣ запрещено было стрѣлять. Вдругъ одинъ изъ насъ, бывало, закричитъ: «Иванъ Васильевичъ, утки, утки! Позвольте выстрѣлить!» Хотя на самомъ дѣлѣ не видно было ни одной утки, но Иванъ Васильевичъ, чтобъ не показаться слѣпымъ, подниметъ голову, и скажетъ: «да, утокъ много, но стрѣлять нельзя — будетъ тревога въ авангардѣ!» Однажды Иванъ Васильевичъ едва не заплатилъ жизнью за то, что скрывалъ свою слѣпоту и не хотѣлъ носить очковъ. При переправѣ чрезъ рѣку (мостъ сожженъ былъ бунтовщиками), онъ не хотѣлъ, чтобъ егери поддерживали его, когда онъ садился въ лодку, прыгнулъ съ высокаго берега, но не въ лодку, а въ воду, и пошелъ прямо ко дну. Рѣка при берегѣ была весьма глу-

бока, но какъ егери чрезвычайно любили своего начальника, то человекъ десять бросились за нимъ въ воду, и вытащили его уже въ полубезчувствіи. Иванъ Васильевичъ увѣрялъ, что онъ послизнулся, хотя всѣ видѣли, что онъ прыгнулъ на два шага отъ лодки, на пукъ плававшего камыша (*), который онъ припаялъ за лодку. На самомъ разсвѣтѣ Сабанѣевъ однажды остановилъ отрядъ, подлѣсомъ, и приказалъ отдыхать и варить кашу. «Здѣсь будетъ прохладно,» сказалъ Сабанѣевъ: «и люди могутъ выкупаться въ озерѣ,» примолвилъ онъ, указывая на поле, засѣянное грѣчихою, надъ которою лежалъ легкій туманъ. Когда ему сказали, что здѣсь нѣтъ не только

(*) Къ челнокамъ мы подвязывали по бокамъ пуки хвороста или камыша, чтобъ челнокъ не перевернулся. Лошадей мы перегоняли обыкновенно вплавъ. Когда недоставало лодокъ, мы дѣлали плоты, связывая бревна лозою.

озера, но и капли воды, онъ велѣлъ отряду подняться и идти далѣе. Весь этотъ день добрый Иванъ Васильевичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, ѣхалъ одинъ, и ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

На одномъ почлегѣ прискакалъ къ Сабанѣеву уланскій унтеръ-офицеръ, изъ арріергарда, съ извѣстіемъ, что онъ, бывъ въ разѣздѣ, видѣлъ съ холма огни и войско на бивакахъ, но въ темнотѣ, по болоту не могъ подъѣхать близко и узнать, свои ли это или непріятель. Сабанѣевъ командировалъ немедленно нашъ эскадронъ, для рекогносцировки. Мы были на одинъ переходъ отъ Саріарви, гдѣ надѣялись найти отрядъ Полковника Властова, слѣдовательно появленіе войска, въ нашемъ тылѣ, было для насъ непопятнымъ. Въ концѣ Іюля ночи уже становятся темными, около полупочи, часа на два, а въ эту ночь небо

было покрыто черными облаками. Мы шли впередъ, ни зги не видя. Проводники наши, унтеръ-офицеръ и бывшіе съ нимъ уланы, поѣхали съ нами, но не могли вспомнить, въ которомъ мѣстѣ они поворачивали вправо, съ большою дороги. Мы поворотили наудачу, прошли лѣсомъ версть пять, и вышедъ на поляну, увидѣли вдали зарево. Тотчасъ одинъ взводъ понесся впередъ, на рысяхъ. Подъ кустарникомъ насъ встрѣтилъ радостный окликъ: «Кто идетъ?» — «Русскіе!» — «Стой на мѣстѣ, или убью!» Наши! Русскіе! Слава Богу! Это былъ отрядъ Полковника Эриксона, на походѣ къ селенію Кеуру. Мы остановились и извѣстили Сабанѣева, а утромъ оба отряда соединились. Немедленно посланъ былъ офицеръ къ Графу Каменскому, съ извѣщеніемъ о нашемъ приходѣ, и отряду нашему приказано было отдѣлиться отъ Полковника Эриксона, и итти на нашъ

крайній лѣвый флангъ, къ киркѣ Руовеси. И вотъ мы, наконецъ, въ корпусѣ Графа Каменскаго!

Соединившись съ корпусомъ Графа Каменскаго, мы узнали отъ товарищей много такого, о чемъ къ намъ доходили въ Куопіо невѣрные слухи и неполныя извѣстія. Офицеры прибывшихъ на усиленіе корпуса Графа Каменскаго войскъ рассказали намъ, что Графъ Каменскій едва не былъ захваченъ въ плѣнъ партизаномъ Роотомъ, на пути изъ Гельсингфорса къ своему назначенію, и спасся проселочными дорогами и тропинками, блуждая по лѣсамъ и пустынѣ, и что самъ Главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, едва избѣгнулъ плѣна. Желая видѣть морское сраженіе, бывшее въ заливѣ, при островѣ Сандо (19-го Юля), Графъ Буксгевденъ отправился на берегъ острова Кимито, съ Генералами П. К. Сухтеленемъ и Коновницынымъ. Послѣ одер-

жанной нашею флотиліею побѣды, Графъ Буксгевденъ обозрѣлъ сухопутную позицію, гдѣ Шведы дѣлали высадку, и возвратился на мызу Вестаншеръ, гдѣ для него приготовленъ былъ обѣдъ. Думали, что сраженіе кончено, видя отступленіе Шведской флотиліи. Отрядъ, бывшій на островѣ Кимито, отдыхалъ; на бивакахъ варили кашу, артиллерійскія лошади были на пастбищѣ. Главнокомандующій преспокойно садился за столъ, какъ вдругъ раздался на дворѣ крикъ: «Шведы, Шведы!» Всѣ бросились къ окнамъ, и увидѣли, что двѣ Шведскія колонны идутъ прямо къ мызѣ... Сдѣлалась тревога. Караулъ, бывшій при квартирѣ Главнокомандующаго, бросился впередъ, съ конвоемъ, на встрѣчу непріятеля, а между тѣмъ было дано знать въ нашъ лагерь, въ которомъ находились четыре роты пѣхоты.

При самомъ началѣ морскаго сраже-

нія. Шведскій Адмиралъ Гельмшерна высадиль на берегъ острова Кимито 1,100 человекъ пѣхоты и шесть орудій, подъ начальствомъ Полковника Палёна, съ тѣмъ, чтобъ онъ ударилъ въ тылъ нашихъ баттарей. По берегу стояли казачьи ведеты, но ихъ спяли, чтобъ сформировать почетный конвой для Главнокомандующаго, и это помогло Палёну высадить войско, не бывъ замѣченнымъ нашими. Когда жители донесли Палёну, что Шведская флотилія ретировалась, и что Русскій Главнокомандующій съ генералами отправился на мызу, располагаясь тамъ пообѣдать и отдохнуть, Полковникъ Палёнъ вознамѣрился захватить ихъ. Жители провели его тропинками къ самой мызѣ. Ударъ онъ быстро и пусти бѣгомъ своихъ солдатъ, Главнокомандующій и бывшіе съ нимъ генералы были бы непременно взяты, или погибли бы, защищаясь. Но Шведы,

храбрые и неустрашимые отъ природы, отвыкли отъ войны, и образованные ихъ офицеры руководствовались всегда теоріей. Полковникъ Палѣнъ, вмѣсто того, чтобъ бѣжать бѣгомъ на мызу, выстроилъ свое войско во фронтъ, и выслалъ застрѣльщиковъ, которыхъ удерживалъ перестрѣлкою караулъ Главнокомандующаго, пока прибѣжали, во весь духъ, на мызу, наши четыре роты изъ лагеря, и привезли съ собою два единорога большаго калибра. Началось сраженіе, и пушечная пальба извѣстила роту егерей, высланныхъ прежде того на малые острова для рекогносцировки, объ опасности ихъ товарищей на Кимито. Эта рота поспѣшила на выстрѣлы, и случайно пристала къ берегу, въ тылъ отряда Полковника Палѣна. Если бъ онъ имѣлъ болѣе твердости и рѣшительности, или по крайней мѣрѣ болѣе опытности въ военномъ дѣлѣ, то, будучи вдвое сильнѣе Русскихъ,

опрокинулъ бы и передовой отрядъ, и роту, зашедшую ему въ тылъ; но, придерживаясь старинной стратегіи, Палѣнъ, какъ въ шахматной игрѣ, видя свое войско между двухъ огней, началъ отступать къ пристани, и когда наши наперли сильно на Шведовъ, они поспѣшно бросились въ лодки. Три лодки сѣли на мель, въ торопяхъ; остальные поспѣшно отплыли, и Шведы не успѣли даже увезть своихъ 6-ти пушекъ, которыя были взяты нашими. 200 человѣкъ Шведовъ, бывшихъ на трехъ лодкахъ, не будучи въ состояніи снять ихъ съ мели, и подвергаясь жестокимъ пушечнымъ выстрѣламъ съ берега, сдались военноплѣнными. Будь на мѣстѣ Палѣна ктонибудь изъ нашихъ молодцевъ, напримѣръ, Сабанѣевъ, Кульневъ, Властовъ или Эриксопъ, дѣло кончилось бы иначе! Главнокомандующій и его прикрытіе были бы непременно въ плѣну или въ могилѣ.

Не выдавъ самъ дѣйствій нашего паруснаго и гребнаго флотовъ, не стану повторять того, что весьма подробно и прекрасно описано Его Превосходительствомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Обращаюсь къ тому, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

V.

Состояніе Русскихъ войскъ къ 1-му Августа 1808 года. — Маркизь Паулучи привозитъ изъ Петербурга проектъ перемирія съ Шведами, до зимы. — Любопытная встреча Маркиза Паулучи съ Главнокомандующимъ, характеризующая обонхъ. — Вѣрный очеркъ Маркиза Паулучи. — Главнокомандующій не соглашается на перемиріе, и избираетъ Графа Каменскаго для изгнанія Шведскаго войска изъ Финляндіи. — Характеристика Графа Николая Михайловича Каменскаго. — Геройскій духъ времени, припоминающій древнюю Спарту и блистательную эпоху Рима. — Положеніе дѣлъ во время прінятія начальства Графомъ Каменскимъ надъ корпусомъ Генерала Раевскаго. — Число Шведскихъ войскъ. — Составъ корпуса Графа Каменскаго. — Начало наступательныхъ дѣйствій Графа Каменскаго. — Блистательное авангардное дѣло Полковника Властова. — Мѣстность и подробности сраженія. — Властовъ разбиваетъ наголову Полковника Фіянцта. — Неудача Полковника Эриксона. — Геройскій подвигъ Маю-

РА ГЛАСКОВА. — КРОВОПРОЛИТНОЕ ТРЕХЪ-ДНЕВНОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ КУРТАНЕ. — МѢСТНОСТЬ И ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ. — ШВЕДЫ, ПОСЛѢ МУЖЕСТВЕННОГО СОПРОТИВЛЕНІЯ, УСТУПАЮТЪ НАСТОЙЧИВОСТИ РУССКИХЪ. — ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ШВЕДОВЪ НАШИМЪ АВАНГАРДОМЪ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ЗНАМЕНИТАГО КУЛЬНЕВА, КОМАНДОВАВШАГО АВАНГАРДОМЪ ВЪ ЧИНѢ ПОЛКОВНИКА. — УЧАСТІЕ ДВУХЪ ЭСКАДРОНОВЪ НАШЕГО ПОЛКА ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ КУРТАНЕ. — НОВЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ ГРАФА КАМЕНСКАГО. — ОБХОДЫ, ОПАСНОСТЬ ОБХОДНАГО ОТРЯДА КОЗАЧКОВСКАГО ПОДЪ НЬЮКАРЛЕБИ И ПОДЪ ННДЕРГЕРМИ. — ЗНАМЕНИТОЕ СРАЖЕНИЕ ПОДЪ ОРОВАЙСИ. — ЧУДЕСА ХРАБРОСТИ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ. — ГРАФЪ КАМЕНСКІЙ ИСТОРГАЕТЪ ПОБѢДУ У ШВЕДОВЪ СВОЕЮ РѢШИТЕЛЬНОСТЬЮ, И ЗАСТАВЛЯЕТЪ ИХЪ ОТСТУПТЬ. — МѢСТНОСТЬ И ПОДРОБНОСТИ СРАЖЕНИЯ. — АДЪЮТАНТЪ ГРАФА КАМЕНСКАГО, КАПИТАНЪ АРСЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАКРЕВСКІЙ. — ВСУПЛЕНІЕ ГРАФА КАМЕНСКАГО ВЪ ГАМЛЕ-КАРЛЕБИ. — ПЕРЕМИРІЕ. — ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ПЕРЕНОСИТСЯ ВЪ ГАМЛЕ-КАРЛЕБИ.

Съ самаго начала войны Императоръ Александръ имѣлъ мысль выслать отрядъ

чрезъ Ботнической Заливъ, по льду, въ Швецію, по Главнокомандующій представлялъ, что это будетъ только бесполезный *набѣгъ*, если невозможно будетъ утвердиться на Шведскомъ берегу, а чтобъ удержаться въ Швеціи и въ то же время дѣйствовать въ Финляндіи, Графъ Буксгевденъ требовалъ вдвое болѣе войска, нежели было тогда подъ его начальствомъ, увѣряя между тѣмъ Государя, что мы завоюемъ Финляндію безъ большихъ усилій. Когда обстоятельства переменялись въ пользу Шведовъ, Графъ Буксгевденъ писалъ къ Государю, что онъ вовсе не надѣется изгнать непріятеля изъ Финляндіи, усмирить возстаніе жителей и удержать страну въ повиновеніи, имѣя подъ ружьемъ только 24,500 человекъ, и что ему надобно по крайней мѣрѣ вдвое болѣе войска; а если Государю угодно, чтобъ вторженіемъ въ Швецію принудить Короля къ уступкѣ Фин-

ляндіи, то для этого должно прислать, сверхъ находящихся уже въ Финляндіи 24,500 человекъ, еще, по малой мѣрѣ, 50,000 человекъ. Графъ Буксгевденъ разсуждалъ справедливо, но не было возможности удовлетворить его требованію. Армія наша была въ Турціи, и остальное войско, послѣ трехъ кровопролитныхъ кампаній (1805, 1806 и 1807), было малочисленно. Въ иныхъ полкахъ не было и полнаго батальона. Надлежало комплектовать полки рекрутами. Собрали, что можно было собрать изъ третьихъ батальоновъ полковъ, находившихся уже въ Финляндіи, присоединили части войска изъ гвардіи, устроили два отряда, и послали ихъ въ концѣ Іюля въ Финляндію. Въ отрядѣ Графа Витгенштейна было до 8,800 фронтовыхъ, а въ отрядѣ Князя Д. В. Голицына до 6,500 чел. разнаго оружія. Кромѣ того пришло нѣсколько тысячъ солдатъ изъ Французскаго плѣна и

рекрутъ, и такимъ образомъ собралось Русскихъ войскъ въ Финляндіи, къ 1-му Августу, до 44,000 чел. пѣхоты, 5,000 конницы, и при нихъ 186 орудій. Но въ этой арміи было множество больныхъ, отъ недостаточнаго продовольствія и изнуренія, и госпитали были въ самомъ плохомъ положеніи.

Маркизь Паулуччи передалъ вѣрно Государю положеніе войска и состояніе дѣлъ въ Финляндіи, и въ слѣдствіе того, въ Петербургѣ былъ составленъ оборонительный планъ войны, до зимы, благопріятной для военныхъ операцій въ этой странѣ. По этому плану Русскія войска должныствовали занять линію отъ Біернеборга, чрезъ Тамерфорсъ, Оривеси, Рауталамби, Куопіо, до Кеми, на пространствѣ болѣе 500 верстъ, и укрѣпиться въ селеніяхъ и въ лагеряхъ, а съ другою стороною расположиться на морскомъ берегу, отъ Біернеборга же до Сварт-

гольма, подъ защитой нашего гребнаго флота. Съ этимъ планомъ отправленъ былъ въ главную квартиру, въ Або, Маркизь Паулуччи. Сколь важно было порученіе, данное Маркизу Паулуччи, и какою довѣренностью Государя онъ пользовался, видно изъ собственноручнаго письма Государя къ Главнокомандующему (*): «Если, до полученія оборонительнаго плана, успѣхи подвинутъ насъ впередъ, и позиція, занимаемая войсками, будетъ выгодна, то не приводить плана въ дѣйствіе, а объяснивъ подробно всѣ обстоятельства Маркизу Паулуччи, прислать его съ оными обратно ко мнѣ.»

Здѣсь я долженъ сообщить анекдотъ, характеризующій Графа Буксгевдена и Маркиза Паулуччи. Этотъ анекдотъ раз-

(*) См. Описаніе Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, соч. Генераль-Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 204.

сказанъ мнѣ почтеннымъ Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Его Превосходительство позволилъ мнѣ напечатать этотъ рассказъ и сослаться на него (**). Со времени паденія Римской Имперіи, почти всѣ писатели, говорившіе объ Италиі, изображаютъ намъ Италианцевъ хитрыми, уклончивыми, вкрадчивыми, скрытными и даже вѣроломными. У всѣхъ Европейскихъ народовъ Италианецъ есть синонимъ хитрости и вѣроломства. Однако жъ, это мнѣніе вовсе несправедливо, и въ Италиі есть много людей съ прямымъ характеромъ, съ возвышенною, пламенною душою и благородными чувствами. Эту справедливость отдалъ имъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей въ Европѣ,

(*) Важность, требуемая отъ исторіи, не дозволила почтенному Александру Ивановичу внести этотъ анекдотъ въ свое описаніе войны.

Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ (*). Первообразъ или типъ Италіянцевъ времени Гвельфовъ и Джибеллиновъ былъ Маркизь Паулуччи. Онъ былъ храбръ, откровенецъ, даже къ собственному вреду, рѣшителенъ, и мстилъ своимъ противникамъ одними эпитафиями. Чтобъ любить его и уважать искренно, надлежало знать его коротко и судить о немъ по дѣламъ, а не по словамъ. Въ Остзейскихъ провинціяхъ, гдѣ онъ былъ двадцать лѣтъ Генераль-Губернаторомъ, онъ оставилъ незабвенные слѣды своею умной, твердой и честной администраціи. Многіе дворяне не любили его за то, что онъ частенько ошибалъ крылья неумѣренной гордости, ни на чемъ неоснованной, а когда не стало Маркиза Паулуччи, всѣ отдали ему полную справедлив-

(*) См. брошюру, изданную Графомъ С. С. Уваровымъ.

вость, и теперь вспоминаютъ о немъ съ любовью. Маркизь Паулуччи былъ со всѣми ласковъ и даже фамилярень, но не допускалъ никого забываться передъ нимъ, и громилъ высокомеріе и гордость своими убійственными саркасами, въ которыхъ только одинъ Вольтеръ могъ съ нимъ сравняться. Во всемъ Маркизь Паулуччи былъ оригиналень, и я въ жизни моей не зналъ человѣка занимательнѣе, любезнѣе и умнѣе его. Что онъ добръ душою, это скажутъ вамъ всѣ до единого, въ Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи и въ Псковской губерніи особенно же въ Ригѣ, постоянномъ его мѣстопробываніи. Но затронуть его было опасно, эпиграммы его клеймили навѣки!

Съ величайшею поспѣшностью прибылъ Маркизь Паулуччи въ Або, и даже не переодѣваясь, поспѣшилъ къ Главнокомандующему съ порученіями Государя Императора. Я уже говорилъ, что

Графъ Буксгевденъ былъ непомерно гордъ, самовластенъ, не терпѣлъ ни какаго возраженія, и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ отступленіи отъ его воли. Приемъ его ужасалъ многихъ. Всѣ боялись его и избѣгали, по возможности, встрѣчи съ нимъ.

Маркизь Паулуччи входитъ въ приемную комнату и проситъ дежурнаго адъютанта доложить о немъ. Адъютантъ отвѣчаетъ, что Главнокомандующій занятъ дѣлами, въ своемъ кабинетѣ, и не приказалъ ни о комъ докладывать. Нѣсколько генераловъ и полковниковъ уже съ часъ дожидались въ приемной комнатѣ, пока Главнокомандующій выйдетъ или позволитъ доложить себѣ объ имѣющихъ къ нему надобность. Но Маркизь Паулуччи, имѣя съ собою *слово Государя*, справедливо полагалъ, что онъ не обязанъ ждать, и сталъ побуждать адъютанта къ докладу. Адъютантъ наконецъ

рѣшился пойти въ кабинетъ, и доложилъ Графу Буксгевдену о Маркизѣ Паулуччи, прибывшемъ съ денешами отъ Государя. — «Пусть подождетъ!» отвѣчаетъ Графъ Буксгевденъ. Адъютантъ сообщилъ отвѣтъ Маркизу Паулуччи. Маркизь изумился этимъ отвѣтомъ, и сказалъ адъютанту: «Поидите и скажите Графу, что я требую свиданія съ нимъ не для пріятнаго препровожденія времени, но для выслушанія Высочайшаго повелѣнія, и что я не могу, не долженъ и не намѣренъ ждать.» Адъютантъ говорилъ съ Маркизомъ шепотомъ, всѣ молчали, а онъ говорилъ громко, для того, чтобъ слышно было въ кабинетѣ. Не взирая на всѣ доводы Маркиза Паулуччи, адъютантъ объявилъ, что онъ не смѣетъ въ другой разъ докладывать о немъ. Маркизь Паулуччи настаивалъ и горячился— и вдругъ дверь въ кабинетъ быстро растворилась, и въ пріемную вошелъ Главно-

командующій. — «Кто здѣсь осмѣлился шумѣть!» спросилъ онъ грозно. — «Я прошу доступа къ Вашему Сіятельству, по дѣлу, не терпящему отлагательства, и прибылъ къ вамъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ,» отвѣчалъ Маркизь Паулуччи, — «Какъ вы осмѣлились шумѣть, говорю я вамъ,» возразилъ въ гнѣвъ Графъ Буксгевденъ. «Я прикажу васъ немедленно разстрѣлять за ослушаніе моей воли!...» Маркизь Паулуччи отступилъ на три шага, заложилъ руки на груди, и съ своею саркастическою, неподражаемою и убійственною улыбкою, возразилъ: «Нé, hé! Прикажете Ваше Сіятельство разстрѣлять! Мнѣ будетъ весьма занимательно взглянуть, какъ разстрѣливаютъ полковника, прибывшаго въ армію съ Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ лица Государева, съ приказаніемъ и за объясненіемъ къ Главнокомандующему! Нé, hé, hé! Этого я еще не видалъ въ моей жизни!...»

Графъ Буксгевденъ поспѣшно возвра-
тился въ кабинетъ, сильно хлопнувъ
дверью; но чрезъ пять минутъ, когда еще
всѣ бывшіе въ приѣмной залѣ не успѣли
опомниться, Маркизь Паулуччи былъ
позванъ въ кабинетъ. Эта страшная встрѣ-
ча не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій.
Во все пребываніе Маркиза Паулуччи въ
главной квартирѣ, онъ былъ принимаемъ
Главнокомандующимъ отлично.

Почти на цѣломъ свѣтѣ такъ бываетъ,
что, если человѣкъ имѣетъ право самъ
составлять проекты, планы и пред-
положенія и приводить ихъ въ испол-
неніе, то онъ не охотно принимаетъ
чужіе проекты и планы, когда ему дол-
жно ихъ исполнять, потому что, да-
же при самомъ счастливомъ успѣхѣ, на-
добно раздѣлить славу между изобре-
тателемъ и исполнителемъ. Графъ Букс-
гевденъ, который передъ этимъ писалъ
къ Государю, что онъ не можетъ даже

ручаться за удержаніе завоеванной части Финляндіи, вдругъ сталъ противникомъ оборонительнаго плана, и представилъ весьма основательныя причины, которыхъ я не привожу, потому что онѣ изложены подробно въ Описаніи Войны А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Положеніе наше немногимъ улучшилось отъ прибытія отрядовъ Графа Витгенштейна и Князя Голицына, затруднивъ еще болѣе продовольствіе арміи. Но Графъ Буксгевденъ рѣшился дѣйствовать наступательно, принимая на себя всю отвѣтственность, и съ этимъ рѣшеніемъ отправилъ Маркиза Паулуччи къ Государю.

Войска наши расположены были, въ это время, слѣдующимъ образомъ. Графъ Витгенштейнъ занялъ полуденный берегъ Финляндіи; Князь Голицынъ двинулся въ средину ея, въ той цѣли, чтобъ быть готовымъ подкрѣпить своимъ содѣйствіемъ тѣ изъ отрядовъ, которые бу-

дуть нуждаться въ помощи. Князь Багратионъ, съ отрядомъ своимъ, стоялъ у Або; Генераль Тучковъ 1-й въ Куопіо. Небольшой отрядъ Графа Орлова-Денисова боролся внутри края съ партизанами и возставшими крестьянами. Генераль-Адъютантъ Князь Петръ Петровичъ Долгорукій, съ 4,000, вошелъ изъ Сердоболя въ Карелію, а дѣйствующій корпусъ Генерала Раевского, состоявшій изъ 6000 человекъ, отступалъ передъ Графомъ Клингспоромъ, къ Тамерфорсу.

Графъ Буксгевденъ избралъ Графа Николая Михайловича Каменскаго, стоявшаго съ отрядомъ въ Гельсингфорсѣ, для наступательныхъ дѣствій противу главной Шведской силы, бывшей подъ начальствомъ Графа Клингспора, и выславъ для принятія начальства надъ отрядомъ Раевского, далъ Графу Каменскому слѣдующее предписаніе: «Аттакъ ваша должна быть рѣшительна и устра-

интъ худыя послѣдствія, которыя насъ отъ отступленія Раевского ожидаютъ; словомъ, *не взирая на малое число войскъ нашихъ, вы должны разбить непріятеля. Боже помощи успѣхамъ вашимъ.* Отъ дѣйствія вашего зависятъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи спокойствія, жителей и вѣднѣе положеніе войскъ, для защиты береговъ. Буду съ нетерпѣньемъ ждать отъ васъ извѣстій. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ.»

Читая это, переносишься мыслію во времена древней Греціи и въ блистательнѣйшую эпоху Рима! Въмѣсто продовольствія, инструкціи и операціоннаго плана, отъ Главнокомандующаго получено одно приказаніе *побѣдить, и помощи Боже!* Что бы сказалъ объ этомъ Вѣискій Гофкригсратъ, во время Суворова? Но Графъ Буксгевденъ зналъ, кому поручаетъ дѣло.

Графъ Николай Михайловичъ (млад-

шій сынъ Фельдмаршала Михайла Федотовича Каменскаго) родился въ 1776 году, слѣдовательно тогда (въ 1808 году) ему было только тридцать два года отъ рожденія. Онъ воспитывался въ томъ же Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, въ которомъ получилъ воспитаніе и отецъ его, но рано вышелъ изъ корпуса, и дополнилъ образованіе дома, подъ руководствомъ своего родителя. Императоръ Павелъ Петровичъ, бывъ чрезвычайно милостивымъ къ отцу его, въ началѣ своего царствованія, быстро двинулъ сына по службѣ, и въ Италіанскую войну Николай Михайловичъ былъ уже Полковникомъ и командовалъ прославившимся подъ его начальствомъ Архангелогородскимъ гренадерскимъ полкомъ. Суворовъ, желая предоставить случай къ отличію сыну своего стараго товарища, съ которымъ онъ однако жъ не ладилъ, посылалъ Графа Николая Ми-

хайловича въ самыя опасныя мѣста, и молодой Полковникъ всегда отличался, и заслужилъ чинъ Генераль-Маіора и нѣсколько орденовъ на полѣ брани. Въ Русской арміи и въ народѣ, изъ всей Италіанской кампаніи остался въ памяти только знаменитый *Чортовъ Мостъ*. Этотъ мостъ, полуразрушенный, висящій надъ ужасною пропастью въ горахъ Альпійскихъ, надлежало проходить подъ градомъ Французскихъ пуль, связывая офицерскими шарфами распадавшіеся бревна. Съ этимъ вѣчно памятнымъ дѣломъ сопряжено имя Графа П. М. Каменскаго. Опъ взялъ штурмомъ этотъ мостъ, въ главѣ храбраго своего полка, бросившись первый впередъ, съ шпагой въ рукѣ. Суворовъ прозвалъ Графа П. М. Каменскаго, въ шутку, *Чортовъ генералъ*. Въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, Графъ П. М. Каменскій отличился подъ Данцигомъ, и хотя не могъ освободить этого

города отъ осады, но обратилъ на себя вниманіе обѣихъ арміи отчаянною храбростію и распорядительностію. Прибывъ въ Кенигсбергъ уже во время нашей ретирады изъ-подъ Фридланда, онъ искуснымъ движеніемъ успѣлъ соединиться вовремя съ главною арміею, и тѣмъ избавилъ ее отъ сильнаго натиска непріятеля. Кампанію кончилъ онъ въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ.

Графъ Н. М. Каменскій наследовалъ отъ отца своего непоколебимое мужество и пылкость характера. Онъ былъ вспыльчивъ, строгъ въ наказаніяхъ, но добръ душею, щедръ, безкорыстенъ, снисходителенъ, справедливъ и ласковъ къ офицерамъ и солдатамъ, гордъ съ равными и холодець со старшими. Природа надѣлила его умомъ глубокимъ и проникательнымъ, и онъ образовалъ себя чтеніемъ и основательнымъ изученіемъ всего, относящагося до военнаго

ремесла. Графъ Н. М. Каменскій, какъ всѣ генералы Суворовской школы и какъ Графъ Буксгевденъ, не терпѣлъ ни какихъ возраженій и совѣтовъ, и требовалъ безусловнаго повиновенія своей волѣ. «Извольте дѣлать, что я приказываю — я отвѣчаю!» былъ всегдашній его отвѣтъ на всѣ представленія генераловъ или начальниковъ отрядовъ.— Графъ Н. М. Каменскій былъ средняго роста, сухощавъ, блѣденъ, смуглъ, и являлся всегда передъ фронтомъ съ лицомъ важнымъ и серьезнымъ. Глаза его блестѣли, какъ алмазы, а въ сраженіи пылали. Онъ былъ ловокъ и скоръ во всѣхъ движеніяхъ. Во всю кампацію онъ послѣ военный сертукъ съ бирюзовымъ воротникомъ (Архангелогородскаго полка) и фуражку съ такимъ же околышкомъ, и только въ городахъ, на парадѣ и на балахъ, которые онъ любилъ давать жителямъ, надѣвалъ мундиръ и ордена. Въ рукахъ

у него всегда была казачья пагайка. Войско любило и боялось его. Онъ заботился о нуждахъ солдата, но требовалъ самый строгой дисциплины, и если бѣ червонцы разсыпаны были на дорогѣ, никто не дерзнулъ бы поднять ни одного, если бѣ Графъ Каменскій запретилъ это. За ослушаніе — пуля въ лобъ, или самое жестокое наказаніе. Графъ Каменскій оживлялъ собою Суворова въ памяти стариковъ. У него была одна слабость, которой впрочемъ не чужды были величайшіе герои древнихъ и новыхъ временъ: Графъ Н. М. Каменскій, котораго твердости не могла поколебать ни какая опасность, не могъ равнодушно выдерживать иѣжыыя взгляды красавицъ, любилъ прекрасныхъ женщинъ и умѣлъ имъ правиться. Но слава была первою и главною его любовницею — и онъ жертвовалъ для нея всѣми своими склонностями.

Не постигаю причинъ, почему онъ въ званіи Главнокомандующаго претерпѣлъ столько неудачъ въ войну съ Турками! Опытные генералы говорили мнѣ, что въ войнѣ съ Турками весьма часто и храбрость и искусство не помогаютъ, потому что мѣстоположеніе края, въ которомъ обыкновенно ведется война съ Турками, и зловредный климатъ этой страны уничтожаютъ почти всѣ расчеты стратегіи, и представляютъ непреодолимые препятствія самой пылкой храбрости. Говорятъ, если бы Графъ Н. М. Каменскій дожился до знаменитаго 1812 года, онъ былъ бы Главнокомандующимъ, и тогда бы исторія опредѣлила въ немъ рѣшительно качества полководца. Что было бы въ борьбѣ его съ Наполеономъ — неизвѣстно; но въ Финляндіи онъ показалъ высокія военныя способности, основательныя познанія стратегіи, примѣняемой быстро къ мѣстности, искусство про-

довольствоваться войско въ неприятельской
взбунтованной странѣ, возбуждать въ
войнахъ самонадѣянность, непоколеби-
мое мужество и презрѣніе всѣхъ опасно-
стей. Это важнѣйшія качества Главно-
командующаго. Безспорно Графу Н. М.
Каменскому принадлежитъ вся слава по-
коренія Финляндіи.

Теперь перейдемъ къ его подвигамъ.

Финляндская война была въ одно время
ученою, народною, наступательною, обо-
ронительною и во всѣхъ случаяхъ чрез-
вычайно упорною съ обѣихъ сторонъ.
Успѣхъ столько же зависѣлъ отъ тон-
кихъ соображеній военныхъ дѣйствій,
отъ маневровъ, въ странѣ, почти непро-
ходимой для наступающаго войска, по
причинѣ тѣсницъ, болотъ, горъ, рѣкъ,
озеръ и мрачныхъ лѣсовъ, встрѣчаю-
щихся на каждомъ шагу, какъ и отъ бы-
страго натиска и рѣшительности. Отча-
янное сопротивленіе Шведскаго войска

и жителей Финляндии, возможность, представляемая непріятелю озерами перемѣнять свою позицію и переноситься за позицію наступающихъ, трудность сообщеній, недостатокъ крѣпостей для учрежденія операціоннаго центра внутри земли, малое народонаселеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ, и вообще страна безплодная, безъ большихъ городовъ и селеній, не представляющая возможности продовольствовать войско мѣстными средствами, все это противопоставляло чрезвычайныя трудности къ скорому и успѣшному окончанію войны. Почти на каждомъ переходѣ надлежало брать приступомъ крѣпкія позиціи, наподобіе природныхъ крѣпостей, не надѣясь другихъ послѣдствій, какъ возможности подвинуться далѣе въ пустыню, и удаляясь отъ своихъ запасовъ, терпѣть еще бѣольшую нужду. — Въ самую рѣшительную эпоху, Графъ Н. М. Камен-

скій высланъ былъ съ своимъ корпусомъ, какъ представитель Русскаго воинства ; онъ долженъ былъ вытѣснить Шведское войско изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ, изъ сердца Финляндіи, и принудить его отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній къ обратному завоеванію сей страны.

Шведскихъ регулярныхъ войскъ въ это время было на твердой землѣ Финляндіи около 18,000 человекъ, и при нихъ 40 орудій. Изъ сего числа 4000 человекъ, подъ начальствомъ Полковника Сандельса, находилась въ Тайволѣ, противу Генерала Тучкова 1-го ; 4,000 человекъ, подъ начальствомъ Генерала Дебельна, расположены были въ Христиенштадтѣ, противу Або. 10,000 лучшихъ войскъ, подъ начальствомъ Фельдмаршала Клигепора и помощника его, Генерала Адлеркрейца, расположены были въ окрестностяхъ Лапо-Кирки, т. е. на дорогѣ въ

Вазу, изъ середины Финляндіи, отъ Куо-піо и Тавастгуса. Всего съ вооруженными поселянами, изъ коихъ Саволакскіе и Карельскіе стрѣлки почитались лучше регулярныхъ солдатъ, было до 30,000 человѣкъ.

Превосходство въ числѣ не давало намъ существеннаго преимущества надъ непріателемъ, потому что большая часть нашихъ войскъ должна была сторожить берега отъ высадокъ, въ тылѣ операціонной линіи, и занимать провинціи, волновавшіяся при каждомъ нашемъ отступленіи. Дѣйствующія силы были равныя. Графу Каменскому поручено было, только съ 10,000 человѣкъ пѣхоты, 1200 кавалеріи и 38-ю орудіями, дѣйствовать противу Фельдмаршала Клингспора, опрокинуть его до самой Лапландіи, и очистить Финляндію. Клингспоръ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ преимущества генерала, защищающаго свое отечество. Всѣ жители

держали его сторону, укрѣпляли въ тылъ его позицію, доставляли подводы и продовольствіе, и старались, по возможности, вредить намъ. Русскому генералу, дѣйствовавшему наступательно, не на что было надѣяться, какъ только на мужество своихъ войскъ и на свой собственный геній. Шведы и Финны, при этомъ послѣднемъ усилии, дрались, какъ герои, въ неприступныхъ своихъ мѣстоположеніяхъ. Графъ Каменскій, съ равными силами, побѣдилъ героевъ и преодолѣлъ самую природу!

Графъ Каменскій одобрилъ постановленіе совѣта, созваннаго Генераломъ Раевскимъ, какъ выше сказано, и слѣдующему, рѣшился отступить къ Тавастгусу, чтобы сосредоточить свои подкрѣпленія и приблизиться къ центру продовольствія. Корпусъ отступилъ двумя колоннами, и достигнулъ до Кумялакса и Ку-

монса, не бывъ преслѣдуемъ непріятелемъ. Графъ Каменскій, чтобы скрыть отъ непріятели настоящія свои намѣренія и свое положеніе, и выиграть время для собранія своихъ подкрѣпленій, отдѣлилъ отъ себя три небольшіе отряда для наступательныхъ движеній на двухъ своихъ флангахъ. Полковникъ Властовъ дѣйствовалъ по дорогѣ къ Саріярви, на правой сторонѣ главнаго Шведскаго корпуса; Полковникъ Сабанѣевъ на лѣвой, близъ Оривеси, а Эриксопъ, около Этсери. 2-го Августа, Графъ Каменскій уже былъ въ состояніи двинуться впередъ съ главнымъ отрядомъ, и 5-го числа онъ занялъ позицію при Ивескилѣ. Отсюда начинаются наступательныя дѣйствія корпуса Графъ Камейскаго. Тогда отрядъ Полковника Властова составлялъ авангардъ всего корпуса. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ 7-ми баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ эскадроновъ кавалеріи, партіи казаковъ

и 7-ми орудій, (*) подвигаясь впередъ и прошедъ Саріярви, былъ встрѣченъ отрядомъ Шведскихъ войскъ изъ 2,000 пѣхоты, съ 8-ю орудіями, подъ начальствомъ Полковника Фіянта, въ крѣпкой позиціи, при Карстулѣ. Это авангардное дѣло заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ подробнѣе; оно имѣло большое вліяніе на тогдашнія военныя обстоятельства.

Мѣстоположеніе, занимаемое Шведами, было слѣдующее: озеро Пее, или Пее - ярви, образуетъ нѣсколько заливовъ. Между главнымъ разливомъ водъ и однимъ изъ этихъ заливовъ находится

(*) Два батальона 24-го Егерскаго полка, одинъ гренадерскій и одинъ мушкетерскій батальонъ Сѣвскаго мушкетерскаго, одинъ гренадерскій и одинъ мушкетерскій Бѣлозерскаго мушкетерскаго, одинъ мушкетерскій батальонъ Низовскаго, одинъ эскадронъ Гродненскаго гусарскаго и одинъ эскадронъ Финляндскаго драгунскаго полковъ.

узкій перешеекъ. Здѣсь лежитъ селеніе Кальмари, чрезъ которое идетъ боляшая Линдулакская дорога, мимо кирки Карстула. На проливѣ, соединяющемъ заливъ съ главнымъ озеромъ, находится мостъ. Шведскій отрядъ расположенъ былъ за симъ мостомъ, поперегъ пролива, примыкая флангами къ заливу и большому озеру. На обонхъ флангахъ непріятельскихъ были возвышенія, на которыхъ устроены были батареи. Кромѣ того, цѣлая лнія и лѣвый флангъ у залива, кромѣ батарей, прикрыты были шанцами. Шведская позиція уцодоблялась крѣпости.

Пикетъ непріятельскій встрѣтилъ Русскій авангардъ у самага входа въ перешеекъ, гдѣ подѣланы были засѣки. 24-й Егерскій полкъ, подъ начальствомъ Подполковника Сомова, вытѣснилъ Шведовъ до деревни Кальмари, гдѣ они, засѣвъ въ домахъ и за заборами, мужественно

защищались, получивъ подкрѣпленіе отъ главнаго своего отряда. Между-тѣмъ, какъ въ этомъ мѣстѣ продолжалось сраженіе, Полковникъ Властовъ, осмотрѣвъ позицію непріятеля, сдѣлалъ свои распоряженія, приносящія большую честь его глазомѣру и военнымъ соображеніямъ. Онъ отрядилъ изъ перваго пункта вступленія въ перешеекъ (деревни Сюстямяки) Маіора Римана (Сѣвскаго мушкетерскаго полка) съ шестью ротами сего полка и двумя ротами Низовскаго, въ обходъ главной непріятельской позиціи, малою дорогою по ту сторону залива, мимо лѣваго непріятельскаго фланга. Командира Сѣвскаго полка, Подполковника Лукова, послалъ съ двумя баталіонами Бѣлозерскаго полка (состоявшими подъ начальствомъ Маіора Алексѣева и Капитана Макарова) и двумя орудіями, противу лѣваго непріятельскаго фланга, гдѣ заливъ былъ столь узокъ, что чрезъ него

можно было перестрѣливаться. Самъ Полковникъ Властовъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся прямо на главную позицію, вытѣснилъ Шведовъ изъ деревни Кальмарн, и преслѣдуя, опрокинулъ за мостъ, который тотчасъ былъ зажженъ непріателемъ. Очистивъ поле посю сторону главной Шведской позиціи, Полковникъ Властовъ съ большимъ искусствомъ воспользовался выгоднымъ своимъ мѣстоположеніемъ, и устроилъ тотчасъ батарею, изъ пяти орудій, на возвышеніи (противу праваго непріятельскаго фланга), командовавшемъ непріятельскою позиціей. Канонада и перестрѣлка продолжались безъ умолку, на всей непріятельской линіи, но успѣхъ былъ еще сомнителенъ. Шведы имѣли большое преимущество передъ нашими, сражаясь въ шанцахъ, тогда какъ наши дѣйствовали въ открытомъ полѣ.

Подполковникъ Луковъ, обойдя озеро.

встрѣтилъ непріятельскихъ стрѣлковъ по всю сторону залива, въ засѣкахъ. Ихъ вытѣснили оттуда, и прогнали въ шанцы, въ бродъ чрезъ проливъ. Стремленіе наше въ этомъ мѣстѣ было удержано маскировочною непріятельскою батареею.

Между тѣмъ, какъ огонь продолжался на всей линіи и на самомъ близкомъ разстояніи, Полковникъ Фіантъ извѣстился отъ своего пикета, поставленнаго въ тылъ, при переправѣ чрезъ малую рѣчку, что нашъ отрядъ (Маіора Римана), посланный изъ деревни Сюстямяки, стремится въ тылъ Шведскаго корпуса, вскорѣ займетъ Линдулакскую дорогу, и такимъ образомъ отрѣжетъ ретираду. Приведенный въ смущеніе этою вѣстью, и не будучи въ состояніи отразить жестокаго нападенія нашихъ съ фронта и съ лѣваго фланга, Полковникъ Фіантъ вознамѣрился отступить, въ порядкѣ, къ другой позиціи.

Лишь только съ другой стороны примѣ-

тили первыя приготовленія Шведовъ къ отступленію, вдругъ на всей нашей линіи раздаеся радостный вопль: «ура! впередъ!» Картечи и пули посыпались изъ Шведскихъ шанцевъ и батарей; но Русскіе воины, презирая явную смерть, бросились на горящій мостъ и въ бродъ, достигнули бѣгомъ до непріятельскихъ шанцевъ, устремились на нихъ со штыками, и принудили Шведовъ къ бѣгству. Подполковникъ Сомовъ и Капитаны Гавевъ и Никифоровъ 24-го Егерск., Капитанъ Шидловскій и Штабсъ-Капитанъ Колинъ Сѣвскаго пѣхотнаго полковъ были впереди и подавали собою примѣръ мужества и рѣшительности. Бѣлозерскій полкъ, находившійся на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ, не хотѣлъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ столь блистательнаго подвига своихъ товарищей. Капитанъ Макаровъ бросился, въ то же время, со стрѣлками въ бродъ чрезъ заливъ,

взбѣжалъ на шанцы, и штыками выгпалъ оттуда Шведовъ. Маіоръ Алексѣевъ поспѣшилъ къ нему на помощь, и овладѣлъ батареями. Шведская позиція, заранѣе укрѣпленная и почитаемая непреодолимою, была взята въ одно мгновеніе приступомъ. Храбрые Шведы должны были уступить почти невѣроятному мужеству Русскихъ. Маіоръ Ридигеръ, съ эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ, и Подполковникъ Притвицъ, съ Финляндскимъ драгунскимъ, бросились въ бродъ, чрезъ проливъ, и довершили пораженіе изумленнаго непріятеля.

Отчаяніе воспламенило Шведовъ; они собрались за небольшою рѣчкою, пересѣкающею дорогу, нимѣя непроходимыя болота на флаигахъ, вознамѣрились въ этомъ мѣстѣ удержать быстрый натискъ Русскихъ; и заставить ихъ кончить сраженіе. Наши стрѣлки и кавалерія опрометью бросились на непріятеля, и не

давъ ему опомниться, вытѣснили изъ этого выгоднаго мѣстоположенія. Шведы снова отступили, будучи преслѣдуемы нашими стрѣлками и кавалеріею.

Между деревнею Метенецъ и мызою Олькаръ находится озеро Уйтонское, или лучше сказать большой разливъ рѣки, выходящей изъ Пее-ярви. На рѣкѣ, при самомъ разливѣ, лежитъ длинный мостъ, называемый Уйтонскимъ. Здѣсь также заранѣе приготовлены были шанцы и батареи для Шведовъ по ту сторону рѣки. Наши встрѣчены были картечными и ружейными выстрѣлами. Шведы приготовились къ сильной оборонѣ. Тотъ же самый 24-й Егерскій полкъ и тѣ же двѣ роты Сѣвскаго полка, которые взяли приступомъ позицію, бросаются стремглавъ съ примкнутыми штыками на Уйтонскій мостъ, летятъ прямо на шанцы, и рукопашнымъ боемъ оканчиваютъ сраженіе. Мужество Шведовъ поколебалось: они

обратились въ бѣгство и разсыпались. Ночь и усталость нашихъ войскъ спасли ихъ отъ совершеннаго истребленія. Полковникъ Властовъ приказалъ авангарду нашему остановиться на мызѣ Олькаръ, а самъ съ главнымъ отрядомъ расположился въ деревнѣ Метенень. Войско требовало отдохновенія. Русскіе сражались непрерывно въ продолженіе 16-ти часовъ; они должны были брать съ боя каждый шагъ, на разстояніи 18-ти верстъ, и вытѣснять непріятеля изъ пяти укрѣпленныхъ позицій, въ которыхъ онъ останавливался, защищаясь съ необыкновеннымъ упорствомъ. Блистательная побѣда увѣичала неимовѣрные труды и усилія нашихъ. Беспорядокъ водворился въ Шведскомъ отрядѣ: солдаты разбрелись по лѣсамъ, и Полковникъ Фіантъ, отступивъ къ Линдулаксу, едва могъ собрать третью часть своего отряда (*).

(*) Въ этотъ достопамятный день непріятель

Сраженіе при Карстулѣ названо было *офицерскимъ дѣломъ*. Необыкновенное соревнованіе одушевляло всѣхъ офицеровъ отряда Полковника Властова. Они наперерывъ другъ передъ другомъ бросались въ величайшія опасности, и собою подавали примѣръ подчиненнымъ. Императоръ Александръ щедро наградилъ офицеровъ этого отряда.

На лѣвомъ флангѣ Графа Каменскаго дѣла припали весьма неблагопріятной оборотъ. Полковникъ Эриксонъ, вытѣснивъ Шведскій авангардъ изъ Алаво, и соединившись съ Полковникомъ Сабанѣевымъ, вознамѣрился держаться въ этомъ мѣстѣ до дальнѣйшихъ послѣдствій. Но Шведы воспользовались отдаленіемъ Эриксона отъ главнаго корпуса и

потерялъ убитыми и ранеными 700 человекъ. Съ нашей стороны убиты два офицера и 46 солдатъ. Ранено офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 182.

слабостью его отряда, и Генераль Адлер-крейцъ ударилъ на него съ превышающими силами, 5-го Августа, въ часъ по полудни. Сраженіе было кровопролитное и упорное. Русскіе не уступали ни превышающему числу, ни сильному и непрерывному натиску Шведовъ. Оба начальника соединенныхъ отрядовъ, Полковники Эриксонъ и Сабанѣевъ, были ранены, но для поддержанія мужества въ своихъ подчиненныхъ, не оставляли поля сраженія, и находились во весь день въ рядахъ, подъ выстрѣлами. Всѣ усилія Шведовъ, чтобы привести въ безпорядокъ и обратить въ бѣгство Русскихъ, не имѣли успѣха: ни картечные выстрѣлы, ни нападенія на всю линію съ примкнутыми штыками не могли разстроить Русской дисциплины. Наши ряды были неподвижны, какъ желѣзная стѣна. Сраженіе продолжалось до 7 часовъ вечера. Полковникъ Эриксонъ, опасаясь быть

окруженнымъ и отрѣзаннымъ цѣлымъ корпусомъ Фельдмаршала Клингспора, рѣшился отступить къ Графу Каменскому. Но Генераль Адлеркрейцъ уже отрѣзалъ ему дорогу вправо, на Тейсъ, обойдя лѣсомъ нашъ флангъ. Полковникъ Эриксонъ обратился на дорогу къ Тамерфорсу, и перейдя чрезъ рукавъ озера Руовеси, сжегъ мостъ и деревню Хераенъ, для удержанія стремленія непріятеля. Эриксонъ не могъ воспользоваться прикрытіемъ озеръ. Шведы имѣли въ своемъ распоряженіи лодки жителей, переправили отрядъ чрезъ озеро Тулюки, и принудили Эриксона продолжать свое отступленіе. (*)

(*) Въ сраженіи при Алаво уронъ съ нашей стороны былъ слѣдующій: убито два офицера, нижнихъ чиновъ 75; ранено два штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ 226. Изъ сего числа одинъ офицеръ и 67 человекъ, тяжело раненые, остались на мѣстѣ сраженія. Отли-

Не взирая на разбитіе отряда Полковника Фіянта при Карстулѣ, Шведскія дѣла находились теперь въ самомъ выгодномъ состояніи. Передъ Фельдмаршаломъ Клингспоромъ открытъ былъ путь не только до Тамерфорса, но даже до Тавастгуса. Правое крыло Клингспора прикрито было отрядами Генераловъ Дебельна, Фегезака и Полковника Гиленбегеля. Двинувшись впередъ, онъ могъ заставить Графа Каменскаго отступить, единственно изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній; а отступление Графа Каменскаго, предавая во власть непріятели обширное пространство хлѣбородной провинціи, въ самое время жатвы, доставило бы средство Клингспору

числились всѣ офицеры и солдаты этого отряда, а особенно 28-й и 3-й Егерскіе полки. Шведы, по собственному сознанію, потеряли около 600 человекъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ находился Генераль Графъ Кронстедтъ.

запасться продовольствіемъ для своего войска, лишить Русскихъ всѣхъ средствъ, и даже истребить наши запасы въ Тамерфорсѣ и Тавастгусѣ. Между тѣмъ, Шведскій Король Густавъ угрожалъ высадкою въ окрестностяхъ Або и Христиенштадта, что лишало возможности наши береговья войска приступить къ какимъ либо движеніямъ внутри страны. Вооруженіе поселянъ въ Карелии сдѣлалось бы тогда весьма важнымъ, и Полковникъ Сандельсъ (стоявшій въ Тайволѣ, противу Генерала Гучкова, находившагося въ Куопіо); при наступательномъ дѣйствіи Клингспора, получилъ бы большія выгоды въ своей неприступной позиціи. Преимущество, одержанное Генераломъ Фегезакомъ на правомъ флангѣ Клингспора, при Лапокиркѣ, надъ отрядомъ Полковниковъ Бибикова и Ансельма-де-Жибори, обезпечивало Клингспора съ самой опасной для него стороны. Ка-

залось, что все ему благопріятствовало, и если бь онъ немедленно воспользовался своимъ положеніемъ и удержалъ Русскихъ до осени за чертою, идущею отъ Або, чрезъ Тавастгусъ до Куопіо, то занятіе Финляндіи Русскими не воспослѣдовало бы въ этомъ году. Неизвѣстно, какой оборотъ взяла бы Европейская политика чрезъ годъ, и участь Финляндіи могла бы рѣшиться иначе. Все зависѣло отъ дѣйствіи Графа Каменскаго: онъ своею рѣшительностію разсѣкъ этотъ Гордіевъ узелъ, и разстроилъ всѣ ученыя соображенія Шведскихъ генераловъ.

Когда Клигспоръ съ нетерпѣньемъ ожидалъ извѣстія объ отступленіи Графа Каменскаго изъ Ивескиля, вдругъ пришла въ нему вѣсть, что Графъ Каменскій поспѣшно двинулся впередъ. Оставивъ Полковника Властова преслѣдовать Фіян-та, Графъ Каменскій, при первомъ извѣстіи объ отступленіи Эриксона отъ Ала-

во, почувствовалъ критическое свое положеніе, и вознамѣрился уничтожить въ самомъ началѣ выгоды, полученныя непріателемъ. Надѣясь на мужество Русскихъ, онъ рѣшился немедленно напасть на Шведовъ открытою силою, твердостью и настойчивостью переманить военное счастье на свою сторону.

Быстро устремился Графъ Каменскій къ Алаво, и 8-го Августа встрѣтилъ Шведскій авангардъ при Этсари. (*) Русскіе съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи съ непріателемъ; послѣ жаркаго дѣла, Шведскій авангардъ былъ разбитъ и опрокинутъ.

(*) Графъ Каменскій выступилъ изъ Плескыя съ Петровскимъ и Калужскимъ полками, однимъ бат. Азовскаго, однимъ бат. Великолукскаго мушкетерскаго полка, двумя эскадронами Гродненскаго гусарскаго, однимъ эскадрономъ Уланскаго Его Высочества, т. е. нашимъ командирскимъ, и нѣсколькими орудіями. Три батальона пришли изъ отряда Властова, и соединились съ нами въ пути.

Здѣсь случилось происшествіе, которое стоитъ того, чтобы упомянуть о немъ, потому что оно произвело сильное впечатлѣніе на Шведовъ.

Маіоръ Гласковъ, съ двумя ротами 23-го Егерскаго полка, отступая на Швекиль послѣ занятія Алаво Шведами, былъ остановленъ непріателемъ, имѣвшимъ два орудія, при Этсари. Не будучи въ состояніи противиться превышающей силѣ, онъ, однакожъ, продолжалъ отступать. На пути просоединилась къ нему партія рекрутъ; весь отрядъ его состоялъ изъ 269-ти человѣкъ. Для отдохновенія утружденныхъ походомъ солдатъ, Маіоръ Гласковъ остановился въ одномъ выгодномъ для защиты мѣстоположеніи. Вдругъ непріятельская пѣхота въ 300 человѣкъ появилась въ тылъ, на большой дорогѣ, а другая, столь же сильная колонна обходила его лѣсомъ. Шведы кричали, чтобъ Русскіе положили оружіе и проси-

ли пощады. Маіоръ Гласковъ, раздѣливъ свой отрядъ на двѣ части, вмѣсто отвѣта на приглашеніе къ сдачѣ, бросился на непріятеля въ штыки, пробился рукопашнымъ боемъ чрезъ его ряды, и пробѣжавъ сто сажень, остановился, собралъ людей, построилъ во фронтъ, и пачалъ отступать въ порядкѣ, отстрѣливаясь. Толпа вооруженныхъ крестьянъ также заступила ему дорогу; онъ разогналъ ее, и преодолевъ всѣ усилія непріятеля, хотѣвшаго взять его въ плѣнъ, соединился съ Графомъ Каменскимъ. Сами непріатели отдали справедливость чудесной храбрости горсти Русскихъ! На каждомъ нашего солдата приходилось по четыре Шведа, и не взирая на это, они, даже окруживъ нашихъ, не могли взять ихъ въ плѣнъ!

Графъ Каменскій быстрымъ своимъ движеніемъ изумилъ Шведовъ, и принудилъ Клингспора сосредоточить разсѣянные

свои силы. Фельдмаршалъ Клингспоръ избралъ крѣпкую, или, лучше сказать, неприступную позицію при Куртане, изъ которой онъ могъ имѣть свободное сообщеніе съ правымъ своимъ флангомъ и съ отрядомъ Полковника Фіянга. Лишь только Графъ Каменскій двинулся впередъ, то и всѣ Русскіе отряды, разсѣянные на большомъ пространствѣ, пришли въ движеніе, сосредоточиваясь по направленію къ Алаво. Генераль-Маіоръ Ушаковъ, съ отрядомъ своимъ (*) находясь на лѣвомъ флангѣ, слѣдовалъ впередъ на Кухаіюки; Властовъ находился въ Линдулакѣ. Отрядъ Полковника Эриксона шелъ къ Алаво, куда Графъ Каменскій вступилъ 14-го Августа, перешедъ въ

(*) Отрядъ этотъ состоялъ изъ Литовскаго и Могилѣвскаго мушкетерскихъ полковъ, 25-го Егерскаго и эскадрона нашего полка, Князя Манвелова.

семь дней 290 верстъ. Шведы едва вѣрили появленію Каменскаго!

Графъ Клингспоръ долженъ былъ почувствовать свою ошибку въ томъ, что онъ упустилъ случай истребить малочисленный корпусъ Генерала Раевского, и послѣ того отрядъ Эриксона, при Алаво. Мужественное сопротивленіе нашихъ войскъ и искусное отступленіе въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ лишило Шведовъ тѣхъ выгодъ, которыя, кажется, представляла имъ сама судьба. Теперь наступала рѣшительная минута: отъ успѣха дѣйствій Каменскаго зависѣла участь цѣлой кампаніи. Фельдмаршалъ Клингспоръ надѣялся, что онъ, съ равными силами, если не разобьетъ Каменскаго, то, по крайней мѣрѣ, при выгодахъ своего мѣстоположенія, успѣетъ отразить его нападеніе, и ослабивъ его потерями, неразлучными съ атакою укрѣпленныхъ постовъ, принудить къ отсту-

пленію. Не только Шведское войско, но и жители Финляндіи раздѣляли надежду Клингспора. Они предсказывали, что Графъ Каменскій попышается на гибель (*).

Въ Алаво Графъ Каменскій остановился, чтобы собрать всѣ отдѣльные отряды и подкрѣпленія, заготовить продовольствіе на нѣсколько дней впередъ, и дать своимъ солдатамъ отдохнуть и приготовиться къ новымъ трудамъ. 17-го Августа онъ возобновилъ наступательныя дѣйствія (**).

(*) Я былъ посланъ въ разъѣздъ, около Этсари, и заѣзжалъ въ дома пастора и одного помѣщика. Когда я возвратился, то былъ позванъ къ Графу Каменскому. «Что говорятъ Шведы?» спросилъ Графъ. — «Они говорятъ, что мы идемъ на свои похороны,» отвѣчалъ я. — «А ты что думаешь?» сказалъ Графъ. — «Я думаю, что мы побьемъ Шведовъ.» — «Въ добрый часъ!» примолвилъ Графъ, улыбаясь: «предсказаніе твое сбудется!»

(**) Весь корпусъ Графа Каменскаго въ это вре-

Авангардомъ, состоявшимъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты (*), съ достаточнымъ числомъ кавалеріи, командовалъ Гродненскаго гусарскаго полка Полковникъ Кульневъ. За нимъ слѣдовалъ отрядъ Эриксона (**), а послѣ того шелъ, подѣ

мя состоялъ: изъ 3-го, 23-го и 26-го Егерскихъ полковъ, Петровскаго, Бѣлозерскаго и Азовскаго мушкетерскихъ, одного бат. Калужскаго и одного бат. Великолуцкаго, двухъ эскадроновъ Уланскаго Его Высочества, командирскаго и эскадрона Маіора Князя Манвелова, трехъ эскадроновъ Гродненскаго гусарскаго полка, двухъ сотъ казаковъ и до 20-ти пушекъ. 20-го числа пришелъ Пермскій мушкетерскій полкъ.

(*) Въ авангардѣ были: 3-й Егерскій полкъ, три роты Петровскаго мушкетерскаго полка, два эскадрона Гродненскаго гусарскаго и сотня казаковъ.

(**) Отрядъ Генерала Эриксона состоялъ: изъ 23-го и 26-го Егерскихъ полковъ, трехъ ротъ Азовскаго мушкетерскаго, одного эскадрона Гродненскаго гусарскаго, одного эскадрона Уланскаго Его Высочества, Князя Манвелова, и части казаковъ.

начальствомъ Генераль-Маіора Демидова, главный отрядъ, при которомъ находился и самъ Графъ Каменскій. Дорога отъ Сарвика къ Куртане идетъ по правой сторонѣ рѣки. Генераль-Маіоръ Козачковскій отряженъ былъ съ Калужскимъ мушкетерскимъ полкомъ и нашимъ эскадрономъ на лѣвый берегъ рѣки. Голова колонны его шла наравнѣ съ авангардомъ, и онъ долженъ былъ угрожать флангу и тылу непріателя.

Шведы удержали нашъ авангардъ при переправѣ чрезъ рѣку у Сарвика. Мостъ былъ сожженъ. Перестрѣлка продолжалась цѣлый день, но наконецъ непріатель былъ сбитъ и опрокинутъ. Переправа осталась въ нашихъ рукахъ.

19-го Августа авангардъ нашъ достигнулъ до Каухаламби, гдѣ непріатель снова остановился въ укрѣпленной позиціи, и двумя орудіями очищалъ большую до-

рогу. Егери наши бросились со штыками впередъ, а Гродненскаго гусарскаго полка Ротмистръ Гротгусъ и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Штабсъ-Ротмистръ Князь Кудашевъ устремились съ кавалеріею на шанцы, овладѣли ими, и обратили въ бѣгство непріятеля. Шведы жгли всѣ мосты по дорогѣ, но наша пѣхота съ такою скоростью починивала ихъ, что артиллерія не отставала отъ пѣхоты, которая почти отъ Каухаламби до Куртане бѣгомъ преслѣдовала непріятеля, останавливаясь только при починкѣ мостовъ и при перестрѣлкѣ. Непріятель тщетно покушался удержать стремленіе нашего авангарда при деревнѣ Мяснея, гдѣ за небольшою рѣчкою заблаговременно приготовлены были шанцы, за сожженнымъ мостомъ. Здѣсь держались Шведы довольно долго; наконецъ наша кавалерія и пѣхота бросились въ бродъ чрезъ рѣку, и угрожая непріятелю напасть на него съ тыла,

принудили его оставить свою позицію. Авангардъ нашъ преслѣдовалъ непріятеля штыками и безпрестанно перестрѣливался, до самой Куртанеской позиціи. Здѣсь опять завязалось жестокое сраженіе. Непритель снова былъ опрокинутъ, и наша пѣхота, гоня передъ собою непріятельскихъ стрѣлковъ, взбѣжала вмѣстѣ съ ними на мостъ, длиною во сто сажень, защищаемый батареями. Сильная канонада и наступившая ночь удержали быстрый нашъ натискъ, и принудили авангардъ остановиться. Шведы тотчасъ зажгли мостъ. Успѣхами этого дня обязаны Полковнику Кульневу. — Здѣсь кстати почитаю сказать нѣсколько словъ объ этомъ героѣ, прославившемся въ Финляндіи и падшемъ со славою въ Отечественную Войну 1812 года.

Кульневъ былъ правою рукою и глазомъ Графа Каменскаго, въ Финляндскую войну. Кульневъ совершенно пони-

малъ виды своего начальника, и исполнялъ его предначертанія съ Суворовскою быстротою. Въ преслѣдованіи непріятеля Кульневъ былъ неутомимъ: онъ безпрестанно былъ на конѣ, впереди съ пѣхотными стрѣлками, первый въ кавалерійскихъ атакахъ. Онъ первый поднималъ свой отрядъ, и послѣдній предавался отдохновенію. Кульневъ припоминалъ собою суровыхъ воиновъ древней Спарты и время Святославовыхъ. Онъ не любилъ квартиръ: ненастные дни и бурныя ночи проводилъ всегда на бивакахъ, возлѣ огня, окруженный солдатами. Бурка составляла все его прикрытіе отъ непогодъ. Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ и нѣсколько сутуловатъ. Имѣлъ черные волосы, лице блѣдное и смуглое. Большіе черные глаза и орлиный носъ составляли отличительныя черты его фізіономіи. Длинные усы и бакейбарды висѣли на опушкѣ его чернаго доломана

съ черными шнурами. Голова его покрыта была почти всегда, а особенно въ сраженіи, краснымъ шерстянымъ колпакомъ, по обычаю Финскихъ поселянъ. Онъ не носилъ фуражки и рѣдко надѣвалъ гусарскіи киверъ. Исподнее платье его было широкое казацкое. Въ рукахъ у него всегда была казацкая нагайка, служившая ему вмѣсто оружія. Кульневъ былъ обожаемъ солдатами, не взирая на строгость, съ которою онъ наказывалъ отступленіе отъ военной дисциплины. Онъ жилъ съ солдатами, питался одною съ ними пищею, и раздѣлялъ съ ними всѣ труды и опасности. Нѣсколько разъ въ ночь онъ садился на коня, и объѣзжалъ всѣ посты, приближаясь всегда къ непріятельскимъ часовымъ. Оплошнѣе не оставался безъ наказанія, и немедленно бывалъ схваченъ, часто самимъ Кульневъ. Цѣлая Шведская армія знала его; онъ первый извѣщалъ ее о началѣ воен-

ныхъ дѣйствій, и появленіе его на Шведскихъ передовыхъ постахъ было сигналомъ къ битвѣ.

Но обратимся къ военнымъ дѣйствіямъ.

Большая дорога изъ Тамерфорса въ Вазу идетъ по правому берегу озера Куртане, мимо кирки того же названія. Въ трехъ верстахъ за киркою протекаетъ рѣка, выходящая изъ озера Нисаламби, лежащемъ въ верстѣ отъ озера Куртане. По обѣимъ сторонамъ рѣки и вокругъ озера Нисаламби простираются болота, идущія за Нисаламби на двѣ съ половиною версты. Въ среднѣхъ болота протекаетъ небольшая рѣка, впадающая въ Нисаламби. Кругомъ болота большой лѣсъ, примыкающій съ обѣихъ сторонъ къ озеру Куртане. Подъ лѣсомъ, за рѣкою, возлѣ селенія Руона, простираются поля и возвышенія. На рѣкѣ, которою озеро Нисаламби вливается въ озеро Кур-

тане, построены мостъ, длиною во сто сажень, называемый Руонскимъ. Вотъ мѣстоположеніе, на которомъ подвизались два храбрыя воинства.

Шведы расположены были между озеромъ Куртане и Линдулакскою дорогою, между селеніями Руона и Такала, вдоль болота, простирающагося за рѣками и за озеромъ Нисаламби. Позиція ихъ составляла тупой уголъ, коего оконечность была въ селеніи Переля, противъ озера Нисаламби, и раздѣлялась такимъ образомъ на двѣ части. Первая часть позиціи (или правый флангъ) была неприступна, примыкая вправо къ озеру Куртане, и находясь за широкимъ болотомъ, рѣкою и озеромъ Нисаламби. На возвышеніяхъ за рѣкою устроены были три сильныя Шведскія батареи: одна передъ селеніемъ Руоне, другая подъ лѣсомъ, а третья противу самаго моста Руонскаго. Вторая часть позиціи (или фронтъ съ лѣ-

вымъ флангомъ) тянулась вдоль болота за рѣчкою, отъ озера Нисаламби до селенія Такала, и прикрыта была на всемъ протяженіи своемъ шанцами и засѣками, между которыми устроены были на возвышеніяхъ батареи, одна впереди селенія Переля, другая между этимъ селеніемъ и Такалою, третья впереди этого послѣдняго селенія, четвертая правѣе за ними, противу большой Линдулакской дороги. Всѣ дорожки и малѣйшія тропинки завалены были засѣками и оберегаемы стрѣлками. Кромѣ того, лѣсъ, самъ по себѣ, былъ почти непроходимъ, наполненъ камнями и густыми кустарниками. Шведы находились, какъ въ крѣпости (*). Въ военной исторіи трудно най-

(*) Корпусъ Фельдмаршала Клингспора составляли: Абовскій пѣхотный полкъ, въ 1,800 человекъ, Пиландскій, въ 1,400 человекъ, Остерботенскій, въ 1,000 человекъ, Остерботенскихъ егерей 300,

ти, чтобъ войско занимало позицію, столь выгодную и неприступную, какъ Куртанеская.

Распоряженія Графа Каменскаго при Куртане доказываютъ военный его геній, и должны сохраниться въ Исторіи, какъ примѣръ для военныхъ людей. Зная, что Линдулакская дорога идетъ лѣсами, мимо неприступной позиціи при мостѣ Руона, и проходитъ за лѣвымъ флагомъ непріятеля, близъ деревни Такала, Графъ Каменскій послалъ (изъ отряда Полковника Властова) Подполковника Лукова

батальонъ Упландскаго полка, 500 челов., батальонъ Саволакскаго, 500 челов., батальонъ Эмсапскаго полка, 300 челов.; кавалеріи, и въ томъ числѣ три эскадрона Конной Гвардіи, всего 600 челов.; артиллеріи 30 орудій. Всего регулярныхъ войскъ было 7,000 человѣкъ. Вооруженныхъ крестьянъ, устроенныхъ полками и раздѣленныхъ на три бригады, всего до 6,000 человѣкъ. Съ 1-го Августа 1808 года крестьяне поступили на жалованье Короля.

съ Сѣвскимъ мушкетерскимъ полкомъ, полуэскадрономъ Гродненскаго гусарскаго полка и партіей казаковъ, чтобы онъ, обойдя лѣвый флангъ, устремился въ тылъ непріятельскій, къ деревнѣ Сальми. Генераль-Маіоръ Казачковскій, съ Калужскимъ мушкетерскимъ полкомъ и нашимъ командирскимъ эскадрономъ, слѣдовалъ по лѣвому берегу озера Куртане, мимо праваго непріятельскаго фланга, также по дорогѣ къ деревнѣ Сальми, въ тылъ непріятели. Въ ночи съ 19-го на 20-е Августа, Графъ Каменскій велѣлъ устроить двѣ батареи изъ осьми орудій, противу непріятельскаго фронта; пушки иначе нельзя было провозить на батареи, какъ подъ непріятельскими картечными выстрѣлами, и потому, для сбереженія людей, выбрали для работы почную пору. Батареями командовалъ Маіоръ Бреклингъ. Противу самой оконечности праваго непріятельскаго фланга, на мысу, устроена

была также батарея изъ двухъ 12-ти-фунтовыхъ орудій. Авангардъ Полковника Кульнева, состоявшій изъ 3-го Егерскаго и трехъ ротъ Петровскаго мушкетерскаго полка, поставленъ былъ за батареями, противъ фронта непріятельскаго. Всѣ наши усилія устремлены были на лѣвый непріятельскій флангъ. Отрядъ Полковника Эриксона, состоявшій изъ 23-го и 26-го Егерскихъ полковъ и трехъ ротъ Азовскаго мушкетерскаго, и отрядъ Генерала Янковича, состоявшій изъ Бѣлозерскаго, одного батальона Азовскаго и одного батальона Великолуцкаго мушкетерскаго полковъ, отданы были подъ начальство Генерала Раевского, которому Генераль Графъ Каменскій приказалъ обходить непріятельскую позицію и тѣснить лѣвый его флангъ. По невозможности провозить орудія лѣсомъ, тропинками и болотами, разобраны были два орудія, которыя несли на рукахъ

наши егери; при нихъ былъ Артиллеріи Поручикъ Бендерскій. Резервъ нашъ состоялъ изъ Пермскаго мушкетерскаго полка и одного батальона Петровскаго мушкетерскаго полка. Онъ былъ подъ начальствомъ Генерала Демидова, и стоялъ на большой дорогѣ, за авангардомъ Кульнева.

Генераль Раевскій отправился въ 10 часовъ утра (20-го Августа) въ обходъ, какъ скоро извѣстились, что Подполковникъ Луковъ приблизился къ деревнѣ Сикила, въ недалекомъ разстояніи отъ Такала. Ничто не можетъ сравниться съ трудностями, которыя надлежало преодолѣть Генералу Раевскому на этомъ пути! Камни, стремнины, болота, топи и непроходимый лѣсъ замедляли шествіе его отряда. Для перехода пяти верстъ, надлежало употребить четыре часа времени! Наконецъ, когда Генераль Раевскій вышелъ на то мѣсто, съ кото-

раго надлежало произвести нападеніе, Графъ Каменскій велѣлъ открыть, со всѣхъ нашихъ батарей, сильную канонаду, во второмъ часу по полудни, и на правомъ нашемъ флангѣ тотчасъ завязалось сраженіе,

Генералъ Раевскій, вышедъ на дорогу, съ которой должно было вести атаку на лѣвый непріятельскій флангъ, нашелъ ее заваленною засѣками, и потому пошелъ впередъ болотами, съ отрядомъ Полковника Эриксона, присоединивъ къ нему часть отряда Генерала Янковича, (*) которому велѣлъ оставаться въ деревнѣ Сипола, по сую сторону озера Нисаламби. Открытое болото отдѣляло отрядъ Генерала Раевского отъ непріяте-ля, и лишь только Русскіе показались изъ опушки лѣса, пули и картечи посы-

(*) Генералъ Янковичъ остался съ однимъ Бѣлозерскимъ полкомъ и двумя орудіями, при Поручикѣ Бендерскомъ.

пались градомъ, и принудили нашихъ остановиться въ лѣсу. Шведы, пользуясь первымъ изумленіемъ нашихъ войскъ, построились за шапцами въ двѣ колонны, и быстро устремились на отрядъ Полковника Эриксона, перемѣнивъ такимъ образомъ оборонительное положеніе въ наступательное. Превосходство силъ непріятели и сжатое, невыгодное мѣсто, на которомъ наши не могли развернуть колоннъ, поставляли отрядъ Полковника Эриксона въ затруднительное положеніе. Одна отчаянная храбрость могла спасти Русскихъ. Нападеніе Шведовъ было отражено штыками, и наши, опрокинувъ ихъ, преслѣдовали до самыхъ укрѣплений, гдѣ сильный картечный огонь удержалъ наступающихъ. Полковникъ Эриксонъ снова отступилъ въ лѣсъ, и расположился по опушкѣ.

Шведы, будучи безопасны отъ всякаго покушенія на своемъ правомъ флангѣ,

перевели, лѣсами, почти всѣ силы свои на лѣвый флангъ, противу Генерала Раевского, и стали дѣйствовать наступательно. Подкрѣпивъ двѣ прежнія колонны свои третьею, они снова устремились на отрядъ Полковника Эриксона, выславъ четвертую колонну для занятія селенія Хероя, лежащаго передъ деревней Сипола (на лѣвомъ флангѣ Полковника Эриксона), защищаемаго отрядомъ 24-го Егерскаго полка. Это движеніе могло имѣть рѣшительныя послѣдствія, потому что, если бѣ Шведы заняли деревню Хероя и потѣснили Полковника Эриксона, то онъ былъ бы отрѣзанъ отъ нашего лѣваго фланга, и отрядъ его былъ бы истребленъ превосходнымъ числомъ непріятеля. Положеніе Генерала Раевского было отчаянное. Онъ приказалъ Генералу Янковичу отрядить одинъ баталіонъ Бѣлозерскаго полка къ защищенію деревни Хероя, для обезпеченія лѣваго фланга Полковника

Эриксона, который долженъ былъ выдерживать до самой крайности натискъ Шведовъ. Между тѣмъ Генераль Раевскіи послалъ къ Генералу Графу Каменскому просить помощи.

Шведы сражались съ ожесточеніемъ, и желая воспользоваться своимъ превосходствомъ силъ, повели атаку съ невѣроятною быстротою, чтобъ разстроить нашъ правый флангъ до прибытія подкрѣпленія. Отъ защиты деревни Хероя зависѣло весьма многое и, по счастью, баталіонъ Бѣлозерскаго и отрядъ 26-го Егерскаго полка не только успѣли удержать стремленіе непріятели, но бросившись въ штыки во флангъ, смяли его и опрокинули. Это удачное дѣйствіе поддержало равновѣсіе сраженія.

Между тѣмъ Графъ Каменскіи, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ наши батареи продолжали дѣйствовать безъ умолку, примѣтя, что съ

непріятельскихъ батарей свозятъ нѣскольکو орудій, и что движеніе войскъ производится по направленію на лѣвой непріятельскій флангъ, выслалъ въ подкрѣпленіе Генерала Раевского два эскадрона кавалеріи: эскадронъ Князя Манвелова, нашего полка, и эскадронъ Гродненскаго гусарскаго полка, Маіора Силна. Нашей кавалеріи нельзя было иначе достигнуть своего назначенія, какъ проскакавъ подъ самыми батареями непріятельскими. Съ нашихъ батарей дано три залпа, и кавалерія, по этому сигналу, пустилась во всю конскую прыть. Шведы, думая, что наша конница намѣрена броситься на шанцы, чрезъ болото, выслали цѣлыя толпы стрѣлковъ. Шведскія батареи въ то же время усилили свое дѣйствіе, но наша кавалерія, подъ пулями и ядрами, пролетѣла чрезъ опасное мѣсто и, къ удивленію всѣхъ, безъ уроца; убита одна уланская лошадь.

Вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе отъ Генерала Раевского о его затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій отрядилъ изъ авангарда часть 3-го Егерскаго полка и пять ротъ Костромскаго, приказавъ по надобности подвигаться вправо и прочимъ полкамъ, пополнивъ авангардъ резервомъ, такъ что наконецъ у Генерала Демидова, въ резервѣ, остался только одинъ баталіонъ Пермскаго полка. Пока подкрѣпленіе подоспѣло, положеніе отряда Генерала Раевского постепенно становилось опаснѣе. Отрядъ Полковника Эриксона, упорно защищаясь, принужденъ былъ отступить къ деревнѣ Хероѣ, а Генералъ Янковичъ, оставшійся съ однимъ баталіономъ Бѣлозерскаго полка въ деревнѣ Сипала, былъ атакованъ Шведами съ такою быстротою, что одна только отчаянная рѣшительность — погибнуть на мѣстѣ — спасла его! Удачное дѣйствіе двухъ нашихъ орудій (перене-

сенныхъ на рукахъ), подъ начальствомъ Поручика Бендерскаго, удержало первый натискъ Шведовъ. Стрѣлки наши, пользуясь этимъ случаемъ, заняли непріятеля перестрѣлкою, пока не подоспѣло подкрѣпленіе, которое тотчасъ перемѣнило видъ сраженія.

Съ восклицаніемъ: *ура! впередъ!* бросились наши на Шведовъ. Генералъ Янковичъ и Полковникъ Эриксонъ двинулись съ своими отрядами прямо на непріятеля. Стрѣлки наши устремились впередъ, бѣгомъ, передъ колоннами, слѣдовавшими скорымъ шагомъ съ примкнутыми штыками и съ барабаннымъ боемъ. Вдругъ вся равнина покрылась отступающими Шведами, которые скрылись въ своихъ шанцахъ и за батареями, оставивъ поле сраженія, усѣянное тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Наступившая ночь и усталость обѣихъ сторонъ прекратили сраженіе.

Генераль-Маіоръ Козачковскій, отряженный на другой берегъ озера Куртане, также дрался цѣлый день. Шведы сильно сопротивлялись, но Генераль Козачковскій успѣлъ выгнать ихъ, открытою силою, изъ трехъ деревень. Нашъ эскадронъ преслѣдовалъ стрѣлковъ, лишь только ихъ вытѣсняли изъ домовъ. Мы перекололи ихъ множество (*). Хотя Шведы были гораздо сильнѣе отряда Козачковскаго, но открытое мѣсто, позволивъ дѣйствовать нашимъ уланамъ, послужило въ нашу пользу, а Шведы вовсе не имѣли кавалеріи въ этомъ мѣстѣ. Шведскій отрядъ былъ загнанъ въ дремучій и болотистый лѣсъ, гдѣ онъ и

(*) А. М. Михайловскій-Данилевскій, въ своемъ Описаніи Финляндской Войны, говоритъ, на стр. 235: «успѣху Козачковскаго содѣйствовалъ особенно находившійся въ его отрядѣ эскадронъ улановъ». — Весьма справедливо; мы работали и за себя и за пѣхоту!

остановился, а Генераль Козачковскій, занявъ позицію въ послѣдней изъ деревень, Койпяла, послалъ разѣзды до самой Сальми, на оконечность озера Куртане, въ тылъ непріятельской позиціи. Такимъ образомъ правое непріятельское крыло было обойдено.

Подполковникъ Луковъ, слѣдуя по Андулакской дорогѣ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, выступилъ 20-го числа изъ Сикалы. Непріятельскій отрядъ, бывшій противу него, отступая, пользовался каждымъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, чтобы задерживать отрядъ Лукова перестрѣлкою, жегъ мосты, и всячески замедлялъ его шествіе. Подполковникъ Луковъ едва къ ночи успѣлъ дойти до лѣса, занимаемаго Шведскою арміею, и остановился, не достигнувъ до непріятельской позиціи. Однако жъ этимъ движеніемъ его, лѣвый флангъ непріятеля угрожаемъ былъ обходомъ.

Русскіе сражались весь день, 19-го числа, и кромѣ того сдѣлали большой переходъ. 20-го числа они также весь день были въ движеніи, и выдержали самое кровопролитное сраженіе. Не было времени подумать ни о пищѣ, ни объ отдыхѣ. Оба полководца были въ затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій, по упорному сопротивленію Шведовъ, думалъ, что они станутъ защищать свою позицію до послѣдней крайности. Усталость войскъ и отдаленіе отряда Козачковскаго, котораго почти невозможно было подкрѣпить, возбуждали въ немъ опасенія. Превосходство Шведовъ на всѣхъ пунктахъ было ощутительно; но Графъ Клигспоръ, удостовѣрившись, что ни шанцы, ни батареи, ни засѣки, ни болота не могутъ удержать Русскихъ и отвратить ихъ отъ наступательныхъ дѣйствій, и опасаясь также быть обойденнымъ отрядами Генерала Козачковскаго

и Подполковника Лукова, вознамѣрился бросить укрѣпленную свою позицію при Руоно и Такалѣ, и отступить къ другому, заранѣе укрѣпленному мѣстоположенію, при Сальми. Такимъ образомъ распоряженія Графа Каменскаго, столько же, какъ и храбрость нашихъ войскъ, содѣйствовали къ отступленію Графа Клингспора. Въ ночи когда наши обозы уже вытягивались на большую дорогу къ Алаво, чтобъ быть готовыми къ отступленію, въ случаѣ необходимости, и когда Графъ Каменскій, получая извѣстія отъ разныхъ отрядовъ, дѣлалъ свои соображенія къ слѣдующему дню, Полковникъ Кульневъ привезъ радостную вѣсть, что огни на Шведскихъ бивакахъ рѣдѣютъ и тухнутъ одинъ за другимъ. Графъ Каменскій сдѣлалъ немедленно распоряженіе, чтобы на другой день возобновить нападеніе и начать преслѣдованіе непріятели.

21-го числа, на самомъ разсвѣтѣ,

неутомимый Кульневъ переправилъ въ бродъ чрезъ заливъ озера Куртане казаковъ и егерей, занялъ оставленные Шведами укрѣпленія, и началъ строить мостъ; который искусствомъ инженернаго Поручика Теша скоро былъ конченъ. Авангардъ тотчасъ переправился, и разъѣздъ нашъ открылъ непріятеля въ одной верстѣ, на большой дорогѣ къ Сальми. Шесть ротъ 3-го Егерскаго полка, подъ начальствомъ Маіора Худинскаго, устремились на непріятеля, и тотчасъ начали перестрѣлку, а Ротмистръ Конной-Гвардіи Князь Кудашевъ (бывшій волонтеромъ при корпусѣ), съ двумя ротами того же полка, пошелъ лѣсомъ вправо, чтобъ выйти на большую Линдулакскую дорогу и открыть отрядъ Подполковника Лукова. Въ трехъ верстахъ отъ Руонскаго моста, Линдулакская дорога выходитъ на большую Тамерфорскую. Въ углу соединенія находится возвышеніе.

Шведы, отступая медленно, остановились здѣсь, растянули цѣпи стрѣлковъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и поставили пушки на возвышеніяхъ.

Къ Маіору Худинскому посланъ былъ на подкрѣпленіе баталіонъ Пермскаго полка и двѣ роты Петровскаго. Прочія войска авангарда оставались, между тѣмъ, въ брошенныхъ непріятелемъ укрѣпленіяхъ. Послѣ упорнаго, хотя непродолжительнаго боя, непріятель былъ вытѣсненъ изъ своей позиціи, и отступилъ къ Сальми. Отрядъ Подполковника Лукова въ то же время соединился съ авангардомъ (*), который быстро преслѣдовалъ непріятеля.

(*) Авангардъ состоялъ: изъ Сѣвскаго мушкетерскаго и 3-го Егерскаго полковъ, батальона Пермскаго, 2-хъ ротъ Петровскаго мушкетерскаго полковъ, 2-хъ эскадроновъ Гродненскаго гусарскаго и партии казаковъ. Начальствовагъ авангардомъ Кульневъ.

Шведы держались крѣпко въ Сальми. Сраженіе продолжалось три часа, и сперва успѣхъ былъ сомнителенъ. На конецъ Полковникъ Кульневъ рѣшился на отчаянное предпріятіе. Онъ послалъ шесть ротъ 3-го Егерскаго полка, двѣ роты Сѣвскаго и двѣ роты Пермскаго, подъ начальствомъ Маіора Худинскаго, въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, а двѣ роты 3-го Егерскаго и двѣ роты Петровскаго, мушкетерскаго съ Маіоромъ Кузминскимъ, отрядилъ для защиты нашего лѣваго фланга. Самъ Кульневъ, устроивъ остальные войска въ боевой порядокъ, остановился противу центра непріятельской позиціи. Лишь только Маіоръ Худинскій достигнулъ до своего назначенія и показался на лѣвомъ флангѣ непріятеля, Кульневъ далъ знакъ къ общей атакѣ. Въ то же время показался отрядъ Генерала Козачковскаго, по ту сторону озера, въ тылѣ у непріятеля.

Шведы производили жестокии ружейныйи и картечныйи огонь, по авангардъ нашъ, вышедъ изъ опушки лѣса, съ крикомъ ура! бросился въ штыки шанцы и батареи. Шведы едва успѣли увезти свои орудія. Защитники шанцевъ, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были исколоты на мѣстѣ, крѣпкая позиція взята, и наши гусары преслѣдовали непріятеля на десять верстъ. Авангардъ остановился въ Сальми.

Этимъ кончилось трехдневное упорное сраженіе, въ которомъ два храбрыя воинства, почти въ равномъ числѣ, оспаривали другъ у друга побѣду и славу. Шведы имѣли большое преимущество, защищаясь въ неприступной позиціи. Они едва вѣрили этому событію! Сраженіе при Куртане, дѣлающее столько же чести побѣжденнымъ, какъ и побѣдителямъ, достопамятно въ Военной Исторіи Россіи и Швеціи!

Потеря съ обѣихъ сторонъ была зна-

чительная, судя по малочисленности войскъ. Съ нашей стороны убитъ одинъ штабъ-офицеръ, ранено 15 оберъ-офицеровъ (*), пижнихъ чиновъ убито 128, ранено 648, безъ вѣсти пропали 51 человекъ. Непрiятель потерялъ убитыми 1,500 человекъ, въ плѣнъ взято до полутора ста рядовыхъ и нѣсколько офицеровъ.

Разбитый непрiятель бросился къ морскому берегу, для соединенiя съ находившимися въ разныхъ мѣстахъ отрядами и для спасенiя своихъ запасныхъ магазиновъ. Графъ Клингспоръ пошелъ на Лилькиро къ Вазѣ, а часть его корпуса, подъ начальствомъ Генерала Грипенберга, взяла направленiе чрезъ Нидергерми

(*) Въ томъ числѣ нынѣшній Генералъ отъ Инфантерiи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, бывший въ то время поручикомъ и бригаднымъ адъютантомъ при храбромъ Полковникѣ Эриксопъ.

къ Ньюкарлеби. Графъ Каменскій пошелъ самъ велѣдъ за корпусомъ Графа Клингспора, а Генерала Козачковскаго съ Калужскимъ мушкетерскимъ, 26-мъ Егерскимъ полками, батальономъ Азовскаго мушкетерскаго, нашимъ эскадрономъ и двумя орудіями послалъ на Нидергерми, приказавъ ему занять въ этомъ мѣстѣ переправу чрезъ рѣку. Полковнику Властову велѣлъ слѣдовать отъ Линдулакса къ Гамлекарлеби, и стараться быть въ сообщеніи съ Генераломъ Козачковскимъ. Графъ Каменскій надѣялся, что дѣйствуя въ тылѣ непріятеля обходными отрядами Козачковскаго и Властова, принудитъ его къ отступленію, безъ боя, отъ Ньюкарлеби.

Я уже сказалъ, что во время ретирады Графа Клингспора, жители, подъ надзоромъ Шведскихъ инженерныхъ офицеровъ, заблаговременно укрѣпляли позиціи, въ тылѣ Шведскаго войска, и оно

всегда останавливалось въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія, отдыхало спокойно, и находило на мѣстѣ продовольствіе. Кромѣ того, тѣ же крестьяне подвозили заранѣе фуражъ и провіантъ, истребляли мосты, дѣлали засѣки на дорогѣ, и все это избавляло солдатъ отъ лишнихъ трудовъ, давало большое преимущество Шведамъ предъ нами, и не только затрудняло Графа Каменскаго въ движеніяхъ, но и подвергало войско большой потерѣ людей, при штурмованіи укрѣпленныхъ шанцами и засѣками позицій. Для лишенія Шведовъ этихъ преимуществъ, Графъ Каменскій составилъ *особый планъ войны*, а именно, вознамѣрился дѣйствовать *обходами*, назначивъ для этого отрядъ Генераль-Маіора Козачковскаго. Этотъ слабый отрядъ состоялъ, до занятія нами Гамлекарлеби, изъ Калужскаго мушкетерскаго (котораго Генераль Козачковскій былъ Ше-

фомъ), имѣвшаго 806 человекъ фронтальныхъ подъ ружьемъ, 26-го Егерскаго полка, въ 602 человека фронтовыхъ, одного баталіона Азовскаго мушкетерскаго полка, въ 300 человекъ и нашего эскадрона, въ которомъ было не болѣе 75-ти человекъ уланъ. Нашъ отрядъ претерпѣвалъ гораздо болѣе трудностей, нежели прочее войско, потому что мы безпрестанно должны были идти проселочными дорогами или тропинками, и соблюдать величайшую осторожность, какъ передовой постъ авангарда. Но передовые посты смѣняются для отдыха, а мы были безсмѣнными! Этотъ планъ войны удался Графу Каменскому, должно, однако, и то сказать, что онъ рисковалъ нашимъ отрядомъ, подвергая его опасности быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ. Эта участь непременно бы постигла насъ, если бь Шведы дѣйствовали смѣлѣе, рѣшительнѣе и не слѣдовали неотступно

школьнымъ правиламъ стратегіи. Однажды отрядъ нашъ едва не подвергнулся разбитію.

Преслѣдуя непріятеля, Графъ Каменскій имѣлъ жаркое авангардное дѣло при Илестаро, 29-го Августа. На другой день присоединился къ Графу Каменскому отрядъ Генерала Ушакова, бывшій въ Кухаіокахъ. Непритель не останавливался въ укрѣпленной заранѣ позиціи, при Лилькиро, гдѣ соединились съ нимъ разные разсѣянные отряды. Батареи и шанцы были брошены, безъ боя. Здѣсь Графъ Каменскій узналъ, что часть непріятеля пошла къ Вазѣ, для спасенія своихъ госпиталей и магазиновъ, а главный корпусъ взялъ направленіе къ сѣверу, вдоль морскаго берега, по дорогѣ къ Ньюкарлеби. Графъ Каменскій послалъ немедленно Генераловъ Раевского и Яковича къ Вазѣ, для завладѣнія симъ городомъ, а самъ устремился за непріятелемъ, и

1-го Сентября расположился въ виду его позиціи, при Ороваіісѣ.

Между тѣмъ Генераль Козачковскіи, идя боковою дорогою на Ньюкарлеби, встрѣтилъ у кирки Нидергерми (верстахъ въ 35-ти отъ Ньюкарлеби) Шведскіи отрядъ Генерала Грипенберга, въ укрѣпленной позиціи, за рѣкою. У Козачковскаго всего было подъ ружьемъ 1782 человекъ, а у Грипенберга регулярнаго войска было 2000 человекъ и столько же отличныхъ стрѣлковъ, изъ жителей Саволакса и Кареліи. Атаковать Шведскую позицію съ фронта было невозможно, и потому Козачковскіи вознамѣрился дѣйствовать по примѣру своего начальника, и послалъ въ обходъ лѣваго непріятельскаго флангъ Подполковника 2-го Егерскаго полка Карпенкова (командовавшаго 26-мъ Егерскимъ полкомъ), съ стрѣлками Азовскаго и Калужскаго полковъ и однимъ батальономъ

26-го Егерскаго полка, а пашъ эскадронъ, съ ротою пѣхоты, выслалъ на правый непріятельскіи флангъ, для ложной атаки. Удивительно, какъ Генералъ Грипенбергъ не разбилъ въ пухъ нашихъ обходныхъ отрядовъ и не принудилъ Козачковскаго къ отступленію, при первой встрѣчѣ! Мы фланкировали на правомъ флангѣ, съ непріятельскими стрѣлками, дѣлая видъ, что намѣрены дебордировать ихъ флангъ, и когда ихъ стрѣлки усиливали ружейный огонь, мы скакали къ лѣсу, гдѣ стояла рота нашей пѣхоты. Шведы останавливались отъ выстрѣловъ нашей пѣхоты, не зная ея силы, а мы снова начинали гарцовать, въ разсыпную, всегда заступая имъ во флангъ. Между тѣмъ и Карпенковъ завязалъ на лѣвомъ флангѣ перестрѣлку. Это устрашило Шведскаго генерала, и онъ началъ отступать. Мы преслѣдовали Шведовъ, но они два раза дали намъ силь-

ный отпоръ, и даже принудили отступить до Нидергерми, гдѣ мы провели ночь. На другое утро мы снова пошли впередъ, по дорогѣ къ Ньюкарлеби.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, съ правой стороны дороги протекаетъ рѣка, въ крутыхъ берегахъ, а съ другой стороны находятся возвышенія, покрытыя лѣсомъ. Тутъ остановился Генераль Грипенбергъ. Генераль Козачковскіи завязалъ сраженіе. Стрѣлки наши вогнади Шведовъ въ лѣсъ, и весь отрядъ двинулся впередъ, но это была только уловка (страгема) со стороны Шведовъ. Они имѣли съ собою фальконеты (маленькія пушки, переносимыя на рукахъ), и расположили ихъ на холмѣ, покрытомъ лѣсомъ, между камнями. Картечи и сильный ружейный огонь изъ-за камней принудилъ нашихъ стрѣлковъ отступить, и высланные на подкрѣпленіе имъ два батальона

нѣхоты также не могли устоять. Когда стрѣлки наши, отступая, стали выходить на лощину, а Шведы шли за нами, съ крикомъ *ура*, провожая выстрѣлами отступающихъ, Козачковскій выдвинулъ двѣ свои пушки на большую дорогу, и поставилъ нашъ эскадронъ для прикрытія орудій, *рядомъ* съ пушками, шагахъ въ двухъ стахъ отъ крутаго холма, заросшаго густымъ лѣсомъ, съ тѣмъ, чтобъ мы пустились въ атаку, когда Шведскіе стрѣлки выйдутъ на лощину. Генераль Козачковскій былъ храбрый воинъ и старій служака, но онъ никогда не командовалъ конницею, и не умѣлъ употреблять ее въ дѣло. Нашъ ротмистръ объяснилъ ему, что въ этой узкой лощинѣ нѣтъ мѣста для атаки, и что мы напрасно, безъ всякой пользы, подвергаемъ опасности людей и лошадей, потому что Шведскіе стрѣлки стрѣляютъ въ насъ изъ лѣса, съ высоты, какъ въ мишень, и

мы стоимъ передъ ними, не имѣя возможности защищаться. Но Козачковскій не убѣдился этимъ справедливымъ замѣчаніемъ, и мы оставались подъ спланнымъ ружейнымъ огнемъ, пока не начало смеркаться, и пока наши стрѣлки не собрались. Тогда мы отступили и остановились на половинѣ дороги къ Нидергерми. Генералъ Грипенбергъ не преслѣдовалъ насъ, но если бѣ онъ послалъ часть своего войска въ обходъ, другимъ берегомъ рѣки, чтобъ отрѣзать насъ отъ Нидергерми, а самъ напалъ на насъ ночью, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось! У насъ уже не доставало патроновъ, а ретироваться намъ было некуда. Но Грипенбергъ доволенъ былъ и тѣмъ, что отбилъ насъ отъ Ньюкарлеби, потому что, если бы мы взяли его, то армія Графа Клингснора приведена была бы въ самое опасное положеніе. За тѣмъ и высланы мы были Графомъ Каменскимъ.

*

Предположенія Графа Каменскаго не сбылись. Однако жъ онъ не хотѣлъ предпринять обратнаго похода на Каухава, чтобъ оттуда устремиться къ Ньюкарлеби, и потому рѣшился напасть немедленно на непріятеля, и открытымъ боемъ заставить его очистить приморскія провинціи. Крайность заставляла Шведовъ держаться при Оровайсѣ, до послѣдней капли крови, ибо Полковникъ Фіантъ, уходя передъ отрядомъ Властова, сжегъ мостъ при Химанго, и тѣмъ лишилъ Фельдмаршала Клингспора средствъ къ безопасному отступленію на Гамлекарлеби.

1-го Сентября. авангардъ (*) нашъ, подъ начальствомъ Полковника Кульнева, ночевалъ въ виду непріятельскихъ постовъ, въ 5-ти верстахъ отъ Оровайса.

(*) Въ авангардѣ были: Сѣвскій мушкетерскій и 3-й Егерскій полки, два эскадрона Гродненскихъ гусаръ и казаки.

Подкрѣпленіе (*), подѣ начальствомъ Генерала Демидова, находилось въ четырехъ верстахъ отъ авангарда, а Графъ Каменскій, съ отрядомъ (**) Генерала Ушакова, остановился въ Веро. Въ цѣломъ корпусѣ Графа Каменскаго не было болѣе 6000 человекъ подѣ ружьемъ. Шведскій Фельдмаршалъ Клингспоръ имѣлъ 7000 отборныхъ воиновъ и болѣе 3000 вооруженныхъ поселянъ. Шведскими полками командовалъ Генералъ Фегезакъ, а Финскими и крестьянами Адлеркрейцъ (***)).

(*) Пермскій и Петровскій мушкетерскіе полки.

(**) Полки Лптовскій и Могилевскій, батальонъ 25-го Егерскаго, полуэскадронъ Гродненскихъ гусаръ и казаки.

(***) Шведскіе полки: Упландскій, Гельзингскій, Вестманландскій и Вестерботенскій; Финскіе: Остроботенскій, Саволакскій, Біернеборгскій и часть Карельскихъ егерей. Два эскадрона Конной Гвардіи и часть Упландскихъ драгунъ. Кро-

Я уже сказалъ выше, что не числомъ войскъ должно опредѣлять важность сраженій, но мужествомъ и слѣдствіемъ побѣды. Въ такомъ отношеніи, сраженіе при Оровайсѣ должно быть причтено къ знаменитѣйшимъ подвигамъ Русскаго оружія, въ XIX столѣтіи. Читатель увидитъ отчаянную храбрость обѣихъ сторонъ и послѣдствія сего кровопролитнаго сраженія.

Между селеніями Оровайсомъ и Карватъ, Ботнической Заливъ образуетъ небольшую губу, довольно протяженную внутрь земли острымъ своимъ концемъ. Вдоль морскаго берега пролегаетъ большая дорога изъ Вазы въ Нюкарлеби, и поворачиваетъ въ лѣво, въ концѣ губы. На этомъ-то поворотѣ была укрѣпленная Шведская позиція. Въ море впадаетъ,

мѣ орудіи тяжелыхъ батарейныхъ и бывшихъ на флотилии, Шведы имѣли 21 пушку въ дѣлѣ.

въ этомъ мѣстѣ, небольшая рѣчка, протекающая чрезъ болота. Вдоль болотъ отъ моря, далѣе внутрь земли, по лѣсамъ тянутся возвышенія и каменные утесы, передъ которыми растетъ на болотахъ мелкіи кустарникъ. Кирка Оровайси лежитъ за позиціею, также на возвышеніи. Шведы примыкали своимъ правымъ крыломъ къ утесистому берегу моря, гдѣ имѣли нѣсколько канонирскихъ лодокъ. На горѣ, въ центрѣ позиціи, на большой дорогѣ, устроены были батареи. Отсюда тянулись шанцы по полямъ и лугамъ до возвышеній и утесовъ, прикрывающихъ лѣвый флангъ, оканчивающійся въ непроходимомъ лѣсу, заваленномъ засѣками. Первая черта позиціи была вышеупомянутая рѣчка и болота, а кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ были засѣки, оберегаемыя стрѣлками. Нельзя было приблизиться къ позиціи иначе, какъ подъ картечными выстрѣлами, въ разныхъ

направленіяхъ очищавшими ровное и незакрытое мѣсто, чрезъ которое надлежало проходить. Передъ этою главною позиціею была другая, также укрѣпленная, возлѣ небольшого озера, изъ котораго вытекаетъ другая рѣчка, также впадающая въ море. За мостомъ находится мельница, за которою устроена была батарея, а вдоль рѣчки подѣланы засѣки. Въ этомъ мѣстѣ завязалось сраженіе, въ двухъ верстахъ отъ кирки Оровайси.

Шведскіе посты были сначала сбиты, и отступили къ мосту. Стрѣлки наши растянулись правымъ флангомъ за озеро, а лѣвымъ примкнули къ морю, и намѣревались обойти озеро. Но въ самое это время, батальонъ 3-го Егерскаго полка, бывшій на лѣвомъ флангѣ (къ морю), былъ атакованъ превосходнымъ числомъ непріятеля, и принужденъ податься назадъ. Кульневъ подкрѣпилъ его батальономъ Сѣвекаго полка, подъ началь-

ствомъ храбраго Маіора Римана, которой, послѣ жестокаго боя, едва успѣлъ остановить сильный натискъ непріятели. Подполковникъ Луковъ подоспѣлъ на помощь съ остальнымъ батальономъ Сѣвскаго полка, и въ то же время Кульневъ выдвинулъ на дорогу 12-ти-фунтовое орудіе, при Поручикѣ Бендерскомъ. Нѣсколько часовъ сряду храбрый Поручикъ Бендерскій (*) дѣйствовалъ изъ своего орудія, съ величайшимъ успѣхомъ, подъ ружейными непріятельскими выстрѣлами, и тѣмъ удерживалъ натискъ Шведовъ. Наконецъ, почти всѣ его артиллеристы были перебиты, и не оставалось ни одной

(*) Объ этомъ храбромъ офицерѣ упоминается здѣсь часто. Онъ лишился ноги въ Отечественную Войну, и былъ послѣ того Комендантомъ въ Вильнѣ. Не знаю живъ ли онъ, но во всякомъ случаѣ дѣти должны гордиться заслугами родителя. Кромѣ того, что Бендерскій былъ храбръ, онъ былъ также добрый человекъ и отличный товарищъ.

лошади. Онъ былъ смѣненъ другимъ офицеромъ и орудіемъ того же калибра. Шведовъ потѣснили за мостъ. Но въ это время на нашемъ лѣвомъ флангѣ сдѣлана высадка изъ канонирскихъ лодокъ; помощь, пришедшая изъ главной Шведской позиціи, дала перевѣсъ Шведамъ на цѣлой боевой линіи, и они съ ужаснымъ крикомъ бросились въ штыки, и стали обходить намъ правый флангъ. Авангардъ нашъ принужденъ былъ къ отступленію, но прибытіе отряда Генерала Демидова снова удержало его, а Петровскій и Пермскій полки подкрѣпили наши фланги. Непрiятель остано­вился и потомъ сталъ отступать. Тогда Артиллеріи Штабсъ-Капитанъ Башмаковъ, выдвинувъ четыре орудія на дорогу, производилъ убійственный огонь, заставившій непрiятеля уступить на нашемъ центрѣ. Но въ то же время Шведы, оставя лучшія войска для наблюденія въ центрѣ, устремились съ

новыми силами на наши фланги, и когда они подались, ударили въ штыки на ослабѣвшій нашъ центръ, и принудили къ отступленію. Графъ Каменскій долженъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои войска. Сраженіе на цѣлой линіи продолжалось непрерывно, съ величайшимъ ожесточеніемъ, съ обѣихъ сторонъ, которыя то отступали, то подавались впередъ, то перестрѣливались, то дѣйствовали штыками. Артиллерія не умолкала, и кровопролитіе было ужасное! Къ вечеру наши войска, будучи принуждены, сообразно мѣстоположенію, сражаться въ разсыпную, устали до невѣроятности. Не стало даже патроновъ. Перестрѣлка съ нашей стороны сдѣлалась слабѣе, и мы съ трудомъ удерживали нападенія непріятеля. Тогда Шведскіе Генералы Адлеркрейцъ и Фегезакъ; наблюдавшіе центръ съ отборными и свѣжими войсками, стремительно сошли съ возвышеній

на большую дорогу, и стройными колоннами бросились въ штыки на Русскихъ. Наши флаги, разсѣянные въ стрѣлкахъ на обширномъ разстояніи, должны были поспѣшно отступать, чтобъ не быть отрѣзанными отъ центра, подавшагося назадъ. Вся наша боевая линія обратилась въ тылъ, и Шведы, съ радостными восклицаніями, шли впередъ, провозглашая побѣду, которая казалась несомнѣнною. Геній Графа Каменскаго и личное его мужество спасли честь Русскаго оружія, и исторгнули побѣду изъ рукъ непріятели!

Въ началѣ сражанія, Графъ Каменскій послалъ приказаніе четыремъ баталіонамъ Могилевскаго и Литовскаго полковъ (всего около 1500 человекъ) поспѣшить изъ Вазы къ Оровайси. Подкрѣпленіе это прибыло въ ту самую минуту, когда Шведы шли съ крикомъ впередъ, а наши отступали, слабо отстрѣливаясь и едва успѣвая собираться въ ко-

лошны. Ужасная картина! Уже темнѣло; туманъ ложился на землю; мелькающій блескъ отъ выстрѣловъ показывалъ направленіе отступающихъ и нападающихъ; вопли вторили выстрѣламъ; Шведы кричали *ура!* а наши скликались по полкамъ и батальонамъ. Графъ Каменскій находился въ это время на большой дорогѣ, подъ выстрѣлами. Онъ былъ, по обыкновенію, въ сертукѣ Архангелогородскаго полка, въ фуражкѣ, съ нагайкою въ рукахъ. На лицѣ его видны были гнѣвъ и негодованіе. Почти всѣ адъютанты и офицеры, бывшіе при немъ на ординарцахъ, были разосланы. Адъютантъ его, Штабсъ-Капитанъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (*), пролетѣвъ сквозь градъ пуль, возвратился къ нему

(*). Нынѣ въ отставкѣ Генералъ отъ Инфантеріи, бывший Генералъ-Адъютантъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Графъ Великаго Княжества Финляндскаго.

съ праваго фланга, съ печальнымъ извѣстіемъ о повсемѣстномъ отступленіи. Только баталіонъ 25-го Егерскаго полка и двѣ роты Литовскаго стояли твердою стѣною у моста, и удерживали сильный натискъ непріятеля на центръ, который онъ хотѣлъ прорвать, чтобъ воспрепятствовать соединенію стрѣлковъ. За этимъ батальономъ собрались Сѣвскій и Петровскій полки.

Никто не догадывался о намѣреніи Графа Каменскаго, и всѣ предполагали, что уже бои конченъ. Въ это время появляются на дорогѣ четыре резервные батальона Литовскаго и Могилевскаго полковъ. Нетерпѣливо ожидалъ Графъ Каменскій ихъ прибытія, и лишь завидѣлъ, тотчасъ поспѣшилъ къ нимъ, остановилъ, сошелъ съ лошади, и обратясь къ солдатамъ, сказалъ: «Ребята, за мной! Наши товарищи устали; пойдемъ, выручимъ ихъ, и покажемъ Шведамъ, како-

вы Русскіе! Вы знаете меня! Я не выйду отсюда живъ, если мы не разобьемъ Шведовъ въ пухъ. Не выдайте, ребята!» — «Рады стараться, Ваше Сіятельство! Рады умереть!» — «Ружья на перевѣсъ!» — скомандовалъ Графъ. «За мной! Съ нами Богъ! Впередъ, ура!» — «Ура!» раздалось въ рядахъ; ударили въ барабаны, и четыре батальона бросились бѣгомъ на непріятеля.

Ничто не можетъ сравниться съ удивленіемъ Шведовъ при этомъ неожиданномъ нападеніи; они воображали, что дѣло уже кончено, и побѣда одержана. Графъ Каменскій самъ велъ колонну въ атаку, и наши солдаты, какъ отчаянные, бросились, съ примкнутыми штыками, на отряды Адлеркрейца и Фегзака, уже овладѣвшими полемъ сраженія. Настала рѣзня, а не битва! Дрались въ рукопашную, на штыкахъ. Голосъ Графа Каменскаго возбуждалъ въ нашихъ

новый жаръ къ битвѣ. «Ребята, не выдавай! Впередъ! коли!» кричалъ Графъ Каменскій, и наши солдаты бросались въ ряды, и вырывали ружья у Шведовъ. Между тѣмъ на всей линіи нашей ударили въ барабаны походъ; раздалось *ура! впередъ!* и всѣ полки снова обратились на непріятеля. Въ пылу сраженія Графъ Каменскій, недовольный медленностью въ исполненіи его приказаній и возраженіями, *перемѣнилъ вѣсъ начальниковъ*: правый флангъ поручилъ Полковнику Князю Сибирскому, лѣвый Полковнику Бистрому, центръ Кульневу. На бѣгу успѣли раздать солдатамъ патроны, въ которыхъ былъ совершенный недостатокъ. Снова завязалась сильная перестрѣлка, и въ то же время Графъ Каменскій, съ своими четырьмя батальонами, успѣлъ сломить Шведовъ, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Фланги непріятельскіе также обратились вспять.

Шведы поспѣшили къ главной своей позиціи, и наши преслѣдовали ихъ въ свою очередь съ воплями, выстрѣлами и съ барабаннымъ боемъ, часто устремляясь бѣгомъ, въ штыки. Снова всѣ наши полки вошли въ дѣло, и тогда правый флангъ поступилъ подъ начальство Генерала Демидова, лѣвый подъ начальство Генерала Ушакова, въ центрѣ былъ самъ Графъ Каменскій. Лишь только Шведы вошли въ свою позицію, тотчасъ загремѣли всѣ ихъ батареи, а изъ шанцевъ началась жестокая ружейная стрѣльба. Картечи, ядра, пули сыпалась, какъ снѣгъ на голову; кровопролитіе возобновилось съ новою силою. Графъ Каменскій не хотѣлъ довольствоваться перѣшею побѣдою. Онъ послалъ немедленно нашъ правый флангъ въ обходъ лѣваго неприятельскаго фланга. Черезъ засѣки, камни и непроходимый лѣсъ, наши добрались до мѣста назначенія, въ 10 часовъ вече-

ра, а между тѣмъ на всей линіи дрались непрерывно во мракѣ, потому что отъ густаго тумана только по выстрѣламъ знали, гдѣ непріятель. Лишь только Графъ Каменскій получилъ извѣстіе, что нашъ обходъ уже на мѣстѣ, тотчасъ далъ сигналъ къ повсемѣстной атакѣ, и наши, съ крикомъ *ура!* бросились въ штыки на непріятельскіе шанцы и батареи, и тотчасъ овладѣли ими. Храбрые, но изумленные этимъ неожиданнымъ и отчаяннымъ нападеніемъ Русскихъ, Шведы обратились въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали штыками двѣ версты, за кирку Оровайси, гдѣ Графъ Каменскій долженъ былъ остановиться, потому что отъ усталости солдаты наши едва двигались. Не взирая на это, Кульневъ съ авангардомъ пошелъ вслѣдъ за непріателемъ, который остановился за сожженнымъ мостомъ, въ пяти верстахъ отъ Оровайси.

Это сраженіе было самое кровопролитное въ продолженіе всей Шведской войны, или лучше сказать, это была рѣзня, а не сраженіе. Шведы потеряли въ этой битвѣ, всѣхъ лучшихъ своихъ офицеровъ и болѣе 2000 человекъ солдатъ пали на мѣстѣ. По признанію всѣхъ безпристрастныхъ военныхъ писателей, сраженіе при Оровайси было послѣдній ударъ Шведской арміи (*coup de grâce*). Но Шведы дрались съ величайшимъ мужествомъ, и едва одно сраженіе въ Европѣ, въ теченіе нынѣшняго вѣка, Бородинское, можетъ представить примѣръ такого ожесточенія и постоянства въ оспариваніи побѣды, какъ сраженіе при Оровайси. Дрались непрерывно съ 7-ми часовъ утра, до 12-ти вечера, въ стрѣлкахъ, колоннами, въ шанцахъ, на штыкахъ и въ ручную схватку. Съ обѣихъ сторонъ всѣ были въ дѣлѣ, отъ генерала до солдата. Съ нашей стороны

убитъ одинъ офицеръ, ранено 25, безъ вѣсти пропалъ одинъ; нижнихъ чиновъ убито 120, ранено 640, безъ вѣсти пропало 108 человекъ.

Въ присутствіи одного Шведскаго генерала, сравнивали сраженіе при Оровайси съ сраженіемъ при Маренго, въ которомъ Наполеонъ точно такъ же, какъ Графъ Каменскій, личнымъ мужествомъ возстановилъ сраженіе, съ батальономъ консульской гвардіи, и исторгнулъ побѣду у Австрійцевъ. Храбрый Шведскій генераль улыбнулся и отвѣчалъ: «Уважаю Наполеона, и сраженіе при Маренго почитаю великимъ подвигомъ; но . . . противъ него были не Шведы!»

Наши войска провели ночь возлѣ кирки Оровайси. Солдаты такъ были измучены, что не хотѣли даже варить пищи. Графъ Каменскій обошелъ кругомъ биваки, благодарилъ офицеровъ и солдатъ,

и посѣялъ въ нихъ новый жаръ къ битвамъ. Съ солнечнымъ восходомъ войска уже были готовы къ походу. Съ радостью смотрѣли наши на Шведскія батареи, шанцы и засѣки, оставшіеся въ тылѣ, и вспоминали о преодолѣнныхъ трудностяхъ, какъ о веселой пирушкѣ. Всѣ благодарили Графа Каменскаго за побѣду, и радостныя восклицанія раздавались при его появленіи. Таковъ Русскій солдатъ! Онъ любитъ, какъ отца, начальника, который ведетъ его въ опасности, если видитъ, что начальникъ раздѣляетъ съ нимъ всѣ трудности, и стоитъ крѣпко за честь Россіи. Графъ Каменскій зналъ духъ Русскаго солдата, любилъ его, и заставлялъ переносить то, что другіе почитали невозможнымъ, а это-то именно и правилось солдатамъ и офицерамъ. «Господа, и вы, ребята, я на васъ надѣюсь!» говорилъ Графъ Каменскій предъ труднымъ дѣломъ. — «Не

ошиблись, Ваше Сіятельство!» отвѣчали офицеры. «Рады стараться,» повторяли солдаты — и трудности исчезали. Побѣда была постоянною спутницей корпуса Графа Каменскаго!

Въ то время, какъ происходило кровопролитное сраженіе при Оровайси, Генераль Козачковскіи сражался при Нидергерми и при Ньюкарлеби, желая завладѣть переправою, а Полковникъ Властовъ преслѣдовалъ отъ Индесальми Шведскіи отрядъ Полковника Фіянта, по дорогѣ къ Гамлекарлеби, и далѣе, къ сѣверу за Ньюкарлеби. Фіянтъ, не зная положенія дѣлъ главнаго корпуса, опасался быть отрѣзаннымъ, если замедлитъ въ маневрированіи, а между тѣмъ сильный натискъ Властова и нѣсколько удачныхъ стычекъ заставили его отступать. Такимъ образомъ Властовъ занялъ, безъ боя, Гамлекарлеби, и остановился въ тылу непріятельской арміи, на боль-

шой дорогѣ. Но когда корпусъ Графа Клингспора и отрядъ Генерала Грипенберга приблизились къ Гамлекарлеби, Властовъ отступилъ къ Кроноби, т. е. въ сторону, и далъ Шведамъ пройти, ибо съ отрядомъ въ тысячу, человекъ, онъ не могъ отрѣзать ретирады вдесятеро сильнѣйшему непріятелю, и только напрасно пожертвовалъ бы людьми. Однако движеніе Властова на Гамлекарлеби, такъ же, какъ и подступленіе Генерала Козачковскаго къ Ньюкарлеби, т. е. въ тылъ Шведской арміи, много принесло пользы тѣмъ, что заставило Шведскіе отряды сосредоточиться по одному направленію, и угрожало пресѣченіемъ ретирады Графу Клингспору, въ случаѣ совершеннаго разбитія отдѣленныхъ отъ него отрядовъ. Послѣ сраженія при Оровайси, Графъ Клингспоръ поспѣшно ретировался за Ньюкарлеби, сжегъ мостъ (3-го Сентября), и остано-

вился на позиціи, при Сундби, чтобъ успѣть вывести изъ Якобштата свои запасы и госпитали. Кульневъ перешелъ въ бродъ рѣку Карлеби-Эльфъ, овладѣлъ Ньюкарлеби, гдѣ найдены огромныя военныя запасы, и принудилъ Клингспора поспѣшно отступить къ Гамлекарлеби. 7-го Сентября заняты Русскими Якобштатъ. Отрядъ Козачковскаго соединился съ корпусомъ Графа Каменскаго въ Ньюкарлеби.

Графъ Каменскій между тѣмъ поспѣшно переправлялъ свой корпусъ чрезъ множество рѣкъ и протоковъ, перерѣзывающихъ пространство, чрезъ которое надлежало проходить, иреспублику непріятеля. Въ Пурмо устроенъ былъ наскоро мостъ; рѣку Эссеру перешли въ бродъ, тамъ, гдѣ Шведы имѣли дѣло съ нашимъ авангардомъ. Переправясь чрезъ семь рѣкъ и ежедневно сражаясь съ непріателемъ, Графъ Каменскій достигнулъ

до Гамлекарлеби 10-го Сентября; въ тотъ же день нашъ авангардъ, въ 6 часовъ вечера, перешель чрезъ городъ, и остановился въ пяти верстахъ за нимъ, у сожженнаго моста. — На другой день авангардъ нашъ исправилъ мостъ, и пошелъ на непріятеля; но, пройдя три версты, снова долженъ былъ остановиться у другаго сожженнаго большаго моста, за которымъ находились непріятельскія батареи. 12-го Сентября прибылъ къ корпусу Графа Каменскаго Главнокомандующій Финляндскою арміею Графъ Буксгевденъ, и главная квартира перенесена изъ Або въ Гамлекарлеби.

Графъ Каменскій приказалъ строить понтоны, для переправы своего корпуса, подъ сильнымъ непріятельскимъ батарейнымъ огнемъ, а между тѣмъ Генералъ Козачковскій, Ушаковъ и Властовъ должны были дѣйствовать на лѣвомъ

флангѣ непріятельскомъ. При такомъ положеніи дѣлъ начались переговоры сперва о размѣнѣ плѣнныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ о перемиріи. Малочисленность отряда Генерала Тучкова въ окрестностяхъ Куоно, и отряда Князя Долгорукова въ Карелии; успѣхи, одержанные въ Восточной Финляндіи надъ этими отрядами Шведскимъ Полковникомъ Сандельсомъ; недостатокъ продовольствія и позднее время года заставили Графа Буксгевдена склониться на перемиріе, которое и заключено 17-го Сентября. Корпусу Графа Каменскаго обезпеченъ переходъ чрезъ широкую рѣку Гамлекарлеби, и демаркаціонная линія назначена въ нѣсколькихъ миляхъ за нею. Шведы должны были оставаться въ своей укрѣпленной позиціи, при Химанго. Въ восточной Финляндіи Сандельсъ долженъ былъ оставить непри-

ступныя дефилеи Палонсъ, и, сосредото-
точиться въ Индесальми. Перемирие по-
слано на утверждение въ Петербургъ.

VI.

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ.

эпизодъ.

Въ каждомъ вымыслѣ много правды; въ каждой правдѣ есть вымыселъ, или для прикрасы, или для связи. — Великій Тацитъ писалъ картину при помощи своего воображенія, когда изображалъ Агриппину, вступившую на отечественную землю съ прахомъ Германика. — То же самое, что дѣлаютъ великіе писатели, дѣлаютъ и малые. И великолѣпный храмъ, и скромное жилище гражданина, хотя и не схожи между собою, должны имѣть основаніе и крышу.

Иное дѣло литературная статья, иное дѣло разсказъ очевидца или дѣйствовав-

шаго лица, пишущаго исторію или правдивыя записки. Расскажу теперь съ историческою точностью то, что уже рассказано было съ примѣсью литературныхъ цвѣтовъ. Но какъ самое дѣло противно военной дисциплинѣ, то представляю дѣйствителя въ *третьемъ лицѣ* не называя по имени. Я тысячу разъ говорилъ и скажу, что въ мірѣ гораздо болѣе добра, нежели зла; что добрыхъ людей вдесятеро болѣе, нежели злыхъ, и что даже много зла проеиходитъ не отъ злости, а отъ глупости, заблужденія и невѣжества. Для опредѣленія побудительныхъ причинъ зла, выдуманы, во Французскихъ судахъ, *облегчительныя обстоятельства*, условіе высокое, благородное, истинно христіанское, достойное нашего просвѣщеннаго вѣка, не взирая на злоупотребленія, сопряженныя съ каждымъ дѣломъ человѣческимъ. Воля ваша, господа: но *умыселъ* и

мгновенный порывъ чувства или страсти не одно и то же, хотя послѣдствія могутъ быть одинаковы. Но ужъ за то, если человѣкъ золь отъ природы и завистливъ, то онъ во сто разъ хуже и ужаснѣе самаго лютаго и кровожаднаго звѣря; хуже, ужаснѣе, и притомъ опаснѣе! У хищнаго звѣря есть сила, когти и зубы; у змѣи есть только ядъ или сила мускуловъ, а у злаго человѣка есть орудіе, сильнѣе всего этого — клевета! *Salve domine!*

Сорокъ лѣтъ прошло со времени описываемаго здѣсь происшествія, но это еще не ограда отъ клеветы. Клевета протачиваетъ вѣки, а злоба превращаетъ чистую ключевую воду въ ядъ. И такъ вотъ вамъ вѣрное, но *безыменное* событіе.

Въ Финляндскую Войну конница претерпѣвала болѣе отъ откомандировокъ, нежели отъ сраженій. Въ странѣ взбунто-

ваншюй надлежало соблюдать осторожность во всѣхъ направлєніяхъ, и при каждомъ тревожномъ слухѣ высылали конные отряды, для скорѣйшаго освѣдомленія о настоящемъ состояніи дѣла. Развѣздамъ и рекогносцировкамъ не было конца, а кавалеріи было мало. По несчастію, многіе пѣхотные генералы, какъ я уже говорилъ, принимаютъ кавалерійскихъ лошадей за почтовыхъ, и не рассчитываютъ того, что конница не можетъ исполнять службы на *рысяхъ* и въ *галопъ* (развѣ въ сраженіи), и въ Финляндіи многіе пѣхотные генералы не принимали даже въ соображеніе дурныхъ, каменистыхъ дорогъ и недостатка въ фуражѣ. — «Послать *поскорѣе!* Велѣтъ возвратиться *поскорѣе!*» — вотъ какъ обыкновенно приказывали. Отправленный въ откомандировку офицеръ получалъ всегда два приказанія: отъ начальника отряда — исполнить порученіе *поскорѣе*, а

отъ своего эскадроннаго командира — *не торопиться* и беречь лошадей. Мудрено было угодить обоимъ!

«Господа, кто на очереди, на службу?» спросилъ Ротмистръ.—«Такой-то.» —«Велите взводу сѣдлатъ и готовиться въ командировку, а сами поѣзжайте въ штабъ.»—«Слушаю-сь!» И очередной офицеръ поѣхалъ, трюшкомъ, въ корпусную квартиру.

Графъ Н. М. Каменскій квартировалъ въ большомъ крестьянскомъ домѣ. Было около семи часовъ вечера. Дежурный адъютантъ доложилъ объ офицерѣ и потомъ ввелъ его въ комнату. Графъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ лежала развернутая топографическая карта Финляндіи. Онъ повернулся на стулъ, взглянулъ быстро на офицера, и сказалъ: «Вы знаете послѣднее происшествіе. Взбунтованными мужиками, которые разбили нашъ транспортъ съ продовольствіемъ и

перерѣзали прикрытіе , начальствовалъ пасторъ. Меня извѣстили, что пасторъ теперь дома , верстахъ въ пятнадцати отсюда, и пробудеть у себя до завтрашняго дня. Поѣзжайте туда, и захватите его. Долго мы гладили по головкѣ этихъ господъ, но они не унимаются, и на этомъ разбойникѣ я покажу первый примѣръ!...» Глаза Графа при этихъ словахъ засверкали. «Вы пріѣдете въ пасторатъ около полуночи», продолжалъ онъ: «и если пасторъ дома, то его легко схватить. Можетъ быть, у него въ домѣ находятся и его сообщники ; берите всѣхъ, кого застанете, и возвращайтесь какъ можно скорѣе. Не думаю, чтобъ вы встрѣтились съ Шведами на этой дорогѣ, а встрѣтите вооруженныхъ мужиковъ — бейте! Подойдите ближе, Вотъ вамъ на картѣ этотъ пасторатъ ; запишите названіе его и этого геймата.... Дорога прямая, а въ гейма-

тѣ возьмите проводника. Если исполните хорошо порученіе, я васъ не забуду, а оплошаете, строго взыщу! Прощайте!»

Это было въ первой половинѣ Сентября, когда ночи въ Финляндіи уже темныя и холодныя. Дорога была не дурная, но пролегалла, бѣльшею частью, чрезъ лѣса. Въ гейматѣ (т. е. крестьянскомъ домѣ) офицеръ нашелъ хлѣбное вино, которымъ поподчивалъ своихъ солдатъ, и взялъ насильно проводника, на крестьянской лошади. Уже съ вечера носились тучи, а ночью полилъ проливной дождь, холодный, съ крупинами града, и завывъ страшный вѣтеръ въ лѣсу. Для подобнаго порученія это была благопріятная погода, потому что вой бури заглушалъ конскій топотъ, и дождь усиливалъ мракъ. Но и офицеръ, и солдаты продрогли и промокли до костей. — Наконецъ залаяли собаки. Вотъ и пасто-

ратъ! Дворъ огороженъ былъ палисадомъ и ворота заперты. Въ одно мгновение уланы выломали нѣсколько палисадинъ, вошли на дворъ и спяли съ крюковъ ворота, а между тѣмъ офицеръ съ унтеръ-офицеромъ побѣжали къ крыльцу пасторскаго дома. Лай собакъ выманилъ изъ людкой избы работника; его схватили и связали арканами, также какъ и проводника. Немедленно окружили домъ пастора, и офицеръ постучался у дверей.

Полуодѣтая служанка отперла двери, и едва удержалась на ногахъ, увидѣвъ Русскихъ. Офицеръ успѣлъ, однакожъ, выхватить у ней свѣчу изъ рукъ, и вошелъ въ комнаты. За офицеромъ шелъ унтеръ-офицеръ, съ заряженнымъ пистолетомъ. Первая комната была пуста, дверь въ другую комнату заперта. Офицеръ постучался. Послышался звукъ огнива, и раздался женскій голосъ: «сей-

часть!» Вышла пожилая женщина со свѣчею, и увидѣвъ офицера, задрожала и отступила до дверей. — «Гдѣ пасторъ?» спросилъ офицеръ, по-Шведски. — «Не знаю.... его.... нѣтъ.... здѣсь! — «Вы мать его?» — «Нѣтъ.... теща!...» Офицеръ хотѣлъ перейти въ другую комнату, но пожилая женщина заступила ему дорогу, на порогѣ, крича: «Луиза, Луиза! Русскіе, Русскіе, за твоимъ мужемъ!» При всемъ уваженіи къ женскому полу, офицеръ долженъ былъ оттолкнуть почтенную старушку, и быстро вошелъ въ спальню.

Въ углу стояла двухъ-спальная кровать, съ ситцевыми занавѣсами. Офицеръ бросился къ кровати, и увидѣлъ, что два мѣста явственно означали, что на постелѣ покоялись недавно два человѣческія существа. На стулѣ лежало мужское платье. У изголовья кровати помѣщался огромный, высокій шкафъ дубоваго де-

рева, а возлѣ шкафа стояла женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, въ одномъ бѣльѣ, съ наброшеннымъ на грудь платкомъ. Офицеръ остано-
вился....

Легко вымолвить — женщина... по ка-
кая женщина! Ничто не переноситъ такъ
быстро мысли и чувства съ земли на не-
бо, какъ женская красота. Прочь гнус-
ная чувственность! — Въ женской кра-
сотѣ я вижу крайній предѣлъ того изя-
щества, которое разлито въ различныхъ
видахъ во всей природѣ; вижу ту див-
ную гармонию, которая связуетъ невиди-
мо всѣ существа, и понимаю, что это то
самое блаженство, котораго жаждетъ и
къ которому стремится душа высокая!
Какое изъ небесныхъ свѣтилъ дѣй-
ствуетъ на душу человѣка сильнѣе взгля-
да красавицы? Есть ли музыка слад-
стиѣе голоса прекрасной женщины, и
что трогательнѣе, убѣдительнѣе ея по-

корнаго молчанія?—Офицеру былъ двадцать одинъ годъ отъ рожденія—и передъ нимъ стояла красавица.... нѣтъ, болѣе, нежели красавица.... стояла мать, и съ трепетомъ, съ отчаяньемъ во взглядѣ, съ полуотверзтыми устами ожидала рѣшенія своей участи....

«Говорите ли вы по-Французски или по-Нѣмецки?» спросилъ офицеръ.

— «Говорю на обоихъ языкахъ», отвѣчала женщина, не спуская глазъ съ офицера и прижимая младенца къ груди.

«Гдѣ вашъ мужъ?.... Онъ долженъ явиться къ нашему Генералу», сказалъ офицеръ, по-Французски.

Молодая женщина смѣшалась. «Его здѣсь нѣтъ....»

«Генералу донесли, что онъ дома.»

— «Онъ уѣхалъ съ вечера.»

«Куда?»

— «Не знаю.»

«Постель и платье изобличаютъ васъ», возразилъ офицеръ.

Женщина опустила глаза. На блѣдномъ лицѣ ея выступилъ румянецъ, и она наконецъ проговорила шепотомъ: «я спала съ маменькой»...

«А платье?»

—«Оставлено передъ отъѣздомъ.»

Офицеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, и тутъ собаченка стала лаять, то оглядываясь на шкафъ, то бросаясь на офицера. Молодая женщина снова поблѣднѣла и едва держалась на ногахъ.... но вдругъ, какъ вдохновенная, приблизилась на шагъ къ офицеру, и сказала, съ сильнымъ выраженіемъ чувства:

—«Если бъ даже мужъ мой и былъ дома, то неужели вы рѣшились бы взять его отъ жены и ребенка, и предать на явную погибель? Мы знаемъ, что ожидаетъ его.... мы читали ваши прокламаціи! Погубя его, вы убьете весь родъ его,

отца его, мать, меня и это несчастное дитя! Я не переживу его ни одною минутой и брошусь въ воду съ этимъ несчастнымъ сиротою!..» Молодая женщина воспламенялась съ каждымъ словомъ. «Камень у васъ или сердце? Есть ли у васъ отецъ, есть ли мать, сестра или братъ? Не ужели вы ихъ обнимете тѣми же руками, которыми умертвите цѣлое семейство?... Хотите крови, хотите видѣть смерть человѣка—убейте меня!...» Раздражительность молодой женщины дошла до высочайшей степени; глаза ея пылали, лице покрылось не румянцемъ, а багровымъ цвѣтомъ, голосъ дрожалъ, грудь сильно вздымалась.... Офицеръ боялся за нее...

«Успокойтесь!» сказалъ онъ, прерывая рѣчь ея. «Зачѣмъ же вашъ мужъ подвергалъ такой страшной участи себя и свое семейство? Зачѣмъ онъ не оставался спокойно въ своемъ домѣ?»

— «Клянусь вамъ Богомъ, и прошу его, чтобъ онъ на столько былъ милостивъ ко мнѣ и къ этому младенцу, на сколько я говорю правду; клянусь Богомъ, что мужъ мой никогда не думалъ вмѣшиваться въ возстаніе народа! Его принудили, взяли насильно! Ландсманъ пришелъ сюда съ толпою вооруженныхъ, хмѣльныхъ крестьянъ, и какъ ближніе къ пасторату крестьяне не хотѣли вооружиться, то это приписали вину моему мужу его и принудили, идти съ ними, не взирая на мои просьбы и слезы. Ландсманъ врагъ моего мужа, и какъ я ничего не хочу скрывать передъ вами, то скажу, что вражда ихъ происходитъ отъ соперничества. Ландсманъ сватался за мною.... онъ хотѣлъ скомпрометировать моего мужа, и онъ же вѣрно извѣстилъ вашего генерала объ участіи его въ возстаніи.... Мужъ мой не виновенъ; онъ не хотѣлъ сражаться съ Русскими,

не стрѣлялъ въ нихъ, не предводительствовалъ.... онъ былъ между крестьянами, какъ въ плѣну....»

«Ужели все это правда?»

— «Клянусь!» сказала торжественно женщина, поднявъ ребенка и устремивъ глаза къ небу.

«Можете ли вы дать мнѣ честное слово за вашего мужа, что онъ не только не приметъ никакого участія въ войнѣ, но и удалится немедленно въ Швецію? Теперь еще пора. Ваше войско верстахъ въ тридцати отсюда....»

— «Могу дать честное слово и даю его, и притомъ увѣряю васъ, что онъ и безъ того завтра же будетъ въ Шведскомъ войскѣ, и при первомъ случаѣ переѣдетъ въ Швецію.

«И такъ вашего мужа нѣтъ дома?» примолвилъ офицеръ.

Молодая женщина снова опустила гла-

за, и тихо произнесла: «я уже вамъ все сказала....»

«Итакъ, прощайте!» сказалъ офицеръ, взглянувъ въ послѣдній разъ на молодую женщину; но она бросилась къ нему, какъ вступленная, и схвативъ за руку, воскликнула: «постойте! Скажите мнѣ вашу фамилію?»

«Зачѣмъ? Это лишнее!»

—«Нѣтъ, счастье мое, счастье всего нашего семейства будетъ не полное, если мы не будемъ въ состояніи произносить вашего имени при каждой молитвѣ, благословлять васъ! О, скажите, скажите, ради Бога, какъ васъ зовутъ?»

Офицеръ сказалъ свою фамилію.

— «Още одна просьба, прибавила молодая женщина: «возьмите на руки этого младенца, благословите и поцѣлуйте! Это будетъ ему на память и принесетъ счастье!»

Офицеръ взялъ младенца на руки, пе-

рекрестилъ и прижалъ къ сердцу. Мать залилась слезами, и положивъ руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы: «да воздасть вамъ Богъ добромъ, благородный человѣкъ!...» Она не могла долѣе выдержать, и бросилась въ кресла, рыдая....

Офицеръ самъ прослезился, отдалъ ребенка матери молодой женщины, взглянулъ еще разъ на красавицу, еще разъ поцѣловалъ младенца, и вышелъ изъ комнаты.

—«А что, ваше благородіе: вѣдь разбойникъ-то, кажется, дома?» сказалъ унтеръ-офицеръ, ожидавшій развязки въ первой комнатѣ. «Вишь какъ всѣ перетрусили!»

«Нѣтъ, братецъ, я обыскивалъ; ушелъ сегодня къ Шведамъ, да и намъ пора скорѣе убираться въ лагерь, чтобъ не попасть къ нимъ же въ руки. Вели скорѣе садиться на конь!»

Вѣтеръ не переставалъ бушевать, дождь лилъ по прежнему. но офицеру было душно. Кровь его была въ волненіи. Онъ былъ растроганъ и не въ ладахъ въ самомъ собою. Хорошо ли онъ сдѣлалъ или дурно, этого не могъ онъ разрѣшить, потому что увлекся чувствомъ, а не разсудкомъ, повѣривъ на слово женѣ и матери.... Точно ли пасторъ спрятанъ былъ въ шкафъ, къ которому приступъ защищала собаченка? А если пастора тамъ не было? Если пасторъ въ самомъ дѣлѣ не виновенъ и увлеченъ былъ насильно, могъ ли бы онъ это доказать, да и стали ли бы его слушать въ такую пору, когда нуженъ былъ примѣръ строгости; а противъ него было показаніе? Графъ П. М. Каменскій былъ добръ, но онъ былъ скоръ и притомъ выведенъ изъ терпѣнья. Однимъ словомъ онъ могъ рѣшить участь человѣка! Такими мыслями обуреваемъ былъ офицеръ, когда воз-

вратился въ лагерь. Надлежало отдать отчетъ Графу Каменскому.

«Не засталъ дома пастора, Ваше Сіятельство; онъ съ вечера отправился въ Шведскій лагерь.»

— «Быть не можетъ! Мнѣ донесли навѣрное, что онъ дома и до сегодня будетъ ждать отца....»

«Вѣрно донесеніе несправедливо, Ваше Сіятельство! А впрочемъ, жена его увѣряла меня, подъ присягою, что пасторъ вовсе не намѣренъ былъ дѣйствовать противу насъ, но что былъ увлеченъ насильно взбунтованными мужиками, которыми предводительствовалъ врагъ его, Ландсманъ!...»

— «Шашни и сплетни! а вы и повѣрили! Ландсманъ донесъ на пастора; пасторша сваливаетъ вину на Ландсмана — а вы и уши развѣсили!... Вѣрно, пасторша хороша собою?»

Офицеръ молчалъ.

— «Отвѣчайте!»

«Не дурна.»

— «Ну, вотъ и бѣда посылать молодкососовъ!... Извольте идти на гауптвахту.... подъ арестъ!»

Тѣмъ дѣло и кончилось. На другой день выступили въ походъ; чрезъ три дня завязалось сраженіе, и офицеру возвратили саблю.

На возвратномъ пути изъ Улеборга въ Петербургъ, въ Гамлекарлеби офицеру отведена была квартира въ весьма хорошемъ домѣ. Хозяйка была зажиточная и пожилая вдова. Едва офицеръ успѣлъ переодѣться, служанка пришла просить его къ хозяйкѣ, въ гостиную. Офицеръ исполнилъ желаніе хозяйки. Она сидѣла на софѣ, а возлѣ столика, въ креслахъ помѣщались двѣ ея дочери, прекрасныя собою и въ полномъ цвѣтѣ юности. Когда офицеръ вошелъ въ комнату, всѣ встали, и хозяйка подошла къ нему, взяла за руку и

посадила возлѣ себя, на софѣ. Офицеръ замѣтилъ, что дамы были встревожены, и не понималъ причины.

—«Ваша фамилія N, какъ мы узнали отъ вашего слуги?» спросила хозяйка.

«Точно такъ», отвѣчалъ офицеръ, не постигая, къ чему это клонится. Хозяйка взяла офицера за руку, пристально смотрѣла ему въ лице, и сказала съ чувствомъ: «Вы добрый человѣкъ, господинъ N, и мать ваша должна быть счастлива!» Офицеръ все еще не догадывался въ чемъ дѣло, но взглянувъ на дѣвицъ, увидѣлъ, что онѣ утирали слезы.... Онъ смѣшался. Въ двадцать лѣтъ отъ роду сердце воспріимчиво.

«Признаюсь, я не понимаю всего этого!» сказалъ офицеръ.

—«Помните ли пасторшу Луизу N?» сказала хозяйка.

«А, а! Теперь догадываюсь, возразилъ

офицеръ.» Жива ли она, здорова ли; гдѣ мужъ ея?

— На другое же утро, послѣ вашего посѣщенія, они уѣхали изъ пастората, и отсюда, изъ моего дома, отправились на военномъ бригѣ въ Швецію, въ Стокгольмъ. Пасторша моя племянница; она мнѣ *все* рассказала, и мы записали вашу фамилію. Все, что сказала вамъ моя племянница, совершенно справедливо. Мужъ ея точно насильно уведенъ былъ крестьянами, и вовсе не виновенъ. Вы спасли безвишнаго! Когда ваша армія шла впередъ, меня здѣсь не было. Мы боялись Русскихъ, и я уѣхала во внутрь края, съ моими дѣтьми, а еслибъ я была въ городѣ, то непременно отыскала бы васъ. Случай! Нѣтъ, Промыслъ Божій послалъ мнѣ въ постояльцѣ того, кого я жаждала видѣть! Вы возвращаетесь въ отчество — молитвы добрыхъ людей дошли до Бога, и вы вышли изъ войны не-

вредимы!... Вы такъ еще молоды, что можете принять мой совѣтъ: будьте всегда добры, будете всегда счастливы!...» Кажется, въ этихъ словахъ не было ничего трогательнаго, но голосъ, которымъ говорила хозяйка (по-Французски), чувство, которое все смягчаетъ, произвели на офицера сильное впечатлѣніе. Мать и дочери ея плакали отъ умиленія. Какъ ни крѣпился офицеръ, но выронилъ слезу....

—«Сынъ мой служить поручикомъ въ Шведской артиллеріи. Его не было въ Финляндіи; онъ на Норвежской границѣ. Какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ обнять васъ!...»

Хозяйка упросила офицера пребыть въ ея семействѣ все время пребыванія полка въ городѣ. На другой день была дневка. Офицеръ провелъ въ этомъ домѣ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ своей жизни. Къ хозяйскимъ дочерямъ со-

брались на вечеръ подруги. Всѣ обходились съ нимъ, какъ съ другомъ, какъ съ братомъ, откровенно, даже нѣжно. Откровенность дошла до того, что дѣвицы пѣли передъ офицеромъ патріотическія пѣсни и переводили ихъ по-Французски, и наконецъ совѣтовали остаться навсегда въ Финляндіи и сдѣлаться.... Шведомъ! Милыя, добрыя, простодушныя существа!

Въ 1838 году, этотъ самый офицеръ, давно уже инвалидъ, былъ въ Стокгольмѣ. Опъ вздумалъ прогуляться по Финляндіи и Швеціи, единственно изъ любви къ Шведамъ и Финнамъ, потому, что объѣхавъ всю Европу, нигдѣ не нашелъ столько похвальныхъ качествъ, какъ у этихъ двухъ народовъ. Офицеръ имѣлъ при себѣ Дерптскаго студента, сына своего пріятеля. На третій или на четвертый день послѣ пріѣзда, бывшій офицеръ вышелъ рано со двора, обѣдалъ у

Русскаго консула, за городомъ, и поздно возвратился домой. Студентъ сказалъ бывшему офицеру, что приходилъ какой-то Шведъ, человекъ въ цвѣтѣ возраста, пріятной наружности, и спрашивалъ: служилъ ли бывшій офицеръ въ Финляндскую Войну? Студентъ слышалъ во время путешествія рассказы бывшаго офицера о войнѣ и потому отвѣчалъ Шведу утвердительно. На другое утро явился тотъ же самый Шведъ, и послѣ перваго привѣтствія сказалъ бывшему офицеру: «Я давно васъ знаю.... со времени Финляндской Войны.... и почитаю себя счастливымъ, что могу прижать васъ къ сердцу.... Позвольте обнять васъ!» (*).

Они обнялись и поцѣловались.

«Я возвращаю вамъ поцѣлуй, которымъ вы удостоили меня въ первомъ

(*) О пріѣздѣ офицера Шведъ узналъ изъ газетъ.

младенчествѣ.... Помните ли вы пастора N?»

Бывшій офицеръ совершенно забылъ о происшествіи, и тогда только вспомнилъ, когда передъ нимъ произнесли фамилію пастора.

«А вы?»

— Я сынъ его.... тотъ самый младенецъ, котораго мать держала на рукахъ, когда вы вошли въ спальню!

Они снова бросились другъ другу въ объятія. На землѣ есть предвкусіе райскаго блаженства: не въ богатствѣ, не въ чинахъ, не въ знатности.... а въ чувствѣ?...

Молодой человѣкъ сказалъ, что родители его уже въ могилѣ. «Елибъ вы пріѣхали за два года предъ симъ, вы бы еще застали ихъ въ живыхъ! Ахъ, какая была бы радость! Матушка только полгодомъ пережила батюшку.... она умерла съ тоск.... У меня есть сестра, заму-

жемъ въ Готтенбургѣ — и больше у насъ нѣтъ родни здѣсь....»

Я никого не смѣю назвать по фамиліи, потому что есть еще въ Финляндіи родные Ландсмана. Въ честномъ обществѣ, гдѣ сосподствуютъ вѣра и нравственность, дѣла отца озаряютъ свѣтомъ или омрачаютъ дѣтей. Есть у насъ люди, которые живутъ по смыслу стиховъ Державина :

«Мнѣ мигъ спокойства моего
Дороже, чѣмъ въ потомствѣ вѣки!»

Есть люди, которые живутъ по правилу :

«Гори все въ огнѣ,
Будь лишь тепло мнѣ!»

Эти люди, которые думаютъ составить счастье дѣтей, оставляя имъ много денегъ и память своего званія — значе-

нія, полагають, что молчаніе современниковъ перейдетъ и къ потомству, о которомъ они, впрочемъ, не заботятся! Страшная и пагубная ошибка! Съ родовымъ именемъ сопряжены воспоминанія дѣлъ предковъ, и эта изустная исторія переходитъ изъ рода въ родъ, и наконецъ оживаетъ и увѣковѣчивается въ печати. Малюта Скуратовъ, вѣрно, не думалъ, что его имя будетъ синонимомъ злодѣйства, точно также, какъ большіе воры и малые воришки, лихоимцы и надутые нули, презирающіе талантъ и нравственное достоинство человѣка, не воображаютъ, что со временемъ завѣса приподнимется, и ихъ потомки будутъ стыдиться своего паслѣдія: родоваго прозванія!

Покойный Н. А. Полевой, изъ романическаго повѣствованія, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ о рассказанномъ теперь правдиво событіи, составилъ театральную піесу, подъ заглавіемъ: Сол.

датское сердце. Пьеса не имѣла успѣха, хотя и была умно составлена, потому что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Пьесу эту Н. А. Полевой (съ которымъ наши дружескія сношенія уподоблялись барометру) посвятилъ мпѣ. Въ память даровитаго писателя и для взаимности, я назвалъ этотъ рассказъ именемъ его драмы.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

